ЮЖНАЯ КОРЕЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

(1945—1958 гг.)

ЦКИ ИДВ РАН

Издательство
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. К. ВАЙНЦВАЙГ, Г. Ф. КИМ (ответственный редактор),
В. В. ЛЕЗИН, Г. Е. САМСОНОВ, Г. Д. ТЯГАЙ
и *Ф. И. ШАБШИНА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективный труд московских кореeведов «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.)» является попыткой осветить некоторые политические и экономические проблемы южнокорейской действительности.

Авторы стремились разоблачить реакционную сущность лисынмановского марионеточного режима, а также познакомить читателей с освободительной, антиимпериалистической борьбой трудовых масс Юга. Из-за недостатка материалов авторам не удалось дать всесторонний анализ некоторых экономических проблем. Так, например, недостаточно исследован вопрос о частных американских инвестициях в Южной Корее.

В книге использованы в основном источники и литература, изданные в Корейской Народно-Демократической Республике. Это прежде всего решения конференций и съездов Трудовой партии Кореи. В этих документах, особенно в решениях III съезда Трудовой партии Кореи, дан глубокий анализ южнокорейской действительности, намечены основные задачи борьбы широких масс за мирное объединение страны. Ценным материалом явились также труды и выступления руководящих деятелей Трудовой партии Кореи и в первую очередь Ким Ир Сена.

Использованы решения Организации Объединенных Наций по корейскому вопросу и некоторые документы, изданные американской военной администрацией.

Создание книги, правдиво, с марксистских позиций, освещающей положение в Южной Корее после второй мировой войны, приобретает особое значение в связи с тем, что буржуазная американская историография всячески стремится исказить этот вопрос.

Для того чтобы дать читателю общее представление о событиях в Корее после 1945 г., редакционная коллегия сочла необходимым начать с краткого очерка, освещающего в первую очередь исторические события в Северной Корее — базе корейской народно-демократической революции, а также борьбу по корейскому вопросу на международной арене.

Глава I написана *В. В. Лезиным,* глава II — *М. Ханом,* глава III — *С. М. Сергеевым,* глава IV — *Н. К. Вайнцвайгом, В. И. Шипаевым* и *Г. Н. Найденовым,* глава V — *Г. В. Грязно-*

вым, Г. Ф. Кимом и Б. В. Синицыным, глава VI — *И. С. Казакевичем* и *О. С. Сороко,* глава VII — *П. Г. Королевым,* глава VIII — *М. Н. Паком, Д. М. Усатовым* и *Ю. Н. Мазуром,* глава IX — *Ф. И. Шабшиной* и *В. М. Мазуровым,* хроника событий составлена *С. М. Голосовым.*

В главе II использованы материалы *И. В. Андреева.*

В подготовке книги к печати оказали большую помощь *Л. С. Багрянская, В. И. Иванова* и *С. А. Хан.*

Глава I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ КОРЕИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Освобождение Кореи Советской Армией. Закабаление Южной Кореи империалистическими кругами США. Создание и упрочение революционно-демократической базы на Севере

В августе 1945 г. корейский народ был освобожден Советской Армией от многолетнего колониального гнета. В стране началось широкое общенациональное движение за создание демократического корейского государства.

В северной части страны после поражения японского империализма принадлежавшие ранее колонизаторам промышленные предприятия, банки, железнодорожный транспорт, средства связи были взяты под контроль Управлением гражданской администрации при командующем Советскими Вооруженными Силами и тем самым спасены от разрушения японцами и их приспешниками.

Под руководством коммунистов и с помощью командования советских войск население Северной Кореи приступило к восстановлению народного хозяйства.

«Великая Советская Армия, — писал Ким Ир Сен, — находившаяся в северной части нашей республики, протянула корейскому народу руку бескорыстной помощи в деле восстановления заводских предприятий, железнодорожного транспорта, рудников и шахт. Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части нашей республики с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды самостоятельного самоотверженного труда» [1].

В октябре 1945 г. был избран руководящий центр Коммунистической партии Северной Кореи, который направлял деятельность созданных после освобождения общественных организаций — профессиональных союзов, демократической организации молодежи, женской демократической организации, крестьянских

[1] Ким Ир Сен, *К первой годовщине соглашения об экономическом сотрудничестве между Советским Союзом и КНДР* [«Минчжу чосон» (민주조선) 1950, 17 марта].

союзов и т. д. Северокорейский партийный центр оказывал влияние на деятельность патриотических сил не только Северной, но и Южной Кореи, уже оккупированной в то время американскими войсками.

Избранный в феврале 1946 г. на совещании представителей провинциальных и уездных народных комитетов, демократических партий и общественных организаций Северной Кореи Временный народный комитет стал центральным органом народной власти, основанной на союзе рабочих и трудящихся крестьян при руководящей роли рабочего класса. «Эта власть выполняла функции диктатуры народной демократии» [2]. Под руководством Коммунистической партии и Временного народного комитета Северная Корея твердо стала на путь демократического развития.

Совершенно иное положение сложилось в Южной Корее. Вступление на ее территорию 8 сентября 1945 г. оккупационных войск США помешало корейскому народу осуществить демократические преобразования в этой части страны.

Правящие круги США пытались подавить законное стремление народных масс Южной Кореи к созданию единого независимого демократического государства. Начальник американской военной администрации генерал Арнольд 10 октября 1945 г. откровенно заявил, что суверенитет в Южной Корее принадлежит не корейскому народу, а американской военной администрации. Преследуя созданные по инициативе масс в первые же дни после крушения японского колониального господства народные комитеты, оккупационные власти старались сохранить японский колониальный аппарат и поощряли происки реакционных сил.

Однако вопреки этому в Южной Корее продолжали свою деятельность народные комитеты и другие общественные организации. В начале 1946 г. по инициативе коммунистов был создан Демократический национальный фронт Южной Кореи, объединивший ее демократические силы.

Таким образом, сразу после освобождения страны корейский народ во главе с коммунистами поднялся на борьбу за осуществление революционных преобразований во всей стране, за создание нового, народно-демократического строя.

Вопрос о дальнейшем развитии Кореи решался в условиях ожесточенной классовой борьбы внутри страны и внешнеполитической борьбы между миролюбивыми государствами во главе с СССР, с одной стороны, и империалистическими кругами ряда стран во главе с Соединенными Штатами — с другой. Правящие круги США совместно с корейской реакцией, состоящей из помещиков и компрадорской буржуазии, сконцентрировавшихся на юге страны, пытались установить в стране режим, обеспечивающий интересы монополистического капитала США.

[2] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», М., 1957, стр. 14.

Острая борьба по корейскому вопросу развернулась в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии. Проект «решения» корейского вопроса, предложенный государственным секретарем США Бирнсом, предусматривал установление в Корее военно-оккупационного режима, экономическое закабаление ее и превращение в подмандатную территорию. По предложению представителя США Корея должна была находиться сначала под совместным управлением командования американскими и советскими войсками в Корее, а затем под управлением четырех держав — СССР, США, Англии и гоминдановского Китая.

Американский проект предусматривал создание в стране единой администрации во главе с командующими американскими и советскими войсками, которая должна была сосредоточить в своих руках политическое руководство и контроль над всеми отраслями корейской национальной экономики. Корейцев же американский проект ставил в зависимое, бесправное положение. Их предполагалось привлекать к управлению страной лишь как администраторов и консультантов при командующих.

Советская делегация на Московском совещании министров иностранных дел разоблачила истинную суть американского проекта и внесла предложения, отвечающие жизненным интересам корейского народа.

Советский проект предусматривал восстановление Кореи как независимого государства, создание условий для развития страны на демократических началах, скорейшую ликвидацию пагубных последствий длительного колониального господства. В целях осуществления этого проекта предлагалось создать в Корее Временное корейское демократическое правительство, которое приняло бы все необходимые меры, способствующие развитию промышленности, транспорта, сельского хозяйства и национальной культуры корейского народа.

В целях содействия образованию Временного правительства, а также для предварительной разработки соответствующих мероприятий предлагалось создать совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Комиссии рекомендовалось консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, а также с Временным корейским правительством. Предложения комиссии намечалось передавать на совместное рассмотрение правительств США, СССР, Англии и Китая для выработки соглашения четырех держав об опеке над Кореей.

Для рассмотрения срочных вопросов предлагалось проводить каждые две недели совещания представителей американского и советского командования в Корее [3].

[3] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», 1948, стр. 5—7.

В отличие от проекта, предложенного представителем США, в советском проекте считалось обязательным привлечение Временного корейского правительства к решению корейского вопроса. Опека в советском проекте рассматривалась как средство обеспечения национальной независимости Кореи, создания суверенного, демократического государства. При этом в интересах корейского народа советская делегация предложила установить срок опеки до 5 лет (американский проект допускал десятилетний срок опеки).

Таким образом, на Московском совещании выявились две противоположные точки зрения относительно дальнейших путей развития Кореи. В результате острой дипломатической борьбы было заключено соглашение, в основу которого был положен советский проект, с одобрением встреченный всем корейским народом. В городах и деревнях страны состоялись многолюдные митинги под лозунгом поддержки решений Московского совещания.

Американские империалисты и южнокорейская реакция, стремясь сорвать выполнение Московского соглашения, инспирировали в Сеуле «демонстрации протеста». Разжигая антисоветскую истерию, реакция распространяла клеветнические слухи о том, что будто бы установления опеки в Корее добивался Советский Союз, а Соединенные Штаты Америки придерживались противоположной позиции [4].

Возмущенные клеветнической кампанией, развязанной лисынмановцами, народные массы под руководством коммунистов требовали немедленной реализации Московского соглашения. В этих условиях правящие круги США вынуждены были отступить и под давлением народа согласились на участие в работе совместной комиссии. Однако они надеялись заставить комиссию служить их целям и не собирались выполнять решения трех министров иностранных дел по корейскому вопросу.

Это отчетливо проявилось в действиях представителей США на совещании советского и американского командований, созванном в Сеуле в середине января 1946 г. в соответствии с решениями Московского совещания. По вине американской стороны соглашение о товарообороте между искусственно разделенными частями Кореи не было достигнуто. Представители Соединенных Штатов Америки выдвинули совершенно неприемлемые условия и предприняли дальнейшие шаги, направленные к срыву Московского соглашения.

20 января 1946 г. в Сеуле было проведено так называемое подготовительное совещание, целью которого было создать условия для созыва «учредительного собрания» в Южной Корее. В начале февраля вопреки протестам прогрессивных организаций «учредительное собрание» было созвано и даже объявлено

[4] Там же, стр. 8.

«временным корейским парламентом». Одним из организаторов этого «парламента» был ставленник американских империалистов Ли Сын Ман, осенью 1945 г. вернувшийся в Южную Корею из США.

На этот маневр реакции корейский народ ответил усилением борьбы за единство и независимость родины.

Совместная комиссия начала свою работу в Сеуле 20 марта 1946 г. в обстановке успешного осуществления демократических преобразований в Северной Корее и роста национально-освободительного движения в южной части страны. Однако американская сторона препятствовала созданию Временного корейского демократического правительства, старалась изолировать совместную комиссию от демократических сил, привлекала к консультации лишь антинародные, реакционные партии и организации и саботировала советские предложения, направленные на неуклонное выполнение Московского соглашения. Эти действия империалистических кругов США разоблачались советскими представителями в комиссии.

В начале мая 1946 г. по вине США работа комиссии была сорвана. Одновременно американская и лисынмановская реакция развернула клеветническую антисоветскую кампанию, пытаясь обвинить советских представителей в срыве работы комиссии. Военные власти в Южной Корее усилили полицейский террор против членов демократических организаций и в первую очередь против коммунистов.

Но все эти меры лишь усиливали недовольство народных масс Южной Кореи политикой США. Первым крупным выступлением была всеобщая забастовка рабочих Южной Кореи в октябре 1946 г., принявшая во многих городах характер вооруженной борьбы с полицией и американской военщиной. Однако объединенным силам американских оккупантов и южнокорейской реакции удалось подавить октябрьское выступление рабочего класса.

В то время как американские оккупационные власти вели курс на превращение Южной Кореи в военный плацдарм и колониальный придаток США, в Северной Корее закладывались основы народно-демократического государства, создавалась база борьбы корейского народа за независимость и единство страны.

В феврале 1946 г. Коммунистическая партия Северной Кореи выдвинула программу строительства народно-демократической Кореи, известную под названием «20 пунктов политической программы». В ней говорилось, что подлинно демократическое правительство в Корее может быть создано только при условии полной ликвидации наследия прежнего колониального режима, беспощадной борьбы с реакционными и антидемократическими элементами. «20 пунктов политической программы» гарантировали корейскому народу равноправие, свободу слова, печати, собраний, вероисповедания, а также свободу деятельности демокра-

тических партий, профессиональных союзов и других демократических организаций. На основе всеобщих, прямых и равных выборов предлагалось избрать народные комитеты — органы демократической власти на местах. Провозглашались также равные права всех граждан во всех областях политической и экономической жизни. Важнейшими требованиями «20 пунктов» были: национализация крупных предприятий, транспорта, банков, рудников и лесов, конфискация земель, принадлежавших японским колонизаторам, национальным предателям и помещикам, сдававшим землю в аренду, а также ликвидация арендной системы. В соответствии с этой программой конфискованная земля передавалась в собственность крестьянам, а различные ирригационные сооружения объявлялись государственным имуществом.

Программа предлагала осуществить 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих и 6-часовой — для подростков, запретить труд детей до 13 лет, установить минимум заработной платы, ввести страхование жизни рабочих и служащих, а также охрану труда на предприятиях. Далее говорилось о необходимости обязательного обучения народа, проведения реформы народного образования, расширения сети государственных учебных заведений, всемерного развития национальной культуры, науки и техники и т. д. [5].

В соответствии с этой программой были осуществлены демократические преобразования, укрепившие политические и экономические позиции народной власти; Северная Корея стала оплотом корейской революции, опорной базой борьбы корейского народа за объединение родины, за создание суверенного демократического корейского государства.

Одним из коренных преобразований, проведенных в период весны — лета 1946 г., явилась земельная реформа, уничтожившая помещичье землевладение и кабальную арендную систему и создавшая условия для развития производительных сил в деревне. Для того чтобы правильно оценить историческое значение этой реформы, проведенной под руководством коммунистической партии, достаточно привести следующие цифры. Из 1 982 431 чонбо, составлявших посевную площадь Северной Кореи, во владении помещиков до реформы находилось более 58%. Следует учесть, что помещичьи хозяйства составляли лишь 3% всех хозяйств Северной Кореи. Это свидетельствует о том, что ничтожная кучка помещиков владела огромными земельными массивами и жестоко эксплуатировала арендаторов и полуарендаторов, составлявших основную массу крестьянства.

В соответствии с законом об аграрной реформе 724 552 безземельных и малоземельных крестьянских хозяйства получили бесплатно 1 000 325 чонбо земли, принадлежавшей ранее японским колонизаторам, помещикам и национальным предателям. Кроме того, среди крестьян были безвозмездно распределены рабочий скот и сельскохозяйственные постройки, конфискованные у помещиков.

[5] 김일성. 二〇개조 정강을 발표 하면서 조선 인민에게 고함 (一九四六년 三) 二월十三일 조선림시 정부 수립을 앞두고). 선집, 제1권. 평양, 1954, 54페지

Аграрная реформа проводилась в обстановке огромного политического подъема крестьянских масс. В проведении земельной реформы участвовало свыше 80 тыс. крестьян, избранных населением в крестьянские комитеты, численность которых в Северной Корее достигла 11,5 тыс. Рабочий класс оказывал активную помощь при проведении реформы. На работу в деревню были направлены тысячи рабочих-коммунистов.

Земельная реформа явилась подлинно революционным мероприятием. Феодальные пережитки в сельском хозяйстве были ликвидированы, опора корейской реакции подорвана. Земля стала собственностью тех, кто ее обрабатывает. Реформа создала условия для дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства — нерушимой основы народно-демократического строя.

Вслед за ликвидацией феодально-помещичьего землевладения Временный народный комитет законом от 10 августа 1946 г. осуществил другое чрезвычайно важное мероприятие — национализацию важнейших отраслей промышленности, транспорта, связи и банков, принадлежавших ранее японцам и изменникам корейского народа. Все промышленные предприятия, электростанции, шахты, рудники, железные дороги, построенные Японией на территории Кореи для выкачивания ее богатств и вывоза их в Японию, указывалось в законе о национализации, должны принадлежать корейскому народу и использоваться для развития корейского государства и подъема благосостояния трудящихся.

В распоряжение государства перешло более тысячи крупных и средних предприятий. Национализация промышленности и транспорта обеспечила господство государственного сектора в народном хозяйстве Северной Кореи, подорвала основы капиталистической экономики, создала материальные условия для социалистического развития всего народного хозяйства и укрепления народно-демократического строя в Северной Корее.

Резко возросла руководящая роль рабочего класса в политической и хозяйственной жизни страны. «В результате национализации промышленности были полностью ликвидированы экономические позиции японских империалистов и прояпонских элементов, господствующее положение в народном хозяйстве нашей страны занял государственный сектор и установились социалистические производственные отношения» [6].

В июне 1946 г. Временный народный комитет принял закон о труде, в соответствии с которым на предприятиях и в учрежде-

[6] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 14.

ниях был установлен 8-часовой рабочий день (на подземных и вредных работах — 7-часовой). Принятие закона о труде и ряда других демократических законов, подчеркнул Ким Ир Сен в отчетном докладе ЦК Трудовой партии Кореи третьему съезду партии, в корне ликвидировало старые и установило новые, демократические общественные отношения в жизни страны.

Закон о равноправии женщин, принятый 30 июля 1946 г., коренным образом изменил положение корейской женщины, освободил ее от многовекового политического, экономического и бытового неравенства.

Сразу же после освобождения народная власть Северной Кореи приступила к широкому строительству культурных учреждений и школ. В декабре 1946 г. Временный народный комитет принял постановление о реорганизации системы школьного образования. По инициативе народных комитетов развернулась работа по ликвидации неграмотности, подготовке учительских кадров и т. д.

Реакционные элементы упорно сопротивлялись всем демократическим преобразованиям и в первую очередь проведению земельной реформы и национализации промышленности. Они тормозили хозяйственное и культурное развитие страны, пытались дезорганизовать деятельность народных комитетов и патриотических организаций.

В борьбе за демократические преобразования укреплялось единство рабочего класса, усиливался авторитет коммунистической партии. Ярким выражением этого явилось объединение в августе 1946 г. на базе марксизма-ленинизма Коммунистической и близкой ей по целям и задачам Новой народной партий в Трудовую партию Северной Кореи. Сохранив принципы и революционные традиции Коммунистической партии, Трудовая партия возглавила рабочий класс и, объединив вокруг него весь корейский народ, повела его на борьбу за создание единого корейского народно-демократического государства. Программа Трудовой партии Северной Кореи, отражая коренные интересы народа, намечала задачи демократического преобразования всей страны. В ней говорилось, что «Трудовая партия Северной Кореи прежде всего борется:

1. За строительство демократического независимого корейского государства.

2. За создание народной республики и передачу на территории всей Кореи власти народным комитетам, как органам подлинной народной власти...» [7]

Осуществляя свою программу, Трудовая партия Северной Кореи опиралась на действенную поддержку Единого Демократического Национального Фронта Северной Кореи, организационно оформленного в июле 1946 г. В ЕДНФ Северной Кореи

[7] «Чосон чунъан ёнгам» (朝鮮中央年鑑), Пхеньян, 1950, стр. 237.

вошли Трудовая партия Северной Кореи, Демократическая партия Северной Кореи [8], «Чхонундан» (Партия молодых друзей) [9] и 12 прогрессивных общественных организаций, в том числе Объединенный профсоюз Северной Кореи, Крестьянский союз, Демократический женский союз и Союз демократической молодежи. ЕДНФ консолидировал силы политических партий и общественных организаций Северной Кореи. Руководящая роль в этой массовой, выражающей интересы всего корейского народа организации принадлежала Трудовой партии.

Дальнейшим весьма важным шагом в укреплении народно-демократического строя были состоявшиеся в начале ноября 1946 г. выборы в провинциальные, городские и уездные комитеты. Выборы в волостные и сельские народные комитеты состоялись в декабре того же года. В феврале 1947 г. на съезде представителей народных комитетов было избрано Народное собрание — высший законодательный орган власти в Северной Корее, полномочия которого сохранялись вплоть до образования Корейской Народно-Демократической Республики. Высшим органом исполнительной власти стал избранный на съезде Народный комитет Северной Кореи.

Выборы продемонстрировали сплоченность корейского народа вокруг Трудовой партии Северной Кореи, его непреклонную волю к борьбе за единство страны и преданность народно-демократическому строю.

Под руководством Трудовой партии корейский народ, опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза, добился значительных успехов. К началу 1947 г. корейские рабочие восстановили около 800 разрушенных и выведенных из строя японцами предприятий.

Характеризуя итоги этого периода, третий съезд Трудовой партии Кореи в своих решениях отметил, что в северной части страны были завершены задачи антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции, утвердился народно-демократический строй и заложена революционная демократическая база — материальный оплот мирного объединения страны.

Развитие народно-демократической революции в Северной Корее свидетельствует о том, что наряду с антиимпериалистическими и антифеодальными задачами в 1945—1947 гг. в известной мере осуществлялись и задачи социалистические. В этот период рабочий класс под руководством своей партии провел национализацию промышленности, в результате которой госу-

[8] Демократическая партия Северной Кореи образовалась в ноябре 1945 г. преимущественно из зажиточных крестьян, средней и мелкой городской буржуазии.

[9] «Партия молодых друзей» («Чхоиундан») создана в октябре 1945 г. В ее составе главным образом крестьяне, мелкие торговцы и предприниматели.

дарственный сектор стал господствующим в народном хозяйстве страны.

В процессе революции в Северной Корее укреплялся демократический строй.

Народный Комитет Северной Кореи продолжал упорную борьбу за претворение в жизнь революционных задач во всей Корее и наряду с этим, расширяя «достигнутые успехи в деле демократических преобразований в Северной Корее и планово развивая народное хозяйство, вступил на путь выполнения задач периода перехода к социализму» [10].

Под влиянием успехов в развитии экономики и культуры северной части страны еще более активизировалась борьба народа за создание единого корейского народно-демократического государства.

Одним из конкретных проявлений роста политической активности народных масс были их решительные требования возобновить работу Совместной комиссии, единодушное одобрение мероприятий Советского Союза, направленных на мирное демократическое решение корейского вопроса. В результате усилий Советского правительства, активно поддержанных широчайшими слоями корейского населения, после длительного перерыва, 21 мая 1947 г. в Сеуле возобновилась работа Совместной комиссии, но, как показали переговоры, американская сторона попрежнему собиралась использовать ее для осуществления своих планов в Корее.

В целях мирного разрешения корейского вопроса в сентябре 1947 г. Советское правительство предложило одновременно эвакуировать советские и американские войска из Кореи и предоставить тем самым корейскому народу возможность самостоятельно решать свою судьбу. Это предложение, горячо одобренное корейским народом, вызвало тревогу в империалистическом лагере. Правящие круги США, как известно, отклонили его, добившись постановки корейского вопроса на Генеральной Ассамблее ООН; в ноябре 1947 г. при помощи механического большинства они протащили резолюцию о посылке в Корею «комиссии ООН» для «наблюдения за выборами».

Корейский народ единодушно выступил против вмешательства США в его внутреннюю жизнь и ответил на незаконное решение Генеральной Ассамблеи массовыми демонстрациями протеста. Патриотические силы Юга создали «Южнокорейский комитет всеобщей забастовки против комиссии ООН по вопросу о Корее» [11]. 7 февраля 1948 г. этот комитет принял декларацию,

[10] «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», Пхеньян. 1956, стр. 18.

[11] «Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее», т. 1 [«ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 3-я сессия, дополнение № 9 (A/474)], Лейк-Саксес, 1948, стр. 23.

требовавшую прекращения подготовки к сепаратным выборам в Южной Корее. Декларация призывала к созданию народных комитетов, проведению земельной реформы и других революционных преобразований, осуществленных в Северной Корее.

Народная власть Северной Кореи запретила въезд «комиссии ООН» на территорию севернее 38-й параллели.

С целью сплочения патриотических сил, борющихся за создание единого независимого демократического государства, по инициативе Трудовой партии Северной Кореи в апреле 1948 г. в Пхеньяне было созвано Первое объединенное совещание политических партий и общественных организаций Южной и Северной Кореи. Представители 57 партий и крупных общественных организаций, объединявших свыше 10 млн. человек, обратились к правительствам СССР и США с просьбой вывести одновременно свои войска из Кореи и дать возможность корейскому народу «свободно, по своей воле, без иностранного вмешательства провести всеобщие выборы корейского общенационального демократического правительства и создать единое, независимое, демократическое государство...» [12]

Волна народного гнева и возмущения прокатилась по всей стране в связи с отказом правящих кругов США удовлетворить требования корейского народа, сформулированные в обращении Объединенного совещания.

В обстановке террора в мае 1948 г. оккупационные власти США и их южнокорейские пособники организовали выборы в так называемое национальное собрание, в результате которых к власти пришла лисынмановская антинародная клика — агентура монополистического капитала США.

Создание сепаратного антинародного правительства в Южной Корее вело к закреплению раскола страны.

В сложившейся обстановке решающим условием для обеспечения национальной независимости и единства страны было создание Корейской Народно-Демократической Республики.

С этой целью по инициативе Трудовой партии Северной Кореи с 29 июня по 5 июля 1948 г. в Пхеньяне состоялось Второе совещание руководителей политических партий и общественных организаций страны, борющихся за независимость и единство Кореи. Совещание осудило сепаратные, фальсифицированные выборы, организованные южнокорейской реакцией, и приняло решение о проведении демократических выборов в Верховное Народное Собрание Кореи и об образовании единого корейского правительства из представителей обеих частей страны. Участники совещания опубликовали декларацию, в которой требовали немедленного вывода всех иностранных войск из пределов Кореи.

[12] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 87.

Создание Корейской Народно-Демократической Республики. Успехи хозяйственного и культурного строительства (1948—1950 гг.)

Во всей стране развернулась подготовка к выборам в Верховное Народное Собрание.

Несмотря на попытки лисынмановских властей сорвать избирательную кампанию в Южной Корее, в нелегальных условиях там были избраны делегаты на съезд народных представителей, состоявшийся в городе Хэчжу в Северной Корее 21 августа 1948 г.

Характерно, что в выборах делегатов на съезд народных представителей, на котором были избраны представители в верховный орган власти страны от Южной Кореи, участвовало более 77% избирателей Южной Кореи, в то время как в сепаратных террористических выборах «национального собрания» принимало участие не более 30%.

В Северной Корее, где власть принадлежит народу, выборы проходили в торжественной, праздничной обстановке. В них приняли участие 99,97% избирателей. Таким образом, выборы в Верховное Народное Собрание носили общекорейский характер.

2 сентября 1948 г. в Пхеньяне открылась первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР. На повестке дня сессии стояло утверждение Конституции КНДР, выборы Президиума Верховного Народного Собрания, образование правительства КНДР, выборы Верховного суда и др.

Конституция КНДР, принятая Верховным Народным Собранием, отражает самые сокровенные стремления и чаяния широких народных масс.

«Наше государство объявляется Корейской Народно-Демократической Республикой» — гласит статья 1 Конституции. «Власть в Корейской Народно-Демократической Республике, — говорится в статье 2, — принадлежит народу и осуществляется высшим органом его власти — Верховным Народным Собранием при содействии местных органов власти в лице народных комитетов» [13].

Конституцию приняли 572 депутата Собрания, из них 360 представляли население Южной Кореи. Таким образом, Конституция Корейской Народно-Демократической Республики является основным общекорейским законом, закрепившим демократические преобразования на Севере и открывшим путь к осуществлению таких же преобразований на Юге.

Создание КНДР — важный исторический этап в борьбе корейского народа за национальное и социальное освобождение, за укрепление народно-демократического строя. «Образование

[13] «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики», М., 1952, стр. 55.

Корейской Народно-Демократической Республики явилось новым всемирно-историческим событием в борьбе за объединение, независимость и демократическое развитие родины. КНДР стала оплотом свободы и независимости корейского народа» [14].

Образование КНДР имело большое международное значение и свидетельствовало об усилении распада колониальной системы и укреплении позиций социалистического лагеря. Оно нанесло новый серьезный удар по планам американских империалистов на Дальнем Востоке.

9 сентября 1948 г. Верховное Народное Собрание утвердило состав правительства КНДР во главе с Ким Ир Сеном.

Сессия Верховного Народного Собрания КНДР обратилась с просьбой к правительствам США и Советского Союза об одновременной эвакуации из Кореи американских и советских войск. Советское государство удовлетворило эту просьбу (к декабрю 1948 г. советские войска были выведены из Северной Кореи) и выразило надежду, что и правительство США согласится эвакуировать свои войска из Южной Кореи [15].

Однако правительство США отказалось вывести из Южной Кореи свои войска. Этот отказ вызвал новую волну возмущения и протеста народных масс. Население Южной Кореи, несмотря на кровавый террор реакции, продолжало борьбу за национальное единство и установление народной власти во всей Корее.

8 октября 1948 г. Председатель кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сен обратился с письмом к Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину по вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и КНДР. В ответном письме Советского правительства выражалась готовность установить дипломатические и экономические отношения между обеими странами. Вслед за Советским Союзом дипломатические отношения с Корейской Народно-Демократической Республикой установили страны народной демократии Европы и Азии. На международной арене появилось суверенное, миролюбивое корейское государство — активный член социалистического лагеря.

После образования КНДР восстановление и развитие народного хозяйства и культуры в Северной Корее приобрели еще больший размах. Народнохозяйственный план 1948 г., как и 1947 г., был выполнен. О темпах роста промышленного производства можно судить по следующим данным: если принять валовую продукцию промышленности в 1946 г. за 100, то в 1947 г. она составляла 189, в 1948 г.— 263, а в 1949 г.— 371.

В стране была ликвидирована безработица, создавались новые кадры квалифицированных рабочих и специалистов. В начале 1948 г. число специалистов по сравнению с 1946 г. увеличи-

[14] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 16.
[15] «Советский Союз и корейский вопрос (Документы)», стр. 101.

лось на 168,8%, а число квалифицированных рабочих — на 891,6% [16].

Большие успехи были достигнуты в области сельского хозяйства. Посевные площади в 1948 г. по сравнению с 1945 г. увеличились более чем на 10%. Валовой сбор зерновых культур в 1949 г., несмотря на засуху, был вполне удовлетворительным.

Быстрыми темпами развивалось культурное, в частности школьное, строительство. В 1949 г. начальных школ на севере страны было в 1,8 раза больше, чем в 1944 г., число учащихся в них увеличилось в 1,7 раза. В 20 раз увеличилось количество неполных средних школ, а число учащихся — в 23 раза. Количество технических учебных заведений увеличилось в 12, а число обучающихся — в 10 раз. В период японского колониального режима в Северной Корее не было ни одного высшего учебного заведения. К 1949 г. было создано 15 высших учебных заведений, в том числе университет имени Ким Ир Сена в Пхеньяне [17].

Однако тяжелые последствия колониального господства в промышленности и феодальные пережитки в сельском хозяйстве еще не были полностью ликвидированы. В начале 1949 г. вторая сессия Верховного Народного Собрания КНДР приняла двухлетний план, предусматривавший повышение уровня производства важнейших отраслей народного хозяйства, реконструкцию отдельных отраслей промышленности, а также подъем материальной и культурной жизни населения и дальнейший прогресс в области просвещения, культуры и здравоохранения.

Особое внимание в двухлетнем плане уделялось развитию тяжелой промышленности и прежде всего машиностроению. Двухлетний план предусматривал также значительное развитие легкой промышленности. Производительность труда должна была возрасти в 1950 г. по сравнению с 1948 г. на 38,2%, а себестоимость продукции предполагалось в течение этого периода снизить на 36,3%.

Двухлетний план ставил перед сельским хозяйством следующие задачи: увеличить посевы риса в 1950 г. по сравнению с 1946 г. на 21,5%, посевы технических культур — на 40,7%. Серьезные сдвиги предусматривались и в других отраслях экономики.

В 1949—1950 гг. в Северной Корее были организованы первые государственные земледельческие хозяйства и машинопрокатные станции. Создавались условия для дальнейшего развития социалистической перестройки производительных сил в деревне.

---

[16] Ф. И. Шабшина, *Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.)*, М., 1958, стр. 172.

[17] «За прочный мир, за народную демократию!», 1950, 30 июня.

Трудящиеся КНДР, вдохновленные грандиозными задачами хозяйственного строительства, самоотверженно претворяли их в жизнь. Успешное выполнение двухлетнего плана, увеличение удельного веса государственного и кооперативного секторов в общем объеме промышленного производства за 1946—1949 гг. видно из табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес государственного, кооперативного и частного секторов в промышленности Северной Кореи в период 1946—1949 гг. (в %)

Наименование секторов	1946 г.	1949 г.
Государственный . . .	72,4	85,5
Кооперативный	—	5,2
Частный	27,6	9,3

Таким образом, в 1949 г. государственный сектор стал решающим в промышленности, а удельный вес частного сектора уменьшился в три раза по сравнению с 1946 г. Появление кооперативного сектора свидетельствовало о возникновении новой формы собственности в Северной Корее.

Социалистический уклад, опирающийся на государственный и кооперативный секторы народного хозяйства, стал ведущим, определяющим в экономике республики.

«Эти успехи стали возможны, — указывает Ким Ир Сен, — во-первых, потому, что великий советский народ освободил нашу страну от господства японских колонизаторов.

Во-вторых, потому, что народно-демократический строй, установленный в северной части страны, и проведенные нами демократические преобразования полностью соответствуют интересам нашего народа и обеспечивают успешное демократическое развитие нашей родины.

В-третьих, потому, что наше правительство поддерживается народом, сплотившимся вокруг Единого демократического отечественного фронта, цементирующей и ведущей силой которого является Трудовая партия — самая мощная партия в Корее, пользующаяся доверием широких народных масс.

В-четвертых, потому, что мы в своей работе опирались на богатейший опыт Советского Союза и стран народной демократии» [18].

Опираясь на успехи, достигнутые в результате производственного соревнования, которым было охвачено около 300 тыс. рабо-

---

[18] «За прочный мир, за народную демократию!», 1950, 30 июня.

чих, и учитывая наличие неиспользованных резервов, правительство КНДР в феврале 1950 г. пересмотрело и увеличило план развития промышленности.

Большую помощь в развитии экономики КНДР оказывал Советский Союз, исходивший в своих действиях из марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма. О новых, социалистических отношениях между СССР и КНДР свидетельствовали, в частности, переговоры, происходившие в Москве с 3 по 20 марта 1949 г. В результате этих переговоров были подписаны: соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, предусматривавшее дальнейшее развитие и укрепление экономических и культурных связей между СССР и КНДР; соглашение о товарообороте и платежах между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой, в соответствии с которым значительно увеличивался товарооборот в 1949 и 1950 гг.; соглашение о предоставлении Корее кредита для оплаты товаров, поставляемых сверх соглашения о товарообороте, а также соглашение о технической помощи [19].

Эти соглашения открыли широкие возможности экономического сотрудничества между СССР и КНДР. Они помогли корейским трудящимся успешно выполнить народнохозяйственный план 1949 г. и первого полугодия 1950 г.

Укрепление народно-демократического строя вдохновляло весь корейский народ на еще более активную борьбу за мирное объединение страны, за осуществление революционных преобразований в Южной Корее. Корейская и империалистическая реакция жестоко подавляла любое сопротивление колонизаторскому режиму и усиливала репрессии против патриотических элементов. Американские монополии навязали лисынмановскому правительству ряд соглашений, превращавших юг Кореи в военный плацдарм и колониальный придаток США. Одновременно они лихорадочно готовили войну против КНДР.

По указанию США южнокорейские власти летом 1949 г. усилили наступление на демократические силы. Во второй половине июля 1949 г. посол США в Южной Корее Муччо и американский генерал Робертс дали следующее указание марионеточному правительству: в целях предотвращения внутреннего разброда необходимо произвести массовые аресты антиправительственных элементов, членов Трудовой партии Южной Кореи и строго соблюдать «закон о государственной безопасности».

Для организации подрывной деятельности лисынмановские власти направляли в Северную Корею большие группы шпионов и диверсантов. 6 апреля 1949 г. посол правительства Южной Кореи в США Чан Мен сообщил Ли Сын Ману, что генерал Ведемейер предложил «отправить в Северную Корею хорошо

[19] «Правда», 1949, 21 марта.

обученных, надежных и компетентных людей, чтобы сеять недоверие к коммунистическому строю и народному правительству» [20].

Планы тайной войны против КНДР предусматривали убийство руководителей Трудовой партии, правительства и народной армии, заражение рек, водохранилищ с целью массового истребления населения, создание во многих районах Северной Кореи шпионских гнезд и т. д. Незадолго перед войной демократическая партия Южной Кореи создала «Комитет по работе с партиями Северной Кореи» [21]. Все это свидетельствует о том, каких крупных масштабов достигла подготовка войны против КНДР.

Однако нападение на Северную Корею летом 1949 г. не состоялось. Одной из причин, заставивших правящие круги США и лисынмановцев отложить его на некоторое время, была недостаточная подготовленность южнокорейской марионеточной армии, проявившаяся, в частности, в провале крупных военных операций против партизан в июле — августе 1949 г. Кроме того, правящие круги Южной Кореи сдерживали непрочность тыла и широкое движение за мирное объединение страны, в котором участвовали самые различные слои корейского народа.

В сложившейся обстановке с особой остротой ощущалась необходимость в новых решающих мерах по укреплению единства всех патриотических сил Кореи. Важнейшим шагом для консолидации сил рабочего класса Кореи явилось слияние в июне 1949 г. Трудовых партий Севера и Юга в единую Трудовую партию Кореи (ТПК).

Создание единой общекорейской Трудовой партии способствовало укреплению ее рядов и сплочению вокруг нее всех патриотических сил нации, выступающих за единую, независимую, демократическую Корею. Политика единого фронта, последовательно проводимая Трудовой партией Северной Кореи, привела к образованию в конце июня 1949 г. Единого Демократического Отечественного Фронта (ЕДОФ) Кореи.

Программа ЕДОФ, принятая на учредительном съезде, основными задачами провозглашала борьбу за независимость и мирное объединение страны, за немедленный вывод из Южной Кореи американских войск и удаление «комиссии ООН». Программа, в частности, призывала оказывать поддержку правительству КНДР, закреплять демократические преобразования, осуществленные в Северной Корее, и бороться за проведение их на территории всей страны; бороться за восстановление и легализацию в Южной Корее органов народного самоуправления, за проведение там демократической земельной реформы и национализа-

[20] «Documents and materials exposing the instigators of the civil war in Korea», Phegyan, 1950, p. 172.

[21] Демократическая партия Южной Кореи — одна из реакционных южнокорейских партий. Перед созданным ею комитетом была поставлена задача внести разложение в прогрессивные партии и организации Северной Кореи.

ции бывшей японской промышленности, за прекращение террора. Программа ЕДОФ предусматривала укрепление дружественных отношений с Советским Союзом, странами народной демократии и всеми миролюбивыми государствами, усиление международного сотрудничества в борьбе за мир, против развязывания новой войны. Учредительный съезд ЕДОФ принял декларацию, наметившую конкретные пути мирного объединения Кореи. Декларация встретила горячее одобрение широких масс населения всей страны.

Создание Единого Демократического Отечественного Фронта Кореи, возглавляемого Трудовой партией, вызвало новый подъем борьбы народных масс за мирное объединение Кореи на демократических началах.

Эта борьба корейского народа проходила в обстановке непрерывного укрепления социалистической и ослабления капиталистической систем. Соотношение двух систем в Азии так же как и во всем мире, складывалось весьма благоприятно для корейского народа. Новым сокрушающим ударом по позициям империализма на Дальнем Востоке явилась победа китайской народной революции и образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 г.

Вместе с тем империалистические круги США, потерпев поражение в Китае, стали придавать еще большее значение корейскому плацдарму. Войной против КНДР они надеялись подавить национально-освободительную борьбу корейского народа, «открыть ворота в Китай» и таким образом создать угрозу для других народов Азии, борющихся за свою национальную независимость.

Начало 1950 г. ознаменовалось дальнейшей консолидацией корейских патриотических сил. Под руководством Трудовой партии укреплялся Единый Демократический Отечественный Фронт, развивалось народно-демократическое государство в Северной Корее. Его успехи оказывали огромное влияние на подъем освободительного движения на Юге, расшатывали позиции лисынмановского режима.

В такой обстановке южнокорейское правительство ускорило подготовку к войне. 12 мая 1950 г. оно ввело чрезвычайное положение. За этим последовал новый маневр, имевший целью отвлечь внимание трудящихся от борьбы за свободу и независимость и вместе с тем обеспечить поддержку Ли Сын Ману и его клике. При помощи «комиссии ООН по Корее» было инспирировано проведение очередных выборов в «национальное собрание».

Разоблачая происки агрессоров, Трудовая партия и правительство КНДР делали все необходимое для того, чтобы предотвратить войну и изыскать пути к мирному объединению страны. Однако неоднократные предложения приступить к переговорам по вопросу об объединении страны отвергались южнокорейскими реакционерами.

В ответ на эти миролюбивые предложения правительство Ли Сын Мана перешло к открытым актам агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики.

Отечественная освободительная война корейского народа. Борьба демократических сил за мирное урегулирование корейского вопроса (1950—1953 гг.)

25 июня 1950 г. южнокорейские войска вторглись на территорию КНДР. 27 июня, воспользовавшись отсутствием в Совете Безопасности представителей СССР и КНР и нарушив Устав ООН, США протащили незаконную резолюцию, санкционировавшую агрессию против КНДР. В этой резолюции Корейская Народно-Демократическая Республика обвинялась в развязывании войны против Южной Кореи. Далее рекомендовалось, чтобы «члены Организации Объединенных Наций предоставили Корейской республике (имеется в виду лисынмановский полицейский режим.— *Ред.*) такую помощь, какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе» [22].

Так под флагом ООН США развязали войну против Корейской Народно-Демократической Республики.

«Начинайте агрессию против Севера и одновременно ведите контрпропаганду, что Север первым вторгся на Юг. Если вы сможете продержаться хотя бы две недели, дальше все пойдет гладко, ибо за это время США, обвинив Северную Корею в нападении на Южную Корею, заставят Объединенные Нации действовать и их именем будут мобилизованы сухопутные, морские и воздушные силы» [23]. Такие указания давал госдепартамент США своей южнокорейской агентуре. Факты свидетельствуют о том, что события развивались в соответствии с этими директивами.

Корейская Народно-Демократическая Республика была вынуждена прервать мирное строительство. Весь корейский народ во главе с Трудовой партией поднялся на Отечественную освободительную войну. Движимая стремлением защитить свободу и независимость родины, Народная армия отразила атаки южнокорейских войск и перешла в контрнаступление. Вооруженные силы корейской реакции и весь лисынмановский режим оказались перед угрозой полного краха, и только открытая вооруженная интервенция США предотвратила его окончательную ликвидацию.

Через два дня после начала войны Трумэн объявил о том, что им отдан приказ о вторжении американских войск в Корею

[22] «Правда», 1950, 29 июня.

[23] «Documents and materials exposing the instigators of the civil war in Korea», p. 121, 122.

и оккупации китайского острова Тайвань. Уже 26 июня американская авиация бомбардировала мирные города и деревни КНДР.

Вооруженные силы США и других стран, участвовавшие в агрессии против КНДР, стали именоваться «войсками ООН».

Американские дивизии, вторгшиеся в Корею, не смогли изменить положения на фронте. Народная армия, нанеся им тяжелые потери, отбросила их на юг к Пусану. Во всех странах мира росло и ширилось движение за прекращение войны, за мирное урегулирование корейского вопроса.

Вооруженные силы США, терпевшие военное и политическое поражение, разрушали города и села, истребляли мирное население[24], пытаясь покорить корейский народ, запугать народы Азии, поднявшиеся на борьбу против империалистических угнетателей, и нанести удар всему национально-освободительному движению на Востоке. Однако расчеты империалистов не оправдались. Вдохновленный идеей защиты отечества, поддержкой и сочувствием социалистических стран и всех миролюбивых сил мира, корейский народ еще теснее сплотился вокруг Трудовой партии и под ее руководством самоотверженно защищал свободу и независимость родины.

Лучшие кадры партии влились в Народную армию, показывая образцы героизма и мужества.

Народная армия Кореи в борьбе против сильного и коварного врага — американского империализма выросла, окрепла и стала мощной вооруженной силой, проникнутой высокой революционной сознательностью.

Весь корейский народ оказывал ей поддержку.

Деятельность предприятий и учреждений была переключена на обслуживание фронта.

Трудящиеся КНДР, невзирая на бомбардировки американской авиации, обеспечивали Народную армию всем необходимым для достижения победы над агрессором. Рабочий класс успешно эвакуировав в безопасные места военные заводы, быстро возобновил их работу. На рудниках, шахтах и заводах рабочие выполняли и перевыполняли нормы. Железнодорожники, несмотря на бомбардировки и обстрелы, своевременно доставляли военные грузы на фронт. В тяжелых условиях войны мужественно трудились крестьяне, снабжая промышленность, армию и трудящихся тыловых городов сырьем и продовольствием.

Самоотверженно выполняла свой долг перед родиной преданная делу Республики интеллигенция. В освобожденных районах

[24] По далеко не полным данным, в результате варварских бомбардировок интервенты в первые же месяцы разрушили свыше 600 тыс. промышленных предприятий, шахт, школ, больниц и жилых домов. Общий ущерб, нанесенный Северной Корее за время войны, по неполным данным, исчислялся более чем в 420 млрд. вон. За это же время агрессоры уничтожили более 1 млн. мирных жителей [«Нодон синмун» (로동신문). 1954, 22 апреля].

Южной Кореи восстанавливались народные комитеты. Во многих уездах, волостях и селах с огромным политическим подъемом прошли выборы в провинциальные, уездные, волостные и сельские, народные комитеты.

В результате аграрной реформы около 1200 тыс. батраков малоземельных и безземельных крестьян Южной Кореи бесплатно получили 520 тыс. чонбо земли, принадлежавшей лисынмановскому правительству и помещикам. Был также введен закон о труде, защищающий интересы рабочих и служащих Южной Кореи[25].

В середине сентября 1950 г. интервенты, стянув крупные силы и перейдя в наступление, вторглись в пределы Северной Кореи и в отдельных местах вышли к границам Китайской Народной Республики.

Правительство КНР неоднократно предупреждало агрессоров о том, что их действия создают непосредственную угрозу Китаю. Однако эти предупреждения не были приняты во внимание правящими кругами США. Угроза, нависшая над северо-восточными районами Китая после вторжения войск США в Северную Корею, подняла на защиту безопасности отечества весь китайский народ. В стране развернулось массовое патриотическое движение, создавались добровольческие отряды для оказания вооруженной помощи корейскому народу в его борьбе против американских интервентов и обеспечения безопасности рубежей КНДР. В конце октября 1950 г. китайские добровольческие отряды вступили на территорию КНДР и вместе с корейской Народной армией в первых же боях нанесли серьезные удары войскам захватчиков.

В последних числах ноября 1950 г. — в период нового успешного контрнаступления Корейской Народной армии и китайских народных добровольцев — представитель КНР, присутствовавший на заседании Совета Безопасности, внес предложение о мирном урегулировании корейского вопроса и выводе из Кореи всех иностранных войск, которое, однако, было отвергнуто США. Более того, 1 февраля 1951 г., вновь прибегнув к машине голосования, США добились принятия Генеральной Ассамблеей незаконной резолюции, клеветнически обвинявшей Китай в «агрессии».

Однако в результате серьезного морально-политического поражения и военных неудач правительство США было вынуждено принять предложение представителя Советского Союза в ООН о начале переговоров по корейскому вопросу.

10 июля 1951 г. в Кэсоне начались переговоры о перемирии, продолжавшиеся до 23 августа. Но правящие круги США ни разу не проявляли искреннего стремления к прекращению вой-

[25] «Корейская Народно-Демократическая Республика», Пхеньян, 1958, стр. 100.

ны. Тактика представителей американского командования со всей очевидностью говорила о том, что они хотят затянуть, а затем сорвать переговоры. Американская военщина подвергала бомбардировкам район переговоров, выдвигала заведомо неприемлемые требования, совершала массовые налеты авиации на мирные города и села КНДР. Интервенты дважды предпринимали крупные наступления, которые, однако, закончились неудачей. В октябре 1951 г. империалисты США вынуждены были возобновить переговоры, прерванные накануне августовского наступления. Но «Командование Объединенных Наций», как и прежде, не имело намерения действительно прекратить войну в Корее.

На VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в ноябре 1951 г., советская делегация внесла ряд конкретных предложений, направленных на незамедлительное прекращение военных действий в Корее. Прежде всего предлагалось заключить перемирие, отвести войска, участвовавшие в войне, от 38-й параллели и в трехмесячный срок эвакуировать из Кореи иностранные войска. Однако правящие круги США и их сателлиты отказались принять миролюбивые предложения Советского Союза.

8 октября 1952 г., накануне открытия VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, американская делегация вновь сорвала переговоры о перемирии в Паньмыньчжоне. Таким способом правящие круги США пытались воздействовать на ход обсуждения корейского вопроса в ООН. Делегация США стремилась использовать механическое большинство в ООН для принятия угодных ей резолюций.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи, открывшейся 14 октября 1952 г., представитель СССР внес новый проект резолюции, принятие которого способствовало бы прекращению войны и мирному объединению Кореи.

Советские предложения были поддержаны всей прогрессивной общественностью мира и прежде всего корейским народом. Но США добились отклонения проекта Советского Союза и протащили выгодный им проект резолюции.

Движение за прекращение войны в Корее приобрело еще больший размах. В связи с этим правящие круги США не могли отклонить предложение КНР и КНДР о возобновлении переговоров. От имени правительств КНР и КНДР министр иностранных дел КНР Чжоу Энь-лай предложил, чтобы немедленно после прекращения военных действий обе стороны дали согласие на репатриацию военнопленных, которые на этом настаивают; остальных военнопленных надлежало передать нейтральному государству. Советское правительство выразило свою солидарность с предложениями правительств КНР и КНДР.

В конце апреля 1953 г. переговоры в Паньмыньчжоне возобновились. 8 июня был решен вопрос о репатриации военнопленных и подписано соглашение о компетенции комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств. Это соглашение рассматривалось всеми миролюбивыми народами как первый шаг к ослаблению напряженности в международных отношениях. Во многих странах, в том числе и в США, прошли многолюдные митинги и демонстрации, приветствовавшие это соглашение.

Между тем империалистические круги США и лисынмановцы стремились сорвать мирное решение корейского вопроса. В то время, когда заканчивалась подготовка к подписанию соглашения о перемирии, лисынмановские власти под видом «освобождения» лишили возможности возвратиться на родину почти 27 тыс. военнопленных. Однако серьезное военное и политическое поражение интервентов, требования сотен миллионов простых людей прекратить войну в Корее заставили США пойти на перемирие. 27 июля 1953 г. соглашение о перемирии было подписано.

Все прогрессивное человечество с глубоким удовлетворением встретило эту победу корейского народа и пришедших ему на помощь китайских добровольцев. Она свидетельствовала о том, что агрессоры бессильны покорить народы, поднявшиеся на борьбу за национальную независимость и свободу. Она показала, что в своей справедливой войне против империализма борцы за свободу и независимость не одиноки и опираются на мощную поддержку стран социалистического лагеря, всех демократических сил мира.

Борьба Трудовой партии за мирное объединение Кореи, за восстановление и развитие народного хозяйства (1953—1958 гг.)

Подписав соглашение о перемирии, США не отказались от намерения и впредь использовать Южную Корею как военный плацдарм, создавая тем самым постоянную угрозу миру. 27 июля 1953 г., в день вступления в силу соглашения о перемирии, была подписана декларация 16 государств — участников интервенции в Корее, предусматривавшая возможность возобновления войны. В соответствии с этой декларацией любая лисынмановская провокация могла быть использована как предлог для развязывания войны против КНДР и других стран Дальнего Востока, в первую очередь против Китайской Народной Республики.

В прямой связи с этим документом находится заключенный 1 октября 1953 г. между правительством США и лисынмановскими властями договор «о взаимной безопасности». Китайская пресса справедливо назвала его бомбой замедленного действия на пути к мирному решению корейской проблемы.

Декларация 16 государств и договор «о взаимной безопасности» вызвали возмущение корейского народа и всей международной общественности, которые рассматривали эти документы как новую попытку воспрепятствовать мирному объединению Кореи. Выступление делегации США на VII сессии Генеральной Ассамблеи осенью 1953 г. свидетельствовало о нежелании американских правящих кругов содействовать мирному разрешению корейского вопроса. Они возражали против советского предложения, предусматривавшего участие в предстоящей политической конференции [26] не только представителей двух воевавших в Корее сторон, но и представителей других государств, заинтересованных в мирном разрешении корейского вопроса. Это предложение, поддержанное КНР и КНДР, вновь открывало возможность демократического решения корейского вопроса и установления мира в Азии. Но такая перспектива не устраивала США и их союзников. В связи с этим появился проект резолюции 15 стран англо-американского блока, предлагавший организовать политическую конференцию только на основе представительства воюющих сторон, без участия заинтересованных в урегулировании этого вопроса нейтральных стран.

Механическое большинство VIII сессии Генеральной Ассамблеи отклонило предложение Советского Союза о составе политической конференции и тем самым еще раз показало, что оно не желает считаться с требованиями народов об окончательном урегулировании корейского вопроса. Хотя под давлением мирового общественного мнения соглашение о перемирии и было заключено, тем не менее США систематически нарушали условия этого соглашения, срывали репатриацию военнопленных.

Между тем Советский Союз продолжал последовательную борьбу за суверенитет и свободу Кореи. Его благородную политику единодушно поддерживали все миролюбивые страны. По инициативе Советского Союза летом 1954 г. корейский вопрос был поставлен на обсуждение Совещания министров иностранных дел в Женеве, на котором делегация КНДР внесла предложение о проведении общекорейских выборов в Национальное собрание. Предусматривалось создание комиссии из представителей Южной и Северной Кореи для подготовки выборов, а также эвакуация всех иностранных войск с территории Кореи в шестимесячный срок.

Реализация предложений КНДР позволила бы корейцам без вмешательства других государств самостоятельно урегулировать свои внутренние дела. Советский Союз и КНР поддержали предложения корейской делегации. Однако правящие круги западных

[26] Создание политической конференции предусматривалось соглашением о перемирии в целях урегулирования вопросов относительно эвакуации иностранных вооруженных сил из Кореи и мирного решения корейского вопроса.

держав не только отклонили предложение КНДР, но и сорвали обсуждение корейского вопроса на Женевском совещании.

После совещания в Женеве борьба демократических сил за единство страны стала еще более острой. Корейский народ требовал предоставить возможность ему самому решить вопрос о мирном объединении родины. Осенью 1954 г. трудящиеся с удовлетворением восприняли обращение восьмой сессии Верховного Народного Собрания КНДР к народу, в котором предлагалось для обсуждения вопроса о мирном объединении созвать в Пхеньяне или Сеуле представителей различных политических партий, общественных организаций Юга и Севера Кореи или провести совместное заседание Верховного Народного Собрания КНДР и «национального собрания» Южной Кореи. С этой целью предлагалось провести в Паньмыньчжоне совещание делегатов обеих частей страны, на котором предварительно обсудить организационные вопросы, а также вопросы, связанные с установлением экономических и культурных связей между Севером и Югом. Но лисынмановцы, отнюдь не желавшие объединения страны и ухода американских войск из Южной Кореи, отвергли эту новую мирную инициативу КНДР.

Стремление корейского народа к укреплению мира и к образованию единого независимого государства нашло свое выражение и в декларации девятой сессии Верховного Собрания КНДР (март 1955 г.), предлагавшей сократить численность вооруженных сил как Северной, так и Южной Кореи до 100 тыс. человек. Развернутая программа мирного объединения страны была выдвинута в докладе председателя кабинета министров КНДР Ким Ир Сена, посвященном десятилетию со дня освобождения Кореи. Вновь предлагалось обсудить вопрос об объединении страны на совместной встрече представителей Севера и Юга и образовать единое центральное демократическое корейское правительство на основе свободного волеизъявления народа. Предложения правительства КНДР, сформулированные в этом докладе, были одобрены миролюбивыми силами всего мира.

В ответ на предложения о мирном объединении страны южнокорейские власти подготавливали новые провокации против КНДР. В этом отношении весьма показательны многочисленные заявления Ли Сын Мана, направленные на срыв перемирия. Так, 5 августа 1955 г. он предъявил категорическое требование об эвакуации из Южной Кореи до 13 августа инспекционных групп нейтральной комиссии, которая была создана для наблюдения за выполнением условий перемирия. При этом Ли Сын Ман демонстративно заявил, что правительство Южной Кореи не считает для себя обязательным выполнять эти условия. Это заявление Ли Сын Мана послужило сигналом для незаконных действий южнокорейских реакционеров, ожидавших удобного момента, чтобы воспрепятствовать деятельности комиссии. Они блокировали ее наблюдательный пункт в районе Инчхона и ме-

шали нормальной деятельности инспекционных групп. Совершенно ясно, что южнокорейские власти осмелились открыто выступить против соглашения о перемирии не без санкции США.

Вместе с тем обсуждение корейского вопроса на X, XI и XII сессиях Генеральной Ассамблеи в 1955—1958 гг. не привело ни к каким результатам.

Правящие круги США на X сессии Генеральной Ассамблеи в 1955 г. при помощи механического большинства добились приглашения на сессию для участия в обсуждении корейского вопроса представителя лисынмановского правительства, отказав правительству КНДР в его просьбе об участии в обсуждении корейского вопроса. Более того, они выступили с клеветническим заявлением о том, что правительство КНДР якобы против свободных выборов, хотя именно правительство КНДР предлагало провести свободные выборы, а также продолжить работу комиссии по наблюдению за перемирием. На XI сессии в марте 1957 г. Политический комитет под давлением делегации США протащил резолюцию, рекомендовавшую принять Южную Корею в члены ООН. Однако окончательного решения по этому вопросу добиться не удалось: после того как представители западных держав во главе с США 9 ноября 1957 г. отклонили предложение представителя Советского Союза об одновременном приеме в ООН КНДР и Южной Кореи, представитель СССР воспользовался правом вето в Совете Безопасности и американский проект об одностороннем приеме в ООН Южной Кореи не был принят [27].

На XII сессии Генеральной Ассамблеи в ноябре 1957 г. делегация США, игнорируя возражения ряда стран и прежде всего Советского Союза, все же добилась одностороннего приглашения Южной Кореи в ООН, одновременно отказавшись от организации политической конференции. Таким образом, по вине правящих кругов США Генеральная Ассамблея до сих пор не приняла демократического решения по корейскому вопросу.

Огромное значение для борьбы за объединение Кореи на мирных и демократических началах имеет декларация «За мирное объединение Родины», принятая в 1956 г. III съездом Трудовой партии Кореи. В ней подчеркивалось, что достигнутое в Корее перемирие должно быть превращено в прочный мир, что необходимо устранить вмешательство США, вызвавшее искусственное расчленение страны, что все иностранные войска должны быть эвакуированы с территории Кореи. Декларация выражала надежду, что для мирного разрешения корейского вопроса будет созвано международное совещание заинтересованных государств при участии правительств Северной и Южной Кореи.

Важным шагом в борьбе за мирное объединение страны, новым вкладом в дело мира в Азии и во всем мире явилось решение правительства КНДР об одностороннем сокращении численности своих вооруженных сил на 80 тыс. человек, реализованное в августе 1956 г. 5 февраля 1958 г. правительство КНДР вновь выступило с предложением об одновременном выводе всех иностранных войск из Кореи, мирном объединении страны и проведении после этого свободных выборов под наблюдением представителей нейтральных стран. Предлагалось также сократить до минимума вооруженные силы как Северной, так и Южной Кореи и организовать консультации по вопросам установления экономических и культурных связей между Севером и Югом.

Предложение правительства КНДР от 5 февраля 1958 г. было одобрено правительством Китайской Народной Республики, которое выразило готовность обсудить вопрос о выводе из Кореи китайских народных добровольцев. 19 февраля правительства КНР и КНДР опубликовали совместное заявление, в котором сообщили, что китайские народные добровольцы будут выведены из Кореи до конца 1958 г.

Советское правительство, искренне заинтересованное в упрочении мира на Дальнем Востоке, отметило, что китайско-корейское заявление открывает новые возможности для решения корейского вопроса в интересах укрепления мира и ликвидации очага военной опасности в этом районе.

Одновременно в заявлении Советского правительства была выражена надежда, что правительства США и других государств, войска которых находятся в Южной Корее, с должным вниманием отнесутся к инициативе правительств КНДР и КНР, выведут свои войска из Южной Кореи и тем самым будут содействовать укреплению мира и созданию предпосылок для восстановления национального единства Кореи [28].

Китайское правительство выполнило свое обещание. До 26 октября 1958 г. оно завершило эвакуацию китайских добровольцев из пределов КНДР. Как известно, правящие круги США не сочли нужным последовать этой миролюбивой акции народного Китая.

Опираясь на революционно-демократическую базу, созданную на Севере, на помощь СССР, КНР и других стран социалистического лагеря, на поддержку всех свободолюбивых сил мира, корейский народ продолжает последовательную борьбу за мирное объединение страны. «Никакие агрессивные происки американских империалистов не остановят движения корейского народа к мирному объединению своей Родины», — заявил Ким Ир Сен на митинге, посвященном проводам китайских народных добровольцев [29].

---

[27] «Доклад Совета Безопасности на Генеральной Ассамблее за период с 16 июня 1957 г. по 15 июля 1958 г.» [«ООН, Генеральная Ассамблея, Официальные отчеты», дополнение № 2 (CA3901), Нью-Йорк, 1958], стр. 63.

[28] «Правда», 1958, 21 февраля.

[29] «Бюллетень ЦК Трудовой партии», Пхеньян, 1958, № 2, стр. 2(7).

После заключения перемирия перед народными массами КНДР встали огромные задачи по восстановлению и развитию народного хозяйства. Шестой пленум ЦК ТПК в августе 1953 г. определил основные пути решения этих задач.

В апреле 1954 г. Верховное Народное Собрание приняло закон о трехлетнем плане (1954—1956 гг.). Одной из главных особенностей этого плана являлось восстановление и развитие народного хозяйства на новой технической основе.

В нем предусматривалось преимущественное развитие тяжелой промышленности при одновременном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства. Под руководством Трудовой партии и правительства КНДР трудящиеся с воодушевлением приступили к выполнению поставленных задач. Трехлетний план был перевыполнен по всем отраслям хозяйства.

В 1956 г. валовая продукция государственной и кооперативной промышленности увеличилась по сравнению с 1953 г. в 2,9 раза, производство средств производства возросло в 4 раза, а средств потребления — в 2,1 раза. Производительность труда промышленных рабочих за это же время повысилась на 94%.

По сравнению с 1953 г. удельный вес государственной и кооперативной промышленности в общем объеме промышленного производства увеличился почти в 2 раза [30].

Важнейшим мероприятием в деревне явилось кооперирование крестьянских хозяйств. Если в 1953 г. в Северной Корее было около 800 сельскохозяйственных кооперативов, то к концу 1956 г. их насчитывалось более 15 тыс. Они объединили более 80% всех крестьянских хозяйств и почти 80% всей пахотной земли. Число машинно-тракторных станций увеличилось к 1956 г. в 3,2 раза, а количество тракторов — в 4,7 раза [31]. Таким образом, в послевоенный период социалистический уклад стал господствующим в сельском хозяйстве.

Несмотря на тяжелые последствия войны и стихийные бедствия в период выполнения трехлетнего плана, валовой сбор зерна в 1956 г. превзошел довоенный уровень. Значительно увеличился национальный доход, возросший в 1956 г. в 2,1 раза. Реальная заработная плата рабочих и служащих превысила довоенный уровень. Большие успехи были достигнуты и в области культурного строительства.

В результате выполнения трехлетнего плана была создана материальная база для дальнейшего успешного строительства социализма в КНДР и повышения жизненного уровня народа. Создались условия для разработки перспективного пятилетнего плана развития народного хозяйства КНДР. Третий съезд Трудовой партии наметил направление пятилетнего плана (1957—1961 гг.). Его важнейшая задача заключается в том, чтобы «прочно заложить основы социалистической индустриализации, полностью ликвидировать колониальную однобокость... промышленности и тем самым еще более укрепить основы самостоятельной национальной экономики» [32].

[30] «Об итогах выполнения государственного трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства КНДР на 1954—1956 гг. Сообщение Центрального статистического управления при Государственной плановой комиссии КНДР, 1957 г.».

[31] Там же.

В законе о пятилетнем плане, принятом в 1957 г., подчеркивается необходимость дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства на базе современной техники, а также создания условий для развертывания капитального строительства и развития легкой промышленности.

Пятилетний план предусматривает увеличение валового объема промышленной продукции в 2,6 раза, при этом производство средств производства должно увеличиться в 2,9 раза, а производство предметов потребления в 2,2 раза [33]. В решении Первой конференции Трудовой партии Кореи, состоявшейся в начале 1958 г., особо отмечено огромное значение дальнейшего развития машиностроения — основы тяжелой промышленности и технической реконструкции всего народного хозяйства.

В соответствии с пятилетним планом в 1961 г. в Северной Корее будет выработано более 9 млрд. *квт-ч* электроэнергии, добыто 10 млн. *т* каменного угля, произведено 2 млн. *т* цемента.

Большие задачи поставлены перед транспортом. В 1961 г. перевозка грузов железнодорожным транспортом по сравнению с 1956 г. должна увеличиться в 1,7 раза, водным транспортом — в 3,6 раза. За 5 лет будет проложено 300 *км* новых железнодорожных линий.

Пятилетний план открывает огромные перспективы для развития производительных сил в деревне. Основной задачей его является создание многоотраслевого сельского хозяйства, оснащенного современной техникой, которое способно обеспечить потребности страны в продовольствии и сырье.

Пятилетний план ставит задачей дальнейшее значительное улучшение материальных и культурных условий жизни населения. «Неустанное улучшение условий жизни народа является высшим принципом деятельности нашей партии, — говорится в постановлении Первой конференции Трудовой партии Кореи, — и решение вопроса об обеспечении народа продовольствием, одеждой и жильем должно стать основной задачей первого пятилетнего плана» [34].

За пятилетие расходы на капитальное строительство, а также

[32] «Резолюция Первой партийной конференции Трудовой партии о первом пятилетнем плане экономического развития КНДР» («Нодон синмун», 1958, 8 марта).

[33] «Закон о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНДР на 1957 — 1961 гг.» («Новая Корея», 1958, № 7, Приложение II, стр. 14).

[34] «Нодон синмун», 1958, 8 марта.

на социальные и культурные мероприятия достигнут 146 500 млн. вон. Национальный доход республики за это же время увеличится в 2,2 раза. Реальная заработная плата трудящихся и доходы крестьян возрастут более чем в 1,5 раза. К 1961 г. по сравнению с 1956 г. численность рабочих и служащих во всех отраслях национальной экономики будет на 300 тыс. человек больше [35]. Пятилетний план предусматривает дальнейшее развитие культурной революции в городе и деревне.

Трудовая партия мобилизовала творческие силы народа на выполнение грандиозных задач пятилетнего плана. Стремительно, со скоростью чоллима (легендарный конь, пробегающий тысячу ли в день) развивается на путях к социализму экономика республики. В 1958 г. было выпущено промышленной продукции в 3,5 раза больше, чем в довоенном 1949 г. В строй вступили многочисленные предприятия, оснащенные передовой техникой.

Полностью кооперировано сельское хозяйство КНДР. Увеличивается производство зерна. В 1958 г. оно составило 3700 тыс. *т*. Валовой урожай вырос в 1958 г. по сравнению с 1946 г. примерно в два раза.

Рост производства промышленной и сельскохозяйственной продукции оказывает благотворное влияние на повышение жизненного уровня трудящихся КНДР. 29 октября 1958 г. Кабинет министров принял постановление об увеличении заработной платы рабочим, специалистам и служащим на 40% [36]. В 1958 г. реальная заработная плата рабочих по сравнению с 1949 г. возросла в 1,6 раза, а уровень жизни крестьян в общем плане достиг середняцкого [37].

Кооперирование сельского хозяйства еще более укрепило союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса. Оно способствовало также быстрому кооперированию частных торговцев и предпринимателей. Социалистический уклад в народном хозяйстве КНДР стал единственным. Социалистическая революция одержала в КНДР решающую победу [38].

Огромные успехи достигнуты в области культуры. В 1958 г. введено обязательное семилетнее образование, проводится подготовка к введению обязательного технического образования.

Победы, достигнутые в ходе выполнения пятилетнего плана, позволили Трудовой партии Кореи на пленуме ЦК в сентябре 1958 г. поставить вопрос об увеличении плановых заданий, ускорить темп социалистического строительства.

Решения пленума предусматривают резкое увеличение производства промышленной продукции. В ближайшие 6—7 лет страна будет производить 20 млрд. *квт-ч* электроэнергии, 25 млн. *т* угля, 4 млн. *т* чугуна и люппы, 3—3,5 млн. *т* стали, 500 млн. *м* тканей, 100 тыс. *т* сахара в год. Улов рыбы достигнет 1 млн. *т*. Сельскохозяйственные кооперативы будут производить до 7 млн. *т* зерна ежегодно [39]. Сентябрьский пленум наметил также расширение посевных площадей в течение 2—3 лет до 2 млн. чонбо [40].

На пленуме ЦК Трудовой партии, состоявшемся в феврале 1959 г., Ким Ир Сен заявил: «Если в этом году мы увеличим промышленное производство на 32 процента по сравнению с прошлым годом, то мы достигнем уровня 1961 г., предусмотренного по пятилетнему плану» [41]. В области промышленности пятилетний план был выполнен уже к концу июня 1959 г., т. е. в два раза быстрее, чем намечалось.

Столь быстрое восстановление и развитие экономики и культуры в КНДР стало возможно потому, что во главе корейского народа идет славная Трудовая партия, которая в непримиримой борьбе с врагами отстаивает и проводит правильную генеральную линию. Корейский народ получает братскую помощь от стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Еще в сентябре 1953 г. Советский Союз выделил 1 млрд. руб. на восстановление крупных промышленных предприятий Северной Кореи. Правительство СССР не только оказало помощь КНДР оборудованием, сырьем, строительными материалами и машинами, но и направило в КНДР большую группу специалистов.

Вместе с СССР помогают корейскому народу Китай и другие страны социалистического лагеря.

Поддержка, оказываемая КНДР Советским Союзом, КНР и другими социалистическими странами, — яркий пример дружбы и взаимопомощи, существующей между государствами социалистического лагеря, опровергающий ревизионистские измышления об отношениях между социалистическими странами и братскими партиями. «КПСС,— говорит Ким Ир Сен,— всегда была и является образцом для нас, а ее достижения и богатый опыт служат путеводной звездой в нашей работе. Доклад товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза и решения съезда являются для нас новой огромной помощью и вдохновляющей силой» [42].

---

[35] Там же.

[36] «О повышении заработной платы рабочим, специалистам и служащим». Постановление кабинета министров № 129 от 29 октября 1958 г. («Новая Корея», 1958, № 96, стр. 35).

[37] «Правда», 1959, 4 марта.

[38] Ким Ир Сен, *О победе социалистического кооперирования и дальнейшем развитии сельского хозяйства в нашей стране*, Пхеньян, 1959.

[39] «Новая Корея», 1958, № 96, стр. 14, 15.

[40] «Резолюция пленума ЦК ТПК о расширении площадей орошаемых, суходольных и поливных рисовых полей» («Новая Корея», 1958, № 95, Приложение, стр. 1).

[41] «Решения XXI съезда КПСС освещают путь к коммунизму». Доклад товарища Ким Ир Сена на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи («Правда», 1959, 4 марта).

[42] «Правда», 1959, 4 марта.

Опираясь на братскую помощь стран социалистического лагеря, корейский народ под руководством Трудовой партии неустанно ведет борьбу за мир, за создание единого независимого демократического государства.

Вот почему весь корейский народ с большим одобрением встретил предложения, выдвинутые Н. С. Хрущевым на внеочередном XXI съезде КПСС, о создании на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском бассейне совместными усилиями Советского Союза, КНР, КНДР, ДРВ и других миролюбивых государств Азии зоны мира и в первую очередь зоны, свободной от атомного оружия. «Корейская Народно-Демократическая Республика и весь корейский народ,— сказал Ким Ир Сен,— горячо поддерживают это разумное предложение Советского Союза и сделают все от них зависящее для его осуществления» [43].

Характеризуя современное положение в Корее, Н. С. Хрущев говорил на III сессии Верховного Совета СССР:

«Сейчас и в этом уголке земного шара соотношение сил сложилось не в пользу тех, кто хотел бы решать идеологические вопросы путем войны или какими-либо другими немирными средствами.

Таким образом, складываются благоприятные условия, чтобы шаг за шагом подготовить окончательное решение корейского вопроса. Начать это дело нужно с вывода иностранных войск из Южной Кореи. Мы уверены, что если в Корее не будет иностранных войск, если не будет вмешательства извне в ее дела, то корейцы сами договорятся скорее о постепенном сближении Севера и Юга, что в свою очередь создало бы предпосылки для восстановления национального единства Кореи на мирной, демократической основе» [44].

---

[43] Там же.

[44] Н. С. Хрущев, *О международном положении и внешней политике Советского Союза*, М., 1959, стр. 28—29.

Глава II

РЕАКЦИОННЫЙ ЛИСЫНМАНОВСКИЙ РЕЖИМ

В нашу эпоху, когда растет и ширится освободительное движение народов колониальных и зависимых стран, когда рушится господство иностранных угнетателей в странах Востока, империалисты вынуждены применять новую тактику и новые формы управления.

Одним из средств сохранения империалистического господства в зависимых странах является создание марионеточных режимов. Опираясь на феодально-компрадорскую верхушку, империалисты создают в этих странах национальные на словах, а на деле послушные их воле правительства.

Такая форма управления в 1948 г. создана в Южной Корее. Там было сформировано марионеточное реакционное правительство, возглавляемое предателем национальных интересов Ли Сын Маном. Формальная передача власти этому правительству означала конец первого периода господства США в Южной Корее, когда ею непосредственно управляла американская военная администрация, и переход ко второму периоду, когда американские империалисты управляют через своих южнокорейских ставленников.

Оккупация Южной Кореи войсками США. Политика американского командования

Вступление американских вооруженных сил в Южную Корею мотивировалось необходимостью принять капитуляцию японских войск и рассматривалось как временное мероприятие. Однако на деле правящие круги США использовали оккупацию Южной Кореи для установления там своего политического и экономического господства.

После поражения Японии в городах и селах Южной Кореи развернулось широкое демократическое движение. Повсюду создавались народные комитеты, взявшие в ряде мест власть в свои руки и защищавшие интересы трудового народа. По всей стране проходили многотысячные митинги и демонстрации, на-

родные массы требовали проведения радикальных реформ и создания демократического корейского государства.

Американские войска высадились на Корейском полуострове уже после того, как советские войска разгромили Квантунскую армию и Япония подписала акт о капитуляции. Первое время после капитуляции в Южной Корее оставался весь японский колониальный аппарат, который США надеялись использовать для подавления мощного демократического движения, охватившего Корею.

За день до высадки первых американских десантных частей в Южной Корее — 7 сентября 1945 г. — главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане генерал Макартур обратился к населению Южной Кореи с воззванием, в котором говорилось: «... настоящим устанавливаю военный контроль над Кореей к югу от 38 параллели... Вся власть на территории Кореи к югу от 38 параллели будет осуществляться под моим руководством»[1]. В другом воззвании он предупреждал южнокорейское население, что неповиновение американским властям повлечет за собой тяжкое наказание, вплоть до смертной казни.

Отказавшись признать народные комитеты и желая отстранить народ от участия в управлении страной, американское военное командование оказывало всемерную поддержку японской колониальной администрации, незаконно оставленной им в Южной Корее, что уже являлось грубым нарушением суверенных прав корейского народа, оскорблением его национальных чувств.

Только после решительных выступлений народных масс американские власти 14 сентября 1945 г. сместили с поста японского генерал-губернатора Абэ, а 3 октября издали приказ о прекращении административной деятельности японского правительства в Южной Корее. Вся власть перешла в руки вновь созданной американской военной администрации, где получили работу и многие японские чиновники. Руководителями этой администрации как в центре, так и на местах были офицеры американской армии.

Уже в начале своей деятельности — в октябре 1945 г. — военная администрация издала приказ, запрещавший проводить митинги и демонстрации без специального разрешения. Законы, изданные в свое время японскими колонизаторами, не были отменены. Более того, в ноябре 1945 г. был издан приказ № 21, на основании которого оставались в силе все распоряжения японских властей, направленные на подавление свободы корейского народа.

Существовавший при японцах полицейский корпус был зна-

[1] «Ordinances, Appointments, Instructions, Headquarters United States Army Forces in Korea, September 1945 — March 1946», Seoul, 1946. — В дальнейшем все приказы, изданные американской военной администрацией, приводятся на основании этого документа.

чительно увеличен, в помощь ему были приданы различные террористические группы[2].

Опасаясь растущего влияния демократических организаций, 12 декабря 1945 г. военные власти опубликовали официальное заявление о роспуске народных комитетов.

В феврале 1946 г. был издан приказ № 55, согласно которому деятельность всех партий и организаций Южной Кореи контролировалась военной полицией США. В ее распоряжение должны были предоставляться списки и адреса членов партий, планы партийной работы и т. д. Патриотические организации и прогрессивные деятели беспощадно преследовались.

В результате жесточайшего оккупационного режима, установленного военными властями, народные массы Южной Кореи были лишены элементарных политических свобод.

Вскоре американская администрация издала приказ № 72, предусматривавший суровое наказание за поступки, которые военные власти сочтут «недружелюбными». Таким «недружелюбным» действием считалось участие в освободительном движении.

В мае 1946 г. оккупационные власти установили полицейскую цензуру над всеми печатными изданиями.

Таким образом, американские военные власти, вопреки международно-правовым нормам, вопреки воле корейского народа, установили в южной части страны, освобожденной от врага, режим военной оккупации.

Одновременно американские империалисты принимали энергичные меры к объединению и сплочению южнокорейской реакции и предоставили широкую свободу действий феодально-компрадорским слоям населения. В спешном порядке в Южную Корею возвращались реакционеры-эмигранты из США и других стран. Эти антинародные элементы стали политической опорой американского империализма.

Однако корейский народ, опираясь на решения Московского совещания министров иностранных дел, поддерживаемый всей мировой прогрессивной общественностью, активно добивался создания независимого демократического корейского государства.

В ответ на это правящие круги Соединенных Штатов не только усилили военно-полицейский режим в Южной Корее, но и приняли решительные меры, направленные на создание угодного им реакционного правительства.

При помощи южнокорейской реакции в феврале 1946 г. была разыграна комедия созыва «учредительного собрания» с целью создать впечатление, будто управление страной передано представителям населения Южной Кореи.

Чтобы придать этому «собранию» «представительный» характер, его организаторы пригласили принять в нем участие демо-

[2] Террористические группы были созданы южнокорейской реакцией при содействии американских военных властей для борьбы с прогрессивными силами.

кратические партии и организации. Однако эти организации выдвинули следующие важнейшие условия сотрудничества: изгнание из страны прояпонских элементов и национальных предателей, создание независимого государства на основе решений Московского совещания министров иностранных дел. Предложенные ими условия были отвергнуты, тем самым реакционная сущность «учредительного собрания» стала совершенно очевидной. Это, однако, не помешало ему объявить себя корейским парламентом и создать во главе с Ли Сын Маном так называемую демократическую палату народных представителей великой Кореи в качестве совещательного органа при военном командовании США. Предполагалось, что эта палата явится основой будущего проамериканского правительства.

Но народные массы Южной Кореи отвергли самозванное «учредительное собрание» и созданные им учреждения. Усиливалась борьба народа за образование независимого, демократического корейского государства. Добиваясь полного политического и экономического закабаления Южной Кореи, нарушая решения Московской конференции и игнорируя волю корейского народа, правящие круги США в ноябре 1947 г. поставили «корейский вопрос» на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН. Под давлением американских империалистов было принято незаконное решение о проведении в Корее выборов в «национальное собрание».

Опираясь на решение Генеральной Ассамблеи, правящие круги США и их южнокорейская агентура вопреки воле корейского народа перешли к сепаратным действиям и стали готовиться к проведению выборов в «национальное собрание».

Американские войска и полиция находились в боевой готовности, в стране было введено военное положение. В порты Пусан и Инчхон прибыли военные корабли США. В городах появились американские танки [3].

На улицах происходили столкновения патриотов с полицией, центральные кварталы городов Южной Кореи блокировались американскими войсками.

Реакция не стеснялась использовать террор и шантаж, чтобы обеспечить явку избирателей на участки.

Полицейские, члены «добровольческих отрядов», квартальные старосты требовали от избирателей явки на участки. Тех, кто отказывался участвовать в выборах, избивали и в сопровождении полицейских доставляли на избирательные пункты, охранявшиеся полицией.

Голосование проводилось под надзором властей. Многих избирателей заставляли опускать бюллетени дважды. Результаты выборов самым беззастенчивым образом фальсифицировались.

[3] «Синмин ильбо» (新民日報), Сеул, 1948, 22 мая.

В такой обстановке в мае 1948 г. было создано «национальное собрание», в состав которого вошли 84 помещика, 33 капиталиста, 23 крупных чиновника и другие представители нетрудовых слоев населения. В августе того же года было сформировано «правительство» во главе с предателем интересов корейского народа Ли Сын Маном. Как «национальное собрание», так и марионеточное лисынмановское правительство стали послушным орудием американских оккупантов.

Так, попирая суверенные права корейского народа, США расчленили страну, завершили создание террористического марионеточного режима, призванного поддерживать господство американских монополий и охранять интересы их южнокорейских пособников. Этой же цели подчинена и псевдодемократическая конституция так называемой южнокорейской республики.

Псевдодемократическая конституция Южной Кореи

Проект конституции Южной Кореи был разработан юридическим отделом американской военной администрации и в июле 1948 г. принят «национальным собранием». Текст этого документа был опубликован в южнокорейской печати [4].

Южнокорейские власти пытались распространить действие своей конституции и на Северную Корею. С этой целью статья 4 объявляла весь Корейский полуостров и прилегающие к нему острова территорией «Корейской республики».

Реакционная сущность основного закона, направленного на закрепление антинародного лисынмановского режима, прикрыта пышной псевдодемократической фразеологией. Лисынмановцы стремятся создать видимость «возрождения Корейского государства».

Отдельные статьи конституции провозглашают принципы буржуазной демократии, однако в условиях южнокорейского террористического режима и они грубо нарушаются. Суть южнокорейской конституции определяется не столько провозглашенными в ней правовыми нормами, сколько несметным количеством оговорок и дополнительных законов.

Весьма характерны в этом отношении те статьи конституции, в которых речь идет о так называемых свободах.

Статья 13 провозглашает свободу слова, печати, собраний и организаций. Но в ней содержится оговорка о том, что всеми этими «благами» можно пользоваться «кроме случаев, предусмотренных законом».

В статье 9 говорится, что граждане Южной Кореи пользуются «свободой личности» и могут быть заключены в тюрьмы лишь

[4] «Чосон ильбо» (朝鮮日報), Сеул, 1948, 3, 4, 7, 8, 9, 10 июля.

на основании закона, а законы эти приняты лисынмановскими властями в интересах реакции.

Примером может служить закон об охране безопасности государства, принятый в декабре 1948 г., который преследует цель подавить антиимпериалистическую освободительную борьбу народных масс Южной Кореи и направлен против демократических сил [5]. Согласно этому закону деятельность прогрессивных партий и организаций запрещается. С правовой точки зрения этот закон предусматривает широкий круг действий, квалифицируемых как преступления, что на практике означает полнейший произвол полицейских властей.

Без суда и следствия в тюремные застенки заключены сотни тысяч ни в чем не повинных людей. В 1955 г. только в трех провинциях — Кёнсан-намдо, Кёнсан-пукто, Чолла-пукто — томились в тюрьмах 160 тыс. патриотов, причем 85 тыс. из них были расстреляны [6].

Право создания политических партий и организаций, издания газет и журналов имеют в действительности лишь проамериканские элементы. Но и они находятся под бдительным надзором властей. Достаточно выразить малейшее несогласие с действиями лисынмановского правительства и правящей либеральной партии [7], чтобы подвергнуться полицейским репрессиям. В марте 1955 г. полицейские власти запретили издание газеты «Тона ильбо» — органа национально-демократической партии [8] за то, что на ее страницах были помещены материалы, разоблачавшие коррупцию и взяточничество властей.

Прогрессивная партия [9], неоднократно пытавшаяся критиковать действия правительства Ли Сын Мана, была объявлена вне закона.

---

[5] 24 декабря 1958 г. «национальное собрание» Южной Кореи под нажимом либеральной партии приняло поправки к закону об охране безопасности государства. Эти поправки имеют целью усиление террора против демократических сил страны.

[6] «Попхак ёнгу» (법학 연구), 1957, № 1, стр. 37 — 38.

[7] Либеральная партия Южной Кореи — реакционная, проамериканская партия, объединяющая буржуазно-помещичью верхушку. Создание либеральной партии (декабрь 1951 г.) было вызвано стремлением укрепить политические позиции Ли Сын Мана, который до того времени формально не опирался на какую-либо партию. В либеральную партию вошли сторонники Ли Сын Мана, а также группа бывших членов национально-демократической партии, недовольных политикой своего партийного руководства. Лидером партии является Ли Сын Ман.

[8] Национально-демократическая партия образовалась в 1949 г. в результате слияния демократической и корейской национальной партий. (Демократическая партия, созданная в сентябре 1945 г., объединила феодально-компрадорскую верхушку.) С конца 1955 г. называется новой демократической партией.

[9] Прогрессивная партия («Чинбондан») объединяла буржуазных националистов. Создана в начале 1956 г., находилась в оппозиции к правительству. В начале 1958 г. была запрещена за нарушение закона об охране безопасности государства.

Так выглядят на деле пресловутые «свобода слова» и «свобода личности» в условиях марионеточного южнокорейского режима. В соответствии с конституцией в функции «национального собрания» входят: рассмотрение и утверждение государственного бюджета, утверждение, изменение или отмена законов. Законодательная инициатива принадлежит правительству и отдельным депутатам. Законопроекты заранее подготавливаются различными комиссиями (в южнокорейском парламенте имеется 13 таких комиссий).

Закон о выборах в «национальное собрание» имеет ярко выраженный антидемократический характер [10].

Чтобы ограничить участие трудящихся масс в выборах и тем самым обеспечить избрание угодного реакции «национального собрания», в избирательный закон введены многочисленные пункты, ограничивающие контингент избирателей. Из-за возрастного ценза (21 год) значительная часть южнокорейской молодежи не участвует в выборах. Установлен также ценз оседлости, в соответствии с которым принимать участие в выборах могут только те лица, которые к моменту регистрации избирателей проживают не менее 80 дней в данной местности.

В настоящее время, когда в Южной Корее насчитывается огромное количество безработных, а также безземельных крестьян, не имеющих постоянного места жительства, широкие массы трудового населения на «законном» основании не допускаются к участию в выборах.

Время голосования — с 7 ч. утра до 17 ч. вечера, поэтому многие избиратели лишены возможности принять в нем участие.

С целью затруднить доступ в «национальное собрание» депутатов оппозиционных партий в соответствии со статьей 38 избирательного закона за каждого кандидата в депутаты при регистрации должно быть внесено 500 тыс. хван. При этом регистрация должна быть произведена в течение десяти дней с момента объявления даты выборов. Эти ограничения лишают возможности многих кандидатов принять участие в предвыборной борьбе. Следует учесть, что кандидаты либеральной партии утверждаются Ли Сын Маном и получают от партии 250 тыс. хван для ведения «предвыборной кампании».

Правящая либеральная партия не гнушается никакими средствами для достижения своих политических целей. Нередко неугодные ей кандидаты в депутаты, обвиненные в нарушении закона об охране безопасности государства, оказываются на скамье подсудимых. Во время выборов 1950 г. было арестовано 42 кандидата, а 66 в результате давления и насилия были вынуждены отказаться от баллотировки [11].

---

[10] См.: «Избирательный закон» (полный текст), Пхеньян, 1957.

[11] «Тонъа ильбо» (東亞日報), 1954, 10 сентября (Цит. по журн.: «Попхак ёнгу», 1956, № 1, стр. 118).

Во время выборов в «национальное собрание» 2 мая 1958 г. в стране было введено чрезвычайное положение. В избирательных округах по указанию либеральной партии избирательные комиссии совершали подлоги, опуская в урны фальшивые бюллетени с именем кандидата правящей партии. Одна из таких махинаций была раскрыта представителями оппозиции, потребовавшей проведения вторичных выборов [12].

Депутаты оппозиционных партий находятся под надзором полиции. Без ведома полицейских властей они не могут организовать встречи с избирателями или публичные выступления. Поскольку в южнокорейском парламенте представлены только проамериканские партии, внутрипарламентская борьба между правительственным большинством и оппозицией обычно развертывается вокруг второстепенных вопросов; при этом остаются в стороне такие важные национальные проблемы, как освобождение Южной Кореи от американского господства и восстановление национального единства мирным путем. Однако рост антиимпериалистического освободительного движения, а также усиливающееся недовольство национальной буржуазии лисынмановской политикой не могут не оказывать серьезного влияния на деятельность «национального собрания». Под давлением этих факторов южнокорейский парламент вынужден иногда выступать против отдельных акций лисынмановского правительства или американских оккупантов. В этом отношении показательны дебаты, проходившие в «национальном собрании» в связи с событиями в деревне Пхачжу в апреле 1957 г., когда группа американских военнослужащих совершила вооруженный налет на мирных жителей деревни. Эти действия вызвали негодование всего корейского народа. Под напором широких народных масс правительство Южной Кореи вынуждено было заявить официальный протест американским властям. Однако столь активная «антиамериканская» оппозиция в парламенте — явление единичное. Как правило, «национальное собрание» является активным защитником интересов американских монополий и феодально-компрадорских слоев Южной Кореи, способствующих закреплению колонизаторского режима в Корее.

До 1952 г. «национальное собрание» было однопалатным. В июле 1952 г. южнокорейское правительство приняло реакционную поправку, в соответствии с которой «национальное собрание» должно состоять из двух палат — «палаты представителей» и палаты советников.

Изменение структуры «национального собрания» объяснялось стремлением лисынмановцев укрепить свои позиции в напряженный период войны против КНДР. В ходе войны трудящиеся Южной Кореи все более убеждались в антинациональной политике Ли Сын Мана. Эта реакционная политика оказывала определенное влияние и на некоторых депутатов «национального собрания», также не одобрявших деятельность южнокорейского правительства. В этой связи было решено создать палату советников (или верхнюю палату), состоящую преимущественно из членов правящей либеральной партии.

[12] «Минчжу чосон» (민주조선), 1958, 3 мая.

В соответствии с принятой поправкой члены палаты советников должны избираться сроком на шесть лет; каждые три года согласно конституции половина депутатов переизбирается.

Имелось в виду, что такая процедура позволит лисынмановским властям сохранить определенную преемственность в «национальном собрании» и укрепить свои позиции. Поправкой предусматривалось, что председателем палаты советников должен быть вице-президент «республики», имеющий право решающего голоса на совместных заседаниях обеих палат. Согласно конституции, председатель и члены верховного суда, генеральный прокурор, министры, дипломатические представители и другие ответственные государственные чиновники, назначаемые президентом, должны утверждаться палатой советников. Одновременно с изменением структуры «национального собрания» в июле 1952 г. был принят законопроект, отменявший избрание главы государства — президента — «национальным собранием». В соответствии с новой, 53 статьей конституции президент избирается тайным голосованием на основе «всеобщих, равных и прямых выборов». С формальной, юридической стороны эта поправка как бы создавала видимость более демократических выборов главы государства.

Акцентируя эту внешнюю, формальную сторону, правящие круги Южной Кореи усилили демагогическую кампанию о мнимом расширении демократических прав народа. Однако при рассмотрении совокупности всех правовых норм с учетом конкретной южнокорейской обстановки становится ясно, что истинной причиной отмены конституционного принципа выборов президента парламентом послужила не забота лисынмановцев о расширении демократии, а страх перед усиливающейся оппозицией в парламенте.

У американских империалистов и их южнокорейских агентов не было уверенности в том, что «национальное собрание», в котором нарастали брожение и оппозиция, изберет Ли Сын Мана президентом. Новый же порядок выборов создавал еще большие возможности для фальсификации результатов голосования. При активной помощи американских властей реакционерам удалось провести через «национальное собрание» эту поправку к конституции.

На деле новая поправка освобождала президента от ответственности перед «национальным собранием».

В ноябре 1954 г. лисынмановская верхушка навязала «национальному собранию» новые изменения положения о выборах главы республики. Если ранее президент мог пребывать на сво-

ем посту не более двух сроков (один срок равен четырем годам), то согласно принятой поправке эти ограничения отменяются [13].

Этот антидемократический акт вызвал решительный протест южнокорейского населения. Даже официальная пресса подвергла критике действия Ли Сын Мана и правящей либеральной партии. Некоторые газеты и журналы, выразившие неудовольствие реакционной поправкой, были запрещены.

В соответствии с принятыми изменениями президент, в руках которого фактически сосредоточена вся полнота власти, контролирует деятельность министров, а также важнейших государственных учреждений. До июня 1954 г. эти обязанности входили в компетенцию премьер-министра, который, будучи главой правительства и заместителем президента, в какой-то мере ограничивал его права.

Хотя в конституции прямо не сказано, что президент пользуется правом вето, тем не менее в действительности именно он налагает вето на законодательные акты, принятые «национальным собранием».

Как глава государства президент имеет право издавать указы об амнистии, сокращении сроков наказания и восстановлении в гражданских правах, а также объявлять чрезвычайное положение.

В соответствии с конституцией президент не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Пользуясь своими полномочиями, Ли Сын Ман при содействии либеральной партии проводит антинациональную, предательскую политику, враждебную интересам корейского народа, и создает условия, поощряющие деятельность крупных монополий США. Так, например, в ноябре 1954 г. по настоянию Ли Сын Мана «национальное собрание» приняло поправку к конституции, на основании которой южнокорейское правительство без санкции парламента может разрешать отдельным лицам корейской национальности, а также иностранцам (читай: американцам.— *М. Х.*) разработку полезных ископаемых [14].

Такая поправка, как и другие законы, принятые правительством Ли Сын Мана, создает весьма благоприятные условия для проникновения американского монополистического капитала в южнокорейскую экономику.

Согласно конституции, президент возглавляет вооруженные силы и является главнокомандующим южнокорейской марионеточной армии.

Президент имеет право объявлять войну и заключать мир, ратифицировать и заключать договоры с иностранными государ-

[13] Пункт 4 приложения к закону о поправках к конституции («Попхак ёнгу». 1956, № 1, стр. 119).

[14] Там же, стр. 120.

ствами, а также назначать и отстранять членов государственного совета, министров, послов и других официальных лиц.

Президент является также председателем высшего органа исполнительной власти — государственного совета и имеет в нем право решающего голоса.

Таким образом, власть президента по существу неограниченна, и в настоящее время Ли Сын Ман фактически является полновластным диктатором Южной Кореи.

Президентские выборы в Южной Корее, подобно парламентским, проходят в условиях открытого полицейского террора, насилий и обмана.

На последних выборах президента, состоявшихся в мае 1956 г., кандидаты от оппозиционных партий подвергались жестоким гонениям лисынмановских властей. Кандидат на пост вице-президента от новой демократической партии Чан Мен во время предвыборной кампании вынужден был скрываться от преследований лисынмановской полиции.

В день президентских выборов лисынмановские власти для «поддержания порядка» мобилизовали крупные полицейские силы. Однако, несмотря на принятые меры, значительное число избирателей уклонилось от голосования, выразив тем самым недовольство антинациональным режимом Ли Сын Мана.

Чтобы создать видимость «законности» выборов, лисынмановцы прибегли к мошенническим подлогам. Не без ведома участковых избирательных комиссий они использовали подставных лиц, которые опускали в урны фальшивые бюллетени. В южнокорейской прессе неоднократно сообщалось о грубом нарушении закона членами избирательных комиссий. Так, например, на избирательном участке № 1 в Сеуле члены избирательной комиссии заполняли и опускали в урну бюллетени избирателей, не участвовавших в выборах президента. В районе Пусана было обнаружено более тысячи заранее заготовленных бюллетеней с именами Ли Сын Мана и председателя ЦК либеральной партии Ли Ги Бума [15]. Даже «комиссия ООН по восстановлению и объединению Кореи» вынуждена была заявить, что президентские выборы имели фальсифицированный характер [16].

В условиях растущего недовольства масс политикой южнокорейских властей, лисынмановцы, прибегая к различным демагогическим приемам, принимают все меры к укреплению государственного административного аппарата, являющегося непосредственным проводником империалистических планов американских монополий, защитником интересов компрадорской буржуазии и помещиков.

Высшим органом исполнительной власти, т. е. правительством, является государственный совет. Сфера его деятельности

[15] «Новая Корея», 1956, № 6, стр. 25—26.

[16] Там же.

определена «законом об образовании правительства», изданным в 1948 г.

Как уже сказано выше, члены совета, в большинстве министры, назначаются президентом.

В целях усиления исполнительной власти в ноябре 1954 г. был отменен порядок, согласно которому государственный совет отчитывался перед «национальным собранием». Практически это означает, что «национальное собрание» не может выразить недоверие государственному совету, хотя за ним сохраняется право выражать недоверие отдельным его членам. Такое положение еще более усиливает бесконтрольность правительства Ли Сын Мана.

В соответствии с законом об образовании правительства и поправкой к нему в Южной Корее создано 13 министерств [иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, обороны, культуры и просвещения, восстановления, сельского хозяйства и лесоводства, промышленности и торговли, здравоохранения и социального обеспечения, транспорта, связи, главное управление информации (на правах министерства)].

Министры, являющиеся членами государственного совета, имеют право издавать приказы и другие распоряжения, обязательные для данного министерства. Однако эти приказы или распоряжения могут быть отменены президентом. Таким образом, единовластие президента проявляется и в этом случае.

Концентрация власти в руках президента и правительства приводит к дальнейшему ослаблению роли парламента как высшего законодательного органа страны.

С целью усиления исполнительной власти и, в частности, власти президента, структура важнейших южнокорейских учреждений время от времени изменяется.

Так, в феврале 1956 г. был опубликован закон о реорганизации правительственных учреждений. На основании этого закона радиоинформация, а также газеты, журналы и другие периодические издания перешли в ведение информационного управления, непосредственно подчиненного президенту [17]. Это мероприятие способствует дальнейшему усилению цензуры и имеет цель не допустить публикацию материалов, в которых подвергнуты критике антинародные действия правительства и правящей партии.

Этот закон предоставил министру восстановления право вести от имени правительства (без санкции государственного совета, но под непосредственным контролем президента) переговоры по экономическим вопросам как с международными организациями, так и с представителями иностранных государств [18].

[17] «Попхак ёнгу», 1956, № 1, стр. 121.
[18] Там же.

Все звенья административно-управленческого аппарата страны поражены взяточничеством и коррупцией. Для того чтобы получить должность начальника полицейского участка, надо уплатить 5—6 млн. хван, а должность начальника полицейского департамента — не менее 10 млн. хван. Газета «Сеул синмун» сообщила о том, что министр культуры и просвещения совместно с министром национальной обороны, главным инспектором просвещения города Сеула и несколькими депутатами «национального собрания» незаконно повысили цены на школьные учебники и таким образом «положили в карман большой куш» [19]. Однако правительственные круги замяли это преступление. Такие факты — одно из доказательств морального разложения и продажности марионеточного правительства и государственного аппарата.

Опорой лисынмановской власти на местах являются так называемые органы местного самоуправления.

Организационная структура и функции местных органов власти определены законом об органах местного самоуправления, принятым «национальным собранием» в декабре 1949 г.

Норма «представительства» в эти фиктивные органы самоуправления определяется численностью населения города, провинции, уезда или волости.

Население численностью менее 500 тыс. человек избирает 20 депутатов, от 500 тыс. до 1 млн. — 25 депутатов, свыше миллиона — помимо 25, одного депутата от каждых 50 тыс. жителей [20].

Срок полномочий местных самоуправлений — четыре года.

Основные положения и особенно практическое применение «закона о местных органах самоуправления», разумеется, далеки от принципов подлинной автономии.

Ответственные должностные лица назначаются президентом или губернатором, а если и избираются местным муниципальным собранием, то не ответственны перед ним. Так, например, губернаторы провинции и мэр Сеула назначаются президентом и не несут ответственности перед местными органами власти. Более того, закон предоставляет им право отменять решения, принятые органами самоуправления.

Мэры города (за исключением Сеула), начальники уездов и старосты волостей формально избираются местными органами, однако они не являются депутатами соответствующих местных органов. Эти представители власти — ставленники Ли Сын Мана — фактически являются полновластными хозяевами на местах, поскольку закон о местных органах самоуправления предоставляет им по существу неограниченные права. Так, согласно статье 106 закона, местные исполнительные органы власти в лице гу-

[19] «Новости Кореи», 1958, № 4, стр. 50—51.
[20] См. статьи 12, 13 закона об органах местного самоуправления Южной Кореи.

бернаторов, мэров городов, начальников уездов и старост волостей контролируют деятельность политических партий и общественных организаций, находящихся в данном районе, их переписку, документы и т. д.

Таким образом, эта статья полностью отвергает конституционные нормы, формально гарантирующие буржуазные свободы. В соответствии со статьей 121 президент может запретить деятельность муниципального собрания, если оно выразит недоверие главе местной власти.

Чтобы обеспечить проведение своей антинациональной политики, лисынмановские власти создали разветвленный управленческий аппарат. В каждом провинциальном центре имеется шесть департаментов (внутренних дел, образования, социального страхования, сельского хозяйства и леса, промышленности и торговли, полиции), а в Сеуле — семь. Расходы на содержание этого бюрократического аппарата ложатся тяжелым бременем на плечи трудящихся Южной Кореи. Местные органы власти, о которых лисынмановская пропаганда твердит, что они созданы в результате «народной» инициативы, не столько заботятся о нуждах населения, сколько грабят трудовой народ, облагая население всевозможными поборами.

Последние выборы в органы местного самоуправления состоялись в августе 1956 г. Так же как парламентские, они проходили в обстановке насилия и террора. Так, например, во время выборов мэра города Чинчжу кандидат либеральной партии не получил необходимого большинства голосов. Начальник провинциального полицейского управления Юн Чин Чжу, грубо нарушив закон, вынудил избирательную комиссию фальсифицировать результаты выборов. Инцидент в Чинчжу обсуждался в южнокорейском парламенте: была создана специальная комиссия для расследования дела, однако она не смогла выполнить своей задачи, так как по прибытию в Чинчжу подверглась нападению террористической группы.

Такая картина характерна для выборов в местные органы власти в Южной Корее, которые на деле являются орудием угнетения трудящихся масс, одним из тех рычагов, при помощи которых американский империализм подавляет национальную свободу и осуществляет свое господство в Южной Корее.

Карательные органы Южной Кореи

В условиях террористического лисынмановского режима активную роль в борьбе с патриотическими силами выполняют карательные органы. Организация и функции этих органов определены конституцией, а также законом об образовании правительства, законом о функциях полицейского управления и другими. Согласно конституции президент по своему усмотрению назначает председателя и членов верховного суда. По-

скольку конституция не предусматривает принципа выборности судей, этот факт сам по себе исключает участие патриотических сил в формировании судебных органов. Все судьи независимо от ранга назначаются президентом на 10 лет. Положение о судах также определяется указом президента.

Высшим судебным органом является Верховный суд, которому принадлежит право толкования конституции и других важнейших законодательных актов. Судебные органы имеются почти во всех административных центрах (начиная от уездов и выше) и действуют на основе принципа «автономии». Тем не менее на деле любой приговор местного суда может быть отменен решением Верховного суда.

Суд Южной Кореи, защищающий интересы феодально-компрадорских слоев и их американских покровителей, является мощным орудием классового и национального угнетения.

Органы прокуратуры Южной Кореи, согласно закону об образовании правительства, подчиняются министерству юстиции. Это лишает их возможности даже формально осуществлять функции надзора и способствует усилению произвола и беззакония.

Южнокорейская полиция имеет в своем составе сухопутные и морские силы. Уже после заключения перемирия, вплоть до июля 1955 г., существовали так называемые прифронтовые части, выполнявшие во время войны не только карательные, но и определенные боевые задачи. В июле 1955 г. эти части были реорганизованы в подвижные полицейские подразделения, действующие совместно с регулярными частями лисынмановской армии. Численность полиции за последнее время резко возросла и, согласно официальным данным южнокорейского правительства, к сентябрю 1956 г. превысила 46 тыс. человек (не считая тайной полиции). Следует помнить, что даже японские колонизаторы имели в Корее около 25 тыс. полицейских [21].

Содержание полицейского корпуса, основной задачей которого является охрана лисынмановского режима и борьба с патриотическими силами, тяжким бременем ложится на плечи трудового народа.

Весьма показателен уголовный кодекс Южной Кореи, опубликованный в 1953 г. Он состоит из законов, изданных в свое время японскими колонизаторами и американской военной администрацией. Основные положения этого кодекса направлены против корейских патриотов, ведущих борьбу за независимость и демократию, за мирное объединение Кореи. Кроме уголовного кодекса, изданы также специальные законодательные акты — закон об охране безопасности государства, закон о чрезвычайном положении и другие, которые дают «законные» основания для расправы над корейскими патриотами. В сентябре 1954 г. в Южной Корее был опубликован уголовно-процессуальный кодекс.

[21] «Новая Корея», 1956, № 12, стр. 26.

Провозглашенные в нем права граждан, как и во всех лисынмановских законодательных актах, ничем не обеспечены и остаются пустыми, фальшивыми фразами. Так, например, согласно уголовно-процессуальному кодексу, каждый обвиняемый имеет право нанять адвоката для ведения судебного дела. Но непомерно высокая плата за юридическое обслуживание не позволяет большинству населения пользоваться услугами адвокатов.

Карательные органы, являющиеся составной частью государственного аппарата, беспощадно подавляют демократическое движение прогрессивных сил и стоят на страже интересов империалистической и южнокорейской реакции.

* *
*

Режим, созданный в Южной Корее американскими империалистами вопреки воле корейского народа, опирается внутри страны на феодально-компрадорские слои. Террористический характер его вынуждена признать даже влиятельная американская газета «Нью-Йорк пост». Южная Корея, находящаяся под контролем американцев, писала газета, прославилась, как полицейское государство, в котором процветают террор и преступления[22]. Это же вынуждены констатировать и многие правые политические деятели Южной Кореи. Так, в статье, опубликованной в журнале «Сасанге» за 1957 г., депутат «национального собрания» Ким Сан Дон пишет, что реакционный южнокорейский режим издает «страшный запах разлагающегося трупа»[23].

Южнокорейский режим защищает интересы американских монополий и, прикрывая их деятельность ширмой «независимой республики», беспощадно подавляет антиимпериалистическую, демократическую борьбу народных масс. Этим задачам подчинена деятельность лисынмановского правительства и всего государственного аппарата. Но народные массы Южной Кореи не хотят мириться с создавшимся положением. Они обращают свои взоры на север страны, где трудящиеся строят новое социалистическое общество. Созданная в 1948 г. волею всего корейского народа Корейская Народно-Демократическая Республика воплотила его заветные стремления к независимости, демократии и национальному единству. КНДР — революционно-демократическая база Кореи, является оплотом всех патриотических сил корейского народа, выступающих за мирное объединение Кореи на демократических началах.

---

[22] Цит. по газ.: «Нодон синмун» (로동신문), 1958, 31 января.
[23] Там же, 13 марта.

Глава III

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ

По своему географическому положению Корейский полуостров представляет как бы естественный мост между Японскими островами и восточной частью Азии. Вместе с Аляской, Алеутскими и Японскими островами он образует барьер, позволяющий блокировать восточное побережье азиатского материка.

Оценивая стратегическое значение Корейского полуострова, государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в 1954 г. откровенно заявил, что интересы Соединенных Штатов в Восточной Азии «весьма тесно связаны с прибрежной цепью островов. Эта прибрежная цепь островов имеет две материковые базы: на севере — Корею, на юге, как мы надеемся, — Индокитай». Заявление Даллеса является характерной иллюстрацией империалистической «теории передовых баз».

Милитаризация Южной Кореи, превращение ее в военно-стратегический плацдарм Соединенных Штатов начались одновременно с оккупацией ее американскими войсками.

Создание южнокорейских вооруженных сил и подготовка нападения на КНДР (1945— 1950 гг.)

В ноябре 1945 г. приказом начальника американской военной администрации генерал-майора Арнольда в Южной Корее была создана канцелярия национальной обороны, состоявшая из трех отделов: сухопутных войск, береговой охраны и полиции. В ее функции входили проведение рекрутских наборов, подготовка и материальное обеспечение военных формирований, а также содействие органам гражданской полиции. В начале 1946 г. канцелярия была преобразована в департамент, которому были подчинены штаб сухопутных войск и штаб береговой охраны.

Основой для формирования южнокорейской армии явились корейские подразделения гоминдановской армии, переброшенные американцами после второй мировой войны с территории Китая в Южную Корею. В дальнейшем вооруженные силы комплектовались главным образом из корейцев, служивших в японской ар-

мии, жандармерии и полиции. Значительная часть американского, а также японского трофейного оружия была передана формировавшейся южнокорейской армии. Боевая подготовка вооруженных сил проводилась американскими офицерами. 24 августа 1948 г. было подписано военное соглашение между правительствами США и Южной Кореи [1]. В соответствии с этим соглашением Южная Корея предоставила в распоряжение американского командования аэродромы, порты и другие военные объекты. Со своей стороны правительство США взяло на себя обязательства по организации боевой подготовки и материально-техническому снабжению южнокорейской армии и флота. На практике это означало неограниченный контроль США над войсками и военными объектами Южной Кореи.

В ноябре 1948 г. южнокорейское «национальное собрание» приняло решение о создании министерства национальной обороны. В дальнейшем правительство Ли Сын Мана намеревалось предпринять энергичные меры, направленные на увеличение численности и усиление боеспособности вооруженных сил.

По сообщению южнокорейской прессы, к концу 1948 г. численность лисынмановской армии достигла 60 тыс. человек [2].

Командование вооруженными силами осуществлялось военными советниками США, входившими в состав американской военной миссии в Южной Корее, созданной в соответствии с вышеупомянутым соглашением. Эта военная миссия насчитывала около 500 различных экспертов.

Под непосредственным руководством американских военных советников в 1949 г. был создан штаб военно-воздушных сил, береговая охрана реорганизована в военно-морские силы, пехотные бригады переформированы в дивизии. В порядке оказания военной помощи Соединенные Штаты предоставили Южной Корее новое вооружение для армии, флота и авиации.

Помимо создания модернизированной армии, создавались и реконструировались военно-воздушные базы в Кымпхо, Кунсане, Сувоне, Тэгу и других городах. Инчхон, Пусан, Чинхэ, Мокпхо были переоборудованы в крупные военно-морские порты. Одновременно с милитаризацией страны и укреплением южнокорейской регулярной армии создавались обученные резервы. В июле 1949 г. «национальное собрание» утвердило «закон о всеобщей воинской повинности», на основании которого все мужчины в возрасте от 17 до 40 лет, годные к военной службе, считались военнообязанными и должны были пройти курс военного обучения.

К 1950 г. численность лисынмановской армии резко возросла. Американский журнал «Арми, нейви, эйрфорс джорнэл», основываясь на заявлении начальника американской военной мис-

[1] И. Кравцов, *Агрессия американского империализма в Корее*, М., 1951, стр. 191.

[2] См. там же.

сии в Южной Корее генерала Робертса, в июле того же года утверждал, что южнокорейская армия имела в то время восемь дивизий, один кавалерийский полк, три отдельных пехотных батальона, шесть артиллерийских дивизионов, вооруженных 105 *мм* гаубицами. Общая численность армии достигла 100 тыс. человек. При этом южнокорейская армия характеризовалась как лучшая боевая сила на азиатском континенте [3].

Столь значительная и хорошо вооруженная армия нужна была американским империалистам, разумеется, не для «защиты и самообороны» Южной Кореи, как они пытались утверждать. Эта армия была нужна для ведения войны против Корейской Народно-Демократической Республики с целью распространить реакционный лисынмановский режим на всю территорию полуострова.

По свидетельству видного лисынмановского советника по вопросам внешней политики Пэк Ку Ёна, еще в 1948 г. в Вашингтоне был разработан «большой план борьбы против коммунизма в Азии». «Чтобы довести грядущую борьбу до победного конца, — гласил этот план, — силы обороны, а именно армии Америки, Японии, Китая (имелись в виду гоминдановские войска.— Ред.) и Южной Кореи, должны быть объединены и переданы в распоряжение верховного главнокомандующего. Перед этой армией стоят три задачи: японские войска должны прорваться к Владивостоку, южнокорейская и американская армии, освободив северную территорию (т. е. Северную Корею. — *Ред.*), должны начать марш... на Харбин; возрожденная китайская национальная армия (т. е. гоминдановские войска.—*Ред.*) должна вернуть утраченную территорию Китая, включая Шаньдунскую провинцию...» [4].

Содержание этого плана, как и многих других документов, захваченных Народной армией при освобождении Сеула, свидетельствует, что экспансионистские замыслы США простирались далеко за пределы Кореи.

Подстрекаемое американскими империалистами южнокорейское правительство усиленно готовилось к войне против Корейской Народно-Демократической Республики.

Провокационному нападению лисынмановских вооруженных сил на КНДР предшествовала широкая пропагандистская кампания, организованная американскими и южнокорейскими милитаристами с целью подготовки и обработки общественного мнения.

О подготовке к войне против Северной Кореи и своих агрессивных намерениях открыто говорили руководящие деятели южнокорейского марионеточного правительства. В интервью, данном корреспонденту Юнайтед Пресс в октябре 1949 г., Ли Сын Ман

[3] «Красная звезда,» 1950, 29 июня.

[4] «Правда», 1951, 10 января.

хвастливо заявил, что «южнокорейская армия готова к нападению на Северную Корею и способна захватить Пхеньян в течение трех дней после начала военных действий» [5].

Подготовку южнокорейского правительства к нападению на КНДР и широкую пропаганду этого нападения, проводимую лисынмановцами, не могла скрыть даже «комиссия ООН по Корее». В своем докладе Генеральной Ассамблее ООН в 1949 г. эта комиссия отметила, что «время от времени делались заявления президентом, министром иностранных дел и другими видными и влиятельными политическими деятелями, в которых высказывалась мысль, что недалеко то время, когда придется обратиться к объединению силой, как к последнему решению» [6].

Подготовку к войне против КНДР открыто поддерживали и поощряли видные американские политические и военные деятели. Незадолго до начала войны Джон Фостер Даллес посетил Южную Корею и заверил «национальное собрание», что США окажут южнокорейскому правительству моральную и материальную поддержку.

20 июня 1950 г. он писал Ли Сын Ману: «Я придаю большое значение той решающей роли, которую ваша страна может сыграть в великой драме, которая сейчас разыгрывается» [7].

Военные приготовления лисынмановцев сопровождались многочисленными провокационными инцидентами в районе 38-й параллели.

По сообщению Министерства внутренних дел КНДР, в период с 1 апреля по 25 июня 1949 г. южнокорейские власти спровоцировали более 50 инцидентов. Пограничные части и регулярные войска Южной Кореи систематически нарушали демаркационную линию, нападали на пограничные села и деревни, убивали или уводили в плен граждан Корейской Народно-Демократической Республики.

Так, силами созданной и обученной американскими специалистами южнокорейской армии империалистические круги США стремились разжечь пожар большой войны на Дальнем Востоке.

Агрессия против КНДР и развертывание южнокорейских вооруженных сил в период войны 1950—1953 гг.

25 июня 1950 г. лисынмановская реакция, побуждаемая наиболее агрессивными кругами США, совершила нападение на территорию Корейской Народно-Демократической Республики. Правительство Южной Кореи рассчитывало, что его вооруженные силы сумеют в течение короткого времени разгромить войска прикрытия и основные силы КНДР, захватить Пхеньян и форсированным маршем выйти к северным границам республики. Однако как только начались военные действия стало ясно, что план этот провалился.

[5] И. Кравцов, *Агрессия американского империализма в Корее*, стр. 299.
[6] Цит. по газ.: «Правда», 1952, 31 октября.
[7] Цит. по газ.: «Правда», 1950, 13 декабря.

Войска Народной армии КНДР, героическими усилиями отразив первый удар лисынмановцев, перешли в контрнаступление. Южнокорейская армия беспорядочно отступала на юг. В этих условиях правящие круги США решили оказать прямую военную помощь правительству Ли Сын Мана.

27 июня 1950 г. президент США Трумэн отдал приказ дислоцированным на Дальнем Востоке американским военно-воздушным и военно-морским силам о поддержке южнокорейской армии. Вслед за этим империалисты США перебросили свои сухопутные войска из Японии в Корею и ввели их в бой.

Для прикрытия своих действий правительство Соединенных Штатов потребовало созыва Совета Безопасности и, пользуясь отсутствием на сессии представителя Советского Союза, навязало Совету незаконное решение по корейскому вопросу, обвинявшее Корейскую Народно-Демократическую Республику в агрессии.

27 июня, когда американские войска, выполняя приказ Трумэна, уже вели боевые действия против Народной армии КНДР, Совет Безопасности (также без участия представителя СССР) одобрил американскую вооруженную интервенцию в Корее.

7 июля 1950 г. по требованию американского представителя было созвано экстренное заседание Совета Безопасности, на котором под нажимом США была принята новая резолюция, рекомендовавшая всем членам ООН предоставить вооруженные силы и другие средства в распоряжение «объединенного командования» под руководством США для войны против Корейской Народно-Демократической Республики.

В этой же резолюции говорилось, что «объединенное командование» может использовать по своему усмотрению флаг Организации Объединенных Наций в ходе операций против сил Северной Кореи [8].

В соответствии с этим решением были созданы «вооруженные силы ООН», куда наряду с войсками США, составлявшими основное ядро этих формирований, вошли военные контингенты ряда других государств. Однако участие последних было не более чем символическим [9]. На самом деле, несмотря на попытки империалистов США представить развернувшиеся военные действия как «объединенные усилия ООН», под флагом Организации Объединенных Наций развертывалась вооруженная интервенция, организованная американскими империалистами.

[8] «Правда», 1950, 11 июля.
[9] Так, Англия выделила для участия в войне против КНДР одну дивизию, Турция — одну бригаду, Франция — один батальон; другие страны послали в «вооруженные силы ООН» еще меньшие подразделения.

Вступление Соединенных Штатов в войну сопровождалось переходом вооруженных сил Южной Кореи под американское командование, которое предприняло решительные меры, направленные на восстановление и укрепление сильно потрепанных и обескровленных южнокорейских войск. Особое внимание было уделено восстановлению боевого состава южнокорейских частей и соединений, а также формированию новых, чтобы заменить американские войска лисынмановскими и таким путем сократить потери США. Уже весной 1951 г. южнокорейская армия имела десять пехотных дивизий и значительное количество частей усиления. Общая численность всех вооруженных сил достигла 250 тыс. человек [10]. В целях дальнейшего увеличения численности вооруженных сил и соответствующей организации боевой подготовки новобранцев американское командование создало широкую сеть военных училищ и учебных центров.

Оценивая систему подготовки военных кадров в Южной Корее, бывший командующий 8-й американской армией, генерал Ван Флит на заседании сенатской комиссии по делам вооруженных сил в 1953 г. заявил, что если его предшественник генерал Риджуэй организовал обучение 5 тыс. южнокорейских солдат ежемесячно, то ему удалось почти в 6 раз превысить эту цифру и обеспечить подготовку 30 тыс. солдат в месяц [11].

В период 1950 — 1953 гг. американцы энергично развертывали южнокорейскую армию. К маю 1953 г. в ее составе насчитывалось 16 пехотных дивизий, а также значительное количество артиллерийских, танковых и инженерных частей.

В статье «Правда о Корее», помещенной в журнале «Лайф» от 18 мая 1953 г., генерал Ван Флит писал, что численность южнокорейских войск достигла более 600 тыс. человек, из которых сформировано 16 дивизий; однако в любое время можно укомплектовать еще четыре дивизии и обеспечить участие этих соединений в боях в течение весьма длительного времени. При этом подготовлено около 20 тыс. офицеров, из которых 1000 человек обучены в военных школах США.

Таким образом, к моменту подписания соглашения о перемирии 27 июля 1953 г. американцы в 2 раза увеличили число соединений и в 6 раз — численный состав южнокорейской армии.

Кроме регулярной армии, командование США создало в Южной Корее так называемый корпус технического обслуживания, который предназначался для обслуживания американских войск в тылу и на фронте. По сообщению американской печати, в этот корпус на 6 месяцев призывались невоеннообязанные мужчины в возрасте от 35 до 60 лет для выполнения различного рода трудоемких работ. Не будь этого корпуса, американцам пришлось бы послать в Корею по меньшей мере еще 100 тыс. человек.

[10] «United States news and world report», 1951, 4 May.
[11] «United States news and world report», 1953, 13 March.

Несмотря на активную деятельность американского военного командования по созданию и укреплению южнокорейских вооруженных сил, несмотря на то что на корейский фронт было отправлено около 1200 тыс. американских солдат и офицеров, США потерпели в этой войне тяжелое военное и морально-политическое поражение.

27 июля 1953 г. было подписано соглашение о перемирии, явившееся результатом победы корейского народа и пришедших ему на помощь китайских добровольцев, победы всего лагеря мира и демократии.

В соответствии с условиями перемирия в Корее были созданы военная комиссия по перемирию из представителей верховного командования корейской Народной армии и китайских добровольцев и главнокомандующего «вооруженными силами ООН», а также комиссия по наблюдению за перемирием из представителей нейтральных государств.

В обязанность этих комиссий входило расследование на месте фактов нарушения условий перемирия, урегулирование всех спорных вопросов путем переговоров, а также контроль за выполнением условий перемирия.

Милитаризация Южной Кореи после заключения перемирия

После заключения перемирия США продолжали милитаризацию Южной Кореи.

1 октября 1953 г. правительство США заключило с южнокорейским правительством военное соглашение, именуемое договором «о взаимной безопасности» [12]. Согласно этому договору Соединенные Штаты взяли на себя обязательство продолжать обучение и техническое оснащение вооруженных сил Южной Кореи, лисынмановское же правительство предоставило США право располагать свои сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы на территории Южной Кореи или поблизости от нее, а также использовать любые военные объекты, в которых заинтересовано командование Соединенных Штатов.

Этот договор, заключенный «на неопределенное время», фактически закреплял дальнейшую оккупацию Южной Кореи войсками США.

Одновременно с созданием и расширением военных баз США на территории Южной Кореи продолжалось увеличение южнокорейских вооруженных сил. К декабрю 1953 г. были дополнительно сформированы две пехотные дивизии. В феврале 1954 г., согласно заявлению командующего 8-й американской армией генерала Тэйлора, было закончено формирование и комплекто-

[12] «Правда», 1953, 3 октября.

вание еще двух дивизий. Таким образом, к весне 1954 г. южнокорейские вооруженные силы насчитывали двадцать дивизий [13]. Но и такое увеличение численности южнокорейской армии казалось недостаточным американским империалистам.

По сообщениям иностранных корреспондентов, правительство Южной Кореи намеревалось создать армию численностью почти 1 млн. человек.

Обучение новых резервов проводилось путем широкой военной подготовки населения. В сентябре 1954 г. во всех высших и средних учебных заведениях Южной Кореи была введена обязательная военная подготовка. В период летних каникул студенты должны были стажироваться в частях регулярной армии.

Для подготовки «преданных» офицерских кадров в Южной Корее после 1953 г. было создано большое количество военных школ и училищ, в которых обучаются представители наиболее реакционных слоев южнокорейской молодежи — члены молодежных организаций фашистского типа, преимущественно дети представителей зажиточных слоев населения.

Южнокорейская печать откровенно разъясняла, что увеличение контингента учащихся и изменение системы военной подготовки объясняются необходимостью создания новых военных кадров с целью дальнейшего развертывания вооруженных сил.

Правительство Соединенных Штатов, заинтересованное в поддержании международной напряженности и укреплении лисынмановского режима, затрачивает огромные средства на усиление южнокорейской армии. По сообщению командования вооруженных сил США на Дальнем Востоке только в период 1954—1955 г. на вооружение лисынмановской армии, восстановление и строительство военных объектов в Южной Корее Соединенные Штаты израсходовали около 1,5 млрд. долл. [14]

В течение 1955 — 1956 гг. продолжалось формирование новых соединений, вооружение и материально-техническое обеспечение которых осуществлялось правительством Соединенных Штатов.

По сообщению агентства Ассошиэйтед пресс от 19 мая 1956 г., сухопутные войска Южной Кореи насчитывали 21 кадровую и 10 резервных дивизий [15].

Соединенные Штаты поставили в Южную Корею большое количество нового американского вооружения, в том числе реактивные самолеты, военные суда, управляемые снаряды и т. д.

Одновременно с оснащением южнокорейской армии новыми видами оружия, подготовкой резервов и оборудованием территории для использования ее в дальнейшем в качестве военного плацдарма американское и южнокорейское командование ведет

[13] «Правда», 1954, 2 марта.
[14] «Красная звезда», 1955, 8 июня.
[15] «Красная звезда», 1956, 22 мая.

активную идеологическую обработку солдат и офицеров лисынмановской армии.

В послевоенный период в крупных штабах были созданы отделы информации и пропаганды, непосредственно направляющие идеологическую работу в армии, в частях и подразделениях введены должности офицеров по политическому воспитанию. Важнейшая задача этого «воспитания» заключается в том, чтобы привить южнокорейским солдатам ненависть к социалистическим странам и в первую очередь к КНДР.

Американские империалисты, создавая многочисленную южнокорейскую армию, рассчитывали, что она явится послушным и безотказным орудием для выполнения их целей и будет содействовать сохранению угодного им режима в Южной Корее.

Однако, несмотря на все старания лисынмановских марионеток и их покровителей, им не удается выполнить поставленную задачу. Свидетельством этому являются многочисленные случаи перехода на сторону Корейской Народно-Демократической Республики южнокорейских солдат и офицеров, которые не желают защищать интересы американских империалистов. Жестокая палочная дисциплина влечет за собой массовое дезертирство из южнокорейской армии. Нередки случаи, когда солдаты, доведенные до отчаяния варварским обращением военачальников, кончают жизнь самоубийством.

По рассказам южнокорейских солдат, перешедших на сторону корейской Народной армии, офицерский состав притесняет их и создает невыносимые условия прохождения военной службы.

Вполне понятно, что южнокорейская молодежь стремится уклониться от службы в армии и под любыми предлогами не является на призывные пункты.

По сообщению южнокорейского агентства Хаптон от 6 декабря 1957 г., мобилизационное управление министерства национальной обороны официально объявило о том, что в 1956 г. число уклонившихся от несения военной службы достигло 28 тыс., а в 1957 г. оно превысило 40 тыс. человек.

Осуществляя милитаризацию Южной Кореи, лисынмановские власти неоднократно нарушали условия перемирия. В 1953 г. они задержали более 48 тыс. военнопленных корейско-китайской стороны [16], причем часть из них была мобилизована в южнокорейскую армию, а часть передана в состав чанкайшистских вооруженных сил.

В период 1953 — 1957 гг. территория Северной Кореи 12 раз подвергалась артиллерийскому обстрелу. В этот же период зафиксировано 538 нарушений воздушного пространства КНДР, в которых участвовало до 1000 самолетов. Неоднократно совершались налеты на пограничные посты Народной армии, наруша-

[16] «Правда», 1957, 27 июня.

лись морские границы Корейской Народно-Демократической Республики.

31 мая 1956 г. на заседании военной комиссии по перемирию американский представитель выступил с клеветническим заявлением против корейско-китайской стороны и нейтральной комиссии по наблюдению за перемирием, заявив об одностороннем «прекращении действия ряда статей соглашения о перемирии, определяющих обязанности нейтральной комиссии и нейтральных инспекционных групп» [17].

Односторонний отказ от выполнения условий перемирия в Корее потребовался империалистическим кругам США для того, чтобы иметь возможность быстрыми темпами перевооружить южнокорейские войска, а также войска США, дислоцированные в Южной Корее, атомным оружием, осуществить строительство военных объектов и превратить территорию Южной Кореи в американскую атомную базу.

21 июня 1957 г. на заседании военной комиссии по перемирию представитель «войск ООН» генерал Литцемберг заявил об отказе США выполнять один из важнейших пунктов соглашения о перемирии, в соответствии с которым ввоз новых видов оружия и боевой техники в Южную Корею был запрещен [18].

В этот же день министерство обороны США опубликовало заявление о немедленной отправке в Южную Корею нового американского вооружения, вплоть до истребителей и бомбардировщиков, могущих нести атомное оружие.

Одновременно представитель министерства обороны США заявил, что американские дивизии в Южной Корее подлежат реорганизации и будут иметь на вооружении атомное оружие. Кроме того, будет произведена модернизация 21 южнокорейской дивизии [19].

Пытаясь оправдать свои незаконные действия в Южной Корее, правящие круги США и лисынмановские политические деятели утверждают, что правительства КНДР и КНР проводят политику усиленной милитаризации. Однако действительность опровергает подобные утверждения.

В то время как на юге Кореи раздаются истерические призывы к «походу на Север», к аннулированию перемирия, правительства Корейской Народно-Демократической Республики, СССР и Китайской Народной Республики неизменно выступают за мирное решение корейского вопроса.

31 мая 1956 г. правительство КНДР опубликовало заявление, в котором указывало, что корейский вопрос должен быть решен путем переговоров [20]. Для того чтобы устранить недоверие между Южной и Северной Кореей, правительство КНДР предложило южнокорейским властям сделать совместное заявление о том, что как Северная, так и Южная Корея не будут применять вооруженные силы при решении корейской проблемы, а также сократят численность своих войск.

Однако южнокорейские власти не откликнулись на это предложение.

Стремясь внести новый вклад в дело сохранения мира и создать благоприятные условия для мирного объединения страны, правительство КНДР заявило, что оно не применит первым свои вооруженные силы против Южной Кореи и до 31 августа 1956 г. проведет сокращение численности своих войск на 80 тыс. человек [21].

Правительство Китайской Народной Республики, поддерживая мирную инициативу КНДР, также неоднократно выступало с конструктивными предложениями, направленными на укрепление мира.

Однако мирная инициатива правительств КНР и КНДР, активно поддерживаемая всеми социалистическими странами, всеми миролюбивыми народами, отвергается южнокорейской и американской стороной.

В начале июля 1958 г. США создали в районе г. Чхунчхон (близ демаркационной линии) базу для запуска управляемых снарядов, а 16 декабря того же года официально заявили, что американские войска в Корее оснащены управляемыми снарядами «Матадор», способными нести атомные заряды [22]. Одновременно с этим было сказано, что «Южной Корее предоставляется дополнительная бригада реактивных истребителей F-86» [23].

Наряду с поставками новых видов оружия в Южную Корею, американское и южнокорейское командование усиленно подготавливает войска к действиям в условиях атомной войны.

В январе 1958 г. в Южной Корее были проведены совместные учения американских и южнокорейских войск, во время которых условно применялось атомное оружие. Командир первого американского армейского корпуса генерал-лейтенант Трудо, охарактеризовал эти учения как «самую крупную операцию, проводившуюся в Корее со времени окончания военных действий». Он заявил, что цель этих учений состояла в том, чтобы испытать ударную силу и мобильность американских дивизий после реорганизации и оснащения их атомным оружием [24].

Такие действия империалистических кругов США и их южнокорейских марионеток являются грубейшим нарушением соглашения о перемирии.

Размещение войск США в Южной Корее, оснащение южнокорейской армии новыми видами оружия и увеличение ее числен-

[17] «Красная звезда», 1956, 2 июня.
[18] «Правда», 1957, 27 июня.
[19] «Красная звезда», 1957, 22 июня.
[20] «Красная звезда», 1956, 1 июня.
[21] Там же.
[22] «Минчжу чосон» (민주조선), 1958, 19 декабря.
[23] «Красная звезда», 1958, 18 декабря.
[24] «Минчжу чосон», 1958, 19 декабря.

ного состава, строительство различного рода военных баз на территории Юга создают на Дальнем Востоке напряженную обстановку.

В интересах сохранения мира на Дальнем Востоке необходимо вывести из Южной Кореи американские войска, действующие под флагом ООН. Этого единодушно требуют весь корейский народ и все прогрессивные силы мира.

Планам империалистических кругов США и южнокорейской реакции противостоит воля миролюбивого корейского народа, который под руководством Трудовой партии при поддержке братских социалистических стран и свободолюбивых сил всего мира решительно отстаивает независимость, мир, национальное единство и демократию.

Глава IV

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА НАД ЭКОНОМИКОЙ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Сорок лет (1905—1945 гг.) экономическое развитие Кореи проходило в условиях колониального гнета японского империализма. Накануне установления японского господства Корея только вступала на путь капитализма и по существу все капиталистическое развитие Кореи проходило в условиях подчинения народного хозяйства страны иностранному капиталу, который придал этому развитию уродливый, специфически колониальный характер. Военно-техническое превосходство Японии и жестокий гнет колониального аппарата обеспечили полное политическое и экономическое господство в стране японского военно-феодального империализма.

Уже в первое десятилетие после установления японского господства все командные позиции в экономике Кореи, все национальные ресурсы страны оказались в руках или под полным контролем японских империалистов. Колониальные власти полностью захватили железнодорожный транспорт и средства связи; денежно-кредитная система Кореи перешла под полный контроль японских банков. Наиболее крупные промышленные предприятия и значительная часть плодородных земель стали собственностью японских капиталистов, помещиков и кулаков.

Колонизаторы всячески тормозили развитие корейской национальной экономики, национального капитала, подчинив экономическое развитие этой страны интересам японского империализма. В то время как экономически более сильный японский капитал для развития своей деятельности в Корее пользовался разного рода привилегиями, включая крупные государственные субсидии, национальный корейский капитал не только никем не субсидировался, но и всячески дискриминировался колониальным законодательством [1].

[1] Весьма показательны в этом отношении закон об акционерных компаниях 1910 г., который поощрил создание японских и сильно затруднял организацию корейских акционерных обществ в обрабатывающей промышленности, а также законы 1906 и 1916 гг., фактически установившие монопольное господство японского капитала в горнодобывающей промышленности.

Опираясь на мощный военно-полицейский аппарат и всячески подавляя развитие национального корейского капитала, японские монополии во главе с Мицубиси, Мицуи, Ногути установили свое господство во всех важнейших отраслях корейской экономики. На 31 декабря 1938 г. доля японского капитала во всем акционерном капитале электроэнергетической промышленности Кореи составляла 100%, в рыболовстве — 93,7, в горной промышленности — 93,2, на транспорте — 92,5, в страховании — 90,9, в банках — 88,3, в обрабатывающей промышленности — 87,8%. Корейский национальный капитал играл более или менее заметную роль только в торговле, где его доля составляла 26,2%, в сельском хозяйстве — 20,6% и в мелких второстепенных отраслях хозяйства, которые японская статистика относила к рубрике «прочие» [2]. Приведенные цифры свидетельствуют об исключительной слабости корейского национального капитала, его незначительной роли в колониальной экономике страны.

В годы второй мировой войны, когда выросло военно-промышленное производство, наблюдалось некоторое расширение предпринимательской деятельности корейской буржуазии. Однако корейский национальный капитал в масштабе всей экономики страны продолжал занимать подчиненное место. За время второй мировой войны несколько укрепилась та часть корейской буржуазии, которая была тесно связана с колониальными властями и японскими монополиями (компрадорская буржуазия). Она в известной мере допускалась к участию в колониальном аппарате. В руках главным образом компрадорской буржуазии и находились те немногие крупные предприятия, которые принадлежали корейскому капиталу. К компрадорским кругам корейской буржуазии относились так называемые текстильные короли Ким Сон Су и его брат Ким Ён Су, владелец авиатранспортной компании Пак Хын Сик, крупный банкир Хан Сен Ен и некоторые другие. Большая часть национальной буржуазии (средней и мелкой) была экономически слабой и политически бесправной. Основной сферой приложения корейского национального капитала продолжали оставаться второстепенные отрасли хозяйства и небольшие предприятия. Хотя оплаченный капитал корейских акционерных компаний и увеличился со 122,7 млн. иен в 1938 г. до 168,7 млн. иен в 1944 г., удельный вес корейского капитала в общем акционерном капитале не только не вырос, но даже довольно резко снизился — с 11,3% в 1938 г. до 4% в 1944 г. [3]

Накануне освобождения на долю японского капитала приходилось 91,22% общей суммы капиталов, вложенных в различные виды предпринимательства (исключая сельское хозяйство). В промышленности его доля составляла 94% [4].

Разгром советскими войсками империалистической Японии во второй мировой войне принес Корее освобождение от многолетнего гнета японских колонизаторов. Но создание свободного народно-демократического государства было осуществлено только в северной части страны, где была установлена зона военной ответственности советских войск. В южной части страны, где высадились американские войска, сохранилось иноземное господство, хотя и в несколько завуалированной форме; при этом японских империалистов сменили американские.

Политику США в Южной Корее можно подразделить на два основных периода: первый — непосредственное господство военно-оккупационных американских властей и второй — управление Южной Кореей с помощью марионеточного правительства Ли Сын Мана.

Независимо от форм и методов подчинения в указанные периоды сущность политики американского империализма остается одна — создание условий для господства американского империализма в политической, экономической и культурной жизни Южной Кореи, превращение ее в военно-политический плацдарм США на Дальнем Востоке.

Экономика Южной Кореи в период военно-оккупационного режима (1945—1948 гг.)

В первые дни после высадки американских войск в Южной Корее вся административная власть согласно приказу № 1 генерала Макартура продолжала оставаться в руках японского колониального аппарата во главе с генерал-губернатором Абэ, действовавшим под контролем американского командования. Только под давлением корейского народа командование американских войск в Южной Корее было вынуждено упразднить японское генерал-губернаторство. 11 сентября 1945 г. была создана американская военная администрация, которую возглавил командир 7-й американской оккупационной дивизии генерал-майор А. Арнольд.

Захватив в свои руки административное управление, американские оккупационные власти по существу сохранили японское колониальное законодательство. В приказе № 21, изданном главой военной администрации 2 ноября 1945 г., говорилось: «Все законы, предписания, приказы, объявления и другие документы, выпущенные любым прежним правительством Кореи и имевшие силу закона до 9 августа 1945 г., кроме ранее отмененных, сохраняют прежнюю силу и действие... вся власть, применявша-

[2] «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954, стр. 132.
[3] Е. А. Пигулевская, *Корейский народ в борьбе за независимость и демократию*, М., 1952, стр. 88.
[4] «Чосон чунъан ёнгам» (朝鮮中央年鑑), Пхеньян, 1950, стр. 310.

ясь генерал-губернатором Кореи, может применяться начальником военной администрации».

В новой системе управления на все наиболее важные административные посты были назначены американцы. Так, на пост директора бюро горного дела и промышленности был назначен полковник Джон Ундервуд, директором бюро финансов — подполковник Чарлз Гордон, директором бюро сельского хозяйства и торговли — подполковник Джеймс Мартин, директором бюро коммуникаций — подполковник Уильям Джерлихай и директором бюро транспорта — подполковник Вард Гамильтон. Обязанности и функции управляющего Корейским банком были возложены на лейтенанта Роланда Смита, а директором Корейского промышленного банка был назначен лейтенант Гарри Робинсон. В соответствии с распоряжениями военной администрации, изданными с сентября 1945 г. по март 1946 г., обязанности военных губернаторов южнокорейских провинций были возложены на офицеров американской армии.

Полнота власти и широкие полномочия военной администрации на территории к югу от 38-й параллели, дали американским монополиям возможность приступить к постепенному подчинению южнокорейской экономики.

Одним из первых мероприятий американских оккупационных властей, направленных на захват командных позиций в южнокорейской экономике, была передача в руки военной администрации предприятий и имущества, принадлежавших японцам. Как было показано выше, накануне освобождения страны более 90% всех капиталов, инвестированных в различные отрасли предпринимательства, находилось в руках японских колонизаторов. По данным японского министерства финансов, опубликованным 5 декабря 1945 г., «японская собственность» на всей территории Корейского полуострова оценивалась в 17 млрд. иен [5].

Все эти материальные ценности были объявлены «вражеским имуществом» и должны были, по замыслам американского командования, перейти в виде «трофеев» в распоряжение США.

Вскоре после высадки американских войск на территории Южной Кореи был опубликован приказ № 2 за подписью главы военной администрации генерал-майора Арнольда. Согласно этому приказу любые сделки, касавшиеся японского имущества, заключенные после 9 августа 1945 г., объявлялись недействительными.

В соответствии с этим приказом всем лицам, которые владели и управляли японским имуществом либо контролировали его, строжайше [6] предписывалось: сохранять упомянутое имущество, не передавать его и не распоряжаться им каким-либо другим образом, предотвращать любое действие, которое могло нанести ему ущерб и одновременно поддерживать правильный его учет. Всем лицам, имевшим отношение к японскому имуществу, надлежало дать полный отчет американским оккупационным властям о поступавших доходах.

[5] «Чосон кёнчже ёнбо» (朝鮮經濟年報), Сеул, 1948, раздел II, стр. 5.

[6] Статья 6 приказа № 2 предупреждала, что «всякий, кто нарушит положения настоящего приказа, будет по приговору военного оккупационного суда подвергнут такому наказанию, которое сочтет возможным применить суд».

Таблица 1

*Японские капиталовложения в Южной Корее * к концу колониального периода (1945 г.)*

Объекты капиталовложений	Размер капиталовложений и стоимость имущества, тыс. иен	Доля японских инвестиций в общей сумме капитала, вложенного в данную отрасль, %
Предприятия и корпорации обрабатывающей промышленности	2 207 720	90,73
Финансовые учреждения	44 691	88,8
Торговля	603 157	73,7
Рыболовство, горное дело и другие отрасли добывающей промышленности	579 171	93,5
Земельные угодья, леса и городские участки	57 562	нет данных
Жилые помещения	4 000 000	„ „
Судоходство	1 000 000	„ „
Итого . . .	8 889 301	нет данных

* Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow,* New York, 1956, p. 219. В таблицу не включена, по-видимому, собственность японских колониальных властей и, в частности, капиталы, вложенные в железнодорожное строительство.

Итак, приказ № 2 явился как бы подготовительной ступенью, призванной создать условия для перехода «японского имущества» в руки американских монополий.

После опубликования этого документа чиновники военной администрации действовали весьма оперативно. Им понадобилось немногим более двух месяцев, чтобы в основном завершить регистрацию «японской собственности». Уже 6 декабря 1945 г. генерал-майор Арнольд подписал приказ № 33 «О приобретении прав на японское имущество, находящееся в Корее». 12 декабря 1945 г. этот приказ был опубликован и вступил в силу. Согласно приказу № 33 американской военной администрации передавалось право владения любой собственностью (равно как и пра-

во на доходы с нее), принадлежавшей японскому правительству или японским подданным и находившейся к моменту издания приказа под юрисдикцией американской администрации (статья 2).

В статье 3 всем банкам, компаниям и частным лицам, которые имели отношение к бывшему японскому имуществу, в категорической форме запрещалось распоряжаться им до поступления соответствующих инструкций. Оставаясь фактическими владельцами имущества, они должны были безотлагательно передать управление и контроль над этой собственностью американским оккупационным властям. Чтобы сохранить право владения этим имуществом или передачи его, требовалось разрешение военной администрации.

Несмотря на то что 14 декабря 1945 г. был опубликован особый инструктивный приказ, в котором во всех деталях была разработана процедура передачи бывшего японского имущества в руки американских оккупационных властей, процесс присвоения ими «японской собственности» протекал не совсем гладко и беспрепятственно. После опубликования перечисленных выше документов японские собственники все же пытались утаить и сохранить свое имущество, вывозя его за пределы Южной Кореи. Вот почему, стремясь приостановить утечку бывшей японской собственности, американская военная администрация 3 января 1946 г. издала приказ № 39, в котором говорилось: «Транспортировка воздушным, сухопутным и морским путем в Корею и из Кореи различного имущества, включая сюда грузы и ценности, не разрешается, за исключением тех случаев, когда подобного рода операции осуществляются особыми представительными органами, наделенными полномочиями со стороны военной администрации» (статья 1). Далее в приказе американской военной администрации особо выделялись эти исключительные «случаи»: «Настоящий приказ не распространяется на военную администрацию в Корее и на частные товарные перевозки, которые совершаются американскими должностными лицами и чиновниками» (статья 7).

Осуществляя подобные мероприятия, американская военная администрация установила неограниченный контроль над важнейшими отраслями южнокорейской экономики. В руки оккупационных властей перешли наиболее крупные банки, промышленные предприятия, шахты, рудники, электростанции, запасы сырья и продовольствия, магазины, административные, хозяйственные и жилые здания, принадлежавшие ранее японским капиталистам. Имущество, представлявшее наибольший интерес для американских монополий,— драгоценные металлы и стратегическое сырье военная администрация переправила в США. Продовольствие, промышленное сырье, оборудование, готовые изделия и другую собственность она реализовала путем продажи в виде поставок в счет американской «помощи» ре-

акционным правительствам различных азиатских стран (филиппинскому, гоминдановскому и др.) [7].

Однако присвоение японского имущества американскими оккупационными властями не ограничивалось только приобретением материальных ценностей, созданных руками корейских трудящихся. Американские империалисты стремились взять в свои руки естественные богатства Южной Кореи, включая пахотные земли и лесные угодья. На основании приказов № 3 от 19 декабря 1945 г. и № 4 от 8 марта 1946 г. все сельскохозяйственные и лесные угодья, реквизированные американскими вооруженными силами, оставались под контролем и управлением оккупационных властей.

Земельные владения японцев в Южной Корее, которые не были реквизированы американской армией или военной администрацией, по приказу № 52 от 21 февраля 1946 г. передавались компании «Новая Корея», созданной 12 ноября 1945 г. на базе японского Восточного колонизационного общества (ВКО). Компания «Новая Корея» учреждалась как «независимый орган» американской военной администрации в Южной Корее с акционерным капиталом 100 млн. иен. Вся сумма акционерного капитала этой компании была оплачена военной администрацией путем передачи ей имущества ВКО. К компании «Новая Корея» перешло не только бывшее имущество ВКО, но и вся частная японская собственность, находившаяся под его контролем (статья 4 приказа № 52).

Таким образом, в ее распоряжении оказалось значительное количество земельных и лесных угодий, промышленных и коммерческих предприятий, а также другое движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее ранее японским колонизаторам. Для управления всем захваченным имуществом начальник военной администрации назначил совет компании из десяти директоров и президента, причем последний был офицером американских вооруженных сил и располагал всеми полномочиями, чтобы осуществлять на практике мероприятия военной администрации.

Эта акционерная компания могла заниматься всеми видами промышленной деятельности, включая разработку естественных ресурсов, производство машин, двигателей, транспортного оборудования, судов, авиационных частей, электрооборудования, текстиля, продуктов питания и прочих товаров. В сферу ее деятельности входили сельскохозяйственное производство, лесоводство, рыболовство и добыча морских продуктов.

Компания «Новая Корея» была разбита на специальные отделы, каждый из которых являлся независимой единицей. Промышленный и горнорудный отделы этой компании были пе-

[7] И. Кравцов, *Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951 гг.)*, М., 1951, стр. 123.

реданы под непосредственное управление военной администрации [8].

Здесь уместно отметить, что 10 марта 1946 г., т. е. спустя пять дней после принятия Временным народным комитетом Северной Кореи закона о земельной реформе, в Сеуле состоялась конференция начальников сельскохозяйственных отделов различных провинций южной части страны. На этом совещании высказывались мнения о несправедливости передачи принадлежавших японцам земель в ведение компании «Новая Корея», а не корейцам [9]. Однако, вопреки подобного рода возражениям, американские оккупационные власти продолжали закреплять за компанией огромное количество сельскохозяйственных земель, бывших ранее японской собственностью. Их общая площадь на 6 июля 1947 г. составляла свыше 300 тыс. чонбо [10].

Компания «Новая Корея» сдавала перешедшие под ее контроль земли в аренду. На части этих земель развернули предпринимательскую деятельность корейские дельцы. Бо́льшую же часть пахотных земель компания сдавала в аренду безземельным корейским крестьянам. Уже на 26 июня 1946 г. на ее землях насчитывалось более 20 тыс. хозяйств арендаторов [11]. В дальнейшем численность арендаторов, обрабатывавших земли компании за высокую плату, несомненно, увеличилась, ибо на 2 апреля 1947 г. в Южной Корее насчитывалось 3,5 млн. разорившихся крестьян, из которых, по признанию бюро страхования и народного благосостояния, 850 тыс. человек нуждались в «неотложной помощи и покровительстве» [12].

Деятельность американской компании «Новая Корея» вызывала глубокое возмущение корейского народа. В условиях роста национально-освободительного движения народов стран Дальнего Востока и значительных успехов достигнутых в северной части страны, американские империалисты были вынуждены всячески маскировать колонизаторскую сущность своей деятельности. 7 декабря 1947 г. военная администрация объявила о подготовке нового законопроекта, обещая широкое привлечение корейцев к руководству этой компанией [13]. В марте 1948 г. американские оккупационные власти ликвидировали компанию «Новая Корея», а незаконно присвоенные земли распродали корейским помещикам и кулакам.

Итак, в период деятельности военной администрации американские империалисты установили свой безраздельный контроль над важнейшими отраслями южнокорейской экономики.

На первых порах американская военная администрация

[8] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 12, 13, 15, 16.
[9] Там же, стр. 8.
[10] Там же, стр. 23. — Чонбо равен 0,99 *га*.
[11] Там же, стр. 10.
[12] Там же, стр. 19.
[13] Там же, стр. 29.

имела такую же структуру, что и бывшее японское генерал-губернаторство. Однако начиная с октября 1945 г. ее структура стала подвергаться некоторым изменениям. Реорганизация экономических отделов военной администрации в окончательном виде сводилась к сосредоточению функций управления определенной отраслью южнокорейской экономики в соответствующем бюро военной администрации. Эта реорганизация преследовала цель создания такой системы управления, которая позволила бы установить наиболее полный и эффективный контроль над важнейшими отраслями экономики южной части страны.

Чтобы обеспечить себе внутреннюю социальную опору и создать видимость участия корейцев в управлении Южной Кореей, американские оккупационные власти стали привлекать в административный аппарат предателей корейского народа, ранее активно сотрудничавших с японскими колонизаторами, и корейских реакционеров — эмигрантов, прибывших из США. Американские империалисты в первую очередь делали ставку на те слои корейского общества, на которые прежде опирались японские монополистические круги. Американские оккупационные власти понимали, что после ликвидации японского колониального режима обремененные грузом преступлений против корейского народа прояпонские элементы станут искать себе новых хозяев и покровителей и будут служить им верой и правдой. Среди этих изменников были представители феодально-помещичьего класса, крупной корейской буржуазии, тесно сотрудничавшей с японскими монополиями, и реакционного чиновничества, служившего в японском колониальном аппарате.

6 октября 1945 г. при военной администрации был создан комитет корейских гражданских, политических, экономических и прочих советников, в котором 10 мест из 11 было предоставлено членам так называемой демократической партии. О моральном и политическом облике некоторых советников красноречиво свидетельствуют высказывания корейской прессы.

«Ким Сон Су — это имя так же хорошо известно, как и ненавистно в Корее... Как-то в припадке энтузиазма Ким Сон Су сказал, что благосостояние его семьи — одной из наиболее богатых семей Кореи — будет продолжаться до тех пор, пока Япония управляет Кореей.

Сон Чжин У известен как идеологический вождь демократической партии. После первой мировой войны он жил некоторое время в Японии и служил у начальника токийской жандармерии. Позже работал под руководством барона Танака, подготовляя захват Маньчжурии. По возвращении в Корею продолжал свою работу на „оборону", выявляя и выдавая жандармерии участников движения за независимость Кореи.

Ли Сон Сир — это имя стало проклятием для корейцев, после того как он в 1941 г. стал во главе... японского движения, на-

правленного на ассимиляцию корейского народа, его культуры и языка»[14].

20 февраля 1946 г. военная администрация издала приказ № 53, согласно которому надлежало создать особую коллегию экономических советников из числа корейцев. Как демагогически провозглашалось в указе, этот «представительный» орган должен был давать советы по различным экономическим вопросам, в частности содействовать стабилизации стоимости жизни и распределению товаров первой необходимости, прекращению роста цен, предотвращению товарного голода на предметы потребления и т. д. (статья 1)[15]. Коллегия экономических советников состояла из семи членов, назначаемых главой военной администрации после специального отбора. Каждый из них получал щедрое вознаграждение за оказываемые услуги (статья 2). Эти платные агенты всемерно старались заслужить признательность и доверие новых хозяев и действовали в направлении, угодном для американских оккупационных властей. Коллегия экономических советников по своему статуту была подведомственна военной администрации и фактически подчинялась директору бюро торговли — офицеру американских вооруженных сил.

В приказе военной администрации № 90 от 28 мая 1946 г. была изложена так называемая «система управления экономикой». Американские оккупационные власти, чтобы упорядочить формы своего экономического контроля, создали при военной администрации «центральную экономическую комиссию». В нее входили американцы — председатель, секретарь (их назначал глава американской военной администрации) и начальники сельскохозяйственного, торгового, финансового и транспортного отделов. 28 января 1947 г. состав центральной экономической комиссии был расширен до одиннадцати человек (шесть американцев и пять корейцев — их заместителей). Эта комиссия должна была содействовать военной администрации в управлении народным хозяйством, устанавливать квоты импорта и экспорта, распределять материалы, оборудование, топливо и рабочую силу, определять цены, осуществлять контроль над товарами, отпускаемыми по карточкам[16]. Таким образом, «центральная экономическая комиссия» представляла собой своеобразный верховный орган, который издавал директивы для различных бюро и ведомств военной администрации, а последние в свою очередь осуществляли руководство определенными отраслями южнокорейской экономики в соответствии с полученными инструкциями.

По приказу № 90 были существенным образом урезаны

[14] «Korean independents», 1945. 12 December (цит. по кн.: И. Кравцов, *Агрессия американского империализма в Корее*, стр. 112).

[15] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 46.

[16] Там же, стр. 49.

полномочия коллегии экономических советников-корейцев. Если раньше она должна была давать рекомендации военной администрации по различным экономическим вопросам, то теперь превратилась в совещательный орган, который мог излагать свое мнение военной администрации и «центральной экономической комиссии» лишь по их требованию.

Помимо отделов торговли, сельского хозяйства, финансов и транспорта, а также стоявшей над ними «центральной экономической комиссии», при военной администрации с первых дней ее существования была учреждена должность управляющего «вражеским имуществом», а впоследствии, 3 января 1946 г., был создан особый административный орган по контролю за «японским имуществом», представлявший собой широко разветвленный аппарат с многочисленным штатом чиновников и советников.

Таковы в кратких чертах структура и назначение основных органов военной администрации, осуществлявших контроль над различными отраслями южнокорейской экономики.

Как же американская военная администрация распоряжалась бывшим японским имуществом? Одним из важнейших законодательных актов американских оккупационных властей явился приказ № 8, изданный 31 декабря 1946 г. В соответствии с этим приказом (статья 1, пункт 2) контроль и надзор за теми бывшими японскими компаниями, которые перешли под юрисдикцию американских оккупационных властей, были переданы в ведение советников из персонала военной администрации. Эти представители американских оккупационных властей были наделены полномочиями либо лично вести дела, либо назначать управляющих[17].

Полномочия представителей военной администрации, ответственных за управление бывшими японскими предприятиями и имуществом, были исключительно широки. Управляющие имуществом имели право обследования и надзора за документацией и отчетностью действующих предприятий, находившихся прежде в руках японцев, а в случае необходимости могли затребовать дополнительные сведения (статья 3, пункт 5). Без их санкции не допускались какие-либо расходы на основной капитал (статья 4, пункт 1). Не получив особого указания или письменного разрешения специальных чиновников военной администрации, японские юридические лица, разного рода компании, союзы и предприятия не могли распоряжаться своей прибылью (например, проводить ее распределение и выпускать акции). Более того, им не дозволялось выплачивать жалованье и производить различные виды платежей (статья 6, пункты 1 и 2).

В дальнейшем приказ № 8 подвергался неоднократным изменениям. Однако последующие тексты этого документа мало

[17] Там же, стр. 83; «Чосон чунъан ёнгам» (조선 중앙년감), 1950, стр. 309.

чем отличались от первого и по форме изложения и по существу.

Формально правом контроля были наделены некоторые начальники отделов из корейских реакционеров, являвшихся проводниками политики американского империализма, но окончательные решения принимала военная администрация, что позволяло оккупационным властям осуществлять управление промышленными предприятиями в интересах американских монополий.

Пользуясь неограниченными правами, различные бюро и ведомства военной администрации, включая и центральный отдел по контролю за так называемым «вражеским имуществом», делали все от них зависящее, чтобы способствовать развитию тех отраслей южнокорейской промышленности, которые сулили американским монополиям верные прибыли, и, напротив, всячески тормозили восстановление тех отраслей, разруха в которых была выгодна американским монополиям, импортировавшим в Южную Корею свои товары.

Руководствуясь такими целями, они осуществляли передачу машин и оборудования с одних предприятий на другие, устанавливали различные размеры арендной платы за предприятия, сдаваемые в аренду [18], и предпринимали другие меры, направленные на полное закабаление народного хозяйства Южной Кореи американским империализмом. В частности, согласно упомянутому приказу № 2 от 25 сентября 1945 г. (статья 3, пункт 1), сделки, связанные с любым имуществом, которое не относилось к категории «вражеского», допускались лишь с разрешения военной администрации. Подобного рода ограничения сковывали деловую активность южнокорейских предпринимателей.

Стремясь сохранить колониальный характер южнокорейской экономики и подчинить ее интересам американских монополий, военная администрация умышленно выводила из строя производственное оборудование. В частности, оккупационные власти закрыли в Южной Корее большинство предприятий черной металлургии, среди них крупный металлургический завод в Инчхоне. Военные власти не только приостановили работы на заводе ферросплавов, но и демонтировали его, а наиболее ценное оборудование вывезли в США.

Самый большой в Южной Корее Сеульский металлургический завод (бывшая собственность горнорудной компании Кобаяси), который занимался производством не только ферросплавов, но и висмута, был превращен в ремонтный завод по об-

[18] В источниках, доступных авторам настоящей книги, не содержится конкретных данных об абсолютном размере арендной платы. Известно, однако, что с 1 сентября 1947 г. плата за аренду «вражеского имущества» и жилищ была увеличена в 5 раз («Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 25).

служиванию американских оккупационных войск. Были закрыты и ликвидированы заводы: медеплавильный (принадлежавший прежде концерну Мицубиси), авиационный и электролизной меди, арсенал Томихара Итару и значительное число других важнейших предприятий. Некоторые из них оккупационные власти превратили в мастерские, непосредственно подчиненные командованию войск США, или даже в казармы для американских солдат [19].

Результаты политики американских монополий не замедлили сказаться. В условиях господства военной администрации южнокорейская экономика была по-прежнему, как и во времена японского господства, лишена возможности свободного и независимого развития. Южнокорейская промышленность не только сохранила свою однобокую, уродливую структуру, но, как это будет показано ниже, резко снизила выпуск продукции и оказалась на грани полного краха и развала.

Изменение форм экономического господства США после создания лисынмановского правительства

Военно-оккупационный режим, установленный США в Южной Корее, обеспечил американскому империализму господствующее положение во всех областях политической и экономической жизни этой части Кореи.

Однако военно-оккупационный режим долго продержаться не мог. Империалисты США прекрасно понимали, что в современных условиях старые методы открытого колониального господства встречают непреодолимое сопротивление широких народных масс, стремящихся к свободе и независимости. Поэтому они пытались всячески завуалировать свое господство, облечь в новые формы, прикрыв его предоставлением формальной независимости и оказанием экономической «помощи».

Применение завуалированных форм господства особенно нужно было империалистам в Южной Корее, которую после разгрома чанкайшистской клики и победы китайской революции США превратили в свой плацдарм в материковой части Восточной Азии. Невозможность установить в Южной Корее империалистическое господство в открытой форме обусловливалась прежде всего тем, что к северу от 38-й параллели корейский народ успешно строил подлинно независимое, свободное государство, управляемое самим народом.

Корейский народ сравнивал то, что делается на севере страны, с тем, что американские оккупационные власти делали на юге. И это сравнение было не в пользу американцев. Даже такой журнал, как «Фар истерн сервей», признал, что «амери-

[19] «Чосон чунъан ёнгам», 1950, стр. 313.

канская политика резко отличается от политики, проводимой Советами в Северной Корее». Если действия Советского Союза «были популярны среди корейцев, то открыто колонизаторская политика США вызывала возмущение»[20].

Курс американских империалистов, проявившийся, в частности, в присвоении принадлежавшего раньше японцам корейского имущества и в возведении искусственных преград для развития различных отраслей южнокорейской экономики, вызвал большое разочарование и в предпринимательских кругах Южной Кореи.

Стесненная японским империализмом национальная корейская буржуазия (особенно ее средние и мелкие слои, которые не сотрудничали с японскими предпринимателями) в условиях колониального режима была лишена возможности получать желаемую сумму прибылей. С освобождением страны от японского ига она, естественно, рассчитывала на то, что японские предприятия перейдут в ее руки, а корейские предприниматели получат бо́льшие возможности для извлечения прибылей и расширения своих капиталовложений. Однако первые же законодательные акты американских оккупационных властей, направленные на полное подчинение национального достояния страны, рассеяли иллюзорные надежды корейских предпринимательских кругов.

С середины 1946 г. южнокорейские газеты все чаще стали связывать восстановление экономики Южной Кореи с дальнейшей судьбой «японского имущества». Полосы сеульских газет запестрели заголовками: «Передать право управления корейцам!», «Непременно распродать бывшую японскую собственность!», «Решительно проводить распродажу японского имущества!» и т. д. Появились статьи, в которых содержались решительные требования отменить приказ № 8 о контроле, т. е. о фактическом присвоении всех национальных ценностей американскими оккупационными властями. Разумеется, определенная часть газет, служившая рупором американской пропаганды, старательно рекламировала на своих страницах демагогические обещания военной администрации (об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что сначала следовало соответствующее заявление оккупационных властей и только потом затронутая в этом заявлении проблема становилась предметом обсуждения на страницах южнокорейской прессы). Однако все же некоторые газеты отражали настроения представителей национальной буржуазии.

Сорвав переговоры об объединении страны и став перед необходимостью вывода своих оккупационных войск в связи с выводом частей Советской Армии из Северной Кореи, американские империалистические круги начали деятельно готовиться к изменению форм своего господства в Южной Корее, прежде всего к созданию такого правительства, при помощи которого они могли бы сохранить свое господство. Одним из элементов этой подготовки явилось и изменение политики в отношении «японского имущества».

[20] «Far Eastern survey», 1946, vol. XV, № 3, p. 34.

В условиях нарастающего освободительного движения американские оккупационные власти стремились создать внутреннюю социальную опору колониального режима. Вот почему еще 27 декабря 1945 г. глава военной администрации генерал-майор Лерч (сменивший Арнольда 11 декабря 1945 г.) заявил, что «имущество японцев» будет передано будущему корейскому правительству[21], а 8 марта 1946 г. оккупационными властями было объявлено, что закон о распродаже корейцам этого имущества выйдет в ближайшем будущем[22].

Таким образом, южнокорейской общественности (и в первую очередь представителям национальной буржуазии) были даны весьма серьезные обещания, но военной администрации понадобилось более года для того, чтобы приступить к частичному претворению обещанных мероприятий в жизнь. 24 марта 1947 г. за подписью главы военной администрации было опубликовано заявление о распродаже мелких предприятий, перешедших под юрисдикцию оккупационных властей. Однако «японское имущество» могло быть продано лишь при соблюдении целого ряда условий. Во-первых, говорилось в упомянутом заявлении, «по мере возможности необходимо расследовать, способно ли лицо, изъявившее желание купить упомянутые выше предприятия, эффективно управлять ими и использовать их в достаточной степени производительно»[23]. Во-вторых, хотя право собственности и могло быть передано тем корейцам, которые соответствовали этим требованиям, им не дозволялось в течение двух лет после покупки перепродавать приобретенные предприятия[24]. Кроме того, военная администрация намеревалась приступить к распродаже только тех предприятий, зарегистрированная стоимость которых не достигала 1 млн. вон[25].

Следовательно, американские империалисты путем различных оговорок добились такого положения, при котором представители корейской буржуазии даже в том случае, если бы им удалось приобрести то или иное японское предприятие, не имели права распоряжаться им по своему усмотрению. Кроме того, распродаже подлежали только такие предприятия, которые не играли существенной роли в экономике страны[26].

[21] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 5.
[22] Там же, стр. 9.
[23] Там же, стр. 88.
[24] Там же.
[25] Там же. — Это условие было еще раз подтверждено отделом информации военной администрации 10 июля 1947 г.
[26] Крупные японские предприятия американские оккупационные власти не намеревались выпускать из-под своего прямого контроля. Например,

К фактическому осуществлению мероприятий, намеченных весной 1946 г., военная администрация приступила летом 1947 г., причем на первом этапе это коснулось только смешанных японо-корейских компаний. 11 июля 1947 г. центральный отдел по контролю за бывшим «японским имуществом» объявил, что началась распродажа японских акций, вложенных в корейские предприятия [27].

Активы, принадлежавшие прежде японским акционерам, частично перешли к крупной компрадорской буржуазии, которая во время колониального господства сотрудничала с японскими империалистами [28]. Несомненно, бросая эти подачки соглашательским слоям корейских предпринимательских кругов, командование американских оккупационных войск стремилось укрепить союз с ними и обеспечить надежную опору колониального режима, установленного в южной части страны.

16 июля 1947 г. через отдел информации были обнародованы подробные правила распродажи жилищ и мелких предприятий, принадлежавших раньше японцам. 19 июля была создана комиссия советников, в задачу которой входило конкретное осуществление мероприятий по распродаже «японского имущества», а к 31 июля в каждой из южнокорейских провинций были учреждены так называемые оценочные органы, назначение которых состояло в том, чтобы отобрать предприятия для продажи.

Из-за неопределенного политического положения и постоянно усиливавшегося национально-освободительного движения в Южной Корее американские монополии в 1945—1948 гг. воздерживались от вложения своих капиталов в экономику Южной Кореи, а южнокорейская национальная буржуазия не была в состоянии приобрести сколько-нибудь значительную долю бывших японских активов. До создания марионеточного правительства американская военная администрация продала японских активов (кроме земли) всего лишь на 2611 млн. вон [29]. При официальном курсе (1 долл.=50 вонам), действовавшем с 1 октября 1945 г. до 1 октября 1948 г. [30] (большинство продаж было произведено в 1948 г.), это составляет лишь 52,2 млн. долл., в то время как только активы ВКО в 1945 г. оценивались в 1 млрд. долл. [31].

Основная часть бывшего «японского имущества» общей стоимостью в 7 827 194 тыс. вон по-прежнему оставалась в распоряжении военной администрации. Задерживая распродажу имущества, награбленного японскими колонизаторами у корейских трудящихся, и сохраняя в своих руках большую часть производственной мощности промышленных предприятий, американские оккупационные власти распоряжались ими по своему усмотрению вплоть до 12 октября 1948 г., когда официально была закончена передача бывшей «японской собственности» южнокорейскому правительству [32].

После создания в августе 1948 г. так называемой Корейской республики американский империализм перешел к новым формам своего господства в Южной Корее.

Стремясь удержать колониальные и зависимые страны в империалистическом лагере и сохранить в них свой экономический и политический контроль, американский империализм всячески маскирует свое господство. Для обмана народных масс провозглашается фиктивная независимость этих стран. Национальные правительства «независимых» государств, основной политической силой которых являются компрадорская буржуазия и помещики, превращаются в послушных марионеток. Выполняя волю своих хозяев, марионеточные правительства заключают договоры, которые на «законном основании» предоставляют американскому империализму право хозяйничать в этих странах.

Типичным примером является марионеточное правительство Южной Кореи, заключившее с правительством Соединенных Штатов Америки ряд неравноправных договоров и соглашений.

11 сентября 1948 г. между правительствами США и Южной Кореи было заключено так называемое «предварительное финансовое и экономическое соглашение», положившее начало новым формам экономического господства США в Южной Корее. В соответствии с этим соглашением бывшая японская собственность, захваченная оккупационными американскими властями, должна была быть передана в ведение южнокорейских правительственных органов.

По «предварительному финансовому и имущественному соглашению» южнокорейскому правительству было передано свыше 2,5 тыс. различных предприятий, в том числе все железные дороги, телефон, телеграф, Корейский банк, Корейская угольная корпорация, Корейская судостроительная корпорация и Корейская судоходная корпорация, а также монопольное право

6 августа 1947 г. на совещании начальников провинциальных горнопромышленных отделов было решено, что важнейшие заводы и рудники надлежит передать центральным органам оккупационных властей («Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 24).

[27] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, раздел II, стр. 23.

[28] Например, крупные корейские помещики — упомянутый выше Ким Сон Су и его брат Ким Ён Су, распродав большую часть своих земель после отмены в 1919 г. закона об акционерных компаниях, вложили капиталы в текстильную промышленность. Они были крупными пайщиками и заправилами смешанной японо-корейской акционерной компании «Кэйдзё босэки». В годы второй мировой войны, выполняя заказы японских военных кругов, эти коллаборационисты значительно увеличили свои капиталы и не без основания получили прозвище «текстильных королей Кореи».

[29] «USAFIK. Republic of Korea. Economic summation», 1948, № 35, p. 7.

[30] «Чосон кёнчже ёнбо», 1955, стр. 82.

[31] «Иностранный капитал в Японии», М., 1956, стр. 53.

[32] «USAFIK. Republic of Korea. Economic summation 1948», № 35, p. 6.

на производство и торговлю солью, табачными изделиями, женьшенем [33]. Передача южнокорейскому правительству так называемых японских активов в основном была закончена к концу 1948 г. Но транспорт и связь оставались в руках американской администрации до конца июня 1949 г. [34], так как в «предварительном финансовом и имущественном соглашении» имелась оговорка (статья 4) о том, что впредь до вывода американских войск из Кореи остаются в силе ранее заключенные соглашения о пользовании американскими вооруженными силами некоторыми видами бывшей японской собственности. Эта оговорка имела в виду «административное соглашение», заключенное 24 августа 1948 г. командующим американскими вооруженными силами в Южной Корее с Ли Сын Маном. По «административному соглашению» американское командование сохраняло за собой контроль над всеми имеющими военно-стратегическое значение сооружениями: портами, железными дорогами, средствами связи, аэродромами и т. д. Это имущество было передано южнокорейскому правительству лишь в конце июня 1949 г., когда, согласно заявлениям официальных представителей Соединенных Штатов, был закончен вывод американских войск из Южной Кореи [35].

В соответствии с «предварительным соглашением» из-под юрисдикции военной администрации в распоряжение южнокорейских властей к концу 1948 г. перешло 2586 японских предприятий, которые по отдельным отраслям распределялись следующим образом: горнодобывающая промышленность — 74, металлообрабатывающая и машиностроительная — 406, химическая — 60, текстильная — 248, полиграфическая — 102, электроэнергетическая — 51, деревообрабатывающая — 124, пищевая, (включая производство спиртных напитков и рисоочистительные предприятия) — 568, фармацевтическая — 70, производство резиновых изделий — 38, транспорт — 75, торговля — 136, сельское хозяйство — 89, рыболовство — 31 и прочие отрасли экономики — 514 [36].

По закону «о распоряжении бывшей японской собственностью», опубликованному марионеточным правительством 19 декабря 1949 г., часть бывших японских предприятий была намечена к продаже. Сюда входили главным образом мелкие и средние предприятия второстепенного значения. Шахты, рудники, металлургические и машиностроительные заводы и прочие предприятия, «общественный» характер которых устанавливался

[33] Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow*, p. 228—230.

[34] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 4-я сессия, дополнение № 9 (A/936), Нью-Йорк, 1949, стр. 28: «The world today» [London], 1950, vol. 6, № 8, p. 319.

[35] После вывода американских войск в Южной Корее для боевой подготовки лисынмановской армии была оставлена «военная миссия», в которую входило около 500 офицеров-инструкторов.

[36] Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow*, p. 228.

президентским декретом [37], оставались в ведении южнокорейского правительства.

В ведении марионеточных властей оставались следующие виды бывшей «японской собственности»: транспорт, средства связи, национализированные корпорации, правительственные монополии на соль, табак и женьшень, 174 крупных предприятия, управляемых южнокорейскими министерствами. Под временным контролем правительства находилось около 1100 небольших предприятий, которые подлежали распродаже частным предпринимателям [38].

После передачи бывшей японской собственности лисынмановскому правительству к нему формально перешли ключевые позиции в экономике Южной Кореи, и там был создан государственнокапиталистический сектор, наличие которого в период подготовлявшегося американскими империалистами нападения на Север значительно облегчало контроль США над жизненно важными для экономического развития страны предприятиями.

Спустя три месяца после заключения «предварительного соглашения» экономические привилегии, предоставляемые южнокорейским правительством американскому капиталу, были уточнены и расширены специальным «соглашением об экономическом сотрудничестве», заключенным 10 декабря 1948 г. На основе этого соглашения США обязывались оказывать Южной Корее экономическую помощь. Со своей стороны марионеточные власти дали обязательство создать на Юге благоприятные условия для деятельности американских монополий и согласовывать с правительством США все проводимые ими мероприятия в области экономики.

Последующие экономические соглашения, заключенные США с южнокорейскими марионетками («соглашение об экономической координации» от 24 мая 1952 г., «соглашение о реконструкции экономики и стабилизации финансов» от 14 декабря 1953 г. и др.), были в той или иной мере посвящены вопросам американской «помощи». Истинные цели этой «помощи» раскрыл государственный секретарь США Ачесон в своем выступлении в Нью-Йорке 25 января 1952 г. Ачесон открыто заявил, что, осуществляя программу «помощи» отсталым странам, «США не преследуют каких-либо филантропических целей, а действуют в своих собственных интересах, стараясь создать в этих странах такие правительства и такую обстановку, которые устраивали бы США».

О сущности американской помощи экономически слабо развитым странам наглядно свидетельствует также и специальный раздел (№ 511а) американского закона о взаимном обеспечении безопасности, по которому «никакая военная, экономиче-

[37] Президентский декрет был опубликован 30 марта 1950 г.

[38] «An economic program for korean reconstruction», 1954, New York, p. 50, 51.

ская или техническая помощь не будет оказана любой стране... если получающие помощь страны не согласятся... выполнять военные обязательства, которые они приняли на себя согласно многосторонним и двусторонним договорам или соглашениям, участником которых являются Соединенные Штаты...»

Кабальный характер «помощи», предоставленной США экономически слабо развитым странам, наглядно подтверждается при анализе политики американского империализма в Южной Корее.

Рассмотрим, что собой представляла экономическая «помощь», которую получало южнокорейское марионеточное правительство от правительства США, и в каких целях она по указке американских представителей расходовалась. Хотя экономическая «помощь», предоставляемая США Южной Корее, занимает весьма видное место в бюджете этого марионеточного «государства», экономический эффект ее для народного хозяйства невелик. С 1945 до середины 1956 г. Южная Корея получила от правительства США и ООН экономическую «помощь» в размере приблизительно 2,1 млрд. долл.[39]. Из этой суммы около 1,5 млрд. долл. падает на «помощь», оказанную непосредственно США, и около 600 млн. долл. — на «помощь», полученную от «Корейского управления гражданской помощи» и ЮНКРА. Причем из этих 600 млн. долл. около 500 млн. долл.— взносы США[40]. Таким образом, из 2,1 млрд. долл., полученных Южной Кореей в счет экономической «помощи», США внесли около 2 млрд. долл. Почти вся эта сумма представляет собой «дары» и лишь 25 млн. долл. приходится на кредит[41].

Как правило, около 75% средств, ассигнуемых конгрессом США на «иностранную помощь», используется для закупок товаров у американских монополий. Благодаря этому монополии США за счет американских налогоплательщиков сбывают в Южную Корею значительное количество своей продукции, причем главным образом потребительские товары.

В 1945—1948 гг. оказание экономической «помощи» находилось в ведении военного министерства США. Весьма характерно, что для этих целей военное министерство использовало средства так называемого фонда «управления и помощи в оккупированных районах». Другими словами, США рассматривали Южную Корею не как освобожденную страну, а как оккупированную вражескую территорию, подобную Японии и Западной Германии. Объем экономической «помощи», полученной Южной

[39] Подсчитано по данным «Кёнчже ёнгам» (經濟年鑑), Сеул, 1955, стр. 173; «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 12-я сессия, дополнение № 17 (A/3651), Нью-Йорк, 1957, стр. 1, 25.

[40] «U. N. General Assembly. Official records», 11 session, supplement № 16 (A/3195), New York, 1956, p. 1, 24, 31.

[41] «The Department of State bulletin», Washington, 1955, 21 February, vol. 32, № 817, p. 296.

Кореей от этого министерства, составил 409 690 тыс. долл. Более 85% всей суммы «помощи» пришлось на продовольствие, одежду и ткани, удобрения, уголь и нефтепродукты[42].

В 1949—1950 гг. обязанности по оказанию экономической «помощи» Югу были переданы «Управлению экономического сотрудничества» США. В его поставках удельный вес оборудования был также незначителен. Из 98 775 тыс. долл. экономической «помощи», предоставленной Южной Корее этим управлением по 31 марта 1950 г., на долю оборудования и автомашин пришлось только 6003 тыс. долл.[43], т. е. около 6%. Президент Трумэн в послании конгрессу по вопросу о бюджетных ассигнованиях на 1951/52 финансовый год, касаясь экономической «помощи» Южной Корее в 1950 г., признал, что «имеющиеся в настоящее время (т. е. в 1950 г.— *Ред.*) фонды позволяют оказывать помощь только товарами первой необходимости»[44].

В годы агрессивной войны против КНДР (1950—1953) поставки в счет «помощи» производило южнокорейское «управление гражданской помощи». В 1950 г. оно поставило товаров всего лишь на 9376 тыс. долл.[45] Только с 1951 г. оно начало производить поставки в значительных размерах. С начала 1951 г. до заключения перемирия (июль 1953 г.) это управление поставило товаров на 328 млн. долл. Около 93% этой суммы было израсходовано на продовольствие, одежду, удобрения, медикаменты и топливо[46]. В докладе генерального агента ЮНКРА VII сессии Генеральной Ассамблеи говорится, что в программе экономической «помощи» так называемого командования «вооруженных сил ООН» главное внимание обращалось на «восстановление, необходимое для поддержки военных операций», т. е. на снабжение южнокорейской армии.

Агрессивная война причинила огромный ущерб хозяйству Юга. Но и после заключения перемирия в общей сумме экономической «помощи», полученной Южной Кореей от США и ООН, капитальное оборудование составляло лишь около трети. Так, в 1954—1956 гг. из 963,9 млн. долл. на долгосрочные капиталовложения предполагалось израсходовать только 328,5 млн. долл.[47].

В марте 1957 г. Ли Сын Ман заявил, что в поставках в счет «помощи» необходимо увеличить долю промышленных товаров, поскольку США поставляют в Корею в основном потребитель-

[42] «Ёкса квахак» (역사과학), Пхеньян, 1955, стр. 31.

[43] «Keesing's contemporary archives», London, 1950, 23—30 September, p. 10075.

[44] «The Department of State bulletin», 1950, vol. 22, № 551, 23 January, p. 138.

[45] «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 173.

[46] Там же, стр. 176, 177.

[47] «U. N. Economic survey of Asia and the Far East. 1955», Bangkok, 1956, p. 141 (за 1955/56 финансовый год, данные предварительные).

ские товары. «Мы, — сказал Ли Сын Ман, — нуждались и продолжаем нуждаться в потребительских товарах. Но мы также знаем, что это будет продолжаться до тех пор, пока мы не получим производственные мощности, достаточные для удовлетворения большей части наших внутренних потребностей» [48].

Ликвидация открытого военно-оккупационного режима и создание марионеточного южнокорейского правительства ни в коей мере не означали, что США отказывались от своих планов в Корее. Произошло только изменение форм экспансии. Вместо американской военной администрации на основе ряда соглашений, навязанных Соединенными Штатами, были созданы официальные органы экономической «помощи», через которые американский империализм, прикрываясь флагом ООН, осуществляет контроль над южнокорейской экономикой. Формы этого контроля весьма многообразны. Важную роль в нем играет финансовый контроль. Одним из условий соглашений об экономической «помощи», заключенных южнокорейским правительством с правительством США, является требование, чтобы вся выручка от продажи товаров, получаемых Южной Кореей в счет экономической «помощи», направлялась в так называемый эквивалентный фонд. Средства эквивалентного фонда южнокорейское правительство может расходовать только на цели, одобренные представительством США.

Уже одно право контроля эквивалентного фонда дает США возможность оказывать весьма серьезное давление на экономическую политику южнокорейского правительства. Но, кроме этого, США по заключенным с Южной Кореей соглашениям получили еще право координировать использование средств американской экономической «помощи» и собственных ресурсов Южной Кореи, т. е. право почти ничем не ограниченного вмешательства в экономическую жизнь Южной Кореи и возможность широкого контроля над ее экономикой.

В «предварительном финансовом и имущественном соглашении» от 11 сентября 1948 г. — первом экономическом соглашении США и Южной Кореи — было сказано, что представитель США имеет право контролировать как расходование южнокорейским правительством выручки в вонах от продажи товаров, поступающих в счет «помощи» (статья 1), так и использование иностранной валюты (статья 4).

По заключенному 10 декабря 1948 г. «соглашению об экономическом сотрудничестве» южнокорейское правительство обязалось периодически, по получении соответствующего уведомления от правительства США, вносить на специальный счет в Корейский банк определенную сумму корейской валюты. Эта сумма, будучи исчислена по согласованному с представителем США курсу, должна представлять собой эквивалент той суммы

[48] «The Korean republic» [Seoul], 1957, 26 March.

в долларах, на которую к тому времени (по данным США) Южная Корея получила «помощь». Средства с этого счета должны использоваться на финансирование расходов представителя США. Оставшаяся сумма также может быть использована только на цели, одобренные представителем США (статья 5, пункт 2). Таким образом, США, контролируя эквивалентный фонд, имеют возможность придавать развитию южнокорейской экономики угодное им направление.

Распоряжаясь эквивалентным фондом, в который фактически поступали все средства от продажи товаров, получаемых Южной Кореей как непосредственно от США, так и по линии ООН, американские империалисты преследовали свои интересы, нисколько не заботясь о восстановлении и развитии корейской экономики. На основании «соглашения о реконструкции экономики и стабилизации финансов», заключенного 14 декабря 1953 г., 5% средств, вырученных от продажи товаров, которые были получены в счет «помощи», шло на покрытие расходов учреждений ООН и США, осуществляющих программу «помощи» в Южной Корее, остальная сумма предназначалась главным образом на покрытие военных статей южнокорейского бюджета и на финансирование добычи стратегического сырья.

13 марта 1956 г. было заключено соглашение о поставках Соединенными Штатами в счет «помощи» излишков сельскохозяйственной продукции на сумму 43,8 млн. долл. В нем прямо заявлялось, что средства, полученные от продажи этих товаров, должны быть израсходованы лисынмановским правительством на оснащение южнокорейской армии или использованы самими американцами.

Официальные представители ООН в Южной Корее не скрывали, что значительная часть поступлений от продажи товаров, полученных в порядке «помощи», т. е. средства, которые должны расходоваться на экономическое восстановление, шла на военные нужды. Так, в докладе «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи» XI сессии Генеральной Ассамблеи признается, что цель программы экономической «помощи» — помочь покрыть расходы в местной валюте по содержанию вооруженных сил Южной Кореи за счет выручки от продажи товаров [49].

Весьма эффективным средством экономического подчинения явился созданный США на территории Южной Кореи аппарат по распределению экономической «помощи», получивший по существу право контроля над всей экономикой Юга. Широкие возможности подчинения экономики Южной Кореи были закреплены за США в «Соглашении об экономическом сотрудни-

[49] «U. N. General Assembly. Official records», 11 session, supplement № 13 (A/3172), New York, 1956, p. 7.

честве» от 10 декабря 1948 г. На основе этого соглашения США направили в Южную Корею так называемого представителя по оказанию «помощи», причем сотрудникам его аппарата были предоставлены дипломатические привилегии. В соглашении указывалось, что представитель США призван помогать южнокорейскому правительству в решении вопросов «наиболее эффективного» (конечно, с точки зрения монополий США) использования не только американской «помощи», но и собственных ресурсов Южной Кореи (статья 3, пункт 1). Так, например, южнокорейское правительство обязалось согласовывать с представителем США свои экспортно-импортные планы (статья 5, пункт 1) и расходовать иностранную валюту только с согласия представителя США (статья 4, пункт 2). Без согласия этого представителя Южная Корея не имеет права не только реэкспортировать товары, получаемые от США, но и экспортировать товары собственного производства, по своему характеру подобные товарам, поступающим из США (статья 5, пункт 3). Из изложенного ясно, что американский представитель получил большие возможности для контроля над южнокорейской экономикой. Кроме того, в соглашении предусматривалось широкое использование американских советников и специалистов, что еще более усилило позиции США в экономике Южной Кореи.

Во время войны против КНДР (1950—1953 гг.) США, стремясь прикрыть свою агрессию флагом ООН, решили оказывать Южной Корее экономическую «помощь» только от имени этой организации. В 1950 г. США с помощью послушного им большинства в ООН создали специальные органы: «Управление ООН по оказанию гражданской помощи в Корее» (1 июля 1953 г. переименованное в «Корейское управление гражданской помощи») и «Орган ООН по восстановлению Кореи» (ЮНКРА). Их деятельность фактически направлялась США.

24 мая 1952 г. США от имени командования так называемых вооруженных сил ООН заключили с Южной Кореей «соглашение об экономической координации». На основе этого соглашения для координации использования средств экономической «помощи» и собственных ресурсов Южной Кореи был создан специальный орган — Объединенный экономический совет. Руководящий орган Совета состоит из одного представителя «командования ООН» и одного представителя Южной Кореи. Фактически Советом руководит американский представитель — так называемый координатор по экономическим вопросам. Во время военных действий в Корее этот пост занимали высшие офицеры армии США, после заключения перемирия его занял представитель Администрации иностранных операций США. Это связано с тем, что после заключения перемирия, продолжая оказывать Южной Корее экономическую «помощь» через органы ООН, США стали действовать и непосредственно от имени Администрации иностранных операций.

Судя по тексту соглашения, Объединенному экономическому совету фактически предоставлена возможность контролировать почти все стороны экономической жизни Южной Кореи. Во-первых, Совету предоставлено право рассматривать все экономические аспекты программы «командования ООН» по оказанию «помощи» Южной Корее и все «имеющие к этому отношение» аспекты южнокорейской экономики (статья 1, пункт 4). Южнокорейское правительство обязалось своевременно представлять Совету информацию об экономике Южной Кореи, о своей деятельности и планах, «имеющих отношение» к деятельности Совета (статья 3, пункт 3).

Во-вторых, южнокорейское правительство обязалось руководствоваться рекомендациями Совета при составлении экспортно-импортных планов и использовать их в качестве основания для выдачи экспортных и импортных лицензий (статья 3, пункт 10). Без рекомендации Совета Южная Корея не может не только реэкспортировать товары, полученные от «командования вооруженных сил ООН», но и экспортировать собственные товары такого же или подобного характера (статья 3, пункт 8).

В-третьих, южнокорейское правительство обязалось продавать товары, поступающие в счет «помощи», по ценам, рекомендуемым Советом, и только за наличные. В тех случаях, когда Совет разрешает какие-либо товары продать в кредит, сумма и продолжительность такого кредита не должна превышать размеров и сроков, рекомендованных Советом. Южнокорейское правительство обязалось открыть в Корейском банке специальный счет, на который должна вноситься вся выручка в вонах, получаемая от продажи товаров, поступающих в счет «помощи». Использование денег с этого счета производится согласно рекомендациям Совета.

Южнокорейское правительство согласилось, что использование основных ресурсов иностранной валюты будет координироваться и контролироваться Объединенным экономическим советом.

14 декабря 1953 г. в развитие «соглашения об экономической координации» между представителями США и Южной Кореи в Объединенном экономическом совете было заключено «соглашение о программе реконструкции экономики и стабилизации финансов» [50], предоставившее Объединенному экономическому совету дополнительные права: устанавливать цены в южнокорейской валюте на товары, поступающие в счет «помощи», и определять объекты капиталовложений в Южной Корее.

В «соглашении об экономической координации» от 24 мая 1952 г. (статья 1, пункт 3) говорилось, что Совет является лишь

[50] «The Department of State bulletin», vol. 30, 1954, № 753, 11 January, p. 66.

совещательным органом, но фактически ему предоставлено право решающего голоса в экономической жизни Южной Кореи, так как далее в этом же соглашении (статья 3, пункт 1) подчеркивается, что южнокорейское правительство «обязуется поддерживать» рекомендации Совета.

В ноябре 1955 г. «Корейское управление гражданской помощи» было ликвидировано и его функции были переданы Управлению координатора по экономическим вопросам. Деятельность ЮНКРА также почти прекратилась к концу 1956 г.[51]. Поэтому в докладе «комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи» XI сессии Генеральной Ассамблеи отмечалось, что ответственность за осуществление программ международной помощи Южной Корее несет главным образом Управление координатора по экономическим вопросам.

Однако этим далеко не исчерпывается роль координатора по экономическим вопросам, который, действуя через Объединенный экономический совет, по существу направляет всю экономическую политику Южной Кореи[52].

Даже руководитель ЮНКРА в одном из своих отчетов отметил, что Объединенному экономическому совету в Южной Корее «предоставлены широкие полномочия в области контроля над правительственным бюджетом и использованием иностранной валюты»[53]. Несмотря на то, что это признание неполно, оно служит одним из доказательств того, что Объединенный экономический совет является органом, с помощью которого правительство США контролирует экономику Южной Кореи.

Используя кабальные договоры и экономическую «помощь», обеспечивающие всесторонний государственный контроль США над южнокорейской администрацией и экономикой, американский империализм создал также весьма благоприятные условия и для деятельности американского частного капитала.

В первые годы после второй мировой войны американские частные капиталовложения в экономику Южной Кореи были незначительны. Учитывая неблагоприятную для них политическую обстановку на Дальнем Востоке, вызванную подъемом национально-освободительной борьбы в Азии и в особенности успехами народно-демократического строительства в Северной Корее, американские монополии предпочитали действовать с помощью аппарата военной администрации, воздерживаясь от прямых капиталовложений.

В этот период на Юге начали действовать лишь те американские компании, которые либо ранее проникли в Корею, либо имели тесные связи с американской военной администрацией. Например, возобновила деятельность связанная с Морганом фирма «Ориентал консолидейтед майнинг компани», занимавшаяся добычей золота в Корее с 1899 г.[54]. С ликвидацией деятельности этой фирмы в 1939 г. японский империализм полностью вытеснил из Кореи своих империалистических соперников. С помощью американской военной администрации компании было возвращено все имущество, ранее принадлежавшее ей в Южной Корее. Директор компании Сэмюэл Долбир стал советником американской военной администрации по горному делу, а затем перешел на пост советника при лисынмановском правительстве.

Однако уже и в это время американские монополии начинают подготавливать почву для более широкого вложения в Южную Корею своих капиталов. С этой целью в 1947 г. они создали Корейско-американскую торговую палату. Ее возглавил С. Климэн, президент «Колониэл траст компани». В правление палаты входили представители крупнейших компаний: «Интернэшнел телефон энд телеграф корпорейшн», «Калифорния Техас ойл», «Сокони вакуум ойл»[55].

Забота правительства США о создании максимально благоприятных условий для деятельности американского частного капитала в Южной Корее ярко выражена во всех соглашениях по экономическим вопросам, заключенных им с южнокорейскими властями.

Уже в «предварительном финансовом и имущественном соглашении» от 11 сентября 1948 г. лисынмановские власти обязались уважать права и привилегии, которыми ко времени заключения соглашения располагали в Корее американцы. При этом лисынмановское правительство обязалось возместить таким владельцам все убытки, понесенные владельцами во время войны, когда указанная собственность не контролировалась ими (статья 6).

В «соглашении об экономическом сотрудничестве» от 10 декабря 1948 г. правительство Южной Кореи обязалось провести такие мероприятия, которые обеспечили бы «поощрение частных иностранных (т. е. американских. — *Ред.*) инвестиций в Корее и допуск частных иностранных коммерсантов к ведению в Корее операций» (статья 2).

Еще в ходе переговоров 1948 г. относительно соглашения о «помощи» американцы потребовали от лисынмановского правительства, чтобы правительственный контроль над внешней торговлей, предусмотренный 87-й статьей южнокорейской конституции, трактовался только как контроль правительства за вы-

[51] Официально деятельность ЮНКРА прекратилась 30 июня 1958 г.

[52] Знаменательно, что в Сеуле в одном здании разместились: «Корейское управление гражданской помощи» (до ноября 1955 г.), плановое бюро ЮНКРА, Управление американского координатора по экономическим вопросам и Южнокорейское плановое управление.

[53] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 7-я сессия, дополнение № 19 (A/2222), Нью-Йорк, 1952, стр. 26.

[54] А. Гражданцев, *Корея*, М., 1948, стр. 260.

[55] «Soviet Russia today», New York, 1947, vol. 15, № 12, p. 34.

дачей лицензий, а не как правительственная монополия на ведение внешней торговли. Причем любая фирма (корейская или иностранная) имела право на получение лицензии при наличии у нее капитала в размере 5 млн. вон.

Требование американского правительства содействовать иностранным, т. е. американским, частным капиталовложениям было неразрывно связано с развитием в Южной Корее частного предпринимательства.

Издание южнокорейским правительством 19 декабря 1949 г. закона о распродаже части бывшей японской собственности было в значительной мере связано со стремлением монополистических кругов США расширить сферу приложения американских капиталов в Южной Корее [56]. В период военных действий 1950—1953 гг. эта распродажа проводилась в незначительных размерах, но после заключения перемирия ее масштабы значительно увеличились.

Южнокорейские власти способствуют проникновению частного американского капитала в Южную Корею. В южнокорейско-американском «протоколе от 17 ноября 1954 г.» предусматривалось, что лисынмановское правительство и в дальнейшем будет «содействовать частным иностранным инвестициям в Южной Корее» [57]. В связи с этим 27 ноября 1954 г. южнокорейское «национальное собрание» внесло в конституцию поправки, устраняющие некоторые ограничения развития в Южной Корее частного предпринимательства и благоприятствующие деятельности частных иностранных компаний.

В дальнейшем американские монополии потребовали от лисынмановского правительства еще более благоприятных условий для американских капиталовложений в Южной Корее. 28 ноября 1956 г. представителями США и Южной Кореи был подписан «договор о дружбе, торговле и мореплавании». Южнокорейская газета «Кориен рипаблик» писала, что «главная цель договора заключается в поощрении американских частных капиталовложений в корейские предприятия» [58]. Как отмечалось в бюллетене государственного департамента США, обязательства сторон по этому договору сводятся в основном к следующему: «1) согласиться предоставить на своей территории гражданам и корпорациям другой страны условия для торговой и промышленной деятельности, не менее благоприятные, чем те, которые предоставляются гражданам и корпорациям своей страны; 2) установить официально принципы защиты лиц, их собственности и интересов... 3) отказаться от политики дискриминации в торговле и мореплавании» [59]. Таким образом, «договор о дружбе, торговле и мореплавании» установил принцип «равных возможностей» для американских и южнокорейских предпринимателей в области промышленности, торговли и мореплавания. Понятно, что эти «равные возможности» на деле означают лишь безграничные возможности для закабаления экономики Южной Кореи американскими монополиями.

В этом документе были зафиксированы общие положения, способствующие росту американских частных инвестиций в Южной Корее, без их детализации. Поэтому американский координатор по экономическим вопросам потребовал, чтобы для всемерного стимулирования американских частных капиталовложений в Южной Корее южнокорейские законодательные органы приняли еще особый закон об иностранных инвестициях [60].

В конце марта 1957 г. на встрече представителей американской и южнокорейской торговых палат выступил посол США в Южной Корее Уолтер Даулинг. Убеждая южнокорейских представителей в необходимости принять закон, способствующий увеличению американских частных капиталовложений, посол сказал: «Я уверен, что Корея (т. е. Южная Корея.— *Ред.*) не сможет полностью реализовать свои экономические возможности, если она не использует опыт и капитал иностранных частных инвесторов». Даулинг не смог привести лучшего примера «благотворного» влияния американских частных капиталовложений на экономику стран, куда направляются эти капиталовложения, чем страны Латинской Америки, которые, как известно, подвергаются беспощадной эксплуатации со стороны американских монополий, в результате чего их экономика находится в очень тяжелом положении. Приведя в пример законодательство стран Латинской Америки, Даулинг назвал его «привлекательным для иностранного инвестора» и посоветовал, чтобы и законодательство Южной Кореи всесторонне защищало интересы иностранных частных инвесторов [61].

Рассмотрим некоторые факты, характеризующие политику лисынмановского правительства в области привлечения американского капитала. К концу 1955/56 финансового года южнокорейское правительство продало частным предпринимателям 154 тыс. объектов, которые представляли собой 60% стоимости всей бывшей японской собственности, находившейся в распоряжении южнокорейского правительства [62]. Продажа государственных предприятий продолжалась и в дальнейшем, причем

[56] A. D. Bloomfield and J. P. Jensen, *Banking reform in South Korea*, New York, 1951, p. 25.

[57] «The Department of State bulletin», 1954, 24 November, vol. 31, № 805, p. 810.

[58] «The Korean republic», 1956, 22 October.

[59] «The Department of State bulletin», 1956, vol. 35, № 911, 10 December, p. 936.

[60] «The Korean republic», 1956, 30 November.

[61] «The Korean republic», 1957, 26 March.

[62] «U. N. Economic survey of Asia and the Far East, 1955», Bangkok, 1956, p. 146.

продавалось не только бывшее японское имущество, но и те немногие предприятия, которые строились на средства «помощи».

19 декабря 1956 г. с аукциона был продан за 2386 млн. хван стекольный завод в Инчхоне, строившийся на средства ЮНКРА [63]. 28 декабря 1956 г. состоялся первый аукцион по продаже рудников Корпорации развития корейской горнорудной промышленности, а к концу 1957 г. было намечено продать все принадлежавшие ей 439 рудников [64].

В декабре 1956 г. «палата представителей» южнокорейского «национального собрания» рекомендовала правительству продать частным лицам акции коммерческих банков, а в апреле 1957 г. торгово-промышленная комиссия «палаты представителей» предложила продать частным предпринимателям Корейскую судоходную корпорацию и Корейскую судостроительную корпорацию и запланировала продажу частным предпринимателям шахт угольной компании «Тэхан».

Лисынмановское правительство, предоставляя наиболее льготные условия американскому капиталу, ущемляло интересы национальной буржуазии. Например, строгое ограничение было установлено при распродаже акций бывшего «японского имущества». Южнокорейские власти объявили, что покупать акции могут только те, кто имеет возможность сразу приобрести их в установленном количестве.

Южнокорейское министерство торговли и промышленности запретило деятельность южнокорейских торговых фирм с месячными оборотами менее 2 млн. хван, что способствовало развитию торгового предпринимательства крупных американских дельцов. Политика ограничения национального капитала привела к тому, что к августу 1955 г. из 350 торговых фирм Южной Кореи 100 мелких и средних потерпели банкротство, будучи не в состоянии конкурировать с американскими монополиями [65].

Наряду с этим монополисты США уже к 1955 г. увеличили свой торговый капитал в Южной Корее не менее чем до 1 млрд. долл. [66]. По данным южнокорейской газеты «Чосон ильбо», в 1955 г. в Южной Корее действовало 245 иностранных компаний, большинство которых принадлежало американскому капиталу. Американские монополии широко практикуют также учреждение смешанных корейско-американских компаний, как например, транспортная компания «Хенпхан хвеса» и горнорудная «Тэхан чжеги хвеса» [67].

Чувствуя себя полновластными хозяевами в Южной Корее, американские фирмы отказывались даже платить налоги с

[63] «The Korean republic», 1956, 20 December.
[64] Ibid., 20 October, 29 December.
[65] «Кынночжа» (근로자) 1955, № 8, стр. 123.
[66] «Кёнчже консоль» (경제컨설) 957, № 7, стр. 36—45.
[67] «Краткие сообщения Института востоковедения», 1954, вып. XI, стр. 83.

получаемых прибылей. В середине 1955 г. министерство финансов Южной Кореи потребовало от 60 американских фирм погасить пятилетнюю задолженность по налогу с прибылей [68]. Большинство американских компаний, несмотря на огромные прибыли, которые они получают, заявили, что скорее покинут Южную Корею, чем уплатят причитающиеся с них суммы. Одновременно владельцы их обратились через американскую Торговую палату к правительству США с требованием прекратить оказание «помощи» лисынмановскому правительству до тех пор, пока оно не откажется от своих «необоснованных» требований. Под этим нажимом южнокорейские власти фактически отказались от своих претензий. Как указывается в экономическом обзоре ЭКАДВ за 1955 г., южнокорейское правительство «заявило о своем согласии вести переговоры по каждому отдельному случаю (неуплаты налогов. — *Ред.*)».

* *
*

Политику США, направленную на подчинение южнокорейской экономики, можно разделить на этапы, различающиеся лишь по методам и формам, но не по существу.

На первом этапе, в условиях оккупационного режима, в период господства военной администрации, американские империалисты проводили откровенно экспансионистский курс, выразившийся в присвоении материальных ценностей, созданных трудом корейских народных масс.

На втором этапе они избрали завуалированные формы господства в южной части страны. Марионеточное правительство «корейской республики» на основе кабальных договоров и соглашений предоставило возможность американским монополиям под прикрытием экономической «помощи» хозяйничать в экономике Южной Кореи. Американский капитал добился более выгодных условий в Южной Корее, чем южнокорейская национальная буржуазия. Таким образом, на этом этапе окончательно сложились элементы той новой политики порабощения, которая сейчас именуется «неоколониализмом».

Эта политика приводит к полной экономической зависимости Южной Кореи от американского монополистического капитала,

[68] «United States news and world report», 1956, 23 September, p. 71.

Глава V

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЮЖНОЙ КОРЕИ

Общая характеристика промышленности

Господство США в Южной Корее и экономическая политика правительства Ли Сын Мана пагубно влияют на развитие южнокорейской национальной промышленности. Характеризуя южнокорейскую экономику, Ким Ир Сен подчеркивал, что «политика американских империалистов и предательской клики Ли Сын Мана все сильнее разоряет экономику Южной Кореи.

Наводнение рынка залежалыми американскими товарами, монополия американского монополистического капитала и компрадорской буржуазии на сырье и финансы и непосильное налоговое бремя ведут национальную промышленность к неизбежному банкротству» [1].

Южная Корея издавна была аграрным районом, который давал более 75% собираемого в стране риса, до 85% ячменя и хлопка и свыше 60% других важнейших сельскохозяйственных продуктов. В промышленном отношении она была гораздо менее развита, чем северная часть страны.

Это объясняется тем, что японский империализм, превращая Корею в свой военно-стратегический плацдарм на материке, особое внимание уделял военно-экономическому строительству на севере Кореи, где сосредоточены основные гидроэнергетические ресурсы и большая часть полезных ископаемых страны, необходимых для развития важнейших отраслей тяжелой промышленности.

Соотношение объема производства в различных отраслях промышленности Северной и Южной Кореи в 1944 г. наглядно свидетельствует о том, что на Севере тяжелая промышленность была более развита, чем на Юге (в %) [2]:

[1] Ким Ир Сен, *Доклад на расширенном пленуме Центрального Комитета Трудовой партии Кореи 5 декабря 1957 г.*, Пхеньян, 1958, стр. 15.

[2] «Екса квахак» (력사과학), 1955, № 6, стр. 28. — За 100% берется объем производства во всей Корее.

Отрасли промышленности	Север	Юг
Металлургическая	90	10
Химическая	82	18
Цементная	79	21
Машиностроительная	23	77[3]
Текстильная	15	85
Деревообрабатывающая	35	65
Пищевая	35	65
Полиграфическая	11	89

К 1945 г. на долю южной части страны приходилось всего 21% всей добычи угля, 8% среднегодового производства электроэнергии и лишь 3% общей добычи железной руды [4]. От поставок сырья с Севера в значительной степени зависели деревообрабатывающая и полиграфическая промышленность, а также химические заводы. На Юге находился лишь один крупный цементный завод.

В 1944 г. в обрабатывающей промышленности Южной Кореи, включая строительную, насчитывалось 9323 промышленных предприятия, на которых было занято 300 520 рабочих. По весьма приближенным подсчетам, на 389 предприятиях горной промышленности работало около 35 тыс. человек. В обрабатывающей промышленности заводы и фабрики с числом рабочих от 5 до 50 составляли 90% [5]. В горной промышленности таких предприятий насчитывалось около 40%. Основу южнокорейской промышленности составляли 2146 фабрик и заводов, которые находились в руках японских колонизаторов [6].

Наиболее развитыми отраслями промышленности в Южной Корее, как видно из приведенных выше данных, были текстильная, пищевая, полиграфическая и машиностроительная. На основе такой специализации сложились неразрывные экономические связи между севером и югом страны. Северная Корея снабжала Юг электроэнергией, черными и цветными металлами, химическими удобрениями и топливом. Южная Корея обеспечивала Север пищевыми продуктами, изделиями текстильной и машиностроительной промышленности.

Искусственное нарушение жизненно необходимых экономических связей между северными и южными районами, вызван-

[3] Эти цифры не противоречат утверждению о более высоком развитии тяжелой промышленности в Северной Корее в период японского господства, поскольку общий объем продукции машиностроения был ничтожен. Так, в 1940 г. стоимость валовой продукции тяжелой промышленности составила 148 180 тыс. иен в Южной Корее и 548 888 тыс. иен — в Северной, а стоимость валовой продукции машиностроения — соответственно 38 405 тыс. и 14 820 тыс. иен [«Тоси консоль», (시), 1953, стр. 117].

[4] «Екса квахак», 1955, № 6, стр. 28.

[5] «Notes on labor abroad», 1948, № 8, June, p. 56.

[6] Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow*, New York, 1956, p. 228.

ное политикой Соединенных Штатов, привело к обособлению их и в конечном счете к образованию двух самостоятельных хозяйственных единиц. Аграрный Юг был изолирован от индустриального Севера. Южная Корея почти полностью лишилась важнейшей энергетической, топливной и железорудной базы, необходимой для развития металлургической, машиностроительной и химической промышленности.

Расчленение страны на две части еще более усугубило диспропорцию между отдельными отраслями промышленности Южной Кореи, унаследованную со времени японского колониального господства.

Так как подавляющая часть текстильных фабрик (в том числе наиболее крупных) в период японского господства находилась на Юге, то, естественно, после раздела страны текстильная промышленность в общем объеме валовой продукции южнокорейской обрабатывающей промышленности заняла первое место (41% в 1948—1949 гг.). На втором месте оказалась химическая промышленность (28% в 1948—1949 гг.) [7].

Слаборазвитая южнокорейская промышленность оказалась в полной зависимости от контролируемых монополиями США источников сырья и рынков сбыта.

Демонтаж крупных фабрик и заводов, оборудование которых в основном в качестве железного лома было вывезено из Южной Кореи, и разорение мелких и средних корейских предпринимателей вследствие их неспособности конкурировать с американскими монополиями привели к резкому сокращению числа действующих предприятий.

В 1948 г. число промышленных предприятий Южной Кореи, большинство которых составляли мелкие предприятия кустарного типа (с числом рабочих менее 30), уменьшилось по сравнению с 1944 г. с 9322 до 5249. За тот же период число рабочих, занятых в южнокорейской промышленности, сократилось с 300 520 до 125 047 [8].

К началу 1949 г. общее число действующих предприятий составило 4800 [9]. Процесс уменьшения числа заводов и фабрик продолжался и в 1949 г. Так, в главном экономическом районе Южной Кореи — Йондынпхо (провинция Кёнгидо) в мае 1949 г. из 200 промышленных предприятий действовало всего 55.

Сокращение числа действующих предприятий вызвало снижение выпуска промышленной продукции. Наиболее быстрому разрушению подверглась южнокорейская машиностроительная

[7] В годы японского господства химическая промышленность была относительно развита: в 1943 г. удельный вес ее продукции в общем промышленном производстве всей Кореи составил 29%.

[8] «Новая Корея», 1958, № 8, стр. 47.

[9] Подсчитано на основании данных, приводимых в кн.: 조선 민주주의 인민공화국의 창건. 조국의 평화적 통일을 위한 조선 인민의 투쟁 (1948—1950), 평양, 1957, 49페지.

промышленность, которая в период японского господства давала три четверти валовой продукции машиностроения всей Кореи.

Уже в первые годы своего господства в Южной Корее американские империалисты в целях пополнения станочного парка японской военной промышленности вывезли в Японию оборудование наиболее крупных южнокорейских машиностроительных предприятий, в том числе Сеульского авиасборочного завода и Пусанской судоверфи. К началу военных действий, т. е. к 1950 г., южнокорейское машиностроение было фактически ликвидировано (табл. 1).

Таблица 1

Индекс продукции машиностроения Южной Кореи (1945—1949 гг.) *

Годы	Виды продукции		
	различные машины и запасные части	транспортное оборудование	сельскохозяйственные орудия
1945	100	100	нет данных
1946	25	55	100
1947	нет данных	8	52
1948	21	нет данных	36
1949	5	»	9

* Таблица составлена на основании данных, приведенных в сборнике 미 소전에관한 자료 집, 평양, 1958, 28—29페지.

Лисынмановское правительство, послушно выполняя волю своих заокеанских хозяев, не только не предпринимало никаких мер по восстановлению и развитию машиностроения, но, наоборот, всячески стремилось затормозить этот процесс. В 1949 г. вложения в машиностроение составили всего лишь 0,4% всех расходов на экономические нужды (140 690 млн. вон).

Сокращение промышленного производства наблюдалось и в других отраслях южнокорейской промышленности. Так, выплавка стали в 1946 г. составила 9%, а в 1948 г. — 1,8% уровня 1944 г. [10]. Падение промышленного производства, помимо указанных выше причин, было вызвано острой нехваткой электроэнергии, отсутствием необходимых финансовых средств, материалов и сырья, что являлось непосредственным результатом

[10] «Новая Корея», 1955, № 8, стр. 17.

политики американского империализма, направленной на удушение национального капитала.

В связи с разорением промышленности в значительной мере снизился объем промышленного производства. Накануне агрессивной войны против КНДР, развязанной империалистами США и лисынмановскими властями, объем продукции южнокорейской промышленности в стоимостном выражении составлял всего 18% от уровня 1945 г.[11].

Война принесла неисчислимые бедствия и страдания народным массам Юга. Ущерб, нанесенный войной Южной Корее, только за период с июня 1950 г. по декабрь 1952 г. исчисляется в 18 129 млрд. южнокорейских вон (около 5 млрд. долл.)[12]. Особенно сильно была разрушена в годы войны южнокорейская промышленность. Наибольший ущерб был причинен индустриальным центрам, в первую очередь районам Сеула и Инчхона. Только в Сеуле было разрушено 785 предприятий.

В первый же год войны американские империалисты вывезли в Японию оборудование десяти важнейших заводов и фабрик, в том числе предприятий Кванчжу, Тэгу и Чхунчхона. Из 24 угольных шахт Южной Кореи добыча производилась только на шахтах в Самчхоке, Йонволе и Хвасуне, принадлежавших «Корейской угольной компании». С ноября 1950 г. по октябрь 1951 г. эта компания добыла всего лишь 50 тыс. *т* угля. В 1951 г. из семи электростанций Южной Кореи общей мощностью в 95 тыс. *квт* действовала только Сеульская теплоэлектростанция, остальные шесть были или полностью разрушены, или закрыты из-за недостатка топлива. За период войны было уничтожено 43% заводского оборудования, 41% электроэнергетического хозяйства, 50% оборудования шахт и т. д.[13], 1545 предприятий обрабатывающей промышленности были полностью разрушены[14]. К концу военных действий (июль 1953 г.) уровень производства южнокорейской промышленности составил лишь одну треть по сравнению с началом 1950 г.

После прекращения военных действий американские империалисты еще более широко осуществляют контроль над экономикой Южной Кореи под вывеской экономической «помощи». Оказываемая ими «помощь в реконструкции и возрождении Корейской республики» (т. е. лисынмановскому марионеточному правительству. — *Ред.*) содействует установлению полного контроля американского монополистического капитала над южнокорейской экономикой. Поэтому для современной южнокорейской промышленности характерно дальнейшее усиление ее зависимости от американских монополий, еще большее ослабление

[11] «Чосон чунъан ёнгам» (朝鮮中央年鑑), Пхеньян, 1950, стр. 314.
[12] «Минчжу чосон» (민주조선), 1952, 29 декабря.
[13] «Чосон чунъан ёнгам», 1954—1955 гг., стр. 497.
[14] «Ёкса квахак», 1955, № 6, стр. 36.

национального капитала и специализация предприятий на производстве военных материалов.

В результате колониальной политики американского империализма в послевоенное время еще более резко углубилась существовавшая и ранее диспропорция между сельскохозяйственным и промышленным производством (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес отраслей народного хозяйства в национальном доходе Южной Кореи (наметки на 1957 г.) *

Отрасли экономики	Проценты
Сельское хозяйство	77,7
Обрабатывающая промышленность	13,7
Горнодобывающая промышленность, лесообрабатывающая промышленность и морской промысел	4,4
Строительная промышленность	4,2
Всего...	100,0

* «Кёнчже консоль» (경제 컨설), 1957, № 8, стр. 79.— В таблице не учтены некоторые отрасли экономики, доля которых в национальном доходе незначительна.

Если в последние годы японского колониального режима соотношение между сельскохозяйственным и промышленным производством в южной части Кореи было приблизительно 3:2, то в настоящее время оно составляет примерно 4:1. При этом общая стоимость валового национального продукта в Южной Корее в 1955 г. составляла 1752 млн. долл., т. е. она не достигала даже уровня предвоенного, 1949 г. — 1770 млн. долл.[15]. Следовательно, в период господства империалистов США и лисынмановских властей уродливый колониальный характер развития экономики Юга еще более усилился.

Американские империалисты, монополизировавшие южнокорейский рынок для сбыта своей продукции, различными способами препятствуют развитию национального производства. Наводнение Южной Кореи залежалыми американскими товарами как по линии экономической «помощи», так и по линии внешней торговли приводит не к восстановлению и развитию народ-

[15] «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», Bangkok, 1956, p. 208, 209.

ного хозяйства, а лишь к свертыванию производства в национальной промышленности и сельском хозяйстве, дезорганизации кредитно-финансовой системы и денежного обращения страны. Большая часть долларовых средств, получаемых Южной Кореей в счет экономической «помощи», расходуется на импорт предметов потребления и лишь незначительная часть — на развитие производства.

Так, средства, выделенные США в счет экономической «помощи» Южной Корее с 1954 г. по февраль 1957 г., были разделены на две основные статьи: потребление и социальные нужды (71,2%) и восстановление и развитие народного хозяйства (28,8%). При этом 92,8% средств, проходивших под рубрикой «потребление и социальные нужды», было израсходовано на поставки в Южную Корею продовольствия для огромной лисынмановской армии, а частично — для реализации на южнокорейском внутреннем рынке. Остальные 7,2% средств в виде поставок различных материалов были направлены на «просвещение», здравоохранение и строительство служебных помещений. Из средств, предназначенных для восстановления и развития народного хозяйства, 4% было выделено на сельское хозяйство и горную промышленность, 66% — на транспорт и связь, 19,3% — на электроэнергетическую промышленность, 10,6% — на обрабатывающую и 0,1% — на различные строительные работы [16].

Такое распределение «помощи» привело к тому, что южнокорейская экономика попала в сильную зависимость от американских поставок сырья и топлива. Потребности страны в промышленном оборудовании, жидком топливе, соде и минеральных удобрениях удовлетворяются за счет импорта почти на 100%, в хлопке-сырце — на 95, в цементе — более чем на 80 и в угле — на 46% [17].

В Южной Корее трудно найти промышленное предприятие, которое могло бы функционировать без американских капиталовложений, топлива и материалов. Такие отрасли промышленности, как текстильная, химическая, электроэнергетическая и газовая, почти полностью зависят от американского сырья и кредитов.

Подобное положение вызывает острое недовольство южнокорейских предпринимателей. В феврале 1955 г. предприниматели текстильной, электроэнергетической, кожевенной и других отраслей промышленности опубликовали совместное заявление, в котором указывалось, что американская «помощь» привела к банкротству национальной промышленности. В апреле этого же года состоялось совещание владельцев предприятий керамической промышленности, которые выразили свое недовольство

[16] «Кёнчже консоль» (경제건설), 1957, № 8, стр. 78.
[17] «Кынночжа» (근로자), 1957, № 5, стр. 86—97.

неограниченным импортом иностранных изделий в Южную Корею.

Особенно сильное негодование мелких и средних предпринимателей вызвал подписанный 28 ноября 1956 г. лисынмановским правительством и США «договор о дружбе, торговле и мореплавании», который предоставляет широкие возможности для частных американских инвестиций в Южной Корее. В резолюции, принятой на трехтысячном митинге в Сеуле в декабре 1956 г., представители корейской национальной буржуазии потребовали от правительства обеспечить защиту их интересов и выразили свой протест против договора.

Используя финансовую и сырьевую зависимость южнокорейской промышленности, монополии США контролируют и тормозят ее развитие. Южнокорейская промышленность также во многом зависит от кредитной политики лисынмановского правительства, которая в основном отражает интересы монополистического капитала США. Весьма показательны в этом отношении высокая учетная ставка на государственные ссуды, достигающая 12—13%, и предоставление южнокорейским предпринимателям только краткосрочных кредитов. Эти кредиты ввиду слабости национального капитала и недостатка оборотных средств не могут способствовать значительному расширению производства. Предприятия, капитал которых составляет менее 500 тыс. хван, не подлежат кредитованию [18]. Таким образом, подавляющее большинство мелких и средних предприятий не имеет возможности получить кредит.

Из-за недостатка не только оборотных средств, но и сырья и топлива, распределением которых ведают американские империалисты, а также из-за тяжелого налогового бремени средняя и мелкая буржуазия вынуждена свертывать производство. Товары, которые все же выпускаются национальными предприятиями, отличаются высокой себестоимостью и не могут конкурировать на внутреннем южнокорейском рынке с аналогичной продукцией американского производства.

Курс американского империализма на расширение и закрепление позиций американских частных инвесторов во всех отраслях экономики Южной Кореи особенно ярко проявляется и послевоенный период. Он сопровождается демагогическими рассуждениями о том, что эффективное восстановление экономики Юга невозможно осуществить только средствами «помощи» и что для этого необходимо расширить частные капиталовложения американских монополистов.

Южнокорейское правительство предоставило различные гарантии для частного американского капитала. Под нажимом американских империалистов оно осуществляет так называемую «политику экономии». По словам Ли Сын Мана, цель ее заклю-

[18] «Южная Корея под оккупацией США», Пхеньян, 1958, стр. 92.

чается в том, чтобы создать «условия наибольшего благоприятствования» для американских капиталовложений, стабилизировать неустойчивые финансы и ликвидировать инфляцию.

Такая «политика экономии» пагубно отражается на предпринимательской деятельности мелкой и средней национальной буржуазии, так как осуществляется она в значительной мере за счет сокращения кредитов корейским предпринимателям и повышения налогов. Это в свою очередь неизбежно усугубляет упадок южнокорейского народного хозяйства в целом и прежде всего промышленности и ведет к еще большему ослаблению южнокорейского национального капитала.

В бюджете лисынмановского правительства на 1957 г. были предусмотрены кредиты на оборотные средства мелким и средним предпринимателям в объеме 13,5 млрд. хван. В действительности же до конца августа 1957 г. было выделено всего лишь 2,1 млрд. хван, т. е. примерно 3% финансовых средств, необходимых для нормального функционирования предприятий [19].

Результаты «политики экономии» не замедлили сказаться. Это прежде всего проявилось в массовых банкротствах. В первые годы после заключения перемирия в связи с нехваткой пищевых продуктов и товаров широкого потребления наблюдалось некоторое оживление предпринимательской деятельности, сопровождавшееся ростом числа мелких и мельчайших предприятий кустарного типа. Так, число предприятий, на которых было занято менее десяти рабочих, увеличилось более чем в два раза: с 1440 в 1948 г. до 3956 в 1955 г. Однако неустойчивость экономического положения мелкой и средней буржуазии, вызванная сокращением кредитов и усилением налогового пресса, привела к разорению и закрытию значительного числа предприятий. Только с 1955 по 1956 г. число действующих предприятий сократилось на 13,3% (с 8810 до 7634), причем 6529 предприятий из числа оставшихся были загружены только на половину их производственной мощности [20]. По данным южнокорейской торгово-промышленной палаты, относящимся к концу февраля 1957 г., из всех промышленных предприятий Юга, приостановивших работу или обанкротившихся в этот период, 62% прекратили работу из-за нехватки капиталов, 20% — из-за потери рынков сбыта вследствие усиленного ввоза американских товаров и снижения покупательной способности населения, а остальные 18% — из-за высоких налогов, нехватки электроэнергии, угля, сырья и по другим причинам.

Сокращение производства или полное закрытие предприятий наблюдалось даже в горнодобывающей промышленности. По сообщению агентства Хаптон от 5 марта 1957 г., в последние

[19] «Нодон синмун (로동신문), 1957, 29 декабря.
[20] «Кынночжа», 1957, № 5, стр. 96.

месяцы 1956 и в начале 1957 г. из 30 вольфрамовых рудников большинство не работало, хотя финансовое положение их владельцев было лучше, чем у других предпринимателей в горнодобывающей промышленности [21].

Процесс разрушения национальной промышленности, продолжавшийся и в 1957—1958 гг., охватил как частные, так и государственные предприятия. По данным торгово-промышленной палаты, всего в 1957—1958 гг. действовало только 5138 предприятий, в большинстве кустарного типа.

Так как бюджетные средства лисынмановского правительства в основном расходуются на военные нужды, то, естественно, в бюджете не хватает средств для государственных предприятий, работающих на гражданские нужды.

Пытаясь найти выход из затруднительного финансового положения и в какой-то мере приостановить развал южнокорейской промышленности, правительство Ли Сын Мана решило в еще более широких масштабах провести распродажу государственных предприятий частным лицам. При этом, как уже отмечалось, оно стремилось создать наиболее благоприятную обстановку для вложения частных американских капиталов и поэтому приняло решение предоставлять при распродаже предприятий более льготные условия американским предпринимателям и ввести строгие ограничения для корейской буржуазии, особенно для мелкой и средней. В частности, покупать акции могут только те лица, которые имеют возможность сразу приобрести установленный минимум акций. Так, в 1956 г. при продаже акций Коммерческого банка, ранее принадлежавших японцам, в качестве обязательного условия необходимо было купить не менее 1847 акций, а при продаже акций Торгово-промышленного банка — не менее 3572 [22]. Распродажа государственных предприятий, по планам южнокорейского правительства, должна дать средства для частичного погашения бюджетного дефицита, а также обеспечить восстановление промышленного производства путем привлечения частных, главным образом иностранных, капиталовложений.

Мероприятия лисынмановского правительства дали возможность американским монополиям либо прибрать к своим рукам значительную часть распродаваемых предприятий, либо установить над ними полный финансовый контроль путем предоставления корейской буржуазии краткосрочных кредитов и создания смешанных корейско-американских компаний. Предприятия, которые оказались в руках корейских предпринимателей, из-за недостатка капиталов, сырья, топлива и электроэнергии не смогли наладить нормальную производственную деятельность. Кроме того, многие корейские предприниматели

[21] «Новая Корея», 1957. № 4, стр. 43.
[22] «Минчжу чосон», 1955, 14 марта.

не в состоянии погасить задолженность, возникшую в результате приобретения предприятия и получения кредитов. По сообщению южнокорейского агентства Тонъян от 14 ноября 1957 г., их задолженность составила свыше 1800 млн. хван. Даже после того как министерство финансов заявило, что в случае неуплаты задолженности предприятия будут отобраны, их владельцы смогли уплатить лишь 500 млн. хван. По данным того же агентства, к концу 1957 г. Корейская текстильная компания задолжала 638 млн. хван, Тэчхонская текстильная компания — 268 млн., Восточная текстильная компания — 169 млн., текстильная компания «Тэхан» — 78 млн., Корейская компания по производству масла — 69 млн., цементный завод в Самчхоке — 62 млн. хван и т. д.

Таким образом, проводимая южнокорейскими марионеточными властями распродажа государственных предприятий усилила финансовую зависимость национальной промышленности от американских монополий и способствовала ослаблению национального корейского капитала.

Ослабление национального капитала сопровождалось ростом числа мелких предприятий. Многие южнокорейские предприниматели из-за недостатка капитала не имеют возможности вести крупное промышленное производство и поэтому вкладывают капиталы в мелкие, но прибыльные предприятия. К таким предпринимателям относятся помещики, получившие в результате земельной реформы компенсацию за свои земли. Они вкладывали часть своего капитала в промышленность, создавая в основном мелкие предприятия, работающие на экспорт (главным образом занимающиеся изготовлением украшений).

Рост числа мелких предприятий объясняется и пуском в эксплуатацию некоторых мелких ранее бездействовавших заводов и фабрик, которые рассматривались как бывшее японское имущество и были проданы южнокорейским правительством частным предпринимателям.

С 1948 по 1955 г. число предприятий, на которых занято менее десяти рабочих, увеличилось с 1440 до 3956, т. е. с 30% до 44,9% от общего числа предприятий Южной Кореи.

Заводы и фабрики с числом рабочих более тысячи составляют лишь 0,1% всех предприятий.

Промышленность современной Южной Кореи состоит в основном из мелких и средних предприятий, причем значительная часть их имеет менее пяти рабочих. Южнокорейский журнал «Чэчжон» писал: «...Наша промышленность, в ее преобладающих формах, не является промышленностью заводского типа...».

Состояние экономики Южной Кореи служит наглядным доказательством того, что империалисты США всячески пытаются помешать воссозданию и развитию национальной промышленности. Они заинтересованы в развитии лишь тех ее отраслей,

которые зависят от американского сырья или производят военную продукцию. Монополисты США совершенно не заинтересованы в развитии в Южной Корее ключевых отраслей промышленности, производящих средства производства.

Взгляды правительства США на развитие промышленности в экономически слабо развитых странах, к которым относится и Южная Корея, изложены в мае 1953 г. в докладе, представленном Консультативным комитетом по изучению слаборазвитых районов Управлению по взаимному обеспечению безопасности. В докладе откровенно указывается: «Следует поддерживать лидеров слаборазвитых стран... в том, чтобы они не спешили с модными планами индустриализации. Наша помощь по финансированию развития этих стран должна, главным образом, направляться на расширение производства и обработки сырья и пищевых продуктов, а также на развитие необходимого для этого транспорта и энергетической базы» [23].

Экономическая политика южнокорейского правительства, отражающая интересы монополистического капитала США в Южной Корее, является ярким примером этого курса.

Основной расходной статьей южнокорейского бюджета являются расходы на нужды армии и полиции. В бюджетах на 1953—1958 гг. их удельный вес в среднем достигал 70%, в то время как расходы на народное хозяйство и социально-культурные мероприятия составляли менее 30% [24]. В проекте государственного бюджета на 1959 г., который в конце 1958 г. обсуждался в «национальном собрании» Южной Кореи, предусматривается дальнейшее увеличение прямых военных расходов до 140 млрд. хван, т. е. на 10% больше, чем в предыдущем бюджетном году. Согласно тому же проекту общие ассигнования в новом бюджетном году на непроизводственные нужды, включая прямые и косвенные военные расходы, составят 90% и лишь менее 10% будет выделено на народнохозяйственные нужды [25]. В соответствии с пятилетним планом «экономического развития» Южной Кореи средства, которые предусматривалось израсходовать на народное хозяйство, были направлены главным образом в отрасли, удовлетворяющие потребности армии (в частности, обрабатывающие сырье и пищевые продукты), а также на развитие транспорта и энергетики, имеющих, как известно, военное значение. Ассигнования на народное хозяйство были распределены следующим образом: земледелие и лесоводство — 10,5%, морские промыслы — 8,3%, горнодобывающая промышленность — 5%, пути сообщения и связь — 21,7%, электроэнергия — 23,8%, обрабатывающая промышленность — 30,7% [26].

[23] Г. Олден. *США над Латинской Америкой*, М., 1956, стр. 48.
[24] «Южная Корея под оккупацией США», стр. 78.
[25] «Новости Кореи». 1958, № 7, стр. 14—15.
[26] Там же, стр. 77.

Распределение южнокорейского бюджета, слагающегося в основном из налоговых поступлений и поступлений от реализации на южнокорейском рынке товаров, получаемых из США в счет экономической «помощи», подчинено интересам американских империалистов и лисынмановского правительства. Еще 23 июня 1954 г. в послании конгрессу президент США подчеркнул, что «помощь» США экономически слабо развитым странам должна быть подчинена целям обеспечения «взаимной обороны» и те страны, которые имеют стратегическое значение для США, могут рассчитывать на безвозмездное получение некоторой экономической «помощи».

В совместном заявлении представителей США и южнокорейских властей в связи с заключением в 1953 г. «договора о взаимной безопасности» вполне определенно говорилось, что для осуществления военных мероприятий лисынмановцы должны предоставить американским империалистам право беспрепятственно использовать промышленность, транспорт, имущество и рабочую силу Южной Кореи. В заявлении подчеркивалось, что этот договор позволит «в кратчайший срок разрешить вопрос об использовании сооружений и рабочей силы Кореи для осуществления наших общих задач (т. е. военных планов США и лисынмановцев.— *Ред.*)»[27]. Осуществление подобных «общих задач» ведет к усилению милитаризации экономики Южной Кореи. Свидетельством этому является тот факт, что подавляющая часть бюджетных средств, выделенных для обрабатывающей промышленности, направлена в отрасли, непосредственно связанные с военным производством. Милитаристский характер современной экономики Южной Кореи требует роста ассигнований на транспорт и связь, а также на электроэнергетическое хозяйство, так как расширение военного производства увеличивает потребность в электроэнергии.

Наименьший процент ассигнований на обрабатывающую промышленность направляется в отрасли, связанные с производством средств производства. Ассигнования на строительство новых промышленных объектов также незначительны. Так, в 1955 г. капиталовложения в одно строящееся предприятие составляли в среднем 5,2 млн. хван, а в 1956 г. — 6,2 млн. хван. На эту сумму в соответствующие годы по оптовым сеульским ценам можно было закупить лишь 200 *т* цемента или 500 *т* угля[28]. Вновь созданные предприятия заняты изготовлением бутылок, украшений, кожевенных изделий и прочих второстепенных потребительских товаров. Понятно, что они ни в коей мере не могут влиять на решение проблемы экономической независимости страны.

Подобное распределение капиталовложений, выделенных из

[27] «Новая Корея», 1955, № 6, стр. 72.
[28] «Кёнчже консоль», 1957, № 8, стр. 81.

государственного бюджета южнокорейского правительства, и средств, поступающих по линии экономической «помощи», еще более усиливает зависимость экономики Южной Кореи от американских монополий. Диспропорция между первым и вторым подразделениями общественного производства в условиях подчинения южнокорейской экономики американским империалистам возрастает (табл. 3).

Таблица 3

Отраслевая структура обрабатывающей промышленности Южной Кореи по стоимости валовой продукции (в %) *

Отрасли промышленности	1949 г.	1951 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.
Металлургическая	4	1	1	3	2
Машиностроительная	6	1	1	3	4
Химическая	28	12	11	14	нет данных
Текстильная	41	21	26	36	41
Пищевая	13	46	32	35	28
Прочие	8	19	29	9	нет данных
Итого	100	100	100	100	—

* Таблица составлена на основании данных, опубликованных в ежегоднике «Кёнчже ёнгам» (經濟年鑑), Сеул, 1955, стр. 118, в журнале «Кёнчже консоль» (경제 전설), 1957, № 8 стр. 79 и в газетах «Минчжу чосон» (민주 조선), 1957, 28 ноября и «Нодон синмун» (로동 문신), 1957, 24 декабря.

Следовательно, удельный вес отраслей тяжелой промышленности, металлургии и машиностроения в общем объеме валовой продукции обрабатывающей промышленности с 1949 по 1957 г. снизился с 10 до 6%. В 1957 г. валовая продукция текстильной и пищевой промышленности составляла 69% от общей стоимости всей валовой продукции южнокорейской промышленности, т. е. в 11,5 раза больше, чем продукция машиностроения и металлургии, на долю которой приходилось 6%. Примерно такое же положение наблюдается и в распределении рабочей силы по отраслям промышленности. В легкой промышленности число занятых рабочих и служащих почти в восемь раз больше, чем в тяжелой. Диспропорция между тяжелой и легкой промышленностью является наглядным свидетельством колониального характера развития южнокорейской промышленности в условиях господства американского монополистического капитала. На-

правление средств в ту или иную отрасль южнокорейского производства определяется прежде всего интересами американского империализма, а отнюдь не национальными интересами корейского народа.

В результате усиления милитаризации южнокорейской экономики и увеличения ассигнований на военные нужды за последние два-три года наблюдался некоторый рост промышленного производства в отраслях, производящих военную продукцию или перерабатывающих важнейшее стратегическое сырье. К таким отраслям относятся прежде всего горнорудная промышленность, занятая добычей стратегического сырья, некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, изготовляющие различное военное снаряжение, текстильная и пищевая промышленность, обеспечивающая огромную южнокорейскую армию обмундированием и продовольствием, а также электроэнергетическая и угольная. Так, в первом полугодии 1956 г. по сравнению с тем же периодом 1953 г. производство электроэнергии возросло на 37%, добыча угля — на 126, медной руды — на 41, железной руды — на 186, графита — на 209% и т. д.[29]. Выпуск продукции текстильной и пищевой промышленности за тот же период также несколько увеличился.

Однако эти данные о росте производства продукции не показательны, так как сопоставление делается с 1953 г., когда уровень промышленного производства вследствие военной разрухи сократился до минимума. Несмотря на то что после заключения перемирия в отдельных отраслях промышленности наблюдается некоторое увеличение выпуска продукции, обусловленное агрессивными планами американских империалистов и южнокорейских властей, общее промышленное производство Южной Кореи продолжает оставаться на очень низком уровне.

Состояние отдельных отраслей промышленности

Энергетика. Энергетическая промышленность является наиболее слабым звеном в экономике Южной Кореи. В период японского господства большинство гидроэлектростанций страны было сосредоточено в Северной Корее. Расчленение страны привело к тому, что Юг был изолирован от энергетической базы, находящейся на Севере. Так как выработка электроэнергии в Южной Корее производилась в основном тепловыми электростанциями, естественно, что нормальная работа этих станций во многом зависела от бесперебойного снабжения их топливом. Однако в предвоенный период вследствие резкого сокращения добычи угля электростанции Юга ощущали острый недостаток в топливе и работали с большой недогрузкой. Во время военных действий 1950—1953 гг. электроэнергетическое хозяйство было сильно разрушено и недостаток электроэнергии стал ощущаться еще более остро. В послевоенные годы, несмотря на восстановление ряда электростанций, потребность в электроэнергии намного превышает ее выработку. Согласно данным южнокорейского министерства торговли и промышленности, максимальная мощность всех имеющихся в Южной Корее электростанций в 1956 г. составила 236 тыс. *квт*, т. е. почти в шесть раз меньше, чем в КНДР. На долю гидроэлектростанций приходится 38% электроэнергетических мощностей. Электростанции, как правило, мелкие; мощность самой крупной Йонвольской ТЭС — 100 тыс. *квт*, Хвачхонской ГЭС — 77,2 тыс. *квт*, Масанской ТЭС — 50 тыс. *квт*.

В 1956 г. было выработано всего 1118 млн. *квт-ч*. Этого недостаточно, чтобы обеспечить электроэнергией даже промышленность[30]. В связи с этим распределение электроэнергии строго регламентировано. Основная часть вырабатываемой электроэнергии поглощается военными заводами и предприятиями по добыче и переработке стратегического сырья. Южнокорейские власти меньше всего заботятся об обеспечении населения электроэнергией. Городскому населению разрешается пользоваться электроэнергией фактически 3—4 часа в сутки. В 1956 г. потребление электроэнергии на одного человека в Южной Корее составляло всего 51 *квт-ч* в год, в то время как в КНДР — 590 *квт-ч*.

В то время как снабжение населения электроэнергией строго лимитируется, для американских войск в Южной Корее не существует никаких ограничений. В связи с тем что американская оккупационная армия, потребляющая около 20% всей производимой электроэнергии, вносит плату нерегулярно, южнокорейские электрокомпании оказались в тяжелом финансовом положении. На май 1956 г., например, задолженность американцев составила более 5 млрд. хван. Острый недостаток электроэнергии является одной из важнейших причин хронической недогрузки многих промышленных предприятий, работающих на гражданские нужды.

Почти все электростанции Южной Кореи принадлежат Южнокорейской электрокомпании и Сеульской электрокомпании. В 1955 г. на долю этих двух компаний приходилось более 90% всей выработанной на Юге электроэнергии[31].

Эти компании находятся в непосредственной финансовой зависимости от монополистического капитала США. Так, американские монополии «Дженерал электрик» и «Стандард ойл» путем предоставления капитала и поставок топлива под вывеской экономической «помощи» фактически поставили под свой

[29] «Кынночжа», 1957, № 5, стр. 93.

[30] «Хангук ынхэн чоса вольбо» (韓國銀行調査月報), 1957, № 2, стр. 130.

[31] Там же.

контроль Южнокорейскую электрокомпанию. По данным Сеульского телеграфного агентства, американские империалисты намереваются в ближайшее время полностью заменить на тепловых электростанциях Южной Кореи корейский уголь американским жидким топливом. В первую очередь решено перевести на жидкое топливо Таниринскую, Масанскую и Самчхокскую ТЭС. Проводя подобное мероприятие, монополисты США стремятся поставить южнокорейскую электроэнергетическую промышленность в полную зависимость от американского капитала.

Угольная промышленность. Южнокорейская угольная промышленность, несмотря на некоторое увеличение добычи угля за последние годы, неспособна полностью обеспечить потребности Южной Кореи в топливе. В предвоенном, 1949 г. было добыто немногим больше 1 млн. *т* угля.

В период войны добыча угля резко сократилась. В 1952 г., пытаясь повысить добычу угля и одновременно изыскать дополнительные средства на военные нужды, южнокорейское правительство решило передать часть государственных шахт, главным образом добывающих бурый уголь, в руки частных предпринимателей. В послевоенный период добыча угля несколько возросла. Так, в 1956 г. из общего количества потребленного в Южной Корее угля (2790 тыс. *т*) на месте было добыто 1817 тыс. *т*[32].

Наиболее крупные шахты Южной Кореи находятся в Самчхокском угольном бассейне и в районе города Йонвол. Они дают свыше 75% всей добычи угля на государственных шахтах[33]. Все эти шахты находятся в руках угольной компании «Тэхан».

Милитаризация экономики создает постоянную диспропорцию между производством и потреблением угля. Самым крупным потребителем угля в Южной Корее является военное ведомство. Например, в сообщении министерства промышленности и торговли приводятся следующие данные о распределении угля в централизованном порядке (с апреля по июнь 1955 г.): военное ведомство — 50,4%, электростанции — 22, различные отрасли народного хозяйства — 14,1, население — 7,3, прочие расходы — 6,2%[34]. При этом следует учесть, что нередки случаи, когда военное ведомство поглощает часть угля, предназначенного для гражданских нужд. Используя недостаток угля в Южной Корее, империалисты США в широких масштабах продают ей свой уголь по ценам в 2—2,5 раза выше цен на мировом рынке.

В послевоенный период усилилось подчинение угольной промышленности Южной Кореи американскому монополистическому капиталу. США заключили с южнокорейскими властями несколько соглашений, которые передают им контроль над угольной промышленностью Юга. Так, в июне 1954 г. было подписано соглашение «об освоении угольных месторождений и технической помощи». Под предлогом внедрения «передовой техники» и «рационализации управления» американские империалисты вкладывают в угольную промышленность Южной Кореи свои капиталы. В зависимости от американских монополий «Дженерал электрик» и «Стандарт ойл» оказалась угольная компания «Тэхан». В феврале 1955 г. был создан «Корейско-американский комитет по освоению угольных месторождений» в составе 16 членов, из которых семь — американцы.

Американские монополии не только контролируют производство и распределение угля, но и устанавливают цены как на добываемый на Юге уголь, так и на импортируемый из США. Так, стоимость тонны местного угля, предназначенного для продажи населению или промышленным предприятиям (исключая военные), с 1955 по 1957 г. под давлением американцев была повышена с 12 710 до 17 100 хван[35]. Цены на американский уголь еще более высоки. Политика цен на уголь, проводимая американскими монополиями и южнокорейскими властями, не только повышает расходы населения, но и приводит к тому, что из-за недостатка и дороговизны топлива владельцы средних и мелких предприятий нередко вынуждены свертывать производство.

Горнодобывающая промышленность. Горнодобывающая промышленность — одна из важнейших отраслей экономики Юга. Наиболее важные из полезных ископаемых, которые добываются в настоящее время,— золото, серебро, железная руда, свинец, вольфрам, молибден, висмут, никель, графит, тальк, барий и асбест. Как и во время японского господства, основная часть добываемых в Южной Корее полезных ископаемых не перерабатывается на месте, а вывозится. На долю полезных ископаемых приходится более 70% южнокорейского экспорта.

После 1945 г. в результате разрушения и закрытия части рудников добыча несколько сократилась. Однако в связи с большой заинтересованностью американских монополий в увеличении вывоза из Южной Кореи важнейшего военно-стратегического сырья в горнодобывающую промышленность были направлены значительные капиталовложения из средств, поступающих в счет «помощи». Это привело к некоторому росту добычи полезных ископаемых. Тем не менее уровень производства горнодобывающей промышленности был крайне низким. Положение в ней продолжает оставаться тяжелым и после заключения перемирия. По сообщению южнокорейского агентства

---

[32] Там же, стр. 132.

[33] На государственные шахты приходится почти три четверти добычи угля в Южной Корее.

[34] «Чогук чонсон» (조국전선), 1956, 14 июля.

[35] Там же.

Хаптон от 11 марта 1958 г., в связи с сокращением рынков сбыта и недостатком капиталов к марту 1958 г. в Южной Корее из 6249 рудников действовали только 1285.

Тяжелое финансовое положение южнокорейской горнодобывающей промышленности используется американцами для подчинения ее монополистическому капиталу США. По «договору о дружбе, торговле и мореплавании» американские империалисты получили неограниченное право бесконтрольно разведывать и разрабатывать месторождения полезных ископаемых в Южной Корее. Это вызвало приток частных американских капиталовложений в южнокорейскую горнодобывающую промышленность и привело к усилению контроля американцев над Южнокорейской компанией по изысканию и разработке полезных ископаемых. Особое внимание американские империалисты обратили на захват крупнейших золотых приисков, вольфрамовых и графитных месторождений. В их руках находится десять крупнейших в стране золотых приисков, в том числе в Кымчхоне (провинция Кёнсан-пукто) и Кымчже (провинция Чолла-пукто).

Для южнокорейской горнодобывающей промышленности характерны резкие колебания размеров добычи отдельных видов полезных ископаемых. В этом отношении показательна добыча вольфрамовой руды. Наивысшего уровня она достигла в 1953 г., когда спрос на корейский вольфрам увеличился в связи с усилением гонки вооружений, проводимой империалистическими державами. В марте 1952 г. было заключено южнокорейско-американское соглашение, по которому Южная Корея должна была поставить США 15 тыс. *т* вольфрамовой руды. В 1953 г. в Южной Корее было добыто 7441 *т* вольфрамовой руды [36].

Однако по истечении срока соглашения в конце 1953 г. США не продлили его, так как изыскали более выгодные источники получения вольфрамовой руды (в частности, в Африке). В результате этого уже в 1954 г. объем добычи вольфрамовой руды по сравнению с 1953 г. уменьшился почти в два раза. Резкое падение добычи вольфрама пагубно отразилось на внешнеторговом балансе Южной Кореи и привело к сокращению объема ее внешней торговли.

В последующие годы южнокорейские власти разрешили разработку вольфрамовых рудников частным предпринимателям. Приток частных, главным образом американских, капиталовложений вызвал некоторое оживление в добыче вольфрамовой руды.

Добыча железной руды с 1945 г. вплоть до 1952 г. почти не производилась. Возобновление ее было связано с обязательством Южной Кореи поставлять железную руду Японии и частичным восстановлением некоторых южнокорейских металлургических предприятий, в которых прежде всего заинтересованы монополисты США.

[36] «Хангук ыихэн чоса вольбо», 1957, № 2, стр. 123.

Однако, несмотря на это, уровень разработки железной руды остается крайне низким. Если в период японского господства максимальный годовой объем добычи железной руды в Южной Корее определялся в 442 тыс. *т*, то в 1956 г. было добыто всего лишь 63 тыс. *т*, т. е. в семь раз меньше [37]. Для сравнения укажем, что в 1956 г. в КНДР было добыто железной руды примерно в десять раз больше, чем в Южной Корее.

Разработка месторождений графита, медной и свинцовой руд и других видов стратегического сырья также тесно связана с деятельностью американского капитала. За последнее время особенно усилился интерес американских империалистов и южнокорейского правительства к атомному сырью. Геологоразведочные группы, возглавляемые американскими специалистами, ведут изыскательные работы по выявлению залежей урановой руды в районах Камхва, Чхорвона и Хванчхона.

О б р а б а т ы в а ю щ а я п р о м ы ш л е н н о с т ь. Обрабатывающая промышленность Южной Кореи представлена такими отраслями, как машиностроение, металлургия, химия, производство строительных материалов, текстильная и пищевая промышленность. Предприятия этих отраслей — в основном мелкие или средние, с числом рабочих от 5 до 100.

На долю предприятий обрабатывающей промышленности в настоящее время приходится приблизительно 13% всего валового продукта Южной Кореи. Наибольший удельный вес в обрабатывающей промышленности имеют предприятия легкой и пищевой промышленности. Так, в 1957 г., по данным ежемесячника центрального южнокорейского банка, предприятия текстильной и пищевой промышленности, включая предприятия по производству различных напитков, дали свыше 70% валовой продукции обрабатывающей промышленности, а предприятия машиностроения, включая транспортное,— только 5,6%.

Значительная часть обрабатывающей промышленности находится в полной зависимости от американских монополий и работает в основном на дорогостоящем американском сырье. Показательна в этом отношении южнокорейская текстильная промышленность, которая на 95% зависит от импорта американского хлопка-сырца. Финансовая и сырьевая зависимость предприятий обрабатывающей промышленности от монополий США вызывает неустойчивость производства и нередко приводит к резкому сокращению выпуска продукции.

Рассмотрим состояние отдельных отраслей южнокорейской обрабатывающей промышленности.

Металлургия является наименее развитой отраслью обрабатывающей промышленности и неспособна удовлетворить даже

[37] «Очерк географии Кореи», Пхеньян, 1957, стр. 82.

самые минимальные потребности Южной Кореи. Преобладают мелкие предприятия, плохо оснащенные технически, с низкими производственными возможностями. Основные производственные процессы слабо механизированы, широко применяется ручной труд.

Наиболее крупные металлургические предприятия в Южной Корее—завод компании «Самхва», имевший до 1945 г. восемь небольших плавильных печей общей мощностью 3700 *т* чугуна в год, заводы в Инчхоне и в районе Йондынпхо (близ Сеула).

После заключения перемирия лисынмановские власти решили за счет средств, полученных по линии технической «помощи», начать расширение и реконструкцию некоторых металлургических предприятий: построить 50-тонную сталеплавильную печь, прокатный стан и гальванический цех на металлургическом заводе в Инчхоне, который принадлежит южнокорейской компании. Предполагалось, что после реконструкции завод будет давать в год 35 тыс. *т* стальных слитков, 24 тыс. *т* углового железа и труб и 5 тыс. *т* оцинкованного железа. На металлургическом заводе в Самчхоке предполагалось наладить выплавку железа и довести ее до 728 *т* в месяц. Однако из-за недостатка средств планы расширения металлургической промышленности остались на бумаге. В 1956 г. в Южной Корее было выплавлено всего 17 тыс. *т* стали. В последующие годы производство стали продолжало сокращаться. В марте 1958 г. из-за нерентабельности прекратили работу металлургический завод «Самхва», а в апреле того же года — Инчхонский.

В цветной металлургии насчитывается 58 предприятий. Самое крупное из них — завод цветных металлов в Чанхане (провинция Чхунчхон-намдо). На нем действуют две плавильные печи, способные переработать в месяц 600 *т* руды, содержащей золото и серебро, 430 *т* медной и 300 *т* свинцовой руды. Строительство в цветной металлургии ограничилось пуском третьей плавильной печи на заводе в Чанхане. В результате этого ежемесячная производительность завода достигла 60 *т* электролитической меди и 39 *кг* золота. Всего в 1956 г. в Южной Корее было произведено 907,3 *т* электролитической меди [38].

В целом металлургическая промышленность Южной Кореи в 1955 г. произвела продукции в 10 раз меньше, чем в 1944 г., когда был достигнут наивысший уровень производства в период японского господства [39].

Машиностроение. Машиностроительная промышленность Южной Кореи имеет типично колониальный характер, выражающийся не только в низком уровне ее развития, но и в отсутствии важнейших отраслей, в частности станкостроения. Большинство машиностроительных предприятий (91%) — мелкие

[38] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 2, стр. 119.
[39] «Нодон синмун», 1956, 8 августа.

заводы или мастерские, крупных заводов почти нет. В начале 1953 г. в стране насчитывалось 413 предприятий против 794 в 1950 г. В послевоенные годы число машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий еще более сократилось.

Южнокорейское машиностроение производит электромоторы малой мощности, насосы для ирригационных сооружений, велосипеды, трансформаторы, аккумуляторы, электролампы, некоторые запасные части для текстильных машин и простейшие орудия труда. За последнее время расширился ремонт локомотивов и автомашин.

Удельный вес машиностроения в общем объеме валовой продукции обрабатывающей промышленности крайне низок — всего 4% в 1957 г. Представление о масштабах и номенклатуре производства могут дать следующие данные: в 1956 г. предприятиями машиностроительной и электротехнической промышленности было выпущено 8177 двигателей внутреннего сгорания малой мощности, 23 тыс. швейных машин, более 42 тыс. велосипедов, 1319 трансформаторов, 5736 аккумуляторов [40].

Зависимость южнокорейской экономики от монополистического капитала США, а также политика лисынмановских властей, ограничивающая деятельность южнокорейских предпринимателей, препятствует нормальной деятельности промышленных объектов. Например, сокращение производства велосипедов и трансформаторов в 1955 г. по сравнению с 1954 г. было вызвано не только острой нехваткой электроэнергии, топлива и сырья, но в значительной мере и сокращением кредитов частным корейским предпринимателям в связи с началом проведения южнокорейским правительством «политики экономии и регулирования управления предприятиями» [41].

В 1957 г. в связи с общим расширением частных американских инвестиций в южнокорейскую экономику наблюдался известный приток капиталов и в отдельные отрасли машиностроительной промышленности, что в какой-то степени способствовало росту производства некоторых видов ее продукции. Увеличение выпуска продукции машиностроения произошло главным образом благодаря расширению производства на предприятиях, обслуживающих военную машину лисынмановского правительства. В основном эти предприятия производят ремонт оружия, автомашин и другого оборудования южнокорейской и американской армий или выпускают запасные части.

Химическая промышленность. Химическая промышленность, как и другие отрасли экономики Южной Кореи, была очень ослаблена в результате агрессивной войны против КНДР, развязанной американскими империалистами и лисын-

[40] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 118, 119.
[41] В 1954 г. было выпущено свыше 32 тыс. велосипедов, а в 1955 г. — только 24 тыс. Производство трансформаторов сократилось с 1446 до 841 штуки («Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 118, 119).

мановцами. К 1953 г. из 950 предприятий, действовавших в довоенный период, сохранилось всего лишь 489, из них 341 предприятие с числом рабочих менее 50, 90 предприятий — от 50 до 100 и 58 предприятий — от 100 до 200 рабочих.

Более половины всех рабочих химической промышленности занято на предприятиях, производящих изделия из резины (велосипедные покрышки, камеры, обувь и т. д.). Большинство этих предприятий расположено в провинции Кёнсан-намдо. Завод по производству автомобильных покрышек, находившийся в Йондынпхо, был разрушен во время войны.

Кроме резиновых изделий, химические предприятия изготовляют взрывчатые вещества, пластмассы, мыло, спички, различные красители, карбид и в незначительном количестве — минеральные удобрения.

В мыловаренной промышленности насчитывается около 300 предприятий, из них 200 — с числом рабочих менее 10. За счет собственного производства Южная Корея способна удовлетворить лишь четвертую часть своих потребностей в мыле.

Значительная часть предприятий химической промышленности работает на американском сырье. Зависимость от американского сырья создает неустойчивое положение в этой отрасли производства. Особенно это сказывается на работе предприятий, занятых производством резиновых изделий, так как они целиком зависят от ввоза американского каучука. Так, выпуск резиновой корейской обуви (комусин) в 1956 г. по сравнению с 1954 г. сократился с 35 275 тыс. пар до 24 236 тыс. пар. Производство пластмасс в 1956 г. по сравнению с 1955 г. снизилось с 3234 *т* до 2496 *т*, карбида — с 2887 *т* до 2664 *т*[42].

Несмотря на то что Южная Корея остро нуждается в минеральных удобрениях, их производство находится на крайне низком уровне. Это вызвано тем, что снабжение южнокорейского сельского хозяйства минеральными удобрениями монополизировано американскими империалистами, которые, сбывая их по монопольно высоким ценам, получают огромные прибыли. Так, предполагалось, что прибыли США от продажи Южной Корее минеральных удобрений в 1957 г. должны составить 33 млрд. хван. При этом следует указать, что ввозимые удобрения зачастую не подходят для местной почвы.

Американские монополии всячески тормозят развитие южнокорейского производства искусственных удобрений. В частности, затягивается строительство химического завода в Чхунчжу мощностью 120 тыс. *т* минеральных удобрений в год, пуск которого намечался на март 1958 г. Затягивается также реконструкция других предприятий.

Промышленность строительных материалов. Хотя Южная Корея располагает значительными сырьевыми ресурсами для развития промышленности строительных материалов, их производство остается на крайне низком уровне. Например, производство цемента составляет в среднем лишь одну десятую ежегодных потребностей, которые определяются в 600 тыс. *т*. Значительная часть нужд в цементе покрывается за счет импорта из США. Так, в 1956 г. только через международное агентство ИКА было ввезено цемента на 2,1 млн. долл[43]. Ввоз цемента из-за границы приводит к сокращению производства его в Южной Корее. Если в 1954 г. было произведено 61,2 тыс. *т*, то в 1956 г. — только 45,1 тыс. *т*[44]. Единственное предприятие в цементной промышленности, построенное за время господства лисынмановского режима, — завод в Мунгене, вступивший в действие летом 1957 г.

Стекольное производство Юга представлено 54 предприятиями в основном кустарного типа, которые выпускают главным образом стеклянную тару. Оконное стекло производится в незначительном количестве, поэтому ежегодно в Южную Корею ввозилось до 50 тыс. ящиков листового стекла из-за границы. В 1958 г. импорт листового стекла сократился в связи с пуском Инчхонского стекольного завода.

Южнокорейская печать отмечает, что строительство новых промышленных предприятий, среди них цементного и стекольного заводов, служит источником обогащения американских компаний. Как указывала газета «Тона ильбо», при эксплуатации этих заводов, вследствие непомерно больших расходов на их строительство, себестоимость продукции будет настолько высокой, что она не сможет конкурировать с продукцией американского производства.

Текстильная и пищевая промышленность. *Текстильная промышленность* занимает первое место по объему производства в обрабатывающей промышленности Южной Кореи. В 1956 г. из 431,6 млрд. хван общей стоимости валовой продукции обрабатывающей промышленности на долю текстильной приходилось 130,4 млрд. хван[45]. В этой отрасли занято 41,8% всех рабочих обрабатывающей промышленности. Число рабочих в текстильной промышленности почти в 4 раза больше, чем во всех отраслях тяжелой индустрии.

Южнокорейская текстильная промышленность в основном представлена мелкими и средними предприятиями, в которых сосредоточено примерно две трети всех рабочих этой отрасли. Техническая оснащенность предприятий продолжает оставаться крайне низкой. Некоторое увеличение производства, наблюдающееся за последние годы, происходит главным образом за счет

[42] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 118, 119.

[43] Там же, стр. 113.

[44] Там же, стр. 118, 119. — Для сравнения укажем, что в КНДР в 1956 г. было произведено 597 тыс. *т* цемента, т. е. в 13 раз больше, чем в Южной Корее.

[45] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 25.

интенсификации труда. В южнокорейской текстильной промышленности преобладают хлопчатобумажные фабрики, большинство которых сосредоточено в районе Тэгу и Пусана. Кроме хлопчатобумажных тканей, производятся шелковые, шерстяные и нейлоновые ткани, хлопчатобумажная пряжа и шелк-сырец.

Южнокорейская текстильная промышленность находится в особенно сильной зависимости от монополистического капитала США и американского сырья. Только в 1954 г. из США в Южную Корею было ввезено: хлопка-сырца — 55,7 млн. фунтов, хлопчатобумажной пряжи — 9371 тыс., вискозной пряжи — 17 095 тыс., шерстяной пряжи — 3110 тыс. фунтов [46].

Южнокорейская текстильная промышленность — выгодный потребитель американского сырья, ввоз которого обеспечивает монополистам США значительные прибыли. Поэтому за последние годы они содействовали обновлению основного капитала этой отрасли производства. Так, в 1953 г. на прядильных фабриках имелось всего 177 тыс. веретен, а к 1958 г. их число увеличилось до 434 тыс. Число ткацких станков на текстильных предприятиях за 1949—1958 гг. возросло с 8970 до 10 173 [47]. Для шелкоткацких предприятий в 1954 г. было ввезено 1600 станков [48].

Южнокорейские власти в первую очередь содействуют расширению производства продукции, идущей на военные нужды. Например, в 1956 г. была введена в строй фабрика шерстяных тканей для обмундирования армии. В то же время предприятия, производящие ткани для гражданского населения, испытывают острые финансовые и сырьевые затруднения. На деятельности мелких и средних текстильных предприятий, выпускающих товары широкого потребления, особенно пагубно сказывается «политика экономии», проводимая лисынмановским правительством. Из-за недостатка сырья и сокращения кредитов многие мелкие и средние предприниматели вынуждены закрывать свои фабрики. Однако недостаток оборотных фондов за последнее время ощущают и более крупные фабрики, выпускающие продукцию для гражданского населения. В 1957 г. из 14 таких предприятий одно было полностью закрыто, а остальные работали с нагрузкой только в 50% своей производственной мощности [49].

Трудности в текстильной промышленности, работающей на дорогостоящем привозном сырье, вызваны также сокращением спроса на ее изделия из-за непомерно высоких цен. Поэтому, несмотря на частичное обновление своего основного капитала, текстильная промышленность в настоящее время не может

[46] «Far Eastern economic review», Hongkong, 1956, № 22, May 31, p. 681.
[47] «Чэчжон» (재정), 1958, № 1, стр. 59.
[48] «Far Eastern economic review», 1956, № 22, p. 681.
[49] «Нодон синмун», 1957, 29 декабря.

удовлетворить даже минимальные потребности населения Юга. В 1956 г. в Южной Корее было произведено всего 94 663 тыс. *м* хлопчатобумажной ткани, т. е. приблизительно 4 *м* на душу населения — почти в два раза меньше, чем в КНДР [50]. Поскольку основная часть продукции текстильной промышленности идет на нужды армии, на душу гражданского населения фактически приходится не более 2 *м*.

В 1954 г. в Южной Корее было произведено 1889 тыс. *кв. м* шелковых тканей, в 1955 г.— 1505 тыс. *кв. м*. Низкий уровень производства натуральных шелковых тканей и, в частности, падение его в 1955 г. вызвано тем, что подавляющая часть южнокорейского шелка-сырца вывозится за границу [51], а также разорением мелких кустарных предприятий, чья продукция не выдерживает конкуренции с дешевыми импортными тканями из искусственного шелка.

В особенно тяжелом состоянии находится производство шерстяных тканей. Это объясняется прежде всего отсутствием собственной сырьевой базы и слабой технической оснащенностью предприятий. В 1954 г. на десяти фабриках, изготовляющих шерстяные ткани, насчитывалось всего 227 ткацких станков. Все эти фабрики выполняют главным образом заказы армии. В 1956 г. в Южной Корее было выработано 3810 тыс. *кв. м* шерстяной ткани [52].

Пищевая промышленность. По стоимости выпускаемой продукции (28% валовой продукции обрабатывающей промышленности в 1957 г.) и по числу занятых рабочих (14,3% в 1955 г.) [53] пищевая промышленность занимает второе место за текстильной. Она в основном занята обработкой риса и соевых бобов, производством сигарет, табака и алкогольных напитков. Как и другие отрасли, пищевая промышленность в значительной степени работает на нужды армии. В 1954 г. она достигла примерно уровня довоенного, 1949 г. В 1955 г. стоимость ее продукции, исключая алкогольные напитки, составила 70,5 млрд. хван, а в 1956 г.— 76,4 млрд. хван [54].

Пищевая промышленность в основном представлена мелкими предприятиями. На крупные и средние приходится примерно 8% всех предприятий пищевой промышленности.

Несмотря на то что Южная Корея с трех сторон омывается морями, богатыми рыбой, ее рыбная промышленность развита недостаточно. Это объясняется слабостью рыболовецкого флота и большим недостатком льда, необходимого для хранения рыбы. В 1954 г. было законсервировано только 4900 *т* рыбы [55].

[50] «Хаигук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 118, 119.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] «Минчжу чосон», 1957, 28 ноября.
[54] «Хаигук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 25.
[55] «Far Eastern economic review», 1956, № 22, p. 680.

Транспорт. Препятствуя развитию южнокорейской промышленности, американские монополии в то же время в целях создания наилучших условий для выкачивания из Южной Кореи стратегического сырья и превращения ее в плацдарм США на Дальнем Востоке предоставляют южнокорейскому правительству значительные средства на железнодорожное строительство. В 1954 г. протяженность железных дорог составляла 2778 *км*, а в 1956 г.— более 2900 *км*[56]. Расположение новых линий определяется их военно-стратегическим назначением. Важнейшие из них: линии Мунген — Пульчжон (к Ынсанским угольным шахтам) и Йонвол — Чодон.

В связи с общей милитаризацией хозяйства Южной Кореи ее транспорт в основном работает на военные нужды.

Несмотря на строительство новых железнодорожных линий и некоторое расширение перевозок, паровозный и вагонный парки находятся в крайне запущенном состоянии. Сеульская газета «Тона ильбо» в 1956 г. сообщила, что 30% парка действующих паровозов необходимо обновить, а остальные паровозы нуждаются в капитальном ремонте. По данным министерства путей сообщения южнокорейского правительства, с января по май 1956 г. из строя вышло 54,7% всего паровозного парка Южной Кореи[57]. Подобная запущенность паровозного парка вызвана варварской эксплуатацией подвижного состава, особенно при перевозках военных грузов.

Военные перевозки приводят к большой загруженности железных дорог и дезорганизуют передвижения пассажирских составов. Только с января по май 1956 г. на всех железнодорожных линиях 94,3% всех поездов не ходили по графику, а 25,3% подвижного состава подверглось авариям и катастрофам[58].

С участием американских монополистов был разработан план перевода всего железнодорожного транспорта Южной Кореи на тепловозную тягу. Это мероприятие преследовало далеко идущие цели — поставить южнокорейские железные дороги в полную зависимость от поставок горючего, двигателей и подвижного состава из США.

Все растущая инфляция, загруженность железнодорожного транспорта военными перевозками, а также попытки лисынмановских властей сократить бюджетный дефицит посредством увеличения налогов и платы за пользование транспортными средствами приводят к повышению стоимости проезда по железным дорогам. Так, если индекс платы за проезд по железной дороге в вагоне третьего класса в 1947 г. принять за 100, то

[56] «Кёнчже ёнгам» (鑑經濟年), Сеул, 1957, раздел IV, стр. 180.

[57] «Информационный бюллетень». Департамент культурных связей с заграницей Министерства культуры и пропаганды КНДР, Пхеньян, 1956, № 28, стр. 7.

[58] Там же.

в 1953 г. он поднялся до 5700, в 1955 г. — до 24 тыс., а в феврале 1957 г. достиг 43 тыс.[59]

Морской флот Южной Кореи в 1956 г. насчитывал 122 паровых судна небольшого тоннажа. Наиболее важные морские порты Южной Кореи — Мокпхо, к которому приписаны 33 парохода, Инчхон (19 пароходов), Пусан (19 пароходов), Йосу (16 пароходов) и Масан (12 пароходов). Морской транспорт, как и железнодорожный, занят в основном перевозками военных грузов, товаров, поступающих в счет экономической «помощи», и вывозом из Южной Кореи стратегического сырья. Если объем пассажирских перевозок с 1955 по 1956 г. несколько сократился (с 5186 тыс. до 5120 тыс. человек), то грузовые перевозки резко возросли (с 92 824 тыс. до 135 379 тыс. *т*)[60].

Автомобильный транспорт Южной Кореи развит слабо. В 1956 г. насчитывалось всего 24 480 легковых и грузовых автомашин и автобусов. В последующие годы наблюдается известное расширение автомобильного парка, вызванное главным образом увеличением числа машин военных ведомств и правительственных учреждений. Широкому использованию автодорожного транспорта препятствуют острый дефицит и баснословная дороговизна жидкого топлива.

Положение рабочего класса Южной Кореи

Состав и структура рабочего класса. После второй мировой войны и особенно после войны в Корее состав и структура южнокорейского рабочего класса существенно изменились. Политика США, направленная на резкое ограничение развития ведущих отраслей промышленности Южной Кореи, и крупные разрушения во время военных действий вызвали сокращение спроса на рабочую силу, что повлекло за собой перелив ее из одних отраслей в другие и безработицу. Вместе с тем в результате репрессий империалистов США и лисынмановских властей из рядов рабочего класса были вырваны многие кадровые рабочие, составлявшие авангард национально-освободительного движения. Все это крайне ослабило пролетариат Юга, поэтому есть основания утверждать, что формирование рабочего класса в значительной степени идет заново.

В 1956 г. самодеятельное население Южной Кореи в возрасте от 14 до 60 лет составило 8565 тыс. человек. Абсолютное большинство его — более 5600 тыс.— было занято в сфере сельскохозяйственного производства. В сфере промышленности и транспорта было занято 355 тыс. человек. По отраслям они

[59] Там же.

[60] «Кёнчже ёнгам» (朝鮮年鑑), Сеул, 1957. Статистическое приложение, стр. 181. — Каботажные перевозки на мелких судах не учитываются, так как носят нерегулярный характер.

распределялись следующим образом: горная промышленность — 35 тыс., обрабатывающая промышленность (предприятия с числом рабочих более 5) — 225 тыс., транспорт — 35 тыс., прочие отрасли — 60 тыс. [61]

Кроме того, по оценке южнокорейского «Экономического ежегодника», насчитывалось 500 тыс. рабочих, занятых на мелких кустарных предприятиях (с числом рабочих менее 5) [62].

Разорение беднейшего крестьянства, наблюдающееся в южнокорейской деревне, ведет к увеличению числа сельскохозяйственных рабочих. В исследованиях южнокорейских и американских буржуазных авторов сведения о сельскохозяйственных рабочих отсутствуют. В южнокорейской статистике нет ясности при определении типа батрацких хозяйств. По некоторым данным, батрацкие семьи составляют 15—16% всех крестьянских семей. Если исходить из этих цифр, минимальная численность сельскохозяйственных рабочих должна достигать 700—800 тыс. Такая цифра представляется несколько преувеличенной, поскольку в Южной Корее нет крупных плантационных или крупных кулацких хозяйств.

За последнее время проявляется тенденция перелива национальных капиталов и рабочей силы из сферы производства в сферу обращения. Если в 1949 г. процент населения, занятого в торговле, составлял 4,8%, то уже к 1956 г. он возрос до 6,3% (табл. 4).

Таблица 4

Распределение самодеятельного населения по отраслям народного хозяйства Южной Кореи в 1949 и 1956 гг. (в %) *

Отрасли народного хозяйства	31 декабря 1949 г.	31 декабря 1956 г.
Сельское хозяйство	79,9	78,3
Обрабатывающая промышленность	3,3	1,6
Горнодобывающая промышленность	0.4	0,3
Торговля	4,8	6,3
Транспорт	0.9	0,8
Свободные профессии	5.2	6.1
Прочие	5,5	6,6
Итого...	100,0	100,0

* «Миньчжу чосон», 1957, 28 ноября.

Как видно из табл. 4, на Юге значительно увеличился удельный вес населения, занятого в непроизводительных отраслях; это объясняется прежде всего продолжающимся сужением сферы промышленного производства в результате наплыва американских товаров. Необходимо отметить, что сокращение удельного веса занятых во всей промышленности происходило главным образом вследствие уменьшения удельного веса рабочих и служащих, занятых в отраслях обрабатывающей промышленности.

Для более подробной характеристики структуры рабочего класса обратимся к статистике конца 1953 г., ибо в более поздних публикациях нет необходимых данных (табл. 5).

Таблица 5

Численность рабочих по отраслям народного хозяйства *

Отрасли народного хозяйства	Число занятых		
	мужчин	женщин	всего
Горнодобывающая промышленность	19 889	1 968	21 857
В том числе:			
угольная	8 012	434	8 446
рудники	11 636	1 497	13 133
каменоломни, песчаные карьеры	241	37	278
Обрабатывающая промышленность	55 057	46 390	101 447
В том числе:			
пищевая	13 958	5 530	19 488
текстильная	12 169	32 273	44 442
деревообрабатывающая и бумажная	3 656	496	4 152
полиграфическая	2 176	288	2 464
металлообрабатывающая	8 964	664	9 628
химическая	6 914	2 520	9 434
керамическая	3 372	1 337	4 709
прочие	3 848	3 282	7 130
Строительная промышленность	3 071	382	3 453
Транспорт и связь	79 09	4 044	83 453
Итого...	157 426	52 784	210 210

* «Кёнчже ёнгам», 1955. Статистическое приложение, стр. 207. — Предприятия, имеющие менее пяти рабочих, не учтены.

В последующие годы наблюдался значительный абсолютный рост численности рабочего класса (почти в 2 раза к 1956 г.), главным образом вследствие увеличения числа рабочих горнорудной, строительной и обрабатывающей промышленности.

Колониальный характер промышленности Южной Кореи обусловил такую структуру рабочего класса, при которой ведущее место занимают рабочие легкой промышленности. Как видно из табл. 5, в конце 1953 г. более 63% всего фабрично-заводского пролетариата Южной Кореи составляли рабочие

[61] «Кёнчже ёнгам», 1957. Статистическое приложение, стр. 282.
[62] Там же.

текстильной и пищевой промышленности. В конце 1955 г. в этих отраслях было занято 56% рабочих обрабатывающей промышленности.

Одна из особенностей южнокорейской экономики — широкое применение труда женщин и детей. Женщины составляют около 25% всех рабочих Юга [63]. Особенно значительно использование женского труда в обрабатывающей промышленности: приблизительно 46% фабрично-заводских рабочих — женщины. Этот процент один из наиболее высоких в мире. 10—12% рабочих обрабатывающей промышленности — дети и подростки моложе 18 лет, причем почти 3% — дети моложе 12 лет [64]. В 1957 г., по данным ООН, женщины составляли 44,1% всех фабрично-заводских рабочих, подростки и дети — 11,1% [65]. Таким образом, в обрабатывающей промышленности Южной Кореи более 55% рабочих — женщины и дети.

Проблема формирования рабочего класса в южной части Кореи неразрывно связана с вопросами его образовательного и профессионального уровня. Образовательный уровень южнокорейских рабочих крайне низок. Колонизаторская политика японских империалистов в прошлом и политика американских империалистов в наши дни, направленная на свертывание национальной промышленности и подавление национальной культуры корейского народа, привели к тому, что значительная часть рабочих Южной Кореи совершенно неграмотна. Так, в обрабатывающей промышленности рабочие без образования составляют более 27%, а в горнодобывающей — почти 51% (табл. 6).

Таблица 6

Образовательный уровень рабочего класса Южной Кореи *

Отрасли хозяйства	Число рабочих без образования	Число рабочих, окончивших начальную школу
Горнодобывающая промышленность	11 144	7 839
Обрабатывающая промышленность	27 926	59 874
Строительная промышленность	1 357	1 606
Транспорт и связь	19 124	55 840
Итого	59 551	125 159

* «Кёнчже ёнгам», Сеул, 1955. Статистическое приложение, стр. 208, 209.

[63] «Кёнчже ёнгам». 1955. Статистическое приложение, стр. 213.
[64] Там же, стр. 209.
[65] «Доклад генерального агента органа ООН по восстановлению Кореи за период с 1 июля 1956 г. по 30 июня 1957 г.» [«ООН. Генеральная Ассамблея, Официальные отчеты», 12-я сессия, дополнение № 17 (A/3651), Нью-Йорк, 1957], стр. 22.

Не располагая данными о степени профессиональной подготовки и производственном стаже рабочих Юга, сделаем лишь некоторые предварительные замечания. После войны, во время которой часть южнокорейского пролетариата деклассировалась, а часть была мобилизована в армию, на предприятия пришли новые рабочие, главным образом из разорившихся крестьян и кустарей. Эта наиболее многочисленная категория южнокорейского пролетариата еще находится в плену мелкобуржуазной идеологии.

Южнокорейская официальная статистика не делает различий между высококвалифицированными рабочими и инженерно-техническим персоналом, объединяя их под общей рубрикой «кисульчжа» (специалисты). Поэтому установить даже приблизительно число квалифицированных рабочих не представляется возможным. В конце 1953 г. из общего числа «специалистов» (42 191) в горнорудной промышленности было занято 2448, в обрабатывающей — 27 957, в строительной — 587, на транспорте — 11 219 [66].

Отсутствие крупных объектов в промышленности приводит к распылению пролетариата по мелким предприятиям, мешает его консолидации, выработке боевых качеств. Однако многочисленные политические выступления пролетариата за национальную независимость и единство страны показывают, что он постепенно становится решающей силой в антиимпериалистической борьбе трудящихся масс Юга.

Условия труда. После войны 1950—1953 гг. в Южной Корее произошло частичное обновление основного капитала, способствовавшее некоторому повышению производительности труда. Оно было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, промышленное оборудование, установленное в период японского господства, совершенно устарело. Об этом наглядно свидетельствует сравнение показателей производительности труда в текстильной промышленности Южной Кореи и других стран. Так, в 1949 г. на одно веретено в Южной Корее за 8 часов работы потреблялось 0,15—0,26 фунта пряжи, в довоенной Японии — 0,4 фунта, в Англии — 0,33 фунта. В этом же году ткач в Южной Корее вырабатывал за 8 часов от 11,04 до 19,48 ярда ткани, т. е. от одной трети до одной пятой производства ткани в довоенной Японии, где ткач вырабатывал от 55,26 до 64,57 ярда ткани [67]. Во-вторых, многие промышленные предприятия были разрушены в период войны и, естественно, нуждались в обновлении основного капитала.

Усиливая эксплуатацию рабочих за счет повышения производительности труда, предприниматели стремятся приумножить свои прибыли также посредством увеличения абсолютной при-

[66] «Кёнчже ёнгам», 1955, Статистическое приложение, стр. 207.
[67] «Far Eastern economic review», 1949, 20 October, p. 520. — 1 англ. фунт равен 0,454 *кг*; 1 ярд равен 0,9144 *м*.

бавочной стоимости — путем интенсификации труда и удлинения рабочего дня. В Южной Корее применение этих методов усиления эксплуатации официально именовалось «движением за рационализацию управления производством», которое было начато по инициативе южнокорейских властей сразу же по окончании войны [68].

Нормы выработки в таких отраслях южнокорейской промышленности, как угольная, текстильная, возросли в послевоенный период в три раза [69]. Рост норм выработки — не столько результат обновления основного капитала, сколько следствие дальнейшей интенсификации труда. Об интенсификации труда свидетельствует так называемая «система оплаты в зависимости от производительности труда» с выплатой различных премий, позволяющая предпринимателям устанавливать очень низкую основную зарплату.

Мы располагаем лишь отрывочными и неполными данными об увеличении продолжительности рабочего дня в послевоенные годы. Однако и имеющийся материал позволяет утверждать, что оно, несомненно, имело место. Например, в июле 1955 г. на многих крупных предприятиях, в том числе на текстильной фабрике «Тэхан» в г. Тэгу, вместо трех смен по 8 часов были введены две смены по 12 часов [70]. Даже по официальным южнокорейским данным, рабочая неделя в текстильной промышленности составляла в 1955 г. 67 часов. В полиграфической промышленности продолжительность рабочей недели достигала 60 часов. Грузчики и разнорабочие городского хозяйства трудятся по 70 часов в неделю. Не случайно поэтому одно из основных экономических требований рабочего класса Южной Кореи — требование 8-часового рабочего дня. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что курс на «рационализацию», предпринятый марионеточным правительством, выразился также в прямом увольнении рабочих и служащих промышленных предприятий [71].

Удлинение рабочего дня и интенсификация труда на фабриках и заводах при отсутствии техники безопасности приводят к росту несчастных случаев на промышленных предприятиях. Даже по официальным данным южнокорейского министерства здравоохранения, число несчастных случаев в промышленности в 1957 г. увеличилось на 63% по сравнению с уровнем 1955 г.

Чрезвычайно тяжелым бременем для рабочего класса Южной Кореи является система принудительного труда: строительство объектов стратегического значения — дорог, мостов и различных сооружений сопровождается насильственной мобилизацией рабочей силы по распоряжению лисынмановских властей или командования «войск ООН» в Корее.

[68] «Минчжу чосон», 1957, 25 апреля.
[69] «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 36, 37.
[70] Там же.
[71] Например, 20 апреля 1957 г. министерство торговли и промышленности объявило, что оно уволит 1233 рабочих и служащих восьми крупнейших промышленных компаний («Минчжу чосон», 1957, 25 апреля).

Уровень жизни рабочего класса. Американская оккупация Южной Кореи вызвала жестокую инфляцию. Цены резко повысились в августе 1945 г. и с этого момента начали неудержимо расти. А заработная плата, по свидетельству американского журнала «Мансли лейбор ревью», была пересмотрена только в марте 1947 г.[72] Некоторое представление о динамике цен и заработной платы можно получить на основании данных Корейского банка (табл. 7), из которых явствует, что рост цен намного опережал рост заработной платы. По-

Таблица 7

Индекс цен и заработной платы в Сеуле в 1945—1947 гг. *
(1936 г.= 100)

Месяц	1945 г.		1946 г.		1947 г.	
	Цены	Заработная плата	Цены	Заработная плата	Цены	Заработная плата
Январь	238	246	10 913	3 886	45 912	12 589
Август	4323	—	20 058	7 826	54 183	17 010
Декабрь . . .	9605	2564	37 021	11 936	76 898	17 704

* G. MacCune, *Korea today*, p. 167.

казательны также и абсолютные цифры. Так, например, в 1916—1947 гг. месячная заработная плата рабочего-железнодорожника составляла в среднем 1728 вон. В течение этого периода цена за один маль [73] риса, основного продукта питания корейского рабочего, повысилась в два раза, с 500 до 1000 вон. Таким образом, в 1947 г. рабочий мог приобрести на семью из пяти человек немногим более 25 *кг* риса в месяц [74]. По расчетам американского автора Маккюна, покупка ряда товаров, стоимость которых в 1936 г. была меньше 60% средней заработной платы рабочего — главы семьи, в 1947 г. потребовала бы расходов в 3,5 раза больших, чем его заработная плата [75]. Необходимо помнить также, что в этот период приблизительно в такой же пропорции, как цены на рис, росли цены и на другие важнейшие потребительские товары: соль, минтай (сушеная рыба), хлопчатобумажные ткани и т. д. К 1948 г. цены увеличились по сравнению с 1936 г. в 800 раз, а заработная плата —

[72] «Monthly labour review», Washington, 1949, vol. 68, № 4, p. 402—406.
[73] 1 маль равен 14,6 *кг*.
[74] Подсчет произведен на основании данных официальной южнокорейской статистики, содержащихся в книге: G. MacCune, *Korea today*, p. 341.
[75] Ibid., p. 168.

только в 160—180 раз [76]. В дальнейшем повышение цен на продовольственные товары продолжалось. С декабря 1948 г. по декабрь 1949 г. цены на рис почти удвоились. К июню 1950 г. они возросли по сравнению с декабрем 1949 г. почти на 300% [77].

Таким образом, разрыв между номинальной заработной платой и ценами неуклонно увеличивался, реальная заработная плата становилась еще более низкой. Даже представитель марионеточного правительства Дэвид Ли вынужден был признать низкий жизненный уровень южнокорейских рабочих. Он заявил в 1950 г., что «корейская система зарплаты базируется главным образом на стоимости риса; при средней месячной зарплате фабричного рабочего 7989 вон бушель (29,3 *кг*) риса стоит 25 тыс. вон [78]. Следовательно, в июле 1950 г. рабочий мог приобрести на свою заработную плату менее 10 *кг* риса в месяц.

В таких условиях чрезвычайно обострилась проблема обеспечения городского населения продовольствием. Американская администрация прибегла к принудительным закупкам риса у крестьян по низким ценам. Была введена пайковая система снабжения. Принудительные закупки риса, из которых складывалась бо́льшая часть пайкового фонда, все время возрастали и в 1947 г. составили 30% всего летнего урожая. По данным, приводимым Маккюном, эти сборы обеспечивали 68% ежедневного потребления для корейского населения в период с 1 декабря 1946 г. по 1 июля 1947 г. Позднее норма пайка была снижена на 20% [79]. Трудно установить, насколько достоверны эти цифры. В целом же, как неоднократно признавала американская печать, жизненный уровень населения Южной Кореи в довоенные годы был ниже, чем даже в период японского господства. Так, в 1932—1936 гг. средняя калорийность пищевых продуктов, ежедневно потребляемых на душу населения, составляла 2039 *кал*, а в 1946—1947 гг. — только 1468 *кал* [80]. Весьма примечателен тот факт, что такое снижение калорийности произошло несмотря на увеличение душевого потребления риса. Совершенно очевидно, что население стремилось восполнить нехватку других дорогостоящих высокопитательных продуктов за счет увеличения потребления риса и в конечном счете питалось хуже. С другой стороны, повышенный по сравнению с 1932—1936 гг. спрос на рис еще более взвинчивал цены. Материальное положение рабочего класса Южной Кореи после войны 1950—1953 гг. остается по-прежнему тяжелым.

[76] «Tribune», [Sidney], 1950, № 635, 8 July, p. 4.

[77] «Доклад комиссии ООН по вопросу о Корее (15 декабря 1949 г.— 4 сентября 1950 г.)» [«ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 5-я сессия, дополнение № 16 (A/1350), Лейк Саксес, Нью-Йорк, 1950 г.], стр. 21, 22.

[78] «Industrial worker» [Chicago], 1950, 14 July.

[79] G. MacCune, *Korea today*, p. 106.

[80] Ibid., p. 121.

Судя по официальным данным, главным образом по материалам ООН, разрыв между ценами и заработной платой в послевоенный период был несколько меньшим, однако по-прежнему цены на рис определяли величину реальной заработной платы. Не случайно Экономическая комиссия ООН для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) в своем обзоре отмечала, что в Южной Корее «розничные цены на зерно оказывают более непосредственное влияние на представления рабочих и служащих о «справедливой» зарплате, чем это делает общий индекс розничных цен» [81].

С июня 1954 по март 1955 г. розничные цены в Сеуле выросли на 87%, а номинальная заработная плата только на 43%. Изменения в заработной плате сильно различались как по отраслям, так и по различным профессиям одной и той же отрасли. Например, заработная плата штукатуров, маляров, рабочих-металлистов и печатников увеличилась более чем на 100%, каменщиков — на 76, текстильщиков — на 80, а рабочих резиновой промышленности, стеклодувов, пивоваров, кузнецов и швейников — всего на 20%. Заработная плата обыкновенного неквалифицированного рабочего повысилась на 60%, а оплата труда чернорабочего — только на 30% [82]. Если же проследить разницу в заработной плате по отраслям обрабатывающей промышленности за 1945—1956 гг., то окажется, что самая низкая заработная плата была в текстильной промышленности, а самая высокая — в строительной. Объясняется это просто: в текстильной промышленности были заняты преимущественно женщины и подростки, заработки которых были очень низки, спрос же на рабочих-строителей был очень велик. Поэтому предпринимателям пришлось несколько повысить оплату строительных рабочих.

В 1956 г. цены на рис вновь увеличились на 58%, что было вызвано резким повышением цен на удобрения (в пять раз по сравнению с уровнем цен в конце 1955 г.) [83]. Между тем номинальная заработная плата возросла менее чем на 19%. Все это усугубляло разрыв между ценами и заработной платой и еще более ухудшало положение рабочих. Даже фальсифицированная официальная статистика не могла скрыть эти факты (табл. 8).

Несомненно, что указываемые статистикой индексы позволяют в значительной мере скрыть несоответствие между заработной платой и стоимостью жизни. В этом отношении очень интересны

[81] «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», Bangkok, 1956, February, p. 148.

[82] Ibid.

[83] Такой резкий рост цен на удобрения связан с тем, что с 1 января 1956 г. вступило в силу соглашение с США, по которому цены на удобрения, ввозимые по программе «экономической помощи», устанавливались по курсу 800 хван за 1 долл., тогда как ранее они определялись по курсу 500 хван за 1 долл.

расчеты экономистов Пхеньянского университета, произведенные на основании статистических материалов, опубликованных в южнокорейской печати. Так, в 1956 г. все доходы трудящихся, занятых в горной, обрабатывающей и строительной промышленности (300 тыс. человек), составили 83 300 млн. хван, а прожиточный минимум в городе был равен 720 тыс. хван. Следовательно, доход одного человека соответствовал примерно 38% прожиточного минимума [84]. В целом с 1948 по 1956 г. покупательная способность всего населения Южной Кореи понизилась в два раза [85].

Таблица 8

Индексы дневной заработной платы и стоимости жизни *
(1953 г.=100)

Год	Индекс заработной платы	Индекс стоимости жизни	
		все товары	продовольствие
1950	4	7	7
1951	22	28	27
1952	60	69	78
1953	100	100	100
1954	135	135	117
1955	224	229	207
1956	268	285	271

* «Monthly bulletin of statistics», [New York], 1957, September, p. 124. 157.

Таким образом, отставание роста заработной платы от роста цен наблюдалось в Южной Корее как до войны 1950—1953 гг., так и в послевоенные годы. Для полноты картины необходимо подчеркнуть, что некоторое повышение заработной платы было далеко не одинаковым для различных отраслей промышленности и даже групп рабочих. Более того, в ряде отраслей заработная плата оставалась зачастую неизменной и даже снижалась, несмотря на рост цен. Например, с июня 1956 по май 1957 г. средняя заработная плата рабочих угольной промышленности увеличилась на 47% при росте цен за тот же период на 20,9%. Однако номинальная заработная плата рабочих горнорудной промышленности (46,8% всех занятых в добывающей промышленности) оставалась фактически неизменной

[84] «Кынночжа», 1957, № 9, стр. 72.
[85] «Economist», 1956, 25 August.

и, следовательно, положение их ухудшилось. Одновременно номинальная заработная плата рабочих резиновой промышленности снизилась на 4%, а в обувной промышленности и производстве готового платья — на 0,5% [86]. Следовательно, незначительное улучшение положения какой-либо группы рабочих происходило главным образом за счет ухудшения положения других групп.

В особенно тяжелом положении находятся южнокорейские женщины-работницы. Заработная плата женщин была значительно ниже заработной платы рабочих-мужчин. В мае 1957 г. средняя ежемесячная заработная плата мужчин составляла 25 900 хван, а женщин — 14 100 хван, т. е. всего 54% заработной платы рабочего-мужчины [87].

Бедственное положение южнокорейского рабочего усугубляется и вследствие крайне нерегулярной выдачи заработной платы, причем задержка ее разрешена официально. В начале 1954 г. был издан «примерный закон о труде», согласно которому предприниматель имеет право задержать выдачу рабочим денег на любой срок. За это с него взимается штраф в размере не более 1000 хван [88]. На практике оплата труда нередко задерживается на 6—8 месяцев и предприниматель, охраняемый антинародным южнокорейским законодательством, штрафа не уплачивает.

Для того чтобы представить себе полностью положение рабочего класса в Южной Корее, необходимо рассмотреть и налоговую систему. Налоги, взимаемые с населения, составляют, как правило, 50—70% доходной части бюджета лисынмановского правительства.

Неудержимый рост цен и непосильное налогообложение привели к тому, что в феврале 1957 г. реальная заработная плата по сравнению с уровнем 1935—1937 гг. сократилась в среднем на 40% [89].

Уровень жизни южнокорейского пролетариата неуклонно падает вследствие роста безработицы. Безработица вызвана большой недогрузкой производственных мощностей национальной промышленности в результате наплыва американских потребительских товаров, аграрным перенаселением и отливом разоренного крестьянства в город, а также общим низким уровнем промышленного производства.

К сожалению, официальная статистика так отрывочна и неполна, что невозможно выделить из общего числа безработных

[86] «Доклад генерального агента органа ООН по восстановлению Кореи за период времени с 1 июля 1956 г. по 30 июня 1957 г.» [«ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчёты», 12-я сессия, дополнение № 17 (A/3651), Нью Йорк, 1957], стр. 22.
[87] Там же.
[88] «Информационный бюллетень» департамента культурных связей с заграницей Министерства культуры и пропаганды КНДР, 1954, № 17, стр. 78.
[89] «Кёнчже консоль», 1957, № 8, стр. 90.

рабочих, уволенных с предприятий и пришедших из деревни на заработки. Лишь изредка можно установить число полубезработных.

В 1945—1950 гг. число безработных в Южной Корее, по официальным данным, колебалось в пределах от 2 млн. до 3 млн. [90]. По приблизительным подсчетам, безработных из рабочих даже в самое тяжелое для промышленности время было максимум 200—300 тыс. Все остальные — главным образом разорившиеся крестьяне.

В 1954 г., по данным южнокорейского «управления гражданской помощи», насчитывалось 1543 тыс. безработных, причем из них 80 тыс. находилось в Сеуле [91]. В 1956 г. в Южной Корее, по официальным данным, насчитывалось 1135 тыс. полностью безработных [92]. Среди безработных очень много тех, кто лишился крова во время войны, и так называемых военных вдов. Даже по сообщению южнокорейской газеты «Чоннам ильбо», в апреле 1958 г. насчитывалось более 3800 тыс. безработных, причем из них 1500 тыс. были полностью безработными. Имеются сведения о том, что к марту 1959 г. число безработных и полубезработных в Южной Корее возросло до 6,6 млн.

Трудовое законодательство. В условиях колониального господства японского империализма рабочий класс Кореи не имел трудового законодательства. Американская военная администрация в период оккупационного режима была вынуждена под напором массового демократического движения издать ряд декретов, регулировавших отношения между рабочими и предпринимателями. Американские военные власти пытались обмануть рабочих Южной Кореи демагогической фразеологией и лживыми обещаниями.

Империалисты США, стремясь отвлечь трудящихся от классовой борьбы, внушали им, что их положение не хуже, чем положение трудящихся в северной части страны.

Однако действительный антидемократический характер мероприятий американской военной администрации в области трудового законодательства достаточно ясно виден уже по ее первым декретам.

Так, в декрете № 14 от 10 октября 1945 г. предусматривалось сохранение «обычной восточной практики дифференциации между заработной платой мужчины и женщины, между молодым и старым рабочим, между простым рабочим и рабочим-

[90] G. MacCune, *Korea today*, p. 171; «Всемирное профсоюзное движение», 1949, № 8, стр. 30.

[91] «Доклад генерального агента органа ООН по восстановлению Кореи. За период времени с 1 октября 1953 г. по 1 сентября 1954 г.» [«ООН. Генеральная Ассамблея... Официальные отчеты», 9-я сессия, дополнение № 20 (A/2750). Нью-Йорк, 1955], стр. 15, 16.

[92] «Кёнчже консоль», 1957, № 8, стр. 90. Данные корейско-американской комиссии по вопросам безработицы.

надсмотрщиком». В декрете № 19 от 30 октября 1945 г. прямо указывалось: «Чтобы предотвратить прекращение или сокращение производства в отраслях промышленности, которые объявлены военной администрацией основными, конфликты... будут разрешаться арбитражной комиссией, чьи решения окончательны и обязательны для обеих сторон». Следовательно, оккупационные власти не только предусматривали передачу конфликтов в промышленности на разрешение принудительного арбитража, но и запрещали бросать работу до вынесения арбитражного решения. Это означало, что в так называемых основных отраслях промышленности забастовки фактически запрещались вообще.

Национальная арбитражная комиссия и провинциальные арбитражные комиссии были учреждены на основании декрета № 34 от 8 декабря 1945 г. Деятельность их полностью контролировалась военной администрацией и местными исполнительными властями. 23 июля 1946 г. (декрет № 97) при американской военной администрации был учрежден департамент труда. Одновременно южнокорейским рабочим предоставлялось право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров. Однако, как признавал американский буржуазный журнал «Мансли лейбор ревью», «рабочие союзы не играли важной роли... во время американской оккупации», а осуществлению права рабочих создавать свои организации и заключать коллективные договоры препятствовала «борьба корейских и американских чиновников с коммунистическим влиянием» [93]. Деятельность профессиональных союзов была поставлена под неослабный надзор полиции. Даже свои собрания рабочие могли проводить только с ее разрешения. Система принудительного арбитража и фактическое запрещение забастовок в основных отраслях промышленности сводили на нет значение коллективных договоров.

Практика заключения коллективных договоров не получила широкого распространения. Единственный случай — это заключение коллективного договора на предприятиях правительственной Сеульской электрической компании.

Чтобы ослабить борьбу рабочего класса за национальное единство, подорвать ее изнутри, южнокорейские власти под видом рабочей организации создали проправительственную «Великую корейскую независимую рабочую лигу», в которую рабочих вовлекали насильно.

Таким образом, американское военное командование и их южнокорейские приспешники стремились помешать политической организации рабочего класса, консолидации его сил.

Согласно декрету № 21 американской военной администрации от 7 ноября 1946 г. «О максимуме рабочих часов» был ус-

[93] «Monthly labour review», 1949, vol. 68, № 4, p. 405, 406.

тановлен 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя. Однако истинный характер этого постановления виден уже из того, что предпринимателям в законодательном порядке предоставлялось право увеличивать продолжительность рабочей недели до 60 часов. По признанию официальных представителей американской военной администрации, и этот максимум, как правило, игнорировался предпринимателями. Как явствует из «Меморандума Всемирной федерации профсоюзов о положении трудящихся в Южной Корее и о деятельности комиссии ООН для Кореи», в начале 1950 г. рабочий день продолжался 10—14 часов. Например, на железнодорожном транспорте рабочая неделя составляла 80 часов, а на текстильной фабрике «Синхан» в Сеуле — более 90 часов [94].

Американские оккупационные власти формально запретили применять труд детей моложе 12 лет. По поводу этого закона американский журнал «Мансли лейбор ревью» писал с циничной откровенностью, что он «был неприменим во многих отраслях потому, что корейская традиция (?) делала неприемлемым для взрослого населения определенные виды работ, а также потому, что фабричное оборудование было достаточно эффективно только при детском труде» [95].

Американский журналист Марк Гейн, посетивший Южную Корею в конце 1946 г., писал: «Фабрика, которую мы осматривали, явно предназначалась специально для показа посетителям. Но даже в качестве таковой она представляла собой весьма поучительное зрелище. Из 1300 рабочих 900 — девочки. Все они говорили, что им по 14 лет, однако они или лгали, чтобы сохранить работу, или же из-за недоедания выглядели такими тщедушными, что им нельзя было дать больше 9 лет. Мы шли мимо бесконечных рядов ткацких станков и маленьких бледных детей, а наш проводник, американский офицер, рассказывал о больших успехах в области промышленного восстановления под руководством военной администрации» [96].

Оценивая деятельность американской военной администрации в области трудового законодательства, нужно отметить также полное отсутствие законов по вопросам социального страхования.

Марионеточное правительство, созданное вопреки воле корейского народа, не торопилось с принятием новых декретов, хотя официально под давлением рабочего движения признало ограниченность и недостаточность трудового законодательства военной администрации. Только 20 апреля 1953 г. соответствующими президентскими декретами были введены в силу законы «о профсоюзах», «об урегулировании трудовых конфликтов», «о коллегиях по вопросам труда». Однако все эти акты приобрели реальное значение лишь спустя год, когда 7 апреля 1954 г. президентским декретом № 889 был введен в силу основной закон трудового законодательства Южной Кореи — «Закон о регулировании труда», который содержал положения, касающиеся продолжительности рабочего дня, минимума зарплаты, охраны труда женщин и несовершеннолетних, социального страхования. Все четыре вышеназванных закона и составляют в совокупности трудовое законодательство современной Южной Кореи [97]. Однако в ряде законов южнокорейские власти лишь вновь подтвердили декреты военной администрации. Так, отдельные положения «закона о регулировании труда» являются простым повторением соответствующих декретов американской военной администрации. По этому закону, как и до 1948 г., предусматривалась возможность увеличения 48-часовой недели до 60 часов. На вредных и опасных работах устанавливалась 36-часовая рабочая неделя, но она могла быть увеличена до 48 часов.

По новому закону запрещалось применение труда детей моложе 13 лет. Этим актом южнокорейские власти отступили от принятого в июне 1947 г. «Временным законодательным собранием» закона, запрещавшего применение труда детей моложе 14 лет. Более того, допускалось применение труда детей и в возрасте ниже 13 лет, если имелось специальное разрешение департамента социальных дел (статья 50). Рабочий день подростков в возрасте от 13 до 16 лет, хотя и ограничивался 7 часами, но его продолжительность по разрешению департамента социальных дел могла быть увеличена до 9 часов (статья 55). Новым по сравнению с законодательством военной администрации является введение социального страхования в случае болезни или смерти. Однако крайне незначительное пособие никак не может компенсировать южнокорейскому рабочему потерю здоровья. Между тем среди рабочих в результате чрезвычайно тяжелых условий труда широко распространены так называемые профессиональные болезни. По данным ЭКАДВ, в 1955 г. 80% шахтеров угольной компании «Тэхан», на предприятиях которой было занято около 8 тыс. человек, были больны туберкулезом легких [98].

«Закон об урегулировании трудовых конфликтов» по существу является повторением декрета американской военной администрации о принудительном арбитраже. Формально южнокорейские власти предоставили право рабочим на забастовку экономического характера, но на деле рядом законодательных

---

[94] «Всемирное профсоюзное движение», 1950, № 4, стр. 25.
[95] «Monthly labour review», 1949, vol. 68, № 4, p. 405, 406.
[96] М. Гейн, *Японский дневник*, М., 1951, стр. 422—423.

[97] Официальный текст вышеназванных законов в сильном сокращении опубликован в «Yearbook on human rights for 1953», New York, 1955, p. 179—[illegible]. Более или менее подробное изложение этих законов опубликовано в «Корее сегодня», Сеул, 1955, раздел 1, стр. 183—189 и «Industry and labor», [Geneva], vol. X, № 8, 15 October, p. 316—321.
[98] «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», p. 143

ограничений лишали их этого права. Например, законодательством предусматривается так называемый «период разрядки» сроком от трех до шести недель для «улаживания» конфликта между сторонами при посредничестве административных властей или коллегии по вопросам труда, в течение которого рабочие не имеют права прекращать работу. Имеются особые постановления, касающиеся государственных служащих, согласно которым на транспорте, предприятиях связи, электростанциях и в медицинских учреждениях правительство имеет право запретить забастовку под тем предлогом, что она «поставит под угрозу повседневную жизнь общества». Кроме того, административные власти могут запретить забастовки под предлогом «нарушения эксплуатации или нормальной работы оборудования по обеспечению безопасности».

Посредничество и арбитраж при тех конфликтах в промышленности, которые, с точки зрения лисынмановских властей, являются «законными», осуществляются Центральной коллегией по вопросам труда, созданной на основании специального закона. В функции этой коллегии входит также вынесение решений по вопросам, которые особо отмечены в «Законе о профсоюзах» и др. К их числу относятся вопросы о соответствии или противоречии устава профсоюза «общественному порядку и общественным интересам», о соответствии какой-либо резолюции профсоюза «постановлениям закона», о роспуске профсоюзов. Кроме того, коллегия по вопросам труда может давать административным властям советы по улучшению условий труда. Таким образом, полномочия коллегии по вопросам труда весьма обширны. Но главная задача этого органа — прикрывать произвол лисынмановских властей, по указаниям которых он и штампует свои резолюции. В качестве примера можно привести статью 32 «Закона о профсоюзах», которая гласит: «Если профсоюз нарушил постановление закона или деятельность его вредна для общества, административные власти могут дать указание коллегии по вопросам труда распустить упомянутый профсоюз».

Помимо Центральной коллегии по вопросам труда, существуют местные коллегии, а в случае необходимости учреждаются и специальные коллегии для определенного района или особой отрасли промышленности. Каждая коллегия состоит из девяти членов: по три представителя от рабочих и предпринимателей, назначаемых по рекомендации профсоюзов и организаций предпринимателей, и трех представителей «общественности», т. е. высших слоев интеллигенции. Назначение членов Центральной коллегии по вопросам труда, которая предписывает процедуру работы для всех других коллегий, производится президентом сроком на один год. В случае равенства голосов председатель, избираемый из числа представителей «общественности», имеет решающий голос. Подобная организация этого органа, по существу наделенного правами толкования и осуществления на практике трудового законодательства, приводит к тому, что в его состав попадают лица, угодные властям. Центральная коллегия по вопросам труда отнюдь не собирается защищать интересы трудящихся. Более того, она призвана отстаивать интересы предпринимателей. Под видом представителей трудящихся в коллегию вошли профсоюзные «бонзы» — ставленники правительства, рьяные защитники капиталистической эксплуатации.

Верхушка проправительственных профсоюзов Южной Кореи развертывает свою деятельность в тесном контакте с американскими властями и их южнокорейскими наймитами. Еще в 1950 г. бывший секретарь по вопросам труда южнокорейского правительства Дэвид Ли (который, кстати сказать, получил ученую степень в Колумбийском университете) отправился в США с целью изучения профсоюзных институтов, ибо «корейские профсоюзные лидеры,— как заявил он корреспондентам в Вашингтоне,— нуждаются в инструкциях и руководстве, которые должны помочь им понять, как применять на практике демократию в их профсоюзах...» [99] Какие результаты дало это «практическое изучение демократии» в профсоюзах, хорошо показывает заявление правительства Ли Сын Мана в июне 1955 г. о том, что «все бастующие будут рассматриваться как агенты коммунистов». Поэтому арест за участие в забастовке и заключение в тюрьму — обычное явление [100].

Несмотря на такие драконовские меры, недовольство корейских трудящихся все чаще вырывается наружу и находит свое выражение в массовых выступлениях. В 1956 г. рабочие провели 96 забастовок и демонстраций, что превышало число подобных случаев в 1955 г. почти в два раза [101]. Особо следует отметить забастовку 8 тыс. горняков компании «Тэхан» [102]. 1957 год также ознаменовался крупными выступлениями рабочего класса Южной Кореи. По неполным данным, в течение этого года в Южной Корее произошло более 50 крупных выступлений, в которых приняло участие в общей сложности более 114 тыс. рабочих [103]. Всего с момента заключения перемирия по март 1958 г. произошло 320 выступлений южнокорейских рабочих. Основными экономическими требованиями их были повышение зарплаты, улучшение условий труда и отмена незаконных увольнений.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что после войны американские империалисты и южнокорейские власти

[99] «Industrial worker», 1950, 14 July.
[100] «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 38.
[101] «Новая Корея», 1957, № 5, стр. 39, 40.
[102] «Дружба», 1957, 16 августа.
[103] Подсчет сделан по материалам газеты «Минчжу чосон», 1958, 9, 10, 13 и 14 апреля.

повели новое наступление на рабочих. Это ухудшило и без того тяжелое положение пролетариата, усилив процесс его обнищания. В связи с этим рабочий класс Южной Кореи активизирует свою борьбу и наряду с экономическими требованиями все решительнее выдвигает общеполитические требования: вывод американских войск и завоевание подлинной независимости путем мирного объединения родины.

После известной дезорганизации, вызванной войной и свирепым военно-полицейским террором, рабочий класс Южной Кореи вновь сплачивается для борьбы за свои жизненные интересы, за мир, демократические свободы и национальную независимость.

Глава VI

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

К моменту освобождения страны от японского гнета классовые противоречия в корейской деревне крайне обострились. Это явилось непосредственным результатом существовавших в колониальной Корее аграрных отношений, которые характеризовались господством колониальной и помещичьей форм земельной собственности и системой кабальной аренды, сочетанием докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации крестьянства.

В корейской деревне накануне освобождения преобладали безземельные арендаторы-издольщики: аренда земли в различных формах и видах охватывала более 75% крестьянских хозяйств. При этом около 60% крестьян, арендовавших и прирендовывавших землю, снимали ее «из нужды». Площадь обрабатывавшейся ими земли в среднем не превышала 1 чонбо на хозяйство[1]. В колониальной Корее непрерывно шел процесс обезземеливания полуарендаторов и крестьян-собственников; за счет их разорения значительно увеличилась колониальная и помещичья собственность на землю.

Крестьянство подвергалось жесточайшей эксплуатации со стороны помещиков и ростовщиков — как корейских, так и японских, отдавая им в счет арендной платы или возврата ростовщической ссуды большую часть продуктов, полученных в результате каторжного труда на собственных или арендованных клочках земли. В весенние месяцы корейская деревня голодала, в пищу шли трава, кора деревьев, отруби.

К началу второй мировой войны задолженность крестьян ростовщикам, помещикам и японским аграрным компаниям превышала 1,5 млрд. иен[2]. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, и во время самой войны разорение крестьянства вызвало мощный подъем аграрного движения. В ряде мест Корейского полуострова происходили вооруженные восстания крестьян. В

[1] 1 чонбо равен 0,99 *га*.

[2] «Екса квахак» (력사과학), 1955, № 2, стр. 27.

северных районах страны разгорелось пламя партизанской борьбы против японского империализма, в которой активное участие приняло крестьянство.

Крестьянское движение в Корее накануне ее освобождения являлось составной частью освободительного движения всего корейского народа. В ходе этого антиимпериалистического и антифеодального по своему характеру движения корейское крестьянство, руководимое коммунистами, выдвинуло лозунг: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает!»

Победа советских вооруженных сил над империалистической Японией принесла корейскому народу долгожданное освобождение от колониального гнета. В северной части страны созданный широкими народными массами Временный народный комитет Северной Кореи провел демократическую аграрную реформу (март 1946 г.), полностью учитывавшую интересы крестьянства. Задача этой реформы заключалась в ликвидации землевладения японских колонизаторов и корейских помещиков, в уничтожении арендной системы и торгово-ростовщической кабалы. Аграрная реформа в Северной Корее была глубоко революционным актом, проведенным органами народной власти при поддержке всего крестьянства. Ее осуществление расчистило путь для развития производительных сил сельского хозяйства Северной Кореи и создало благоприятные условия для значительного и быстрого увеличения производства сельскохозяйственных продуктов.

Обстановка на юге страны, где хозяйничали американские империалисты, сложилась иначе. Освобождение страны от японских колонизаторов не принесло южнокорейскому крестьянству разрешения аграрного вопроса.

Сельское хозяйство Юга обладает огромными потенциальными возможностями. Издавна южная часть Кореи была основным сельскохозяйственным районом, «житницей» страны. Чрезвычайно благоприятное сочетание почвенно-климатических условий позволяло с 30 — 40% возделываемой площади снимать два (зерновые — зерновые) или даже три (зерновые — овощи — зерновые) урожая в год. Накануне освобождения Южная Корея давала три четверти сбора зерновых в стране и почти половину бобовых. На ее долю приходилась также бóльшая часть собираемых в стране овощей и фруктов. Однако сельскохозяйственные возможности Юга при японских колонизаторах использовались не полностью вследствие господства полуфеодальной системы аграрных отношений, тормозивших развитие производительных сил.

После высадки американских войск в сентябре 1945 г. положение в сельском хозяйстве Южной Кореи не изменилось. По-прежнему господствовали помещичье землевладение и кабальная мелкоиздольная аренда для подавляющей части крестьянства. В первые годы после освобождения страны положение южнокорейских крестьян стало даже еще более тяжелым вследствие широко применявшейся американскими оккупационными властями системы обязательных государственных поставок сельскохозяйственных продуктов по низким ценам. Разорялись и бросали хозяйство целые деревни и села. В 1948 — 1949 гг. в Южной Корее бурно росло крестьянское движение, начались вспышки вооруженных восстаний. Огромное воздействие на рост революционного движения южнокорейского крестьянства оказало успешное демократическое разрешение аграрного вопроса на севере страны, успехи сельского хозяйства КНДР.

Аграрная реформа 1951 г.

Американские оккупационные власти Южной Кореи и лисынмановская клика проводили в аграрном вопросе реакционную политику. Стремясь ослабить крестьянское движение, они широко пропагандировали различные проекты земельной реформы, не предпринимая, однако, до 1951 г. никаких практических шагов для ее осуществления.

Первоначально американские империалисты пытались оставить в корейской деревне без всяких изменений колониальные порядки, установленные еще в период японского господства. Не случайно в одном из первых приказов американских оккупационных властей запрещалось проводить какие-либо изменения в области землевладения. 12 ноября 1945 г. было опубликовано сообщение о преобразовании бывшего японского Восточного колонизационного общества (ВКО) в компанию «Синхан» («Новая Корея»), которая сконцентрировала в своих руках все земли и активы японских земельных обществ и сохранила их методы жестокой эксплуатации крестьянства. Все же под давлением крестьянского движения американские оккупационные власти были вынуждены идти на некоторые уступки. Так, 10 ноября 1945 г. был издан приказ о сокращении арендной платы, ограничивший ее третьей частью урожая. В действительности же это постановление не было проведено в жизнь. Арендная плата фактически составляла 50% урожая. Кроме арендной платы, арендатор должен был оплачивать 50% затрат помещика, связанных с приобретением инвентаря, ирригацией и т. д. Американский журналист Марк Гейн, посетивший Южную Корею в конце 1946 г., отмечал, что большинство южнокорейских крестьян даже не знало об этом приказе и что существовал явный сговор между военной администрацией и помещиками, позволявший последним взимать завышенную арендную плату [3]. Да и другие американские буржуазные авторы вынуждены были признать, что южнокорейские помещики часто нарушали приказ о сокращении арендной платы [4].

[3] М. Гейн, *Японский дневник*, М., 1951, стр. 464.
[4] «Pacific affairs», 1949, vol. XXII, № 2, p. 147.

Принудительные «закупки» хозяйственных продуктов, осуществлявшиеся американской военной администрацией, походили больше на простую конфискацию.

Наиболее отчетливо политику американских властей в аграрном вопросе можно проследить на примере того, как они распорядились бывшими японскими земельными владениями. В прошлом эти земли сдавались в аренду и составляли, по преуменьшенным данным, 12% обрабатываемых (причем лучших) земельных площадей Южной Кореи. Компания «Новая Корея» сосредоточила в своих руках 324 464 чонбо земли, прежде принадлежавшей японским компаниям, помещикам и колонистам (из них возделываемые земли составляли 282 480 чонбо, 4282 чонбо занимали сады и 37 697 чонбо леса). Из этого количества 282 480 чонбо обрабатываемых земель были отданы в кабальную мелкоиздольную аренду 587 тыс. хозяйств, составлявших 27% всех крестьянских хозяйств Южной Кореи. Хотя точных данных об этих хозяйствах нет, можно тем не менее считать, что основную массу их составляли арендаторы-бедняки, обрабатывавшие мелкие участки земли размером менее чонбо, так как компания сдавала в аренду 1,4 млн. участков [5]. Некоторую часть земли арендовали состоятельные слои южнокорейской деревни в целях не только обработки, но и субаренды. В основном же бывшие японские земли использовались для жестокой эксплуатации беднейшей части южнокорейского крестьянства. В марте 1948 г. американские власти были вынуждены под давлением растущего движения крестьянства отказаться от подобных методов эксплуатации и ликвидировать компанию «Новая Корея», распродав ее земли.

Американские власти и южнокорейская реакция, проводя это мероприятие, стремились подорвать крестьянское движение и ослабить его борьбу против подготовлявшихся в то время выборов в марионеточное «национальное собрание» Южной Кореи. Американские буржуазные авторы признавали связь продажи бывших японских земель с планами осуществления сепаратных выборов в Южной Корее. Так, К. Митчелл отмечает, что это мероприятие должно было, по замыслу властей, подорвать позиции тех элементов в Южной Корее, которые выступали против сепаратных выборов [6].

Процесс распродажи (с 3 апреля по 15 августа 1948 г.) 85% участков, сдававшихся компанией «Новая Корея» в аренду, был широко использован для того, чтобы заставить крестьян голосовать во время выборов за проамериканских кандидатов в марионеточное «национальное собрание» [7].

[5] «Кёнчже ёнгам» (經濟年鑑), Сеул, 1955, стр. 78.

[6] «Pacific affairs», 1949, vol. XXII, № 2, p. 144.

[7] «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 151, 152. — Одним из условий передачи земли «фермерам» было требование участвовать в сепаратных выборах 30 мая 1948 г. Земли получили 587 тыс. семейств (3,3 млн. человек).

Значение распродажи бывших японских земель, разрекламированной американской пропагандой в качестве земельной реформы, по замыслам организаторов этого мероприятия, выходило за пределы Южной Кореи. «Это мероприятие, — отмечал американский журнал «Пасифик афферс»,— было задумано южнокорейскими и американскими экономистами и официальными лицами в надежде, что оно послужит образцом для других, более обширных программ в Корее, Китае, Японии и еще где-либо на Дальнем Востоке» [8]. Проведенные по американской указке в Южной Корее, на Тайване, Филиппинах, в Южном Вьетнаме куцые земельные реформы, несомненно, имели общие принципы (распределение земель за выкуп) и общие целевые установки (подрыв крестьянского движения и укрепление социальной опоры американского господства).

Всего в 1948 г. было распределено около 245 тыс. чонбо бывших японских земель за выкуп в размере 375% годового урожая. В течение 15 лет крестьяне должны были ежегодно вносить 25% урожая. Поскольку уплата поземельного налога была возложена на крестьян, их экономическое положение скорее ухудшилось. Подавляющее большинство крестьян не только не могло расплатиться за землю, но и не знало, как свести концы с концами. За японские земли крестьяне должны были внести 8,5 млн. сок зерна (1 сок = 180 *л*). После проведения в 1951 г. земельной реформы (см. ниже, стр. 150) платежи за бывшие японские земли по срокам и размерам были приравнены к платежам по закону о земельной реформе [9]. Многие крестьяне еще не расплатились за землю до 1958 г., и их положение мало чем отличалось от положения арендаторов. Разница лишь в том, что в период господства американской военной администрации они платили за землю компании «Новая Корея», а после создания марионеточного правительства — так называемой «национальной земельной администрации».

После распродажи бывших японских земель произошли некоторые изменения в землевладении и землепользовании Южной Кореи. Часть земель попала в руки помещиков, торговцев и кулацкой прослойки деревни, ибо при распределении земли принималась во внимание «способность» внести выкуп. В связи с этим прослойка зажиточных и кулацких хозяйств укрепилась. Однако это мероприятие не могло улучшить положения беднейшего крестьянства и внести каких-либо серьезных изменений в характер аграрных отношений в Южной Корее. Помещики и кулацкая прослойка в деревне сохраняли основную часть обрабатываемых земель, которые они продолжали сдавать в кабальную аренду. Утверждения некоторых буржуазных американских авторов (в частности К. Митчелл) о том, что в Южной Корее удельный вес хозяйств, находящихся в сфере арендных отношений, сократился

[8] «Pacific affairs», 1949, vol. XXI, № 2, p. 144.

[9] «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 78.

в 1948 г. с 70 до 45% [10], не соответствует действительности. Даже южнокорейские экономисты при всем желании приукрасить положение в южнокорейской деревне не придавали такого большого значения распродаже бывших японских земель.

К концу 1947 г. из 2,3 млн. чонбо обрабатываемых земель 1,2 млн. чонбо принадлежало помещикам, которые сдавали их в аренду. По данным южнокорейской статистики, к середине 1949 г. таких земель якобы осталось всего 600 тыс. чонбо [11]. Сокращение этих цифр почти в два раза объясняется тем, что помещики, напуганные широким крестьянским движением за проведение земельной реформы, утаили значительную часть земли посредством фиктивной продажи, распределения земель среди родственников и другими способами. Помещики высоко подняли цены на землю. Так, только к октябрю 1946 г. цены на землю в различных районах Южной Кореи в сравнении с ценами сентября 1945 г. увеличились в пять раз [12].

Тяжелое положение южнокорейского крестьянства не изменилось после распределения бывших японских земель за выкуп. По-прежнему у него изымали большое количество зерна по низким закупочным ценам. В 1946 г. американская военная администрация отобрала таким способом у крестьян около 4 млн. сок зерна (в том числе 3,6 млн. сок риса), а в 1947 г.— на 38% больше [13]. После создания лисынмановского правительства в 1948 г. оно запланировало изъять у крестьян около 7,5 млн. сок риса [14]. Однако из-за сопротивления крестьянства удалось собрать всего лишь 51,4% установленных поставок [15]. С 1945 по 1949 г. американские оккупационные власти и южнокорейское правительство изъяли у крестьян по заниженным ценам в общей сложности 28 млн. сок зерна [16].

Марионеточные власти непомерно увеличили размеры прямых и косвенных налогов, взимаемых с крестьян. Это было связано с начавшейся в 1948 г. подготовкой агрессивной войны против КНДР. В октябре 1948 г. Ли Сын Ман подписал специальный закон об обязательных поставках риса. По этому закону (статья 3) крестьяне обязаны были сдавать властям весь рис, за исключением количества, необходимого для посева и питания семьи [17]. Одновременно было издано предписание, согласно которому полиция и местные власти могли бросить в тюрьму сроком на десять лет тех крестьян, которые уклонялись от выполнения обязательных поставок. Рис, сданный по поставкам, оплачивался по ценам, которые были ниже рыночных в пять раз [18].

Почти полное изъятие товарного риса у крестьян резко сократило их и без того ограниченные возможности продавать рис на рынке. Это обстоятельство наряду с воздействием инфляционной конъюнктуры вызывало быстрый рост цен на рис, что было выгодно спекулянтам, помещикам и чиновникам. Только с января по май 1949 г. цены на рис увеличились в два раза [19].

Тяжелое положение крестьянства усугублялось ростом налогов и всякого рода «добровольных пожертвований», которые местные власти и полиция изымали у крестьянства на так называемые восстановительные работы и оборону, для пополнения фондов местных отделений профашистских молодежных организаций и т. п. Даже пресловутая «корейская комиссия ООН» была вынуждена признать, что всякого рода местные поборы в 1949 г. превысили сумму «законно» собранных налогов [20]. Эти «пожертвования» выколачивали из крестьян местные власти и полиция.

Южнокорейское крестьянство не могло мириться с жестокой эксплуатацией. Оно вело борьбу за демократическое разрешение аграрного вопроса, требовало ликвидации помещичьего землевладения и арендной системы землепользования. Крестьянские требования нашли отражение в выработанном II съездом Крестьянского союза Южной Кореи (февраль 1946 г.) проекте земельной реформы, в котором утверждался принцип конфискации и безвозмездного распределения помещичьих и бывших японских земель. Проект был положен в основу аграрной программы Демократического национального фронта Южной Кореи, которая ставила задачу полностью ликвидировать феодальные пережитки в сельском хозяйстве и передать землю тем, кто ее обрабатывает.

Большое влияние на борьбу южнокорейского крестьянства оказывала аграрная реформа, проведенная в северной части страны в марте 1946 г. Крестьяне Южной Кореи видели в этой реформе пример того решения аграрного вопроса, которое полностью отвечало их сокровенным чаяниям. Последующая борьба южнокорейского крестьянства проходила под влиянием революционных преобразований, осуществленных на севере страны.

Американские военные власти и южнокорейская реакция были вынуждены считаться с этим и прибегать к различного рода маневрам. В целях раскола и обмана крестьянства реакционные партии выдвинули свои программы земельной реформы. Их по-

---

[10] «Pacific affairs», 1949, vol. XXII, № 2, p. 147.
[11] «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 78.
[12] «Чосон кёнчже ёнбо» (朝鮮經濟年報) 1948, ч. I, стр. 365.
[13] 남조선에 관한 자료집, 평양, 1949, 92—93페지 (далее — «Намчосонэ кванхан чарёчип»).
[14] Там же, стр. 93. — Валовой сбор риса в 1948 г. составил около 15,5 млн. сок.
[15] «Кёнчже ёнгам», 1955. Статистическое приложение, стр. 115.
[16] «Чосон чунъан ёнгам, 1951—1952» (조선중앙년감), Пхеньян, 1952, стр. 372.
[17] «Намчосонэ кванхан чарёчип», стр. 87.
[18] Там же, стр. 90.
[19] Там же, стр. 40, 89.
[20] «Доклад комиссии ООН по вопросу о Корее» (15 декабря 1949 г.— 4 сентября 1950 г.), [«ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 5-я сессия, дополнение № 16, (A/1350), Нью-Йорк, 1950], стр. 21.

зиция нашла отражение в проекте земельного закона, разработанного «законодательной палатой» в конце 1947 г. и основанного на принципе выкупа части помещичьих земель и продаже их крестьянству.

Образование в сентябре 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики явилось важным этапом в освободительной борьбе корейского народа. Глубокие демократические преобразования, осуществленные в северной части страны и законодательно закрепленные в Конституции КНДР, стали примером для народных масс Южной Кореи и программой их борьбы за свои права.

Рост крестьянского движения вынудил лисынмановские власти в начале 1949 г. вновь прибегнуть к демагогическим маневрам. В апреле 1949 г. южнокорейское «национальное собрание» выработало проект земельного закона. Однако Ли Сын Ман отказался подписать закон, так как он «затрагивает интересы помещиков» [21]. Южнокорейское правительство не собиралось осуществлять земельную реформу даже на основе того крайне урезанного и ограниченного закона, который выработало «национальное собрание». В американской буржуазной печати открыто выражалось сомнение в том, что «корейские исполнительные органы власти, которые благосклонны к помещичьему классу, осуществят закон» [22].

Подъем национально-освободительной борьбы народа Южной Кореи, выразившийся в движении за создание Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ) и в выступлениях крестьян, снова заставил лисынмановские власти маневрировать. Ли Сын Ман дал указание «национальному собранию» исправить проект закона на ближайшем заседании. Однако закон о земельной реформе окончательно был утвержден лишь в апреле 1950 г. [23]. При этом количество земли, подлежащей выкупу у помещиков, было сокращено на одну треть по сравнению с наметками законопроекта [24].

Помещики и другие слои южнокорейского общества, заинтересованные в сохранении помещичьего землевладения, всячески пытались оттянуть утверждение закона о земельной реформе. Грабительская политика американских оккупационных властей и южнокорейского правительства и усиление гнета помещиков вели к упадку сельского хозяйства и ухудшению экономического положения широких масс южнокорейского крестьянства. Упадок сельского хозяйства Южной Кореи можно проследить на примере сокращения посевных площадей, которое наблюдается после оккупации ее вооруженными силами США [25]:

[21] «Сунган тхонсин» (순간통신), 1949, № 2, стр. 6—7.
[22] «Pacific affairs», 1949, vol. XXII, № 2, p. 144.
[23] «Сунган тхонсин», 1949, № 42, стр. 12—14.
[24] «Инмин» (인민), 1950, № 6, стр. 78.
[25] «Намчосонэ кванхан чарёчип», стр. 28.

	Общая посевная площадь, чонбо	Процент от уровня 1940—1944 гг.
1940—1944 (среднегодовая)	3 305 720	100,0
1945	2 904 771	87,9
1946	2 670 000	80,8
1947	2 320 000	70,2
1948	2 259 000	68,3
1949	2 192 546	66,3

В связи с сокращением обрабатываемых земель значительно снизились урожаи зерна, хлопка и других культур. Так, среднегодовой сбор риса в 1946 — 1949 гг. был ниже на 16% по сравнению со сбором 1937 г. Сбор пшеницы, ячменя и других зерновых (кроме риса) с 9 млн. сок в 1940 — 1944 гг. сократился в 1945 — 1949 гг. до 5 млн. сок, а в годы войны составил в среднем всего лишь 4,3 млн. сок [26]. Урожай хлопка в 1945—1953 гг. составлял только 55% от уровня 1940—1944 гг.

Упадок сельскохозяйственного производства в Южной Корее затронул также животноводство. Если в 1944 г. в Южной Корее насчитывалось 866 тыс. голов крупного рогатого скота, то в 1946 г. — 638 тыс., в 1948 г. — 600 тыс., а в 1949 г. — 500 тыс. голов [27]. В военные годы поголовье скота еще более уменьшилось. Сокращение поголовья рогатого скота, используемого как тягловая сила в сельском хозяйстве южной части Кореи, привело к ухудшению обработки почвы и повышению затрат ручного труда на тяжелых сельскохозяйственных работах. Резко упало производство сельскохозяйственных орудий и инвентаря, что объяснялось низкой покупательной способностью крестьян.

Утверждение весной 1950 г. закона о земельной реформе было связано с определенными политическими расчетами империалистов США и южнокорейских властей. Лисынмановская правящая клика переживала в этот период глубокий политический кризис. Оппозиция против Ли Сын Мана и его окружения росла даже среди правых политических партий Юга. Принятие закона о земельной реформе преследовало цель ослабить и расколоть крестьянское движение обещаниями о земле, а также усилить социальную опору южнокорейской реакции. Все это приобрело особо важное значение для американских империалистов и лисынмановских властей в связи с подготовкой агрессивной войны против КНДР.

Развязав 25 июня 1950 г. войну, американский империализм и южнокорейские власти рассчитывали ликвидировать народно-демократический строй в северной части страны, подавить растущее освободительное движение на Юге. Однако в ходе освободительной войны Корейская Народная армия нанесла агрессорам сокрушительный удар и освободила бо́льшую часть Южной Кореи.

[26] «Нодон синмун» (로동신문), 1956, 11 августа.
[27] «Чосон чунъан ёнгам», (조선朝中央鮮中年鑑), 1950, стр. 321.

Наряду с другими демократическими преобразованиями в освобожденных районах Южной Кореи была осуществлена аграрная реформа. Закон о земельной реформе был принят 4 июля 1950 г. в соответствии со статьей 7 Конституции КНДР, которая определяла, что в тех местах, «где земельная реформа еще не проводилась, она подлежит проведению в сроки, устанавливаемые Верховным Народным Собранием» [28]. По этой реформе земли помещиков и предателей конфисковывались и безвозмездно распределялись среди беднейшего крестьянства.

Демократическая земельная реформа была осуществлена в освобожденных районах в короткий срок в августе 1950 г. Для проведения ее было создано около 18 тыс. крестьянских комитетов, которые, опираясь на инициативу крестьянства и учитывая опыт осуществления земельной реформы в Северной Корее, конфисковали 596 202 чонбо земли. Эти земли были распределены среди батраков (28 080 чонбо), безземельных (196 494 чонбо) и малоземельных (348 769 чонбо) крестьян. Землю получили 1 267 809 хозяйств [29].

Передача безземельному и малоземельному крестьянству земель помещиков и предателей в обстановке освободительной войны против американских агрессоров и лисынмановской реакции имела большое политическое значение. Южнокорейское крестьянство получило землю безвозмездно, причем в проведении земельной реформы оно участвовало само и само взяло помещичью землю, что способствовало росту его политического сознания. Крестьяне на практике убедились в том, что народно-демократическая власть несет народу освобождение от эксплуатации и угнетения. После отхода Народной армии из южной части Кореи лисынмановские власти и американские оккупанты не решились сразу же отобрать у крестьян землю, которую они получили в результате демократических преобразований.

Только весной 1951 г. южнокорейские власти подняли вопрос о возвращении распределенных по реформе 1950 г. помещичьих земель. Одновременно они провозгласили «программу» проведения земельной реформы на основе закона, утвержденного в апреле 1950 г. Проведение земельной реформы весной 1951 г. было связано с тем, что лисынмановское правительство предприняло попытку укрепить свою социальную опору в деревне, передав часть земли кулакам и зажиточному крестьянству, расколоть ряды крестьянства и ослабить его борьбу.

В законе о земельной реформе лицемерно утверждалось, что цель его — «улучшение жизненных условий земледельцев» (статья 1). Основным принципом этой реформы был выкуп правительством части обрабатываемых площадей — земель «отсутствующих» помещиков, участков, превышающих 3 чонбо, а также

[28] «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики». М., 1952, стр. 56.

[29] «Нодон синмун», 1950, 30 сентября.

участков, владельцы которых не являются крестьянами. Выше мы уже отмечали, что у помещиков было достаточно времени (1946—1950 гг.), чтобы раздробить большую часть своей земли или выгодно ее продать. Кроме того, сам закон содержал столько оговорок, что позволял зачастую обходить его основные положения. В 1951 г. у помещиков было выкуплено всего лишь 331 706 чонбо, что составляло около 14% посевной площади Южной Кореи. При этом закон предоставлял право владельцу самому определять те участки, которые он желает продать. Это обстоятельство позволило корейским помещикам сбыть худшие участки земли.

Фактически весь выкуп помещикам за землю должны были выплатить крестьяне. Закон о земельной реформе определял компенсацию помещикам в размере 150% среднегодового урожая. Для выплаты компенсации собственникам земли правительство выпустило земельные облигации, которые должны были погашаться ежегодными платежами в течение пяти лет. Земля распределялась среди «фермеров», которые в течение пяти лет были обязаны ежегодно вносить выкупные платежи государству из расчета 30% урожая. При этом имелось в виду, что земля предоставлялась прежде всего тем хозяйствам, которые «способны» были внести выкуп в указанный срок. Статья 18 гласила: «если фермер, который получил землю, при распределении ее окажется не в состоянии произвести очередной годовой взнос без достаточного к тому основания, то правительство может предъявить иск... о возврате этой земли». Характерно, что в этих случаях крестьянину возвращалось только 75% выплаченной им суммы. Южнокорейская официальная печать вынуждена признать, что крестьяне, получившие землю по реформе, в течение пяти лет должны нести бо́льшие расходы, чем в то время, когда они арендовали землю [30].

До полной расплаты за эту землю закон запрещал закладывать, покупать и продавать ее, а также сдавать в аренду (статьи 16 и 17). На другие земли это запрещение не распространялось. Таким образом, южнокорейское законодательство не предусматривало ликвидации кабальной аренды на землях, не подпавших под действие этого закона.

Не случайно даже «корейская комиссия» ООН, в целом расхваливая реформу, все же была вынуждена признать, что южнокорейское крестьянство «не проявляло чрезмерного энтузиазма в отношении земельной реформы». Сравнивая южнокорейскую реформу с реформой, осуществленной на севере страны, где крестьяне получили землю без всякого выкупа, крестьянство Юга не могло, естественно, проявлять «чрезмерного энтузиазма».

Тем не менее аграрная реформа 1951 г. создала в Южной Корее известные условия для развития капиталистических отноше-

[30] «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 42.

ний в сельском хозяйстве. Она ослабила гнет феодальных пережитков, приведя к сокращению сферы аренды и росту капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

В итоге реформы, по официальным данным, 918 тыс. хозяйств получили 331 тыс. чонбо обрабатываемых земель, т. е. в среднем 0,36 чонбо на одно хозяйство [31].

Всего за землю крестьяне должны были в течение пяти лет выплатить бывшим помещикам и другим владельцам земли около 12 млн. сок зерна (в денежном выражении около 200 млрд. хван) [32]. Согласно официальным данным, всего по реформе была выкуплена земля у 169 803 владельцев. Из них 84.2% должны были получить компенсацию в размере до 50 сок зерна, 4,1% — от 50 до 75 сок. Но были владельцы, которым выплачивалось свыше 5—10 тыс. сок зерна [33]. Небольшая часть земельных облигаций, полученных помещиками в качестве выкупа за землю, была истрачена ими на приобретение бывших японских предприятий.

Южнокорейское правительство рассчитывало привлечь капиталы помещиков и средства, получаемые ими в виде компенсации за землю, в область промышленного и торгового предпринимательства. Не случайно в законе были такие оговорки: «кредит, открываемый под земельные облигации, гарантируется в том случае, если он идет на деловые предприятия»; «землевладельцам, чьи земли куплены согласно этому закону, правительство может предоставить преимущество для участия в предприятиях» (статья 8). Таким образом, в результате реформы лисынмановские власти рассчитывали укрепить и расширить свою социальную базу за счет обуржуазившихся помещиков.

Приобретая промышленные предприятия, помещики вместе с тем сохранили в своих руках некоторую часть земли. Располагая денежным капиталом и запасами зерна, они продолжают в еще более широких масштабах заниматься ростовщическим кредитом (денежным и зерновым). Им по-прежнему принадлежат ирригационные сооружения. Взимая до 30—40% урожая за пользование водой, помещики концентрируют в своих руках значительные запасы риса и другого зерна и используют их для спекулятивной торговли. Кроме того, у них остались скот и инвентарь. Сдача скота и инвентаря в пользование — немаловажная статья дохода помещиков.

Таким образом, земельная реформа в Южной Корее, будучи буржуазной по своему характеру, несколько ослабила тормозящую роль феодальных пережитков в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Осуществляя реформу, южнокорейские власти рассчитывали расколоть крестьянство и обмануть его видимостью решения

[31] Там же, стр. 78.
[32] Там же.
[33] Там же, стр. 6.

аграрного вопроса, ослабить его революционную энергию и вместе с тем укрепить свою социальную опору в деревне в лице кулачества и капиталистических предпринимателей. Проведение земельной реформы сопровождалось пропагандистской шумихой о «защите» мелкого земледельца. В действительности земельная реформа привела к ускорению процесса дифференциации крестьянства: с одной стороны, происходят обезземеливание и пауперизация мелких крестьянских хозяйств, составляющих абсолютное большинство южнокорейской деревни, а с другой стороны — концентрация земельного богатства в руках немногочисленного слоя кулаков и обуржуазившихся помещиков.

«Экономический ежегодник», издаваемый Корейским банком в Сеуле, констатировал, что мелкие крестьянские хозяйства, вынужденные платить огромный выкуп за полученную по реформе землю, разорялись и теряли полученные ими участки. В то же время наблюдался рост числа крупных хозяйств [34].

Американская буржуазная печать пытается скрыть бедственное состояние экономики Южной Кореи. Однако и в ней проскальзывают признания о том, что экономические трудности помешали крестьянам завершить выплату выкупа за землю к декабрю 1954 г. [35] Южнокорейские власти вынуждены были продлить срок внесения выкупа на неопределенное время. Несмотря на это, крестьянство было не в состоянии продолжать вносить выкуп. Повсеместно на Юге началась распродажа крестьянской земли, полученной по реформе. В 1954 г. было продано свыше 10 тыс. участков. Однако общее число проданных и заложенных участков было значительно большим. Так, если в период 1952—1954 гг. число мелких крестьянских хозяйств уменьшалось сравнительно медленно, то в 1955 г. по сравнению с 1952 г. число хозяйств с участком обрабатываемой земли до 0,5 чонбо сократилось на 50 тыс., а с участком от 0,5 до 1 чонбо — на 80 тыс. [36] Это было связано не только с потерей крестьянами земли, но также с тем, что некоторая часть мелких собственников, уходя на заработки, сдавала свои парцеллярные участки в аренду более крупным и состоятельным хозяйствам.

Число хозяйств, в основном кулацкого типа, обрабатывающих от 2 до 3 чонбо и выше, неуклонно растет. Так, число хозяйств с участком от 2 до 3 чонбо увеличилось на 32%, а их удельный вес возрос с 4 до 5,5% общего числа хозяйств Южной Кореи. Наблюдается также значительный рост (на 85%) за указанный период относительно крупного землевладения (участки свыше 3 чонбо) [37].

[34] «Кёнчже ёнгам», 1957, стр. 42.
[35] «Far Eastern economic review», 1957, March, № 10, p. 301.
[36] «Кёнчже ёнгам», 1955. Статистическое приложение, стр. 111.
[37] В 1954 г. эта группа хозяйств, составляя лишь около 4% от общего числа сельских дворов, владела 18% всей пахотной земли («Кёнчже ёнгам», 1957. Статистическое приложение, стр. 147).

Меньшими темпами, но все же заметно расширяется группа хозяйств с участками от 1 до 2 чонбо. С 1952 по 1955 г. численность таких хозяйств увеличилась на 22%. Это в основном сравнительно крепкие экономически хозяйства. Выход товарного зерна в них в среднем составляет 50%, в то время как у хозяйств с участком от 0,5 до 1 чонбо — только 16%.

Итак, земельная реформа вызвала ускоренный процесс дифференциации в южнокорейской деревне, проявившийся в дальнейшем разорении и пролетаризации беднейшего крестьянства, укреплении и росте зажиточного и кулацкого слоя деревни.

Капиталистические тенденции в сельском хозяйстве Южной Кореи проявляются также в росте батрачества. Тысячи крестьян, потерявших землю, в условиях безработицы вынуждены за крайне низкую плату, носящую в основном натуральный характер, трудиться в кулацких и помещичьих хозяйствах. Деревенская беднота подвергается жестокой эксплуатации со стороны сельских мироедов, зачастую получая за свой тяжкий труд только скудную пищу. Широкое предложение дешевой рабочей силы, по всей видимости, способствует сокращению сферы издольной аренды, которая еще существует, и расширяет сферу применения наемного труда. Развитие наемного труда почти не сопровождается ростом применения машин в сельском хозяйстве.

Мы не располагаем материалом о применении наемного труда в различных категориях хозяйств. Южнокорейская статистика вообще старается скрыть рост батрачества и не приводит данных о характере наемного труда. Приходится довольствоваться средними данными о расходах на оплату наемного труда на одно хозяйство. Так, в 1955 г. 25,6% всех производственных расходов одного хозяйства поглощала оплата рабочей силы, в 1956 г. эта цифра поднялась до 26,2% [38]. Это самая большая статья в производственных расходах. Поскольку мелкие крестьянские хозяйства с участком до 1 чонбо почти не прибегают к найму, но расходуют значительные суммы на аренду скота и приобретение удобрений, удельный вес расходов кулацких, помещичьих и зажиточных хозяйств на рабочую силу в их общих производственных расходах будет значительно больше вышеприведенной цифры.

Мелкие крестьянские хозяйства в большинстве своем не имеют скота. Например, в 1956 г. в провинции Кёнгидо одна голова рабочего скота приходилась на 2,3 хозяйства, в Чхунчхон-намдо — на 4,7, в Чолла-пукто — на 4,6 и т. д. [39] Хозяйства, не имеющие рабочего скота, вынуждены арендовать его у кулаков и зажиточных крестьян. Кулаки изымают в натуральной форме значительную часть урожая в виде платы за пользование скотом. Плата за пользование рабочим скотом занимает значительное

[38] «Кёничже ёнгам», 1957, стр. 173.
[39] Там же.

место в общей сумме расходов крестьянского хозяйства. Так, в 1955 г. она составляла в среднем 12,7% всех расходов крестьянского хозяйства, в 1956 г. — 17,3% [40]. Однако эти средние данные не отражают расходов беднейшей части крестьянства.

В южнокорейской деревне сохранилась и аренда земли. Правда, статистика ее не учитывает, ибо она развивается в «скрытой» форме в обход положений земельного закона, но по некоторым данным можно судить о ее масштабах. Так, в 1954 г. арендовало земли около 21% сельских хозяйств [41]. К аренде из нужды прибегают малоземельные крестьяне, мелкие участки которых не дают возможности прокормить семью. Арендуют землю и кулацкие хозяйства, но в предпринимательских целях.

Много бедствий приносит крестьянству засилье ростовщического капитала в деревне. Беднейшее крестьянство, которое, естественно, не пользуется банковским кредитом, вынуждено прибегать к ростовщическим денежным и натуральным займам.

Основная масса семейств с участком до 1 чонбо не может существовать только на доход от земледелия, так как он не обеспечивает даже минимальных потребностей крестьянского двора и в лучшем случае позволяет осуществлять простое воспроизводство. Члены таких семейств вынуждены либо заниматься подсобным промыслом, либо временно наниматься на работу в кулацкие хозяйства.

Таким образом, в пореформенной южнокорейской деревне происходит дальнейшее развитие капиталистических отношений, которые, тесно сплетаясь с феодальными пережитками, усиливают нужду и разорение мелкого крестьянства.

Реформа не вызвала развития производительных сил в сельском хозяйстве Южной Кореи. Цифры сбора зерновых за 1953—1957 гг. свидетельствуют о застое в производстве. Увеличение сбора зерновых в 1957 г. настолько мизерно, что его можно не принимать во внимание. Застой в сельском хозяйстве Южной Кореи привел к резкому дефициту зерна. Голод в стране — доказательство того, что сельское хозяйство Юга — «житницы Кореи», как Юг называли столетиями,— не получило развития в пореформенный период.

Сельскохозяйственные кооперативы в Южной Корее — орудие эксплуатации крестьянства

В последние годы в Южной Корее широко развернулась кампания по организации сельскохозяйственных кооперативов, что в известной степени связано с ростом капиталистических отношений в деревне.

[40] Там же, стр. 155.
[41] «Адзиа сэйдзи кэйдзай нэнкан, 1956» (アジア政治經濟年鑑), Токио 1956, стр. 225.

В период японского господства в Корее имелось некоторое число сельскохозяйственных кооперативов, которые являлись одной из форм капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве. Основная масса рядовых членов кооперативов была превращена в своего рода полуиздольщиков-полубатраков, а руководящая верхушка — правление кооперативов — в предпринимателей, получающих капиталистическую прибыль на вложенный капитал.

В 1956 г. в поисках выхода из кризисного состояния сельскохозяйственного производства южнокорейские власти, по подсказке американских советников, стали на путь организации сельскохозяйственных кооперативов, рассчитывая повысить выход товарного зерна и обеспечить выполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. Предполагалось, что главную роль в кооперативах будут играть кулацкие хозяйства. Организаторы кампании за создание кооперативов рассчитывали также использовать тягу крестьян к коллективному труду, отдельные формы которого издавна бытуют в корейской деревне. Немаловажную роль в этих расчетах играло и то, что успехи сельского хозяйства КНДР, основанные на развитии сельскохозяйственной кооперации, сделали идею кооперирования весьма популярной среди южнокорейского крестьянства.

Официальная южнокорейская пресса печатала пространные статьи, восхвалявшие кооперативы, превозносила их как демократические формы хозяйствования, обещала крестьянам легкую и зажиточную жизнь. Эта кампания, проводимая в течение многих месяцев на страницах печати, имела своей целью убедить южнокорейское крестьянство, что американские империалисты и южнокорейские власти якобы не имеют никаких других стремлений, кроме повышения благосостояния крестьян Юга.

С кооперированием американские империалисты связывали свои планы создания централизованной системы изъятия сельскохозяйственных продуктов у южнокорейского крестьянства, так как прежние методы—конфискация и государственные поставки— не могли удовлетворить продовольственные потребности их армии. Они рассчитывали, что крупные капиталистические хозяйства, каковыми, по их замыслам, должны были стать кооперативы, значительно поднимут сельскохозяйственное производство и избавят их от необходимости ввозить продовольствие для снабжения американской и лисынмановской армий из США.

До 1956 г. создавались преимущественно кредитные и снабженческо-сбытовые кооперативы. Они не играли сколько-нибудь заметной роли в сельском хозяйстве Южной Кореи, и число их было незначительно. 14 февраля 1956 г. южнокорейское правительство опубликовало закон о сельскохозяйственных кооперативах (№ 436). В статье 1 этого закона говорилось, что он якобы ставит перед собой цель добиться «постепенного повышения благосостояния населения благодаря улучшению социально-экономического положения крестьян и роста производительных сил в сельском хозяйстве путем добровольного объединения крестьян в кооперативы».

Однако действительность показывает, что его составители меньше всего беспокоились о благосостоянии крестьян и что создание кооперативов в Южной Корее ничего общего не имеет с интересами подавляющей массы крестьянства. Сельскохозяйственные кооперативы выгодны только кулакам и оставшимся в деревне после земельной реформы помещикам. Они открывают широкие возможности для усиления эксплуатации бедняков этими категориями землевладельцев и в конечном счете способствуют укреплению их экономического господства в деревне.

Сельскохозяйственные кооперативы по своей специализации могут быть земледельческими, садоводческими и животноводческими.

В функции кооперативов входят так называемая производственная деятельность, под которой составители закона понимают «составление плана на отдельный двор и на весь кооператив, руководство выполнением производственного плана»; коллективная закупка средств производства и предметов потребления; совместное использование оборудования, сельскохозяйственных машин, мест коллективного труда, культурных и лечебных учреждений; сбор вкладов, выдача ссуд и посредничество при их использовании, а также «помощь правительству», что является прямой попыткой лисынмановских властей использовать кооперативы в качестве орудия своей грабительской налоговой политики в деревне.

В законе, конечно, не определяются категории сельских хозяйств, не учитывается существование различных по имущественному положению слоев сельского населения. Все это имеет целью не только придать видимость равенства при вступлении в кооператив, но и скрыть действительное классовое и имущественное неравенство, существующее в южнокорейской деревне.

В статье 24 говорится: «Кооператив состоит из землевладельцев, проживающих на территории данного кооператива, или имеющих на его территории свой дом и участок». Если учесть, что слово «помещик» не употребляется в официальных южнокорейских документах (они якобы исчезли после реформы), то станет ясно, что в кооператив, помимо крестьян всех категорий, могут быть приняты члены семей помещиков и жители городов, в той или иной степени связанные с сельским хозяйством. Для руководящего состава кооперативов не обязательно соблюдение даже этого условия. Все эти положения широко открывают двери кооперативов любому, кто может внести определенное число паев. Истинная сущность этих кооперативов становится особенно наглядной при ознакомлении со статьей 25 закона № 436, в которой говорится: «Член кооператива должен вносить при вступлении в кооператив более одного паевого взноса». В статье 19

указано, что «сумма одного пая и предельное количество паев на одного члена кооператива определяется уставом». В результате этого возникает резкое имущественное неравенство в кооперативах, подавляющая часть членов — в основном беднейшее крестьянство—вряд ли может иметь более двух-трех паев, а другая часть членов, составляющая меньшинство, может держать в своих руках большую часть паев.

В. И. Ленин в статье «Капитализм в сельском хозяйстве» отмечал, что товарищества мелких сельских хозяев выражают переход к капитализму, а вовсе не к коллективизму. «Товарищества не ослабляют, а усиливают превосходство... крупного производства в сельском хозяйстве над мелким, потому что крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью» [42]. При капитализме, указывал В. И. Ленин, кооперация дает преимущества тому, «кто имеет средства вносить паевые взносы» [43].

Распределение доходов, получаемых кооперативом, производится по числу паевых взносов. Следовательно, при одинаковой затрате труда член кооператива, внесший пять-десять паевых взносов, получит доход, в три-пять раз превышающий доход члена кооператива, имеющего, например, два пая. Кооперативы благодаря этому превращаются в органы эксплуатации бедняков и середняков кулаками, помещиками и торговцами. Решающее влияние на дела кооператива приобретает группа лиц, имеющих в своих руках бо́льшую часть паев. Она является фактически хозяином кооператива, остальным членам которого отводится роль сельскохозяйственных рабочих.

Господство в кооперативе крупных держателей паев предопределяет классовые противоречия между его членами. Не случайно в закон включена статья 4, в которой сказано: «Они (кооперативы. — *Ред.*) не ведут работы, связанной с политикой». Эта статья свидетельствует о стремлении южнокорейских властей с помощью кооперативов оторвать крестьян от участия в политической жизни. Она развязывает руки реакции, которая может пресекать любой протест членов кооператива.

Несмотря на широкую демагогическую кампанию, развернутую властями, крестьяне Южной Кореи решительно бойкотируют лисынмановские кооперативы. Южнокорейское правительство рассчитывало в течение 1956—1957 гг. кооперировать бо́льшую часть крестьянских дворов. Так, в апреле 1957 г. агентство Тонъян сообщило, что проводится подготовка к организации 25 464 кооперативов в сельской местности и 179 — в городах и уездных центрах. Однако сопротивление крестьянства сорвало планы южнокорейского правительства. По сообщению того же агентства, к началу 1958 г. было создано всего 5011 сельских кооперативов, 13 городских и уездных, 8 садоводческих, 6 животноводческих и 1 специальный.

[42] В. И. Ленин, *Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)* (Сочинения, т. 4, изд. 4). стр. 105.

[43] В. И. Ленин, *Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.* (Сочинения, т. 30, изд. 4), стр. 304.

Правящие круги Южной Кореи, обеспокоенные медленными темпами кооперирования, создали специальную комиссию по проверке хода кооперирования. 26 декабря 1957 г. агентство Хапхон сообщало, что на сессии «национального собрания» обсуждался доклад этой комиссии. В нем отмечалось, что «уровень руководства развитием сельского хозяйства со стороны административных органов является недостаточным».

Южнокорейские власти поставили деятельность кооперативов под свой неослабный контроль. В статье 74 закона о сельскохозяйственных кооперативах говорится: «Начальник административного отдела (один из отделов провинциального управления. — *Ред.*) может проверить деятельность кооператива и потребовать от руководителей кооператива доклад о состоянии его имущества, о ликвидации его и других делах». Начальник административного отдела имеет право отменить решения собрания кооператива, снять руководство и даже распустить кооператив (статьи 76 и 77). Правительство Южной Кореи контролирует деятельность кооперативов через Центральное правление сельскохозяйственных кооперативов.

Наконец, деятельность кооперативов контролируется Сельскохозяйственным банком, закон о создании которого был опубликован 1 февраля 1957 г. Этот банк имеет 370 отделений в различных провинциях Южной Кореи. Его капитал составляет 30 млрд. хван, которые должны быть получены банком из вкладов кооперативов (по 10 тыс. хван с каждого кооператива) и правительственной ссуды.

Сельскохозяйственный банк имеет право по специальному решению правления выдавать ссуды крестьянам, проживающим в том районе, где нет сельскохозяйственных кооперативов, но для этого крестьяне должны стать пайщиками банка. Практически крестьяне бедняки и середняки не могут пользоваться банковским кредитом, так как он предоставляется зажиточным и кулацким хозяйствам, которые в состоянии гарантировать возвращение ссуды. Беднейшие и средние слои крестьянства вынуждены прибегать только к ростовщическим займам.

Южнокорейская статистика обычно не содержит указаний, каким именно типам хозяйств предоставлен кредит. Однако некоторые косвенные данные подтверждают, что эти кредиты даются зажиточным и кулацким хозяйствам.

О росте сельскохозяйственного кредита свидетельствуют следующие цифры: в 1955 г. он равнялся 14,1 млрд. хван, или 28% всей суммы банковских ссуд, а в 1956 г. возрос до 25 млрд. хван, или 31% общей суммы банковских ссуд [44].

[44] «Кёнчже ёнгам», 1957, стр. 54.

Рассмотрим, на какие нужды выдавались ссуды. В 1956 г. на нужды земледелия приходилось 53% сельскохозяйственного кредита, который предоставлялся в основном Сельскохозяйственным банком. За один год (по сравнению с 1955 г.) сумма кредита на эти цели выросла на 124%. На ирригационное строительство было выдано 33% всей суммы кредита (кредиты Промышленного банка Южной Кореи). Займы направлялись также на расширение производства табака (585 млн. хван) и шелка-сырца (336 млн. хван) [45]. Таким образом, распределение кредитов свидетельствует об усилении капиталистической тенденции в сельском хозяйстве. Как отмечалось, 80% крестьянских хозяйств принадлежат к бедняцким и не могут пользоваться банковским кредитом. Это обстоятельство, а также кризис, переживаемый сельским хозяйством, создает в Южной Корее весьма благоприятные условия для развития ростовщичества. По мере ухудшения положения крестьянства потребности в кредитах не уменьшаются, а, наоборот, растут. На этой почве развертывается ростовщическая деятельность кредитных объединений, кредитных кооперативов, частных лиц и государства.

Южнокорейское крестьянство, прежде всего его беднейшие слои, прибегает к ростовщическому кредиту из-за крайней нужды и голода. Это подтверждает уже тот факт, что в 1953 г. 60% займов было выдано натурой. По другим данным, на питание было израсходовано 46,3% общей суммы займов, полученных крестьянами у ростовщиков, а на нужды земледелия только 26,9% [46]. Следовательно, крестьяне прибегали к ростовщическому кредиту главным образом из-за недостатка продуктов питания. Южнокорейская печать, особенно в весенние месяцы, пестрит сообщениями о том, что во многих провинциях сотни тысяч крестьянских семей исчерпали все свои продовольственные запасы. Именно в это время большая часть крестьян-бедняков прибегает к ростовщическим ссудам.

Характерно, что в ростовщическом кредите в сельском хозяйстве большую роль играют торговцы, на долю которых в 1953 г. приходилось 49% крестьянской задолженности. Ростовщичеством занимаются также помещики, кулаки, состоятельные крестьяне. Обычно их операции совершаются тайно и не поддаются учету. Однако имеются косвенные данные, которые позволяют говорить о расширении ростовщической деятельности сельских богатеев. Так, в 1956 г. по сравнению с предыдущим годом доход от ростовщических операций в среднем на один двор увеличился на 81% [47].

Лисынмановское государство выступает в роли главного ростовщика южнокорейских крестьян. В период сбора налогов у крестьян отбирается почти все зерно. Но оно не целиком поступает на рынок, а «возвращается» крестьянам в виде ростовщических семенных или продовольственных ссуд. Погашение зерновых ссуд происходит одновременно со сбором земельного и прочих налогов. Для южнокорейского крестьянства, особенно его беднейшей части, создается «заколдованный круг», из которого оно не в силах выйти. Каждая очередная уплата налогов превращается в операцию по полному изъятию зерна, после чего крестьянин тотчас же вынужден брать ссуду. Далее следуют очередная уплата налогов и возврат ссуды вместе с процентами.

Даже в экономическом обзоре, составленном секретариатом ООН, признается, что «кредитная проблема продолжает оставаться сдерживающим фактором в развитии экспорта риса. Крестьянин... не имеет права задерживать поступление зерна на рынок в ожидании более высоких рыночных цен. Это сковывает его инициативу и экономическую самостоятельность. В результате крестьянин находится в зависимости от кредитора, который ссужает его из 20% (для большинства районов Южной Кореи). Зачастую крестьянин вынужден продавать зерно в период, когда на рынке устанавливаются сравнительно низкие цены» [48].

Итак, создание кредитных кооперативов и Сельскохозяйственного банка, несомненно, является фактором дальнейшего расширения сферы капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южной Кореи. Но капиталистическим кредитом обеспечена незначительная часть сельскохозяйственного производства.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, разорение мелкого крестьянского земледелия неизбежно должно было вызвать увеличение числа сельскохозяйственных рабочих. В результате земельной реформы доля сельскохозяйственных рабочих в сельском населении увеличилась до 15—20%. В дальнейшем утрата бедняками и середняками земли, полученной по реформе, и концентрация ее в руках зажиточных крестьян и кулаков значительно усилили классовое размежевание крестьянства. Углублению этого процесса способствует и деятельность сельскохозяйственных кооперативов. Свидетельством непрерывно идущей пауперизации южнокорейской деревни является значительное увеличение числа дворов крестьян с участком обрабатываемой земли до 0,3 чонбо или совсем безземельных. Эти сельскохозяйственные полупролетарии, или пауперы, еще не стали сельскохозяйственными рабочими по роду занятий. Южнокорейская статистика включает этих разорившихся крестьян в число безработных, из чего видно, что они не могут найти работу ни в деревне, ни в городе. Следовательно, они уже не крестьяне (так как не могут прокормиться от земли), но еще и не рабочие.

Многочисленность этой группы сельского населения Южной Кореи с полной определенностью свидетельствует о низком уровне развития капитализма как в промышленности, так и в сель-

[45] Там же.
[46] アジア經濟開發（極東編），アジア協會編，東京，1957，253，254頁.
[47] «Кёнчже ёнгам», 1957, стр. 172.
[48] «Far Eastern economic review». 1956, June, № 24, p. 757.

ском хозяйстве, а также о том, что в Южной Корее после проведения земельной реформы 1951 г. происходит не столько пролетаризация, сколько пауперизация беднейших слоев крестьянства.

Одним из мероприятий, связанных с пауперизацией беднейшего крестьянства, является так называемый выкуп крестьянских земель.

Лисынмановские власти, якобы для того чтобы задержать бегство разорившихся крестьян из деревень, объявили о намерении выкупить у них земельные участки для проведения на этих землях агротехнических и мелиоративных работ. Чтобы вернуть свои земли, крестьяне должны оплатить в рассрочку стоимость произведенных властями работ.

В 1950 г. южнокорейское правительство «выкупило» земли 250 тыс. крестьянских семей, объявив это мероприятие дополнением к закону о земельной реформе. Бывшие владельцы фактически превратились в арендаторов лисынмановского министерства земледелия и лесоводства.

Власти обещали выплатить «компенсацию» крестьянам в течение пяти лет начиная с 1950 г.

Формально каждая крестьянская семья, у которой правительство выкупило землю, кроме незначительной денежной «компенсации», должна была бы получать в год 1200—1300 *кг* зерна, что по существу являлось единственным источником ее существования. Однако на практике получилось иначе. Полностью «компенсация» зерном и деньгами была выплачена только за 1950 и 1951 гг.[49] В дальнейшем выплата была практически приостановлена. Об этом свидетельствует даже буржуазная пресса. Независимо от того, будет ли «компенсация» выплачена, а работы по улучшению земли завершены, возвращение южнокорейским крестьянам этих земель потребует от них огромных жертв по возмещению затрат на «улучшение». По сей день правительство Южной Кореи так и не выплатило компенсации за землю. Да и сами работы по «улучшению» земель повсеместно прекращаются.

Буржуазная американская экономическая литература и материалы ООН стремятся скрыть истинное положение экономики Южной Кореи и создать представление о мнимом «процветании» ее под эгидой американского империализма. Даже краткий обзор агротехнических мероприятий, проводимых империалистами США и их южнокорейскими приспешниками, свидетельствует об их намерении под прикрытием демагогической фразеологии усилить эксплуатацию крестьянства. С другой стороны, лисынмановские власти, проводя эти мероприятия, стремились отвлечь широкие крестьянские массы от участия в освободительной борьбе народа Кореи.

[49] «Far Eastern economic review», 1956, August, № 7, p. 212.

Производительные силы сельского хозяйства сковываются антинародной экономической политикой южнокорейских властей, которая направляется американским империализмом. Техническая оснащенность сельского хозяйства крайне низка. В 1956 г. 2218 тыс. хозяйств с площадью возделываемой земли в 2010 тыс. чонбо располагали 100 культиваторами (один на 22 181 хозяйство), 2 тыс. двигателей внутреннего сгорания (один на 1109 хозяйств) и 8 тыс. ручных молотилок (одна на 207 хозяйств). Небольшое количество усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и несколько тракторов, подаренных благотворительными обществами США крупным кулацким хозяйствам, не меняют положения. В условиях низкой технической оснащенности особенно пагубны для сельского хозяйства неоднократные мобилизации мужского населения в армию и в части тылового обслуживания, что лишает южнокорейскую деревню сотен тысяч рабочих рук.

Следует отметить, что хотя во время войны сельское хозяйство Южной Кореи понесло ущерб, несравнимо меньший, чем потери сельского хозяйства КНДР, однако КНДР уже значительно превысила довоенный уровень производства сельскохозяйственных продуктов, а сельское хозяйство Южной Кореи переживает глубокий кризис.

В первый же послевоенный 1954 год в Южной Корее на 20% упала урожайность зерновых по сравнению с 1949 г., посевная площадь сократилась на 40 тыс. чонбо, несколько сотен деревень совершенно обезлюдело из-за разорения крестьян[50].

Низкий уровень сельскохозяйственного производства, помимо указанных выше причин, объясняется истощением почвы Южной Кореи вследствие того, что южнокорейские власти в течение многих лет не обеспечивали крестьян химическими удобрениями. До 1956 г. южнокорейское правительство по существу вообще не заботилось о снабжении сельского хозяйства удобрениями. Острая нехватка удобрений вызвала быстрый рост цен на них, который еще более усилился в связи с инфляционной конъюнктурой.

Высокие цены не позволяют крестьянам, едва сводящим концы с концами, покупать в необходимом количестве удобрения. Южнокорейские власти для реализации удобрений, поступающих как по линии «помощи», так и по линии государственных закупок за границей, ввели принудительное распределение химических удобрений среди крестьян по крайне высоким ценам. Так, только в 1956 г. крестьяне уплатили за удобрения около 21 млрд. хван. В 1957 г. цены на них поднялись по сравнению с уровнем 1956 г. на 40%, и крестьяне заплатили около 48 млрд. хван[51].

Характерно, что рост цен на удобрения, устанавливаемых южнокорейскими властями, значительно опережал рост цен на

[50] «Минчжу чосон» (민주조선), 1956, 26 января.
[51] «Минчжу чосон», 1957, 12 декабря.

зерно, о чем свидетельствует сравнение индексов цен (1947 г. = =100) [52]:

	1951 г.	1954 г.	1956 г.
Цены на зерно	2064	6076	22 861
Цены на удобрения	6135	8448	51 375

Естественно, что такое повышение цен на удобрения наносит ущерб всем категориям сельских хозяйств, но особенно ощутимо испытывают на себе пагубные последствия этого беднейшие крестьяне, которые в большинстве случаев вообще вынуждены отказываться от приобретения удобрений. В связи с ростом цен сокращается потребление удобрений и в относительно зажиточных крестьянских хозяйствах, что неизбежно ведет к падению урожайности и сокращению сборов зерновых. Эти факты достаточно ясно изобличают лживость демагогических заявлений южнокорейских властей об их стремлении обеспечить «процветание» и «развитие» сельского хозяйства.

О принудительном характере распределения химических удобрений свидетельствует тот факт, что плата за них официально получила название «налога за удобрения». Поступающих из США в порядке «помощи» химических удобрений недостаточно для удовлетворения нужд сельского хозяйства. В основном удобрения закупает правительство Южной Кореи, частично они импортируются частными торговцами.

Недостаток химических удобрений принимает в Южной Корее угрожающие размеры. Широкая кампания за изготовление удобрений (компостных и зеленых) на местах, развернутая южнокорейским правительством в 1957 г., не дала практических результатов. Эта кампания проводилась в принудительном порядке и была враждебно встречена крестьянами, которых в течение двух месяцев (август и сентябрь) заставляли круглосуточно работать под конвоем полиции на заготовках зеленой массы в труднодоступных горных лесах. Местная администрация не смогла организовать вывоз массы, и тяжелый труд крестьян был затрачен впустую.

Американцы не заинтересованы в ввозе в Южную Корею достаточного количества химических удобрений, так как стремятся сохранить ее в качестве рынка сбыта для излишков своих сельскохозяйственных продуктов. Тяжелое положение сельского хозяйства Юга усугубляется тем, что поставки химических удобрений из США постоянно срываются. Так, по сообщению южнокорейского агентства Тонхва от 27 ноября 1957 г., планом министерства земледелия и лесоводства предусматривалось ввезти в 1957 г. 850 тыс. *т* химических удобрений, а на 16 ноября 1957 г. фактически было ввезено всего 243 тыс. *т*, т. е. 32% плана.

[52] «Нодон синмун», 1958, 13 октября.

Несмотря на столь бедственное положение с удобрениями, южнокорейское правительство, боясь установления контакта между Севером и Югом, отказывается приобретать их в КНДР, правительство которой неоднократно сообщало о своей готовности поставлять первосортные химические удобрения в Южную Корею.

Крестьянство не имеет также средств и возможностей, чтобы покупать дорогие химикалии, необходимые для борьбы с вредителями полей. В течение 1953—1956 гг. в Южной Корее большая часть рисовых полей оказалась сильно пораженной рисовой головней и другими вредителями зерновых. Угроза уничтожения посевов была так велика, что власти были вынуждены в 1954 г. импортировать из США 788 тыс. *т* ядохимикатов за наличный расчет. Кроме того, около 988 тыс. *т* ядохимикатов было изготовлено в самой Южной Корее [53]. Эти меры оказались явно недостаточными, и потери от вредителей в 1955 г. составили 10,6% всего валового сбора зерна [54].

Одна из важнейших причин падения урожайности и сборов зерновых — разрушение ирригационной системы. В 1954 г. орошалось только 44% площади земель Юга, которые были поливными в период господства в стране японского империализма [55]. Урожай зерновых на остальных, прежде орошаемых землях полностью зависел от осадков. К концу 1955 г. площадь орошаемых земель увеличилась до 60% поливной площади, существовавшей в колониальный период. Понятно, что в 1955—1956 гг., когда выпало лишь 200 — 400 *мм* осадков, в Южной Корее начался голод.

Низкий уровень южнокорейского сельскохозяйственного производства приводит к тому, что даже в урожайном 1957 году на Юге не хватало зерновых. Правительство Южной Кореи вынуждено обращаться за продовольственной помощью к капиталистическим странам и прибегать к широким продовольственным закупкам в США. Ежегодный дефицит зерновых за последние два-три года был не ниже 6—8 млн. сок. В 1956 г. лисынмановское правительство закупило в США около 2 млн. сок зерна. В 1956—1957 гг. Южная Корея получила в виде «помощи» 25% всего потребленного ею зерна. В течение 1957 г. власти затратили на покупку продовольствия 157 644 тыс. долл.

В целом за 1953—1957 гг. урожайность зерновых в Южной Корее упала почти на 30% по сравнению с урожайностью колониального периода. За это же время вследствие пауперизации южнокорейского крестьянства и реквизиции земли военными властями посевная площадь Юга уменьшилась на 15%.

Лисынмановскому правительству пришлось обратить внимание на катастрофическое положение в сельском хозяйстве. Оно

[53] «Far Eastern economic review», 1956, August, № 7, p. 212.
[54] «Far Eastern economic review», 1957, March, № 10, p. 300.
[55] «Far Eastern economic review», 1956, August, № 7, p. 212.

провозгласило программу мероприятий (большинство из них осталось на бумаге) по более рациональному использованию и распределению удобрений, ядохимикатов и улучшенных семян, а также по внедрению современных методов агротехники. Были сделаны попытки вновь начать обработку заброшенных земель и пустошей.

Результатом всех этих мероприятий явилось некоторое увеличение сбора зерновых и посевных площадей под ними. В 1956 г. в Южной Корее было собрано около 13 млн. сок риса, в 1957 г.— около 16 млн. сок. Но урожайность осталась ниже колониального уровня.

Мероприятия южнокорейского правительства проводятся отнюдь не в интересах крестьянства. Так, за предоставленные крестьянам семена они должны осенью полностью уплатить. За удобрения и ядохимикаты крестьяне платят по спекулятивным ценам.

Южнокорейское правительство заставило крестьян обрабатывать около 500 чонбо солончаковых земель. При этом оно заявило, что эти земли министерство земледелия и лесоводства может отобрать в любое время, когда сочтет нужным [56]. Вряд ли подобные заявления способны стимулировать освоение земель крестьянами. К тому же солончаковые почвы требуют специальной химической обработки для своей культивации, а крестьянин на это не имеет средств.

Эти мероприятия южнокорейских властей, хотя они и привели к некоторому росту урожайности и незначительному расширению посевных площадей, легли дополнительным тяжким бременем на плечи южнокорейского крестьянства.

В последние два-три года в Южной Корее под давлением американских монополистов, заинтересованных в ввозе хлопка, резко сокращаются посевы хлопка. В 1955 г. площадь под хлопком сократилась со 165 тыс. чонбо до 113 тыс. чонбо, а сбор составил только 97 млн. кын [57]. Наряду с этим Соединенные Штаты поощряют производство коконов для получения шелка-сырца, так как почти половина его вывозится в США.

По признанию журнала «Фар истерн экономик ревью», продукция специальных и технических культур не способна удовлетворить даже половины внутренних потребностей Южной Кореи [58].

Налоговая эксплуатация крестьян

Реакционный характер южнокорейского правительства отчетливо проявляется и в его налоговой политике. Многочисленные налоги, существующие в Южной Корее, оказывают огромное

[56] Ibid., p. 213.

[57] «Far Eastern economic review», 1957, March, № 10, p. 302. — 1 кын равен 600 *г*.

[58] Ibid., p. 301.

тормозящее воздействие на экономику крестьянского хозяйства и на развитие всего сельскохозяйственного производства. Они заставляют крестьянина залезать в долги к ростовщику, не позволяют ему улучшать инвентарь, приобретать скот, т. е. ускоряют его разорение.

В современной Южной Корее сохранилась в основных чертах структура налоговой системы, существовавшая в Корее в период господства японского империализма. Однако лисынмановские власти в значительной степени увеличили как размеры официальных налогов, так и число всевозможных поборов, временных или постоянных. Тяжелым бременем на плечи южнокорейских крестьян легли обязательные государственные поставки зерновых и прочих продуктов питания, идущих на снабжение армии.

Обязательные поставки зерна по своей величине и значению занимают первое место в налоговой системе Южной Кореи. Сдача зерна правительству согласно обязательным поставкам производится крестьянами дважды в год.

Одно из важнейших мест в южнокорейской налоговой системе занимает земельный налог. Он является общегосударственным налогом, из размера которого исходят при определении всех так называемых местных налогов — провинциального, уездного, волостного и школьного. Каждый из них в отдельности невелик. В целом же они составляют значительные суммы. Налоги обычно уплачиваются натурой. Так, агентство Тонъян 7 декабря 1957 г. сообщало, что за текущий год собрано по подоходному земельному налогу 354 664 сок зерна. По данным того же агентства от 9 декабря 1957 г., на конец ноября этого года было собрано местных налогов на сумму около 10 млрд. хван, что составляло 67,3% плана сбора местных налогов.

В число налоговых поступлений входит и уплата за землю, полученную по закону о земельной реформе. Погашение выкупа за землю, возвращение ссуд, платежи за химические удобрения при единовременном их взносе наносят сильнейший урон хозяйству южнокорейского крестьянства. В 1957/58 бюджетном году крестьяне должны были внести: выкуп за землю — 500 тыс. сок, возврат ссуд — 250 тыс. сок и платежи за удобрения, полученные в 1956 г., — 100 тыс. сок. Вместе с поставками, земельным и местным налогами, не считая других поборов и выплат в денежном выражении, южнокорейское крестьянство в этом бюджетном году должно было отдать 2390 тыс. сок зерна. Но фактически лисынмановское правительство посредством всевозможных махинаций получило значительно больше зерна. Так, в 1957 г. под предлогом роста цен на зерно и якобы имеющейся недоимки за прошедший год оно повысило разверстку по обязательным поставкам до 1680 тыс. сок. Кроме того, в счет погашения других задолженностей было собрано дополнительно 173 621 сок. Свыше 1 млн. сок было изъято у крестьян Южной Кореи под предлогом создания «гарантийного фонда зерна». Следователь-

но, в целом у крестьян было отобрано в 1957 г. около 4 млн. сок зерна. По подсчетам южнокорейского министерства земледелия и лесоводства, в 1957 г. у крестьян было изъято 85% произведенного зерна, за вычетом семенного фонда и того минимального количества риса, которое было оставлено им на питание [59]. Сюда вошли обязательные поставки, возврат ссуд, выплата за землю, поземельный налог, принудительные займы и, наконец, арендная плата помещикам, скрыто продолжающим сдавать свои земли в аренду. Налоговое бремя возрастает с каждым месяцем. По официальным данным министерства внутренних дел Южной Кореи, лисынмановское правительство только с января по июнь 1957 г. ввело дополнительные налоги, помимо «официально утвержденных», на сумму в 143 млрд. хван.

Значительно возросли в Южной Корее не только прямые, но и — в еще большей степени — косвенные налоги.

Южнокорейский крестьянин, кроме налогов и поборов, вынужден выплачивать огромные суммы по многочисленным займам лисынмановского правительства. С 1949 по 1957 г. было выпущено 18 займов. Неуплата в срок налогов, займов или всевозможных поставок ведет к конфискации имущества и земли или потере арендованного участка. Вследствие этого в 1956—1957 гг. среди крестьян широкое распространение получила продажа урожая на корню, к которой они прибегали, для того чтобы рассчитаться с долгами и недоимками. В эти же годы значительно усилилась зависимость крестьян от частных или государственных ссуд, которые даются под ростовщический процент.

Обнищание крестьянства

Антинародная аграрная политика лисынмановского правительства, проводимая в интересах помещиков и кулацкой верхушки, и превращение Южной Кореи в военно-стратегический плацдарм американского империализма поставили основную массу крестьян на грань голодной смерти.

Южнокорейские власти, опасаясь революционного взрыва в деревне, неоднократно обращались к США с просьбой о срочной помощи продовольствием. Однако та «помощь», которую американцы оказывали Южной Корее, не привела к улучшению положения. К февралю 1957 г. в Южной Корее насчитывалось 700 тыс. крестьянских дворов, не имеющих продовольствия, к марту их число увеличилось до 1200 тыс. Общее количество голодающего сельского населения в 1957 г. составило 6 млн. человек [60].

7 мая 1957 г. правительство КНДР, выражая свое глубокое сочувствие голодающим крестьянам Южной Кореи и их семьям, приняло решение срочно оказать им помощь продовольствием,

[59] «Минчжу чосон», 1957, 12 декабря.
[60] Там же.

безвозмездно выделив для этого 10 тыс. сок риса. Однако южнокорейские власти отказались принять бескорыстную помощь правительства КНДР и не ответили на его предложение.

Острая необходимость найти выход из создавшегося положения заставляет лисынмановское правительство искать какие-то новые меры. Так, по сообщению агентства Хаптон от 27 декабря 1957 г., государственный совет Южной Кореи одобрил пятилетний план увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. К 1962 г. производство зерновых должно достигнуть 31 748 тыс. сок (4,8 млн. *т*).

Однако, по имеющимся данным, они не рассчитывают выполнить даже этот план. Так, 5 февраля 1958 г. министр реконструкции Сон и посол США в Сеуле подписали соглашение о ввозе в Южную Корею 765 тыс. *т* излишков американских сельскохозяйственных продуктов на сумму 50 млн. долл., включая пшеницу, ячмень, гаолян и кукурузу. В связи с этим следует отметить, что в 1957 г. в КНДР было произведено 20 млн. сок зерна против 16 млн. сок на Юге, а до 1945 г. Северная Корея давала только от четверти до трети сборов зерна по всей стране. Уже сейчас потребление зерновых на душу населения в КНДР выше, чем в Южной Корее. В 1961 г. КНДР будет производить более 7 млн. *т* зерновых [61]. Это сопоставление наглядно свидетельствует о разрушении производительных сил сельского хозяйства Юга.

Тяжелое положение южнокорейского крестьянства еще более усугубляется вследствие продолжающейся в послевоенные годы милитаризации экономики. «На военные цели» у крестьян было реквизировано свыше 100 тыс. чонбо пахотных земель и материальных ценностей на сумму 90 млрд. хван [62].

О бедственном положении крестьян Юга свидетельствует рост их задолженности. Как сообщала 1 марта 1958 г. южнокорейская газета «Кенхян синмун», общая задолженность южнокорейского крестьянства в 1954 г. составила 9 млрд. хван, а в начале 1957 г. она превысила 70 млрд. хван. К концу июня 1957 г. задолженность крестьян возросла до 100 млрд. хван. Долги имели 70% крестьянских хозяйств. Такой бурный рост задолженности отражает массовое разорение южнокорейского крестьянства.

Происходит реквизиция земли у части бывших крестьян-арендаторов, получивших ее по реформе 1951 г. Так, началось возвращение земли 212 буддийским монастырям, у которых она была когда-то отобрана и распределена среди арендаторов. В начале 1955 г. 30% этих земель уже были возвращены монастырям.

Официальная статистика южнокорейского правительства не

[61] Ким Ир Сен, *О победе социалистического кооперирования и дальнейшем развитии сельского хозяйства в нашей стране*, Пхеньян, 1959, стр. 48. — 7 млн. *т* равняются приблизительно 47 млн. сок.
[62] «Минчжу чосон», 1957, 2 июня.

публикует данных об экономике различных групп крестьянских хозяйств. Правда, в ежемесячных бюллетенях Корейского банка можно встретить огромные таблицы, содержащие сотни цифр о «доходах и расходах крестьянских хозяйств в зависимости от размеров обрабатываемой площади». Однако по этим специально подобранным данным невозможно проанализировать экономическое положение крестьянской семьи. Важнейшие экономические показатели (в частности доходы и расходы) в этих таблицах даются в виде средних цифр по группам крестьянских хозяйств. Причем в одну группу включаются хозяйства, размеры земельных участков которых сильно отличаются. Например, в одну группу объединены как хозяйства, имеющие 0,5 чонбо, так и хозяйства, имеющие 2—3 чонбо [63].

Статьи дохода крестьянских хозяйств обычно разбиты на три категории (доход от зерновых, прочие сельскохозяйственные доходы и несельскохозяйственные доходы). Статистикой учитываются десятки статей расходов: от расходов на удобрение и зерно до расходов на деликатесы, церемонии, приправы и т. д. Но при этом не указывается, например, повышение цен на удобрения перед севом, когда цены становятся весьма далекими от официальных. Крестьянин платит за удобрения по фактически существующим рыночным ценам, т. е. значительно больше того, что отмечает статистика. Далее, подсчет доходов крестьянских хозяйств от зерновых производится по рыночным ценам, которые абсолютно не соответствуют низким закупочным ценам системы обязательных госпоставок. Наконец, в этих таблицах не приводятся данные о платежах за землю, полученную по реформе. Все данные статистики подогнаны так, что крестьянские хозяйства любой категории, даже хозяйства с площадью менее 0,5 чонбо, совершенно не имеют дефицита. Однако многочисленные сообщения южнокорейских агентств и газет, а также американской прессы о голоде в южнокорейской деревне опровергают эти явно фальсифицированные данные.

Освободительное движение, в котором все большее участие принимает крестьянство, и глубокий кризис в деревне усиливают тревогу в правящих кругах Южной Кореи. В своей статье, опубликованной в газете «Тона ильбо» 8 октября 1957 г., депутат «национального собрания» Ю Чин Суль признает: «При взгляде на сегодняшнюю деревню надо думать не о дальнейших, более суровых жертвах с ее стороны, а, наоборот, о том, как ослабить давление на нее, которое сказывается сейчас на всех сторонах ее жизни. Так как деревня является частью основы нашего общества, то колебания ее устоев приводят в движение все общество. Подобная ситуация требует уничтожения реакционного режима».

[63] «Хангук ынхэн чоса вольбо». Статистическое приложение, 1957, № 2, стр. 96, 97.

Крайне тяжелое положение крестьянских масс Южной Кореи признают и южнокорейские экономисты. Так, в июльском номере журнала «Чэчжон» за 1957 г., в статье, посвященной производству продовольствия, утверждается: «В тот период (имеется в виду период японского колониального господства. — *Ред.*) мелкие крестьянские хозяйства не обеспечивали себя хлебом, но случаев массовой нехватки продовольствия, как сейчас, не было. А сегодня недостаток продовольственных продуктов возмещается ввозом их из-за границы. Отсюда напрашивается вывод, что мелкие крестьянские хозяйства не являются основной причиной нехватки продовольствия. Мы объясняем это неправильной политикой правительства в отношении сельского хозяйства». Можно было бы привести десятки подобных свидетельств буржуазных южнокорейских экономистов об упадке сельского хозяйства.

Не останавливаясь специально на исследовании крестьянского движения в Южной Корее, следует отметить, что некоторая, более зажиточная часть крестьян отошла от движения после земельной реформы 1951 г. Это обстоятельство наряду с массовыми арестами и казнями, обрушившимися на крестьян в тот период, привело к временному свертыванию крестьянского движения и отчасти к изменению его форм. Одной из таких форм на современном этапе борьбы крестьянства является бойкот мероприятий реакционного правительства в области сельского хозяйства.

Этот бойкот срывает планы правительства, направленные на расширение изъятия из деревни продовольствия, «кооперирование» и т. д. Крестьянство Южной Кореи отказывается от уплаты налогов и выполнения обязательных поставок. 28 января 1958 г. агентство Хаптон сообщало, что «в отношении неуплативших в указанный срок налог будут приняты административные меры, так как, по сообщению министерства земледелия и лесоводства, среди недоимщиков имеются умышленно уклоняющиеся от уплаты».

Южнокорейское крестьянство еще не оправилось от репрессий, и его борьба на современном этапе против лисынмановских властей и американского империализма — это только начало подъема крестьянского движения. Крестьянство Южной Кореи с каждым днем яснее и яснее понимает, что оно обмануто реформой 1951 г. Не случайно в крестьянских выступлениях 1957 г. главным требованием стал лозунг: «Землю крестьянам без выкупа!» Вновь выдвигая этот лозунг, крестьянство Юга развертывает движение за демократическое разрешение аграрного вопроса, которое теснейшим образом переплетается с борьбой за свержение реакционного лисынмановского режима, за создание единой, демократической Кореи.

Глава VII

КОНТРОЛЬ США В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ И ТОРГОВЛИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Финансы и кредитно-денежная система

Одной из характерных черт экономического положения Южной Кореи является полный контроль американского империализма над ее финансовой и кредитно-денежной системой. Южнокорейское правительство расходует колоссальные средства на военные цели, в ущерб развитию национальной экономики и вследствие этого не в состоянии поддерживать стабильность финансовой и кредитной систем за счет внутренних средств. Лисынмановские власти вынуждены постоянно прибегать к внешним займам или так называемой «помощи» США.

Финансовая зависимость Южной Кореи от монополий США столь велика, что даже небольшое сокращение американской «помощи» способно вызвать крах лисынмановского режима, как об этом не раз заявляли представители южнокорейских властей.

Распределение бюджета Южной Кореи служит наглядным доказательством того, что американские империалисты и лисынмановские власти используют ее национальный доход в военных целях. Бо́льшая часть бюджетных средств расходуется на военные нужды — содержание американских оккупационных войск, вооружение южнокорейской армии и полиции. Кроме того, южнокорейские власти расходуют значительные средства на военную подготовку учащихся, ремонт стратегических дорог и т. д. Общая сумма военных расходов из года в год растет. Так, в 1954 г. она увеличилась по сравнению с 1953 г. в 1,5 раза, в 1955—1956 гг.— в 2,4 раза, в 1957 г. — в 3,6 раза [1]. В бюджетных ассигнованиях 1958 г. (336 млрд. хван) расходы на «оборону» составляют 238,1 млрд. хван, т. е. 70% [2].

После заключения перемирия американские империалисты усилили милитаризацию экономики Южной Кореи. Только в

[1] «Южная Корея под оккупацией США», Пхеньян, 1958, стр. 78. 79.
[2] «Минчжу чосон» (민주조선), 1958, 9 января.

1954—1955 гг. они предоставили лисынмановским властям 783 млн. долл. на военные цели и 567 млн. долл. на «восстановление экономики». Эти «щедрые» американские ассигнования поставили южнокорейский бюджет в полную зависимость от монополистического капитала США. В одном из отчетов ООН отмечалось, что «доходная часть бюджета Южной Кореи находится в большой зависимости от фондов иностранной (читай: американской. — *Ред.*) помощи» и постоянный «бюджетный дефицит характерен для государственных финансов Южной Кореи» [3]. Журнал «Фар истерн экономик ревью» писал: «Правительственные доходы южнокорейской республики постоянно и особенно в послевоенный (т. е. после 1953 г. — *Ред.*) период сокращаются» [4].

Насколько дефицитен южнокорейский бюджет, можно судить на основании того, что в 1958 г. он запланирован с дефицитом в 46,2 млрд. хван. Этот огромный дефицит южнокорейские власти покрывают за счет американской «помощи», одновременно повышая налогообложение широких народных масс. Если принять налогообложение населения Южной Кореи в 1953 г. за 100, то в 1954 г. налоги составили 251, в 1955 г. — 371, в 1956 г. — 536, а в 1957 г. — 895 [5]. Общая сумма налогов, взимаемых с населения, увеличилась за 1953—1957 гг. с 20,6 млрд. хван до 109,2 млрд. хван [6].

Огромный бюджетный дефицит южнокорейское правительство стремится покрыть также за счет принудительных внутренних займов. После заключения перемирия оно распространило среди населения шесть займов на сумму более 30 млрд. хван. В 1957 г. для покрытия расходов по бюджету были выпущены облигации «займа на строительство государства», «патриотические облигации» и т. п. на общую сумму 45,7 млрд. хван [7]. В 1958 г. лисынмановские власти запланировали заем на сумму 22,7 млрд. хван. Дефицитность южнокорейского бюджета приводит к неуклонному росту государственного долга. Если в 1949 г. этот долг составлял 72 млн. хван, то в 1957 г. он вырос до 65 684 млн. хван [8].

Хозяйничанье американских капиталистов в Южной Корее усугубило неустойчивость кредитно-денежной системы лисынмановского государства. Бумажные деньги, находящиеся в обращении на Юге, выпускаются Корейским банком. До 1953 г. де-

[3] «Economic survey of Asia and the Far East», New York, 1950, p. 130.
[4] «Far Eastern economic review», Hongkong, 1956, vol. XX, № 23, 7 June, p. 77.
[5] «Новая Корея», 1958, № 1, стр. 34. — При исчислении роста налогового индекса рост инфляции не учтен.
[6] В среднем каждый рабочий отдавал в 1957 г. в качестве налогов одну четвертую часть своего заработка. В 1957 г. сумма налогов на одного жителя Южной Кореи увеличилась до 6737 хван.
[7] «Новая Корея», 1957, № 5, стр. 15.
[8] «Кёнчже консоль» (경제전선), 1957, № 8, стр. 86.

нежная единица называлась вон. После денежной реформы, проведенной в 1953 г., воны были заменены хванами. Хван был приравнен к 100 вонам. Хотя в декабре 1953 г. был установлен официальный валютный курс хвана (180 хванов = 1 долл.) [9], в действительности в Южной Корее действует система различных валютных курсов. Официальный курс применяется в отношении очень ограниченного числа операций.

Цены на товары, поступающие в Южную Корею в счет экономической «помощи», устанавливаются на основе так называемого курса эквивалентного фонда. Впервые курс для эквивалентного фонда в Южной Корее был установлен 15 декабря 1948 г. в размере 450 вон за 1 долл., что соответствовало действовавшему в то время официальному курсу [10].

Американские монополии заинтересованы в повышении курса доллара по отношению к южнокорейской валюте, поэтому правительство США постоянно оказывает на лисынмановские власти соответствующее давление. В 1954 г. (протокол от 17 ноября) США якобы в целях осуществления «эффективной экономической программы» потребовали от южнокорейского правительства установления особого, «реального» курса, отличного от действовавшего официального (180 хван=1 долл.), для определения цен на товары, поступающие в счет «помощи». В начале 1955 г. Объединенный экономический совет на основании протокола от 17 ноября 1954 г. распорядился, чтобы с 17 января 1955 г. минимальные продажные цены на все товары, поступающие в порядке «помощи», устанавливались из расчета 350 хван за 1 долл. [11]

В 1955 г. по требованию правительства США южнокорейские власти внесли в протокол от 17 ноября 1954 г. поправку, текст которой был подписан в Вашингтоне 12 августа 1955 г. Лисынмановское правительство обязалось полностью отменить действие прежнего официального курса (180 хван = 1 долл.), ввести с 15 августа 1955 г. новый официальный курс (500 хван = 1 долл.) и пользоваться новым курсом при установлении цен на основную массу товаров, получаемых в счет «помощи» [12].

[9] Этот курс действовал до августа 1955 г.

[10] «Кёнчже ёнгам» (經濟年鑑), Сеул, 1955, стр. 82.

[11] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 10-я сессия, дополнение № 18 (A/2936), Нью-Йорк, 1955, стр. 15.

[12] Исключение было сделано для следующих товаров: уголь, добываемый в США, цена на который в течение финансового года, оканчивавшегося 30 июня 1956 г., устанавливалась по курсу не менее 40% официального (примерно 200 хван за 1 долл.); удобрения, цены на которые устанавливались по курсу не менее 50% официального и должны были достигнуть официального курса не позднее 1 января 1956 г.; товары, имеющие характер инвестиций в объекты, не приносящие дохода (цены на товары, имеющие характер инвестиций в объекты, приносящие доход, должны были устанавливаться на основе официального курса), и некоторые другие товары («Кёнчже консоль», 1957, № 7, стр. 43).

Американские империалисты, не довольствуясь теми огромными прибылями, которые они наживают на установлении обменного фонда, проводят широкую распродажу долларов. Имеется три основных канала продажи долларов за местную валюту: продажа долларов Управлением заграничными операциями на аукционе частным импортерам для приобретения определенных товаров; аукционы долларов, устраиваемые командованием так называемых «вооруженных сил ООН»; частная продажа, когда валюта, получаемая частными лицами за экспортируемые ими товары, может быть продана импортерами по курсу, установленному по соглашению.

Для денежного обращения Южной Кореи характерна серьезная и все более углубляющаяся инфляция. Денежная реформа 1953 г. не привела к желательному результату. В стране попрежнему росло количество находящихся в обращении денежных знаков. Если в 1953 г. количество денег в обращении составляло 30 316 млн. хван [13], то в последующие годы оно неуклонно увеличивается.

Чтобы приостановить инфляцию, лисынмановское правительство пыталось сократить выпуск банкнот, прибегнув одновременно к усилению налогообложения и к продаже товаров, поступивших в счет «помощи». Но эти меры не имели успеха. По сообщению южнокорейского агентства Сеге от 17 июня 1958 г., ссылавшегося на данные министерства финансов, количество банкнот, находившихся в обращении в конце мая 1958 г., составило 150,4 млрд. хван.

Углубление инфляции в Южной Корее вызвано также произвольным изменением американскими империалистами официального и неофициального обменных курсов доллара. Официальный курс доллара за десять лет (1945—1955 гг.) возрос с 15 вон за 1 долл. до 500 хван за 1 долл. [14]. При этом в Южной Корее наблюдается тенденция к дальнейшему падению курса хвана. На черном рынке доллар по отношению к хвану зачастую котируется как 1 : 600 и 1 : 1000.

Рост инфляции — результат экономической политики империалистов США в Южной Корее. Он является также неминуемым следствием огромных военных расходов и бюджетного дефицита. Лисынмановское правительство пытается покрыть дефицит за счет безудержной эмиссии денежных знаков, что вызывает в свою очередь рост цен на товары, удорожание транспортных и коммунальных услуг и пр.

Одним из важных рычагов в системе экономического контроля, осуществляемого США в Южной Корее, является банковская система.

[13] «Хангук ынхэн чоса вольбо» (韓國銀行調查月報),Сеул, 1957, № 6, ч. II, стр. 1.

[14] «Нодон синмун» (로동신문), 1955, 1 июля.

К числу крупнейших банков Южной Кореи относятся: Корейский банк, Корейский банк реконструкции [15], четыре коммерческих банка и Сельскохозяйственный банк.

Корейский банк («Хангук ынхэн»; до мая 1950 г. — «Чосон банк») в настоящее время является центральным эмиссионным банком. Главное правление банка находится в Сеуле, филиалы — в Пусане, Тэгу, Мокпхо, Кванчжу, Чхончжу, Тэчжоне и Инчхоне. До 1945 г. он был полуправительственным банком, держателями акций которого наряду с японским правительством были крупные японские банки и акционерные компании. Директор его назначался японским правительством. В 1945 г. банк перешел в ведение американской военной администрации, а затем был передан марионеточному южнокорейскому правительству. Американские империалисты, подчинив своему влиянию экономику Юга, осуществляют полновластный контроль и над ее банковской системой. В частности, они установили наблюдение за операциями Корейского банка.

Основную массу депозитов Корейского банка составляют депозиты командования так называемых «вооруженных сил ООН», иностранных дипломатических миссий, ЮНКРА и примыкающих к ней организаций. Из общей суммы депозитов Корейского банка в 41 655 млн. хван в апреле 1957 г. на долю депозитов иностранных организаций приходилось 21 697 млн. хван [16]. В Корейском банке концентрируются все поступления от продажи на южнокорейском рынке залежалых американских товаров, находящиеся на текущем счету эквивалентного фонда. Контролируя расходование средств эквивалентного фонда, США фактически контролируют всю деятельность центрального банка Южной Кореи.

15 августа 1954 г. южнокорейское правительство ввело новый общий банковский закон, целью которого была централизация кредита и сбережений. За принятием этого закона последовало слияние Корейского кредитного, Корейского коммерческого и Корейского промышленного банков. Это содействовало еще большей централизации в руках государства банковской системы, что еще больше облегчало и усиливало контроль США. Новый Объединенный банк («Чосон хангап банк») начал операции с 1 октября 1954 г. Кроме банков, в Южной Корее были учреждены государственные мелкие ссудные конторы, получающие кредиты для своих операций от коммерческих банков.

В 1954 г. в Вашингтоне было подписано соглашение, в соответствии с которым Южная Корея (в лице Корейского банка) была принята в члены Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, созданных как органы контроля американского монополистического капитала над экономически слабо развитыми странами. Вступление Южной Кореи в члены этих двух международных финансовых организаций ведет к сохранению и укреплению финансового контроля США над ее экономикой в замаскированных формах. Квота Южной Кореи в Международном валютном фонде была установлена в 12,5 млн. долл., на такую же сумму для нее были выделены акции Международного банка реконструкции и развития.

С осени 1952 г. Корейский банк начал проводить весьма жесткую кредитную политику в соответствии с так называемой «политикой экономии», осуществляемой южнокорейским правительством. Ограничение кредитов в первую очередь коснулось частных корейских предпринимателей. Корейский банк ежегодно ограничивал общую сумму новых займов, устанавливая поквартальные лимиты. Для каждой области экономики он определял специальный контингент, контролируя таким образом как размеры кредита, так и его назначение. Однако ссуды для приобретения товаров, получаемых в счет «помощи», и ссуды, обеспеченные правительственными облигациями, предоставляются вне всяких лимитов.

Южнокорейское правительство, проводя по указке США политику ограничения кредитов, всячески старается сократить выдачу ссуд для развития национальной экономики и поощряет кредит отраслям народного хозяйства, обслуживающим военную машину Южной Кореи.

Внешняя и внутренняя торговля

Контроль американского монополистического капитала над экономикой Южной Кореи наглядно проявляется и в ее внешней и внутренней торговле. Империалисты США контролируют южнокорейскую торговлю через Объединенный экономический совет.

«Договор о дружбе, торговле и мореплавании» и «закон о внешней торговле» предоставляют американским монополистам право беспрепятственного контроля над всей внешней торговлей Южной Кореи. Наряду с правительством США в южнокорейской внешней торговле активную роль играют частные американские торговые фирмы, число которых к 1955 г. достигло 138, т. е. почти половины общего количества всех иностранных фирм, действующих в Южной Корее. Американские фирмы наряду с обычными торговыми операциями практикуют также и контрабандную торговлю. По существу они действуют совершенно бесконтрольно.

Американские оккупационные власти оставили в силе таможенное законодательство, введенное еще японскими колонизаторами, внеся в него в интересах монополий США лишь незначительные поправки. По этому законодательству импортные тарифы не могли превышать 10% стоимости товаров; экспортные же

[15] Корейский банк реконструкции действует под этим названием с апреля 1954 г. Он предоставляет долгосрочные кредиты главным образом промышленным предприятиям Юга. До 31 марта 1954 г. именовался Корейским промышленным банком.

[16] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, ч. II, стр. 8.

товары полностью освобождались от обложения [17]. Пользуясь этим, США беспрепятственно вывозили сырье и наводняли страну своими товарами.

В сентябре 1953 г. южнокорейское «национальное собрание» под нажимом США приняло поправку к закону о таможенных пошлинах, согласно которой американские товары, поставляемые в счет «помощи», не должны были вовсе облагаться пошлинами.

В дальнейшем правительство Южной Кореи продолжает политику порто-франко импортируемых в страну американских товаров, как поступающих в порядке «помощи», так и частных [18].

Американские монополии извлекают большие прибыли, реализуя свои товары на Юге по ценам значительно выше, чем на мировом капиталистическом рынке, и скупая местные товары по заниженным ценам. Так, в 1953 г. цены на вывозимый в США вольфрам, составлявший в этом году 69% всего южнокорейского экспорта [19], были на 75% ниже мировых. С другой стороны, уголь, ввозимый из США, продавался в Южной Корее по 15—30 долл. за тонну, тогда как на международном рынке цена угля составляла 12—15 долл. за тонну [20]. По ценам, значительно превышающим международные, продаются стекло, искусственное волокно, химические удобрения и многие другие товары. Неэквивалентный обмен между США и Южной Кореей ярко свидетельствует о монопольном господстве американских миллиардеров в южнокорейской экономике.

Американские монополисты всячески ограничивают самостоятельность Южной Кореи в области внешней торговли. Они устанавливают номенклатуру товаров и определяют страны, с которыми лисынмановским властям разрешается торговать, запрещают устанавливать торговые отношения со странами социалистического лагеря [21].

США наводняют южнокорейский рынок товарами, поступающими в порядке экономической «помощи». Каков удельный вес этих товаров в общем объеме ввоза из США в Южную Корею, показывают следующие данные (%) [22]:

1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.
70,4	54,5	66,0	75,0	83,0

Наводняя Южную Корею своими товарами, США в то же время не покупают у нее те товары, в продаже которых она заинтересована, и вывозят главным образом стратегическое сырье. Это приводит к хроническому дефициту внешнеторгового баланса Южной Кореи, о чем свидетельствуют следующие данные (млн. долл.) [23]:

	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Экспорт	26,0	39,6	25,9	17,9	24,6	22,2
Импорт	56,0	153,6	77,8	103,5	66,2	68,2
Дефицит	30,0	114,0	51,9	85,6	41,6	46,0

Таким образом, за шесть лет (1952 — 1957 гг.) дефицит внешней торговли Южной Кореи составил 369,1 млн. долл.

Для покрытия внешнеторгового дефицита правительство вынуждено прибегать к долларовым займам или кредиту США, что еще более усиливает финансовую зависимость южнокорейской экономики от американского монополистического капитала. Импортируя в Южную Корею главным образом военные материалы и потребительские товары, США в то же время вывозят оттуда жизненно необходимое для развития южнокорейской экономики сырье, в первую очередь продукцию горнорудной промышленности. В 1953 г. продукция горнорудной промышленности составила 77,7% общей суммы экспорта Южной Кореи [24]. В первой половине 1956 г. доля минерального сырья в общем экспорте Южной Кореи составила 81% [25]. К концу 1957 г. экспорт меди из Южной Кореи составил 640 *т* в год. Большое место в экспорте капиталистических стран в Южную Корею занимает уголь, который ввозится в основном из США.

О заинтересованности США в южнокорейском экспорте совершенно открыто заявляют в своих официальных высказываниях американские дипломаты и государственные деятели. Так, например, выступая в 1949 г. в конгрессе США по вопросу об оказании Южной Корее экономической «помощи», администратор Управления экономического сотрудничества Поль Гофман открыто заявил, что «назначение программы Управления экономического сотрудничества — в первую очередь повысить производство экспортных товаров...» [26].

По соглашению об «экономическом сотрудничестве» от 10 декабря 1948 г. южнокорейское правительство обязалось развивать экспортные отрасли промышленности, содействовать производству и устранить все препятствия для передачи США тех матери-

[17] Приказ AMG № 116, 8 октября 1946 г. («Statement's year-book», 1948).
[18] «Far Eastern economic review», 1956, 7 June, № 23, p. 716.
[19] «Инмин» (人民), 1955, № 4, стр. 140.
[20] «Минчжу чосон», 1955, 13 апреля.
[21] Там же, 2 июня.
[22] «Минчжу чосон» 1957, 2 июня; «Новости Кореи», 1958, № 1, 5 января, стр. 20 (данные за 1956 г.).
[23] «Инмин», 1955, № 4, стр. 139, 140 (данные за 1952 и 1954 гг.); «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 98, таблица (данные за 1955 г.); «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 3 (данные за 1956 и 1957 гг.).
[24] «Инмин», 1955, № 4, стр. 140.
[25] «Economic survey of Asia and the Far East», 1956, p. 130.
[26] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 4-я сессия, дополнение № 9 (A/936), Нью-Йорк, 1949, стр. 30.

алов, которые им необходимы в связи с дефицитом или «потенциальным дефицитом» их собственных ресурсов. При этом южнокорейское правительство обязалось передать эти материалы на «разумных условиях», т. е. таких, которые будут выгодны американским монополиям. В соглашении о «взаимной обороне» от 26 января 1950 г. вновь отмечалось, что южнокорейское правительство будет содействовать производству и передаче США необходимых им материалов.

Превращение Южной Кореи в поставщика стратегического сырья ставит ее внешнюю торговлю в сильную зависимость от спроса на это сырье, в особенности на вольфрам, на долю которого приходится значительная часть южнокорейского экспорта (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес вольфрама в южнокорейском экспорте *

Год	Общий экспорт, тыс. долл.	Экспорт вольфрама, тыс. долл.	Доля вольфрама в экспорте, %
1952	26 591	16 555	62,3
1953	39 621	30 598	77,2
1954	25 912	13 096	50,5

* «Far Eastern economic review», 1956, 31 May, № 22, p. 679.

Сокращение экспорта вольфрама после 1953 г. вызвало уменьшение общего объема экспорта (см. стр. 122). В 1953 г. истек срок соглашения, по которому всю добываемую в Южной Корее вольфрамовую руду отправляли в США. США не возобновили это соглашение в связи со значительным падением цен на вольфрам на мировом рынке, и вольфрам из Южной Кореи начали вывозить частные компании. В 1953 г. было вывезено 7500 *т* вольфрамовых концентратов на сумму свыше 30 млн. долл., а за последние десять месяцев 1956 г. — 3380 *т* на 5,4 млн. долл.

До 1955 г. значительное место во внешней торговле Южной Кореи занимала Япония. По данным министерства финансов лисынмановского правительства, дефицит в торговле Южной Кореи с Японией в 1953 г. составил 66 070 тыс. долл., или 11 893 млн. хван [27].

В 1955 г. торговля Южной Кореи и Японии была временно приостановлена (в связи с разногласиями по вопросу о бывшем японском имуществе). 30 июня 1955 г. была опубликована новая

[27] «Чосон чунъан ёнгам 1954—1955» (朝鮮中央年鑑), Пхеньян, 1956, стр. 500.

программа торговли с Японией, предусматривавшая объем экспорта и импорта в размере 43 млн. долл. По этой программе запрещались всякие сделки с японскими фирмами, поддерживавшими торговые связи со странами социалистического лагеря. С 14 октября 1955 г. торговля с Японией была возобновлена, но объем ее расширился незначительно.

Стремясь сократить пассивность внешнеторгового баланса, лисынмановское правительство пытается расширить свой экспорт. В начале 1958 г. торговая делегация Южной Кореи в составе 21 человека, возглавляемая редактором газеты «Кёнчже ильбо», посетила Южный Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Сингапур и Австралию, чтобы изучить возможности сбыта корейских товаров [28]. По мнению главы этой делегации, для развития южнокорейской торговли необходимо заключить торговые соглашения со странами Юго-Восточной Азии, так как оттуда можно ввозить каучук, лесоматериалы, сахар-сырец и другие необходимые товары. В свою очередь страны Юго-Восточной Азии могли бы покупать у Южной Кореи продукты морского промысла, фрукты, консервы и пр.

Углубляющиеся с каждым годом затруднения во внешней торговле Южной Кореи вызывают все более настойчивое стремление южнокорейских деловых кругов установить торговые отношения с КНДР. По сведениям корреспондента индийской газеты «Дели таймс», южнокорейские торговцы, которые в начале 1958 г. прибыли в Сянган (Гонконг), заявили, что идея о необходимости установления экономических связей между обеими частями Кореи неуклонно укрепляется в деловых кругах Юга.

Искусственное расчленение страны вызывает определенное недовольство деловых кругов Южной Кореи. Усилению настроений в пользу экономического сближения с Севером способствуют неоднократные призывы правительства КНДР к восстановлению свободы передвижения и почтово-телеграфных связей, к культурным и торговым контактам между обеими частями страны. В южнокорейских деловых кругах растет недовольство недальновидной политикой властей, которые в своем стремлении угодить Вашингтону пренебрегают экономическими интересами родины. В среде корейской буржуазии возникли планы создания парламентской лиги содействия экономическому сближению с Севером. Необходимость установления торговых отношений с КНДР настолько очевидна, что эти планы поддерживают даже некоторые члены правящей либеральной партии.

Налаживание торговых связей с КНДР в известной мере могло бы способствовать оздоровлению внешней торговли Южной Кореи. Однако южнокорейские марионеточные власти меньше

[28] Следует указать, что южнокорейское правительство и до этого проводило переговоры с Филиппинами, Южным Вьетнамом и чанкайшистскими властями на Тайване о заключении торговых соглашений, однако эти переговоры не увенчались успехом.

всего заинтересованы в восстановлении экономики и развитии ее торговли. Лидеры правящей либеральной партии отказываются принять предложение правительства КНДР о создании совместной комиссии по экономическому и культурному сближению между Севером и Югом Кореи.

Одной из характерных черт экономики современной Южной Кореи является все усиливающаяся диспропорция между ее производственными и непроизводственными отраслями. Особенно ярко это проявляется в соотношении промышленного производства и торговли. Это объясняется сокращением производства в национальной промышленности и массовым ввозом в страну американских товаров. В 1957 г. промышленное производство Юга сократилось до одной пятой уровня 1940 г., а по сравнению с 1949 г.— на 26%.

Одновременно объем товаров, проходящих через торговую сеть, возрос более чем в два раза.

Американские монополии всячески стремятся воспрепятствовать развитию нормальных торговых связей Южной Кореи, устанавливая высокие таможенные пошлины для товаров других стран. Наряду с этим империалисты США фактически препятствуют торговой деятельности мелких и средних корейских предпринимателей. Правительство Ли Сын Мана, способствуя, по указке Соединенных Штатов, развитию торгового предпринимательства американских дельцов, запретило деятельность южнокорейских торговых фирм с месячными оборотами меньше 2 млн. хван. Контролируемая США экономическая политика лисынмановского правительства приводит к тому, что годовой объем внутренней торговли Южной Кореи остается на крайне низком уровне. Так, в 1955 г. он достиг всего лишь 70 тыс. долл. Это вызывает разорение южнокорейских предпринимателей. В 1955 г. 100 мелких и средних торговых фирм (из 350) разорились [29].

Разорение торговых предприятий вызывается также резким снижением покупательной способности южнокорейского населения из-за общего упадка южнокорейской экономики. Так, например, в июне 1957 г. по сравнению с январем того же года обращение товаров в Южной Корее упало на 14% [30] и проявляет тенденцию к дальнейшему понижению.

Несмотря на то что в Южную Корею в большом количестве ввозятся американские товары, в стране резко ощущается товарный голод и бурно растут цены.

Наибольший рост цен наблюдается на товары первой необходимости, продукты питания и топливо. Южнокорейский журнал «Хангук ынхэн чоса вольбо» приводит следующие данные об индексе розничных цен (1947 г. = 100) [31]:

	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г. (январь)
Все товары	10 319,5	17 483,3	21 694,7	27 093,3
В том числе:				
продукты питания	9 548,4	16 806,2	22 036,7	26 906,7
одежда	7 109,5	10 435,2	11 103,6	12 261,7
топливо	17 959,5	29 769,3	34 167,8	46 234,4
прочие товары	4 770,9	7 114,8	8 722,4	10 298,2

Рост цен продолжался и в 1958 г. Например, в начале мая 1958 г. мешок риса стоил 14,6 тыс. хван, в конце мая — 14,9 тыс. хван, а в середине июня — 15,6 тыс. хван.

Нехватку продовольствия и высокие цены на него империалисты США используют в корыстных целях, навязывая свои товары корейскому народу по ценам значительно выше мировых, что ведет к усилению эксплуатации и обнищанию трудящихся масс Южной Кореи.

Для Южной Кореи характерно наличие «черного рынка», где царят невиданно высокие цены по сравнению с ценами официального внутреннего рынка. Черный рынок играет определенную роль в экономике Южной Кореи, поскольку официальный рынок не в состоянии удовлетворить потребности населения. Господствующее положение на черном рынке принадлежит американским дельцам и главным образом представителям оккупационной армии. Наличие черного рынка привело к катастрофическому обесценению южнокорейской валюты. Если учесть, что черный рынок, как правило, связан с контрабандной торговлей, то можно представить, что благодаря наличию черного рынка американские империалисты получают немалую дополнительную прибыль от реализации своих товаров.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о глубоком кризисе в финансовой системе, внешней и внутренней торговле Южной Кореи. Все более ухудшающееся положение финансов, внутренней и внешней торговли Южной Кореи свидетельствует о пагубном влиянии на ее экономику политики империалистических кругов США, превращающих юг страны в стратегический плацдарм и аграрно-сырьевой придаток американских монополий.

---

[29] «Кынночжа» (근로자), 1955, № 8, стр. 123.

[30] «Нодон синмун», 1957, 29 декабря.

[31] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 52. — Данные приводятся без учета инфляционной конъюнктуры.

Глава VIII

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

В условиях, когда идеи марксизма-ленинизма овладевают сознанием все новых и новых миллионов людей, когда победа социализма в СССР и успехи социалистического строительства в странах народной демократии вызывают все более горячее одобрение и сочувствие широких слоев трудящихся, империалистическая буржуазия придает все большее значение «идеологической обработке масс, извращает социализм и клевещет на марксизм-ленинизм» [1].

Основное содержание американской пропаганды в Южной Корее, как и в других странах Азии и Африки, сводится к восхвалению роли империализма США на Востоке, «американского образа жизни», американской внешней политики и «помощи» экономически слабо развитым странам. Одновременно империалистическая пропаганда изощряется в клевете на социалистический лагерь, на внешнюю политику социалистических стран, на социалистическую идеологию. При этом особенно большое внимание она уделяет попыткам оклеветать Корейскую Народно-Демократическую Республику и ослабить огромное влияние успехов КНДР на народные массы Южной Кореи.

Идеологическая экспансия США охватывает все области общественно-политической и культурной жизни Южной Кореи.

Всячески поддерживая американскую пропаганду, лисынмановская реакция создала широко разветвленный аппарат идеологической обработки населения, различные организации, союзы, общества, которые изо дня в день насаждают в массах свое тлетворное влияние. В числе этих организаций можно назвать «Лигу всеобщей мобилизации сил страны», «Общество культурной связи Кореи с США», «Лигу по распространению современных идей», «Объединенный союз культурных организаций», «Лигу работников свободного искусства», «Общество моральных принципов» и многие другие. Если учесть, что, кроме того, в Южной Корее лисынмановцами созданы реакционные профсоюзы и крестьянские общества, женские и молодежные организации, деятельностью которых непосредственно руководит проамериканская либеральная партия, то становится ясным, какого размаха достигла в Южной Корее идеологическая экспансия.

[1] «Декларация совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 года», М., 1957, стр. 13.

Для идеологической обработки населения мобилизованы разнообразные средства: информационные агентства, радиопропаганда, печать, церковь, миссионерские организации. Активными проводниками американского влияния являются разного рода «советники», «эксперты», и «специалисты», а также организации «помощи», действующие под вывеской международных или американских, например ЮНКРА.

Вся деятельность южнокорейского правительства в области идеологии подчинена внешнеполитическим целям американского империализма. Включившись в кампанию идеологического наступления против коммунизма, южнокорейские реакционеры стремятся опорочить миролюбивую политику социалистических стран. Ли Сын Ман и его клика изо дня в день сеют ненависть к КНДР, к Народному Китаю и Советскому Союзу.

В клеветнической пропаганде, распространяемой южнокорейскими реакционерами, отражается общая линия политики заокеанских империалистов, вынашивающих планы насильственного свержения существующего строя в социалистических странах, в том числе и в Корейской Народно-Демократической Республике.

Пытаясь обелить империалистическую политику США и других западных держав, лисынмановская пропаганда распространяет клевету о «коммунистическом империализме» и об угрозе так называемому «свободному миру». Мнимой коммунистической угрозой южнокорейские реакционеры стараются оправдать свои военные приготовления к «походу на Север».

Американо-лисынмановской пропаганде противостоит миролюбивая политика Корейской Народно-Демократической Республики, борющейся за справедливое разрешение корейской проблемы, за объединение страны на мирной демократической основе. Эта политика находит сочувствие и поддержку во все более широких слоях южнокорейского населения.

Историко-философские концепции южнокорейских реакционеров

Своеобразной теоретической основой реакционной пропаганды в Южной Корее служат различные американские идеалистические концепции, в особенности философия прагматизма, наиболее удобная для защиты империалистической политики, пропове-

дующая бесполезность классовой и национально-освободительной борьбы народных масс. Обоснованный в трудах таких реакционных американских философов, как Чарлз Пирс (1839—1914), Уильям Джемс (1842—1910) и Джон Дьюи (род. в 1859 г.), прагматизм является одной из наиболее распространенных философских школ современной Америки. В нем ярко выражен дух безудержного капиталистического предпринимательства, не признающего ничего, кроме выгоды и успеха в наживе.

Отрицая объективные законы общественного развития и решающую роль народных масс в истории, прагматизм глубоко враждебно относится к активной деятельности и борьбе масс, направленной на изменение существующего строя. В свое время не кто иной, как Муссолини, называл Джона Дьюи «зачинателем фашизма» [2].

В отличие от основателей американской прагматической философии, выступавших с откровенной проповедью человеконенавистничества, их южнокорейские последователи вынуждены больше маневрировать, маскировать антигуманистическую сущность этой философии общими фразами о «любви к человеку», о вере в человеческий разум и пр. Однако все их разглагольствования сводятся к ничего не значащим высокопарным словам во славу некоего отвлеченного, абстрактного человека.

В этом отношении любопытна появившаяся на страницах южнокорейского журнала «Сасанге» статья «В защиту человека» [3]. Вступая в показную полемику со сторонниками экзистенциалистской философии, сущность которой сводится к проповеди ничтожности человеческого существования по сравнению с величием вселенной, ибо, по мнению экзистенциалистов, человек не может познать окружающий мир, автор статьи, Сон У Сон, пропагандирует так называемую идею защиты человека. В качестве своего основного девиза он использует положение древнегреческого философа-софиста Протагора (481—411 гг. до н. э.) о том, что «человек является мерой [мерилом] всех вещей». Этот принцип он толкует в духе американского прагматизма и в интересах оправдания реакционной политики американских империалистов и лисынмановского правительства.

Сон У Сон утверждает, что человеческие понятия и разум формируются не под влиянием окружающего мира, а вырабатываются самим человеком (следовательно, они связаны только с внутренней природой человека) и «имеют мало общего с окружающим миром» [4].

Отрыв человека от окружающей материальной среды, отрицание всякой исторической закономерности и возведение человеческого разума в абсолют или категорию, не зависящую от

[2] «Чосон мунхак» (조선문학), Пхеньян, 1957, № 10, стр. 121.
[3] «Сасанге» (思想界)Сеул, 1957, № 52, стр. 31—38.
[4] Там же, стр. 34.

исторических законов, продиктованы определенными политическими и классовыми интересами южнокорейских реакционеров. Лисынмановский «философ» прежде всего стремится оправдать грабительскую войну, которая подготовляется американскими империалистами.

Неизбежность этой войны Сон У Сон пытается вывести из различия идеологических систем, существующих в современном мире. Исходя из предпосылки, что идеи (разум) правят действиями людей, он приходит к выводу, что «столкновения принципов могут вызвать бедствия, подобные войне».

Автор использует дешевые демагогические приемы для нападок на коммунистическую идеологию, которая завоевывает все большие массы людей на земле, в том числе и в Южной Корее. Борьбу против коммунизма он решил вести с субъективистской позиции защиты «человека вообще». Но позиция автора как защитника капиталистического строя и политики американского империализма вполне проясняется тогда, когда он подходит к оправданию войны. В условиях могучего движения народов за мир все труднее и опаснее становится открыто призывать к войне, и на словах Сон У Сон выступает против войны. Но тут же он демагогически заявляет: «Именно потому, что мы высоко ценим жизнь людей, мы решительно отвергаем проповедуемую слепыми пацифистами идею упразднения войны» [5]. Таким образом, под предлогом защиты жизни человека и т. п. делается попытка оправдания войны. При ближайшем рассмотрении философия «защиты человека» оказывается средством утонченной защиты интересов американского империализма и южнокорейских реакционеров.

В том или ином виде все наиболее модные в США философские и социально-политические концепции немедленно подхватываются и распространяются южнокорейскими пропагандистами.

На страницах журнала «Сасанге» рекламируются, например, концепции «американской политической философии», развиваемые профессором Иэльского университета Хенделом. Отказываясь от анализа конкретных социально-экономических условий, Хендел рассматривает основные тенденции политического развития США с точки зрения пресловутой формулы «единства во множестве», на основе которой он приходит к выводу о необходимости американского руководства миром [6].

Различные вариации волюнтаристской философии американских прагматистов широко используются реакционными правящими кругами Южной Кореи.

Исходя из этой субъективистской философии, они грубо фальсифицируют историю Кореи в духе, угодном империалистам

[5] Там же, стр. 38.
[6] Там же, стр. 39—43.

США и корейской реакции. В этой фальсификации значительное место занимает идеализация личности Ли Сын Мана[7], изображаемого в качестве борца за независимость и демократическое развитие Кореи. Так, автор статьи о Ли Сын Мане, опубликованной в журнале «Фар истерн экономик ревью», пишет, что свои «демократические принципы», которые послужили основанием для конституции и преобразований в Южной Корее, Ли Сын Ман разработал еще в 1904 г.[8] Разумеется, при этом полностью замалчивается роль влиятельных американских деловых кругов в выдвижении на политическую арену Ли Сын Мана, равно как и хлопоты последнего в пользу империалистов — обещание открыть широкий доступ в Корею иностранному капиталу, агитация (во время Вашингтонской конференции 1921 — 1922 гг.) за передачу Кореи под американский мандат и многое другое.

Особенно усердно фальсифицируется в американо-лисынмановской историографии возникновение и характер войны 1950—1953 гг. в Корее. В ней повторяется затасканная американская версия о «коммунистической агрессии», придуманная для оправдания истинных организаторов и поджигателей войны. Стараясь представить империалистическую интервенцию в Корее как образец осуществления принципа «коллективной безопасности», агрессивные круги США рассчитывают и в дальнейшем подготовку новой войны прикрывать лживыми лозунгами о защите «безопасности» так называемого «свободного» (т. е. капиталистического) мира. И эту тенденцию можно видеть во всей англо-американской реакционной литературе, посвященной войне 1950 — 1953 гг.

Авторы расходятся во взглядах по частным вопросам, уделяют большее или меньшее внимание тем или иным проблемам, но все они стремятся оправдать агрессоров[9]. При этом, конечно, тщательно замалчивается вопрос о подлинных целях политики США, рассчитывавших на установление своего господства во всей Корее. Именно оправданию их политики на Дальнем Востоке и интервенции США в Корее подчинена вся эта грубая фальсификация исторических событий.

В связи с растущим движением против колониализма лисынмановских пропагандистов все более заботит необходимость скрыть прямую зависимость реакционного южнокорейского режима от американского империализма. Поэтому делаются попытки представить его в качестве самобытной демократии, выросшей на чисто национальной почве в соответствии с историческим опытом корейского народа. В этом отношении показательна статья одного южнокорейского публициста, напечатанная в журнале «Фар истерн экономик ревью»[10]. Объявив ошибочным подход к политическому развитию Кореи с точки зрения философских принципов и исторических традиций Запада, автор заявляет: «Корни наших (т. е. южнокорейских. — *Ред.*) политических институтов уходят глубоко в богатую почву нашей собственной четырехтысячелетней истории, и корейская система не менее самобытна и своеобразна, чем американская».

Сей новоявленный теоретик пытается доказать, что «основу национальной демократической традиции в Корее» составляли «прагматически выработанные» социальные и политические институты. При ближайшем рассмотрении они оказываются всего-навсего идеализированными институтами феодально-патриархальной старины.

«В основании нашего общества, — пишет этот автор, — покоится устойчивая семейная система. Вместо американского идеала, по которому каждый сын должен стремиться занять более высокое общественное и экономическое положение, чем его отец, нашим идеалом было то, чтобы каждый член семьи делал все возможное для обеспечения общего благополучия всех своих близких.

Следующей по величине социально-политической единицей была деревенская община...

И наше национальное правительство первоначально было организовано для того, чтобы обеспечить общенациональную устойчивость и максимальную справедливость при решении на местах всех дел по личным вопросам. Провинциальные администраторы всегда находились под строгим контролем общественного мнения. В течение веков существования монархической системы короли рассылали по стране тайных ревизоров, дабы не допустить нигде нарушения чувства справедливости простого народа и не вызывать его огорчений. Право прямой петиции к трону всегда признавалось даже за самым низким из подданных. Ввиду того что всегда были открыты каналы для постепенных реформ, наша история была исключительно свободна от революционных вспышек».

Здесь грубо искажается корейская история. Факты повествуют отнюдь не об идиллическом правлении справедливых и гуманных монархов, а о жестоком угнетении народа феодальными

---

[7] К образчикам фальсифицированной биографии Ли Сын Мана следует отнести в первую очередь книгу Роберта Оливера с громким названием «Человек, стоящий выше легенды» (R. T. Oliver, *Syngman Rhee. The man behind the myth*, New York. 1954).

[8] «Syngman Rhee, the president of the Republic of Korea» («Far Eastern economic review», 1955, vol. XIX, № 10, 8 September, p. 296—298).

[9] R. M. Poats, *Decision in Korea,* with an introduction by G. F. Elliot, New York, 1954; R. C. W. Thomas, *The war in Korea,* Aldershot, 1954; G. Wint, *What happened in Korea. A study in collective security,* London, 1954; См. обзор в журн.: «Pacific affairs», 1955, vol. XXVIII, № 4, p. 391; C. A. Willoughby and J. Chamberlain, *McArthur, 1941—1951,* New York, 1954, p. 441; см. обзор в журн: «Pacific affairs», 1956, vol. XXIX, № 1, p. 73—74.

[10] Byo Wook Han, *Korea's démocracy* («Far Eastern economic review», 1956, vol. XX, № 10, 8 March, p. 297, 298).

властителями, против которых не раз поднимались грозные народные восстания. Боязнь революционного национально-освободительного движения заставляет автора искажать общеизвестные факты истории Кореи и выдавать феодально-деспотическую власть прошлого за идеал демократического управления, за основы «национальной демократии».

Рекламируя унаследованные от феодализма порядки как необходимый элемент демократии, лисынмановский пропагандист стремится тем самым доказать, будто существующий в Южной Корее полицейский режим есть именно та система, которая полностью соответствует специфическим условиям страны. «Под руководством президента Ли Сын Мана, — пишет он, — мы начали эволюцию по новому (?!) пути республиканской демократии, в которой нашли необходимым сохранить принципы, прагматически добытые в течение сорока веков...» Вместе с тем автор пытается замаскировать марионеточный характер лисынмановского режима, демагогически заявляя, что между ним и американской политической системой существует «коренное различие». Так с помощью националистической демагогии лисынмановская реакция рассчитывает убедить народные массы в том, что южнокорейское государство является независимым.

Наряду с пропагандой национальной специфики южнокорейской «демократии» большое место в идеологической обработке масс играет социальная демагогия. Через реакционные профсоюзы лисынмановцы распространяют версии о «народном капитализме», о сотрудничестве между рабочими и капиталистами и др.

Эти приемы националистической и социальной демагогии служат интересам американского империализма в его борьбе против национально-освободительного движения в Азии. Поэтому американские ставленники Ли Сын Ман и другие кричат об общей борьбе с «коммунистической активностью» и о так называемой защите «ценностей азиатской цивилизации».

Гораздо более откровенно о южнокорейской марионеточной демократии отзываются сами американцы. Касаясь так называемой «демократизации» Южной Кореи оккупационными властями, американские авторы Брус Мейсон и Уильям Говард пишут в журнале «Уорлд афферс» [11], что США вошли в «необходимый союз с теми или иными антикоммунистическими лидерами», поэтому «умеренные и либеральные партии... почти всегда оттеснялись с арены политической борьбы». Журнал вынужден признать, что «еще не обеспечены условия ни для действительного свободного и демократического общества, ни для удовлетворения скрытых требований экономических и социальных реформ... Можно только надеяться, — пишут далее эти авторы, — что когда

[11] B. B. Mason and W. C. Havard, *Democratisation of Korea* («World affairs», Quarterly, 1955, Spring), p. 9—12.

здесь (т. е. в Южной Корее. — *Ред.*) и в других зонах будет преобладающим американское влияние, тогда будут найдены средства, с помощью которых можно претворить идею Джона Стюарта Милля о возлагаемой на нацию ответственности за воспитание прежде зависимых политических единиц до уровня, когда может утвердиться представительное управление». Таким образом, «демократизация» используется лишь как предлог для утверждения американского господства.

Упадок южнокорейской литературы и искусства

В распространении американской империалистической идеологии большую роль играет реакционная южнокорейская литература. Ее эстетика основана на философии прагматизма и политических концепциях космополитизма, призванных подорвать сопротивление народных масс американской экспансии, парализовать их стремление к национальной независимости и подлинно демократическому развитию. «Вместо принципов нации и класса,—заявляет южнокорейский критик Ан Бён Ук в статье „Черты нового мировоззрения", — нам необходимы принципы человечества и мира» [12].

Реакционные эстеты ведут яростную борьбу против реализма и особенно реалистической литературы, ставящей острые вопросы современной жизни, проповедуют мистику. Так, уже упоминавшийся Сон У Сон заявляет, что «искусство должно получать указания всевышнего духа» [13]. Южнокорейские реакционные писатели, следуя своим духовным вождям — американским империалистам, проповедуют культ силы, успеха («успех оправдывает средства»), теорию «социальной кооперации» и пр.

Большое распространение получили в Южной Корее эстетические теории Джона Дьюи, его космополитическая проповедь о «мировой республике искусства» и идея о «моральном усовершенствовании человека» или о переделке человеческой сущности. Эта переделка мыслится как удовлетворение «свойственных человеку желаний и потребностей», сводящееся в конечном итоге к восприятию пресловутых «американских свобод». Южнокорейские реакционные писатели воспевают половую распущенность, безразличие к общественным проблемам и пр. Все эти теории рассчитаны на то, чтобы духовно разоружить народные массы перед лицом империалистической агрессии, сломить в людях волю к борьбе за лучшую жизнь.

Южная Корея наводняется мутным потоком беллетристики, несущей нигилизм и ненависть к человеку, оплевывающей все возвышенные идеалы и патриотические чувства, стремящейся воз-

[12] Цит. по журн.: «Чосон мунхак», 1957, № 10, стр. 125.
[13] Там же, стр. 123.

будить в человеке низменные звериные инстинкты. Такие южнокорейские писатели, как, например, Ким Дон Ни и Пак Ён Чжун, своими вещаниями о «конце мира» стараются возбудить в людях страх и пессимизм, отнять у них веру в будущее.

Как правило, герои большинства южнокорейских произведений — слабовольные, морально разложившиеся, психически ненормальные люди. Американский писатель Элмо Райс, наставляя своих южнокорейских коллег, писал в журнале «Мунхак есуль»: «В современной литературе основные мотивы — это одиночество и предательство родителей [детьми], извращенные половые отношения и моральная опустошенность, преступность малолетних, ограбление, страх и другие чувства и поступки, свойственные человеку» [14]. Все эти мотивы можно встретить во многих произведениях южнокорейских литераторов.

Директор так называемой «Художественной палаты» Южной Кореи Ко Хи Дон писал в газете «Сеул синмун»: «Наши деятели литературы и искусства не проявляют и не желают проявлять никакого интереса к политической и экономической жизни страны. Они живут только одной мечтой: творить, творить и творить...» [15].

Чему же посвящены усилия этих «творцов»? В 1957 г. «премия культуры» лисынмановского правительства была присуждена писателю Хван Сун Бону, автору романа «Каин Хусон» («Потомки Каина»). Об этом «шедевре» критик Ли Чун На, захлебываясь от восторга, пишет: «„Потомки Каина" примечательны тем, что это произведение не реалистично, а лирично и мистично...» [16]. В нем автор призывает сбросить все одежды и вести жизнь Адама и Евы.

Содержание произведений реакционных южнокорейских писателей часто сводится к неприкрытому сексуализму. И в этом сказывается разлагающее влияние реакционной американской литературы. Недаром корейцы говорят: «От мутного верховья не жди чистой воды».

Возьмем для примера роман ведущего южнокорейского писателя Рём Сан Соба «Худот чхим» («Обострение болезни») [17]. Автор задался целью воспеть любовь, не знающую никаких преград и моральных барьеров. Герои романа — развращенный юноша и его невестка Ён Хи. Кредо юноши: «Время — деньги, спеши насладиться жизнью». Для него ничего не стоит разбить семью своего брата, вступив в связь с его женой. Ён Хи пришла в дом мужа честным и чистым человеком. Но вот ее соблазняет младший брат мужа. И тут происходит мгновенное «перевоплощение» этой женщины. Она становится лживой, циничной, развратной.

[14] «Мунхак есуль» (文學藝術), Сеул, 1956, № 4, стр. 186.
[15] «Сеул синмун» (서울新聞), 1957, 26 ноября.
[16] Там же, 3 декабря.
[17] 텀상섭, 후덧침, 서울, 1955년.

На протяжении десятков страниц романа писатель с упоением повествует о похождениях своей героини. Ён Хи окончательно запуталась в своих отношениях с братом мужа и, как загнанный зверь, начинает метаться, обманывать, совершать один за другим постыдные поступки. Морально опустошенная, растратившая молодость на любовные похождения, женщина гибнет.

Роман «Обострение болезни» — не случайное явление в творчестве Рём Сан Соба, а закономерный итог всей его предыдущей литературной деятельности. Рём Сан Соб вступил на литературную стезю еще в начале 20-х годов и уже тогда проявил себя откровенно реакционным писателем. В 1925 г., когда организовалась Корейская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), Рём Сан Соб обрушился с нападками на прогрессивных деятелей искусства и литературы Кореи, пропагандировал теорию «чистого», «надклассового» искусства, чем в немалой степени помогал колонизаторам затуманивать национальное самосознание корейского народа. Ныне Рём Сан Соб придерживается своего старого курса.

Как уже отмечалось выше, излюбленными мотивами творений южнокорейских литераторов являются пессимизм, уныние. «Проблеме» неотвратимости предначертанной человеку судьбы посвящен рассказ Пак Ён Чуна «Ёсон ёхян» («Прихоть женщины»). Героиня рассказа бросает мужа и уходит в дом к человеку, больному туберкулезом, которого она не любит. Она делает это отнюдь не из гуманных побуждений, а просто из прихоти. Мораль писателя заключена в словах героини: «Я всегда со страхом думаю о завтрашнем дне, я ему не верю, как не верю себе. Не знаю, как дальше жить, где найти успокоение...»

Пессимизмом, унынием проникнуто и стихотворение Пак Сон Рена «Падение» (заметим попутно, что поэт дал стихотворению английское название: «Fall») [18]:

Сильный ветер подул в саду,
Спелые яблоки падают вниз.
Так бывает всегда — созрев,
Плод неизбежно должен погибнуть.
Дверь террасы раскрыв, старик
Вышел во двор, но, споткнувшись, упал.
Видно, так будет — и скоро! — со мной,
Свергнут буду с высоты пьедестала...

Далее в подтверждение неотвратимости «злого рока» Пак Сон Рен говорит о том, что все клонится к закату, даже солнце и многочисленные звезды, свет которых сегодня якобы не так уж ярок, как вчера. «А что по сравнению с ними человек?» — спрашивает поэт, и сам же отвечает: «Ничто». «Человек — это

[18] «Сасанге», 1957, № 11, стр. 305.

ничто» — такую идею проводит не только Пак Сон Рен, но и ряд других поэтов и писателей Южной Кореи.

Не случайным является тот факт, что многие из них дошли до полного отрицания богатого наследия корейской литературы, ее прогрессивных национальных традиций. Так, в 1957 г. южнокорейский журнал «Мунхак есуль» писал: «В нашей классической литературе начиная с „хянга" периода королевства Силла, стихов периода Пэкче и Корё и кончая поэзией династии Ли и народным эпосом „Сказание о девушке Чхунхян", — во всем этом, честно говоря, мы не можем найти каких-либо полезных для нас традиций» [19]. Конечно, свободолюбивые гуманистические традиции корейской литературы не устраивают реакционных южнокорейских литераторов, преклоняющихся перед иностранной растленной культурой. Понятно, что писатели типа Рём Сан Соба или Хван Сун Бона не могут узреть «каких-либо полезных традиций», например, в народном эпосе «Сказание о девушке Чхунхян», в этом поэтическом повествовании о преданной чистой любви, о победе справедливости над пороком и злом. Действительно, что может быть общего между «Потомками Каина» и «Сказанием о девушке Чхунхян» — образцом высокого гуманизма?

Отвергая сатиру Пак Ён Ама, поэзию Ким Сат Ката, корейскую классическую повесть, не признавая гуманистических, свободолюбивых традиций корейской литературы прошлого, реакционные писатели Южной Кореи показывают, как далеки и чужды им и эти традиции, и национальная гордость, и творчество корейского народа.

Немаловажное место в реакционной литературе занимает так называемая антикоммунистическая линия, основным содержанием которой является безудержная злобная клевета на социалистические страны, особенно на КНДР.

Некий Хван Сун Бон в рассказе «Сан» («Гора») преподносит читателю грубый пасквиль на положение населения в Северной Корее, на бойцов Корейской Народной армии. Весь мир восхищался мужеством корейских воинов, сумевших в тяжелых битвах отстоять свою родину от иноземных агрессоров, их высокими моральными качествами, гуманизмом. Но Хван Сун Бон пишет не об этом. Герой его повести Ба У, боец Корейской Народной армии, изображен невеждой, мародером, убивающим мирных жителей.

Другой писатель, Цой Ин Ик, в рассказе «Орин пхихэчжа» («Маленький беглец») [20] злобно клевещет на КНДР и называет ее краем «красных насильников», которым чужды понятие национального долга и человеколюбие.

Южнокорейские реакционные писатели воспевают культ силы,

[19] Цит. по газ.: «Мунхак синмун» (문학 신문), Пхеньян, 1957, 27 октября.
[20] «Хёндэ мунхак» (現代文學), Сеул, 1957, № 7, стр. 94.

проповедуют агрессию и реваншизм, разжигают животные инстинкты и человеконенавистничество. «Мы все со львиным рыком пойдем на Север», — говорится в стихах некоего О Сен Суна. К тому же призывают песенки «Сипхорон чхан» («Блестящие штыки»), «Пхи кап» («Кровавая месть») и др.

Проповедуемый реакционными южнокорейскими «деятелями культуры» культ силы откровенно выражен «критиком» Ли Мен Ок. Говоря, что «в нашей жизни трудно разобраться, где добро и где зло», она заявляет: «Если истина и совесть не могут противиться силе, они должны преклониться перед ней...» [21].

Несмотря на засилье империалистической пропаганды, резкая дифференциация политических сил в Южной Корее и растущее освободительное демократическое движение народных масс, направленное против иноземного господства, против террора, нищеты и бесправия, против подавления национальной культуры, не могли не оказать влияния и на буржуазную южнокорейскую литературу. В какой-то мере это проявилось в литературном течении, именуемом «сильчончуи», последователи которого печатаются обычно в журнале «Син тхэян». Видный представитель этого течения писатель Ким Гван Чжу заявляет, что оно «играет роль своеобразного протеста против угнетения человека, против несправедливостей жизни». Идеологи «сильчончуи» полагают, что они стоят чуть ли не на позициях критического реализма и именуют себя писателями «реалистических принципов».

Если говорить об отдельных произведениях писателей этой группы, то можно отчасти согласиться с Ким Гван Чжу. Некоторые из этих писателей, отображая южнокорейскую действительность, хотят они этого или нет, рисуют порой верную картину жизни. Однако они стараются уйти от острых политических вопросов, отрицают объективные общественные закономерности. Их формула — «раз жизнь так устроена, значит она и должна быть такой».

В этом смысле показательно стихотворение поэта Чо Нам Ду «Кёуль киресо» («На зимней дороге») [22]:

Будто преступник, согнувшись бреду.
В голове — невеселые, смутные думы...
Из машины на снег стекает бензин.
Кто виновник? А что мне за дело!
Ассигнации, словно осенние листья, летят.
А вот рука чья-то тянется, моля,—
Слышу дыхание незнакомца.
Но я бреду... А куда?

Видимо, не знают, куда они бредут, и сами последователи «сильчончуи». Они не хотят задуматься над тем, почему одни

[21] «Сеул синмун», 1956, 3 августа.
[22] «Син тхэян» (新太陽), Сеул, 1956, № 2, стр. 96.

разбрасывают ассигнации, «словно осенние листья», а другие вынуждены просить подаяние. «Так жизнь устроена, ничего не поделаешь» — вот вывод, который вытекает из творчества Чо Нам Ду, из произведений Чон Хуна, Хан Хык Ку и других представителей «сильчончуи». Болезненная психика людей, травмированных войной и нуждой, чувство страха и бессилия перед ходом событий — таковы исходные мотивы творчества этих литераторов.

Писатели «сильчончуи» наивно думают, будто они свободны в своем творчестве, будто оно служит обществу, а не тому классу, к которому они сами принадлежат. Заявления этих писателей о том, что они за «надклассовую», «беспартийную» литературу, опровергаются уже самим содержанием их творчества, их подходом к разрешению жизненных проблем. Кому выгодно утверждение: «если жизнь так устроена, значит она и должна быть такой»? Только господствующим классам, а не трудовому человеку, который не может мириться со своим угнетенным положением и хочет борьбой добиться улучшения жизни.

В условиях Южной Кореи течение «сильчончуи» весьма симптоматично. Оно отражает в конечном счете недовольство части национальной буржуазии установленными в Южной Корее порядками и, вопреки воле своих идеологов, способствует разоблачению южнокорейского реакционного режима.

В последнее время под влиянием исторических успехов КНДР, в обстановке усиливающегося наступления лисынмановской реакции на народные массы Южной Кореи активизируется прогрессивное крыло южнокорейской литературы. На его формирование и рост огромное влияние оказывают произведения писателей КНДР, проникающие в Южную Корею, несмотря на запрет лисынмановских властей.

Отрадно отметить, что число прогрессивных писателей Юга растет. К их произведениям проявляет большой интерес и общественность КНДР. Так, в июле 1957 г. в журнале «Чосон мунхак», издающемся в Пхеньяне, был перепечатан рассказ южнокорейского писателя Ким Сона «Чхон кэгури» («Зеленая лягушка»), в котором автор воссоздал правдивую картину жизни учащихся Южной Кореи. По пхеньянскому радио неоднократно передаются рассказы южнокорейских писателей, например рассказ Ким Гван Сика «213 хочутхэк» («Дом № 213»).

В октябрьском номере южнокорейского журнала «Хёндэ мунхак» за 1956 г. помещен рассказ О Ен Су «Чеби» («Ласточка»). Остановимся коротко на этом произведении.

Своеобразен художественный прием писателя, построенный на противопоставлении судеб двух семей—ласточек и людей. Весна, говорит автор, самая счастливая пора для ласточек. Они влюбляются, вьют гнезда, выводят птенцов. Одна такая счастливая семья ласточек поселилась под крышей дома, где жила старая женщина, ее сын и шестилетний внук. Ласточки не могли

нарадоваться своим счастьем, своими птенцами. Но однажды отец улетел с другой ласточкой. Мать не смогла одна прокормить птенцов, они умерли с голоду, и сама ласточка тоже погибла. Так судьба отняла счастье у семьи ласточек.

А что стало с семьей старой женщины? Писатель, от лица которого ведется рассказ, однажды встретил на дороге ее сына. Он просил подаяние. «И я взялся за свой блокнот, — говорит писатель. — „Никуда от нищеты не скроешься", записал я». Вот пример этой человеческой семьи. Сын ушел из семьи, так как не мог прокормить старую мать и ребенка. Нашел ли он счастье? Нет. Стали ли лучше жить те, кого он покинул? Нет. Ничего не изменилось от того, что он пошел искать работу и счастье.

«Где же твоя родина, парень? — спрашивает писатель. — Где ваша весна, ласточки?» Ответ вытекает из самого рассказа: есть родина у оставшегося без средств к существованию парня, но ее топчет по сей день иноземный пришелец. Весной для населения Южной Кореи было освобождение страны, но эту весну отняли у него те же пришельцы, обрекшие народ на тяжелую, безрадостную жизнь. Весь рассказ пронизан чувством протеста против несправедливости установленного в Южной Корее строя.

Рассказ О Сан Вона «Моран» («Пион») еще более наглядно раскрывает перед читателем тяжелую действительность сегодняшней Южной Кореи. Несколько южнокорейских юношей, не разобравшись в сложившейся политической обстановке, вступили в одну из молодежных организаций, контролируемых либеральной партией. Среди этих юношей был некий Мин. Ему пришлось испытать много трудностей в жизни. Вступив в организацию, он надеялся «выбиться в люди» и помочь больной матери. Но вскоре Мин убеждается, что члены организации — растленные люди, занимающиеся темными делами, вплоть до убийства.

У Мина умирает мать. В это время руководители организации поручают ему убить политического противника. На месте преступления схвачен товарищ Мина — один из участников убийства. Во время свидания в тюрьме этот юноша говорит: «Родина... Что такое родина, я еще толком не знаю, есть только какое-то смутное представление... Это, наверное, знают политики... Я же, не понимая этого, ввязался в политику... И вот опозорил своим поступком родину... Слепец!».

С болью в сердце слушает Мин слова друга. И где-то в глубине его души зарождается сомнение в правильности избранного им пути. «А не обманывают ли меня?» Раз появившись, эта мысль больше не оставляет Мина. На следующий день он приходит к родным друга в одно из многих убогих жилищ, в которых живут простые сеульцы. Заплаканная девочка встречает Мина мольбой: «Вы напишете, что мой брат не преступник? Скажите им, что он хороший... Мама так переживала... Брат хотел заработать на лекарство для матери. Не успел... Она вчера умерла».

Мин выходит из лисынмановской молодежной организации, несмотря на угрозы и попытку убить его. Писатель не рассказывает о дальнейшей судьбе своего героя, оставляя его на распутье наедине со своими мыслями и чувствами. Рассказ кончается несколько символичной сценой: Мин идет по улице, и перед его глазами — рыдающая девочка, ее безжизненная мать и его собственная мать, мечтавшая о счастье сына.

Таким образом, авторы «Ласточки» и «Пиона» не указывают читателям выхода из положения, в котором оказались их герои. Ни О Ен Су, ни О Сан Вон не могли сказать об этом прямо. Но само содержание их рассказов подсказывает читателю, что выход один — борьба против насилия, нищеты и террора, за счастье простых людей, обреченных в Южной Корее на нужду, голод и преступления, на подневольную, безрадостную жизнь.

Приведенные примеры показывают, что в литературной жизни современной Южной Кореи все отчетливее вырисовывается демократическое направление. Его представители, выражая, правда, еще робко, настроение и думы народных масс, способствуют консолидации патриотических сил. Пусть пока представители демократического крыла южнокорейской литературы составляют меньшинство, их произведения еще тонут в потоке «творений» воинствующих мракобесов, но за ними будущее, за ними стоит народ Юга, угнетенный, но не покоренный.

Тяжелый кризис переживает в Южной Корее театральное искусство, зажатое в тиски лисынмановской реакции. Работой театральных коллективов руководит Объединение работников сценического искусства, представителем которого является драматург и режиссер Лю Чхи Чжин (он же директор театральной труппы) — один из самых ярых реакционеров Южной Кореи. Кризис национального искусства вынуждены признать даже официальные южнокорейские издания. Так, ежегодник «Чосон ёнгам» констатировал в 1956 г., что «этот год в области драматургии был слишком неурожайным»[23]. Еще более откровенно охарактеризовал состояние южнокорейского театра журнал «Чинсан». На страницах его прямо указывалось, что в Южной Корее «театральный мир находится в состоянии крайнего застоя»[24]. Все громче раздаются голоса деятелей театра, сетующих на то, что города Южной Кореи наводняются американскими фильмами, мешающими деятельности театров и развращающими вкусы зрителей.

В кинематографии положение не лучше, чем в области театрального искусства. С одной стороны, развитие ее сильно тормозится слабой технической оснащенностью киностудий. Деятели кино Южной Кореи до сих пор вынуждены работать с устаревшей техникой.

Однако главная причина отставания кино кроется в другом.

[23] «Чосон ёнгам» (朝鮮年鑑), Сеул, 1956, стр. 306.
[24] «Чинсан» (眞想), 1958, № 1, стр. 75.

Кинокомпании и киностудии Южной Кореи не могут конкурировать с американской кинематографией. Например, в 1954 г. южнокорейскими студиями было выпущено всего 12 фильмов. Продукция Голливуда буквально наводняет кинотеатры Южной Кореи. В 1956 г. из 1214 фильмов, демонстрировавшихся в Южной Корее, 1106 были иностранными, главным образом американскими[25]. Фотографии и крупные объявления, рекламирующие голливудские фильмы об убийствах и преступлениях, занимают в газетах «Сеул синмун», «Чосон ильбо» и других треть, а иногда и большую часть их объема.

Часть фильмов, выпускаемых южнокорейскими студиями, — экранизация произведений корейских реакционных буржуазных писателей, например «Сон» (по роману Ли Гван Су) и «Молодые» (по роману Ким Дон Ина). Но большинство южнокорейских фильмов — военно-пропагандистские: «Приказ к наступлению», «41-я параллель», «Жив штык» и т. д. Все эти фильмы призывают к «походу на Север», к повторению агрессивной войны против КНДР.

Общественность Южной Кореи неоднократно высказывала свое возмущение американскими бульварными фильмами. Демонстрации протеста против ввоза американских фильмов не раз устраивали южнокорейские театральные деятели. 27 января 1957 г. инспекторы сеульских средних школ потребовали от министерства просвещения марионеточного правительства прекратить демонстрацию «аморальных, развратных фильмов и западных боевиков, отрицательно влияющих на учащихся». Однако американские фильмы ввозятся, как и прежде, в огромном количестве. Лисынмановские власти после обращения инспекторов средних школ лишь усилили цензуру и стали запрещать демонстрацию фильма, если в нем содержится хоть какое-то упоминание о деятельности демократических сил. Например, итальянский фильм «Женщина Рима» был запрещен по той причине, что кадр о работе Антифашистского комитета «напоминает борьбу компартии», а французский документальный фильм об Олимпийских играх в Мельбурне—потому, что в нем фигурируют спортсмены «коммунистического лагеря», одержавшие много побед[26].

Кризис переживают и южнокорейская музыка, живопись и другие области искусства. «В публикации новых музыкальных произведений, — пишет уже упоминавшийся сеульский ежегодник, — в этом году, как уже в течение целого ряда лет, нет никакого оживления... Никаких сдвигов, как и в прошлые годы, нет и в области музыкальной критики»[27].

Таким образом, несмотря на демагогические лозунги лисынмановской пропаганды о возрождении национального искусства,

[25] «Южная Корея под оккупацией США», Пхеньян, 1958, стр. 153.
[26] Там же, стр. 154.
[27] «Чосон ёнгам», стр. 310.

даже официальные южнокорейские публикации вынуждены признать факт его глубокого кризиса и упадка. Театр, кино и другие области искусства Южной Кореи отданы на откуп американским бизнесменам, поставлены реакцией на службу империализму США.

Политика лисынмановских властей в области народного образования

Идеологическая экспансия американского империализма и политика южнокорейской реакции нашли яркое проявление и в области народного образования.

Провал американской интервенции в Корее и героическая победа Корейской Народной армии и китайских народных добровольцев, успешное восстановление и развитие экономики и культуры в КНДР — все это оказало огромное влияние на южнокорейскую молодежь. Южнокорейская реакция забила тревогу. Наряду с «чисткой» учебных заведений от «неблагонадежных» учащихся и педагогов были приняты меры к тому, чтобы еще в большей степени приспособить всю систему просвещения к нуждам империалистов и превратить учебные заведения в очаги реакции.

В основу ее положена «программа антикоммунистического обучения», опубликованная в августе 1954 г.

Главное содержание «программы антикоммунистического обучения» — разнузданная клевета на народно-демократический строй, на страны социализма, на марксистско-ленинскую идеологию. Вместе с тем эта программа пытается замаскировать агрессивный характер марионеточного лисынмановского режима, облекая его в тогу «демократии». Эту программу, как и все свои мероприятия в области образования, южнокорейская реакция старается прикрыть псевдопатриотической фразеологией, представить ее в качестве программы «национального самобытного обучения» и «возрождения национальной культуры». Но словесная мишура не может скрыть истинного смысла этой программы — программы утонченного колониализма. В самом деле, могут ли кого-нибудь обмануть нижеследующие строки из учебника истории для средних школ Южной Кореи: «Благодаря теплому климату и обилию гор на Корейском полуострове у нашего племени сложились мягкий характер и узость натуры... которые послужили источником его трусости... и приводят к разным колебаниям и неуверенности» [28]. Эта клевета на мужественный корейский народ с его героическими традициями, разумеется, выгодна колонизаторам. Она призвана подорвать в южнокорейской молодежи национальное достоинство, веру в свои силы, ослабить ее борьбу за национальную независимость. Лисынмановцы прививают учащимся идеи сословного неравенства и безропотного повиновения, также чрезвычайно выгодные колонизаторам.

[28] Цит. по журн.: «Новая Корея», Пхеньян, 1958, № 5, стр. 47, 48.

Одним из ярких примеров антинародной политики лисынмановских властей может служить попытка «реформировать» корейскую национальную письменность (хангыль). В апреле 1953 г. в Южной Корее был опубликован «указ о реформе орфографии хангыль», а в июле 1954 г.—«проект упрощения хангыль». Отвергая нынешнюю научно обоснованную орфографию и мотивируя это тем, что она «сложна для восприятия американцев» (!), авторы «проекта» предложили вместо нее путаную орфографию, на основе которой в 1922 г. христианские издательства «Тэён сансокхве» и «Ясугё» выпустили библии на корейском языке.

По чьей указке и с какой целью произведена была эта «реформа», ясно видно из «специальной беседы» Ли Сын Мана о «реформе правописания» в марте 1954 г. Ли Сын Ман открыто заявил: «Американцы и англичане затрудняются в изучении корейской письменности: исправляйте ее грамматику и орфографию» [29].

Американцы принимают непосредственное участие в создании учебников и пособий для школ, как и в организации всего учебного процесса. В послевоенный период в Южной Корее работала специальная «американская миссия по народному образованию», определявшая направление и содержание преподавания в учебных заведениях Юга. Органы ЮНКРА производили печатание учебной и другой литературы для школ. Большая роль в распространении реакционной идеологии среди южнокорейской учащейся молодежи принадлежит американским миссионерам. Многие из них преподают в различных учебных заведениях. Например, частный женский университет «Рихва тэхак», насчитывающий около 2 тыс. студентов, целиком находится в ведении американских миссионеров. Кроме того, они наряду с миссионерами из Канады, Англии, Западной Германии и других стран опекают частный мужской университет «Ёнсе тэхак».

Учебные заведения Южной Кореи превращены лисынмановцами не только в очаги милитаристской пропаганды, но и в поставщиков пушечного мяса. В учебных планах школ военной тренировке учащихся отводится первостепенное место. В 1954 г. была опубликована «программа военных занятий», предусматривающая сверх регулярных военных занятий систему различных «учений»: объединенные учения, учения с артиллерийской стрельбой, коллективные учения в казармах и др.

С ноября 1956 г. лисынмановское правительство возобновило призыв учащихся на военную службу [30], что связано с усиливающейся в Южной Корее подготовкой к войне. И хотя это ме-

[29] Цит. по кн.: «Южная Корея под оккупацией США», стр. 127, 128.

[30] После заключения перемирия в 1953 г. призыв учащихся в армию был временно прекращен.

роприятие вызвало активное сопротивление молодежи, южнокорейское правительство, используя полицейский террор, продолжает его проводить.

Обучение в школах Южной Кореи раздельное, причем женских гимназий гораздо меньше, чем мужских. Например, в 1955 г. число женских гимназий составляло около 15% всех гимназий Южной Кореи.

Учитывая огромное влияние культурной революции, развернувшейся в КНДР, на народные массы Юга, лисынмановцы были вынуждены обещать введение обязательного начального обучения, расширение учебной сети и т. д. Однако обещания эти оказались обманом. Обязательное начальное обучение не введено и по сей день. Даже по явно преувеличенным данным, в 1955 г. из 3 млн. детей школьного возраста школу посещали только 2270 тыс., т. е. 76% [31].

В 1956 г. в Южной Корее не хватало 35 тыс. классных помещений. В Сеуле 7200 учащихся начальных и других школ были вынуждены заниматься в палатках. Но даже палатки и бараки, отведенные под классы, были переполнены сверх всякой меры [32].

Учителя находятся в тяжелом материальном положении. В июле 1957 г. журнал «Новая Корея» сообщал, что учителя провинции Чхунчхон-пукто уже три месяца не получают продовольственного пайка [33].

В Южной Корее, постоянно переживающей острый финансовый кризис из-за огромных военных расходов, ассигнования на народное просвещение все время сокращаются. В результате расходы по ряду учебных заведений, переведенных на так называемое «автономное положение», возложены на учащихся и их родителей.

Одним из ярких свидетельств антинародного характера политики лисынмановских властей в области просвещения является огромное число неграмотных. Так, в 1955 г., даже по весьма заниженным южнокорейским данным, в Южной Корее насчитывалось около 2 млн. неграмотных [34].

При поступлении во всякое учебное заведение, будь то начальная школа, гимназия, училище или вуз, с учащегося берется сначала вступительный взнос, а затем ежемесячная плата за обучение. Вполне понятно, что у малооплачиваемых слоев населения не хватает средств на обучение детей. Образование является привилегией обеспеченных людей.

Чем выше ступень учебного заведения, тем выше вступительные взносы и плата за обучение, причем в высших учебных заведениях это не что иное, как имущественный ценз: недостаточно просто заплатить вступительный взнос — приемная комиссия обращает внимание на обеспеченность семьи абитуриента, в состоянии ли она нести расходы, связанные с обучением, и в зависимости от этого решает вопрос о его приеме. А размеры этих расходов с каждым годом растут. Газета «Тона ильбо» писала:

«Родители, у которых учатся дети, снова задумываются над тем, сколько же надо готовить денег на обучение в этом году. В среднем за каждого учащегося гимназии (как начальной, так и повышенного типа) приходится платить в этом году 70 — 80 тыс. хван, а за студента высшего учебного заведения — минимум 100 тыс. хван.

Дело доходит до того, что родители обращаются к администрации учебного заведения с просьбой провалить их детей на экзаменах» [35]. Газета приводит данные, показывающие, из чего слагаются эти огромные суммы ежегодных расходов на обучение (в хванах) [36]:

В начальной гимназии и в гимназии повышенного типа:

общий взнос, т. е. непосредственно плата за обучение	23 000
взнос в комитет по содержанию школы	20 000 — 40 000
стоимость учебников	5 650
стоимость школьной формы	3 000 — 5 000
прочие расходы	5 000

В высшем учебном заведении:

общий взнос	50 000
взнос в комитет по содержанию	10 000
расходы на практику	10 000
стоимость учебных пособий	10 000
стоимость форменной одежды	30 000 — 40 000

Совершенно естественно, что при таких условиях гимназии, а тем более высшие учебные заведения для детей трудящихся недоступны.

Превращенные лисынмановцами в рассадники влияния империализма, учебные заведения Юга стали очагами преступности. По данным полицейского управления, в 1957 г. на учете в полиции состояло 28 994 учащихся. Они совершили 24 771 преступление (воровство, грабеж, подлог, убийство или изнасилование). Только с января по февраль 1958 г. зарегистрировано 3939 преступников из числа учащихся. Они совершили 3386 преступлений. Газета «Тона ильбо» пишет, что ответственность за рост преступности среди учащихся несет министерство

[31] «Чосон ёнгам», стр. 293.
[32] «Новая Корея», 1956, № 9, стр. 29.
[33] «Новая Корея», 1957, № 7, стр. 7.
[34] «Чосон ёнгам», стр. 294.
[35] «Тонъа ильбо» (東亞日報), 1958, 20 марта.
[36] Там же.

просвещения, так как оно не может осуществлять такую систему, которая была бы «настоящей системой образования» [37].

Лисынмановцы не заинтересованы в просвещении народа, в обучении молодежи. Даже те немногие ассигнования, которые отпускаются на нужды образования, они стараются направить на военные цели, на подготовку войны. Недостаток средств приводит к сокращению сети государственных учебных заведений и увеличению числа мелких частных школ. Выдавая своим проверенным ставленникам разрешения на открытие частных учебных заведений, министерство стремится сократить свои расходы. Вместе с тем на родителей учащихся налагаются дополнительные расходы, так как обучение в частных школах значительно дороже, чем в государственных.

Имеющиеся в Южной Корее высшие учебные заведения доступны лишь для представителей имущих слоев. Дети трудящихся фактически не могут получить высшее образование.

Самое крупное из высших учебных заведений Южной Кореи — Сеульский университет. Сразу же после оккупации Южной Кореи войсками США руководство университетом перешло в руки американцев, которые начали планомерно превращать его в своего рода штаб идеологической обработки учащейся молодежи.

Примерно такую же роль играют высшие учебные заведения, над которыми шефствуют миссионеры. С той же целью воспитания молодежи в проамериканском духе все большее количество студентов южнокорейские власти направляют для обучения за границу, главным образом в США. В 1954 г. за границей обучалось 1071 человек, в 1955 г. — 1210 человек, из них в США — 1105 [38].

В Южной Корее, где подавляется свобода слова и мысли, наука и научные учреждения находятся в бедственном положении. На руководящие должности в научных учреждениях выдвигаются лица, зарекомендовавшие себя ярыми приверженцами лисынмановского режима. Их «заслуги» отмечаются всякого рода премиями, они имеют возможность публиковать свои сочинения на американские средства. Гарвардский университет, например, ассигнует для этого ежегодно 8 тыс. долл. Прогрессивные же ученые в Южной Корее не имеют возможности вести научно-исследовательскую работу, ибо для них нет доступа ни в лаборатории, ни в научные учреждения, ни в печатные органы. Не случайно так много видных ученых, работающих в самых различных отраслях знания (Ли Гык Но, Син Гон Хи, Ким Бен Чжо, Ким Су Ген, Лю Ын Хо и многие другие), перешли с Юга в северную часть страны, где они плодотворно занимаются научной деятельностью.

[37] Там же, 26 марта.
[38] «Чосон ёнгам», стр. 294.

* *
*

Все области общественно-политической и культурной жизни современной Южной Кореи поставлены под контроль американского империализма. Все средства идеологической обработки масс приведены в действие, поставлены на службу его интересам. Однако, несмотря на широкий размах идеологической экспансии США, она не приносит своим организаторам желаемых результатов. И точно так же, как агрессия США не смогла уничтожить Корейскую Народно-Демократическую Республику, поработить ее народ, остановить ее движение по пути к социализму, идеологическая экспансия США в Южной Корее бессильна задушить борьбу ее народных масс против колониализма и бесправия, бессильна подорвать то огромное влияние, которое оказывают на них успехи КНДР и проводимая Трудовой партией Кореи политика мира, независимости и демократии.

Глава IX

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Победа Советского Союза во второй мировой войне, резко изменившая соотношение сил на международной арене в пользу социализма, поражение Японии, крах ее колониального господства в Корее вызвали мощный революционный подъем в стране и способствовали укреплению демократических сил и ослаблению реакции.

К моменту освобождения Кореи от японского империализма в стране сложились важнейшие предпосылки для народно-демократического развития, отвечающего коренным интересам и чаяниям всего корейского народа.

Демократические силы еще не были организационно оформлены, тем не менее они составляли большинство южнокорейского населения: рабочий класс, крестьянство и патриотические слои мелкой и средней национальной буржуазии и интеллигенции.

Основой для создания демократического фронта стал союз рабочих и крестьян, заложенный в огне многолетней освободительной борьбы против японских колонизаторов. Трудящиеся деревни на опыте убеждались, что только пролетариат последовательно и непримиримо отстаивает их права и интересы, борется за независимость, за политические свободы и аграрную революцию. В ходе освободительной борьбы и особенно в период массового партизанского движения, развернувшегося в Корее в конце 30 — начале 40-х годов, возросла ведущая роль рабочего класса.

Отсутствие в стране коммунистической партии [1], естественно, тормозило развитие освободительного движения. Но стойкие коммунисты и в этих сложных условиях возглавляли борьбу корейского народа за свободу и независимость, вносили в нее ясные цели и перспективу. Стремления и чаяния корейского народа нашли отражение в программных документах корейских коммунистов и созданных ими массовых революционных организациях, в частности в программе Общества возрождения отечества [2], сыгравшего важную роль в подъеме корейского революционного движения.

Поражение японского империализма во второй мировой войне придало новые силы корейским патриотам. Дальнейший путь развития страны был подготовлен всем ходом предшествующей борьбы за национальную независимость.

Это был путь создания демократического государства во главе с рабочим классом и коммунистической партией.

Только рабочий класс, опирающийся на союз с крестьянством, был той силой, которая могла взять в свои руки знамя национальной независимости и социального обновления страны.

«Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат,— учит В. И. Ленин.— Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства» [3].

Относительно слабая национальная корейская буржуазия в сложившихся условиях не могла претендовать на политическое господство. Происшедшие в стране исторические перемены застали ее без организаций и без руководителей. В годы, непосредственно предшествовавшие поражению Японии, корейские буржуазно-националистические лидеры, открыто перейдя на сторону японских милитаристов, полностью скомпрометировали себя в глазах народа. Это обстоятельство способствовало не только их изоляции от освободительного движения, но и фактическому распаду лагеря национал-реформизма. При этом патриотические слои национальной буржуазии принимали участие в борьбе против японского ига.

«Корейский народ отлично знал, что в прошлом главная причина поражения национально-освободительного движения в Корее заключалась в колебаниях класса буржуазии, — говорил в апреле 1956 г. Ким Ир Сен в отчетном докладе ЦК III съезду Трудовой партии, — что верными патриотами были только коммунисты, которые даже под жестоким гнетом японского империализма, не сдаваясь, продолжали борьбу, и что, только идя рука об руку с ними, можно добиться освобождения.

Поэтому после освобождения нас поддержали широкие народные массы, за исключением незначительного числа реакционеров» [4].

Не способная возглавить освободительное демократическое движение народа корейская национальная буржуазия явилась вместе с тем одним из его участников. Поддержка, которую она оказывала антиимпериалистическому демократическому движению, объяснялась прежде всего ее стремлением к обеспечению

---

[1] Как известно, созданная в 1925 г. Коммунистическая партия Кореи в 1928 г. прекратила свое существование как организованная сила.

[2] Общество возрождения отечества было создано в 1935 г. корейскими коммунистами-партизанами.

[3] В. И. Ленин, *Две тактики социал-демократии в демократической революции* (Сочинения, т. 9, изд. 4), стр. 44.

[4] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», М., 1957, стр. 90.

национальной независимости, которую она мыслила в рамках буржуазного государственного строя.

Значительная часть национальной буржуазии, в том числе и в Южной Корее, примкнула к борьбе за создание независимого корейского государства. Лагерь южнокорейской реакции, состоящий из крупной буржуазии, помещиков и чиновников бывшего японского колониального аппарата, оказался более слабым и менее организованным, чем национальные демократические силы.

Таким образом, расстановка политических сил, сложившаяся в Южной Корее к моменту ее освобождения от японского империалистического ига, благоприятствовала народно-демократическому развитию страны и осуществлению руководящей роли рабочего класса в революции.

Борьба южнокорейских патриотов за демократическое развитие страны. Создание народных комитетов

Как только стало известно заявление императора о капитуляции Японии, в городах и деревнях Южной Кореи начались массовые демонстрации и митинги. 16 августа более 500 тыс. человек вышли на улицы Сеула. Многотысячные демонстрации проходили в Инчхоне, Пусане и других городах, а также в деревнях Южной Кореи. Радость избавления от иноземного гнета, благодарность к своему освободителю — Советскому Союзу, надежда на то, что родина будет свободной и независимой — все это с непреоборимой силой проявилось в демонстрациях, мощной волной прокатившихся по стране.

Население Южной Кореи ожидало прихода Советской Армии. «Спасибо Советской Армии за освобождение», «Добро пожаловать, советские войска», «Да здравствует наш верный друг и освободитель — Советский Союз», «Да здравствует свободная, независимая Корея» — такие лозунги развевались на зданиях домов, учреждений, школ, их несли демонстранты, они произносились тысячами уст по-корейски и по-русски.

В Сеул потянулись целые процессии ходоков из городов и деревень Южной Кореи, чтобы присоединить свой голос к требованиям о создании независимого демократического корейского государства. «Пусть освобождение нашей страны от японских захватчиков означает и наше социальное освобождение. Создадим демократическую Корею»,—гласили лозунги демонстрантов.

Перед коммунистами, которые вышли из подполья или вернулись из эмиграции, встала важнейшая задача организации патриотических сил Южной Кореи. Был образован Комитет по воссозданию компартии. Однако после воссоздания компартии Южной Кореи в ее рядах началась беспринципная фракционная борьба.

Вместе с тем оставшаяся в Южной Корее японская военщина

пыталась всемерно препятствовать развитию народно-демократического движения. С 17 августа японское командование ввело на территории Южной Кореи осадное положение. В таких сложных условиях в Южной Корее создавались демократические общественные организации: профсоюзы, крестьянские, женские, молодежные союзы и другие массовые организации, которые были очень разнородны по своему составу и нередко имели местное значение, хотя и претендовали на роль общекорейских. Однако все эти организации стремились к возрождению корейской государственности на демократических началах. Одновременно в Южной Корее, как и на Севере, стали создаваться народные комитеты, развернувшие борьбу за власть. В ряде мест они захватили фабрики и заводы. На многих предприятиях был введен рабочий контроль, повышена заработная плата и изгнаны японские администраторы. Значительных результатов добились народные органы власти в провинциях Чолланамдо и Чолла-пукто. Особенно активно действовал народный комитет, созданный на острове Чечжудо. Его деятельности благоприятствовал тот факт, что американские войска прибыли на юг и юго-запад Кореи на месяц позднее, чем в Сеул [5]. Народный комитет острова Чечжудо, руководимый коммунистами, изгнал с острова японских колонизаторов и их пособников, установил контроль на многих предприятиях, развернул большую политическую работу среди трудящихся.

Период между 15 августа — днем освобождения Кореи Советской Армией и 8 сентября 1945 г., когда американские войска вступили в Южную Корею,— можно охарактеризовать как период бурного развития политической активности масс, предпринявших попытку взять власть в свои руки. Эту политическую активность народных масс вынуждены были признать и представители американских военных властей.

В феврале 1948 г., выступая во «временной комиссии ООН» по вопросу о Корее, командующий американскими вооруженными силами Джон Р. Ходж отметил, что, когда американские войска прибыли в Южную Корею, они застали там «действовавшие под руководством коммунистов народные комитеты, которые успели полностью организоваться и более или менее захватить власть в свои руки» [6].

Однако недостаточно организованные и безоружные массы не смогли добиться победы и полностью взять власть в свои руки.

Недостаточная организованность народной борьбы, несмотря на ее широкий размах, в значительной степени объяснялась раз-

[5] Американские войска вступили в Сеул 9 сентября 1945 г.

[6] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 3-я сессия, дополнение № 9 (A/575), Нью-Йорк, 1948, стр. 168. — Как известно, деятельность народных комитетов была запрещена вскоре после прихода американских оккупантов.

лагающим влиянием фракционеров, пробравшихся в то время к руководству Коммунистической партией Южной Кореи. Деятельность этих фракционных групп была направлена не на завоевание масс и руководство их действиями, а на беспринципную борьбу за руководящие посты.

Прибытие американских войск в Южную Корею изменило соотношение сил в стране и создало серьезные препятствия для деятельности патриотических сил.

9 сентября 1945 г. был издан приказ командующего американскими войсками генерала Ходжа, гласивший, что население должно подчиняться японским чиновникам, оставшимся в Корее, и соблюдать установленные японскими империалистами законы и порядки.

Этот приказ вызвал глубокое возмущение широких народных масс.

12 сентября состоялась демонстрация в Сеуле. Свыше 30 тыс. рабочих и студентов вышли на улицы города, требуя немедленного изгнания японских чиновников и роспуска японской полиции. Такие же демонстрации проходили и в других крупных городах страны. Тем не менее американское командование приняло все меры к тому, чтобы использовать в своих интересах японских колонизаторов, а также их корейских пособников. Между американскими властями и южнокорейской реакцией сразу же установился тесный контакт.

Оккупационные власти США содействовали сплочению сил реакции и созданию правых партий и организаций.

Ведущей силой реакционного лагеря стала возникшая в сентябре 1945 г. так называемая демократическая партия («Хангук минчжудан»), защищавшая интересы крупных капиталистов и помещиков. Ее руководство состояло в основном из коллаборационистов.

В конце сентября того же года была создана национальная партия («Кукминдан»). Наряду с представителями крупного капитала и помещиков в нее входили и представители средней и мелкой буржуазии, в основном из числа возвратившихся в Южную Корею эмигрантов.

Эти партии, ориентируясь на американский империализм, активно выступили против возрождения корейской государственности на демократических началах. Власть народа страшила их больше, нежели новое иноземное иго.

Поддержка южнокорейскими массами Московского соглашения о Корее. Октябрьская народная борьба

После Московского совещания министров иностранных дел, состоявшегося в декабре 1945 г. и наметившего пути к созданию независимого корейского государства, представители правого лагеря стремились доказать, что предусмотренная совещанием

опека, означавшая поддержку демократическому развитию страны, якобы угрожает независимости Кореи, и умышленно отождествляли ее с японским протекторатом. Реакционные политические деятели во главе с Ли Сын Маном в феврале 1946 г. организовали Комитет борьбы против опеки, основной задачей которого было сорвать решения по корейскому вопросу.

Кампания, организованная американскими империалистами при содействии южнокорейской реакции, проводилась под лозунгами: «Долой опеку!», «Долой решения Московского совещания по Корее!».

Поощряемые американскими военными властями реакционеры терроризировали демократических деятелей, громили редакции газет левого направления, совершали налеты на помещения демократических организаций.

Однако вопреки этой террористической и клеветнической кампании народные массы Южной Кореи во главе с коммунистами горячо поддержали решения Московского совещания, открывавшие путь к возрождению корейской государственности на демократических началах. Южнокорейские патриоты требовали претворить в жизнь эти решения. 3 января 1946 г. более 300 тыс. жителей Сеула и окрестных районов приняли участие в демонстрации, проходившей под лозунгом борьбы за реализацию московских решений. Подобные демонстрации, в которых участвовали различные социальные слои населения, происходили и в других городах и селах Южной Кореи.

В феврале 1946 г. состоялось совещание демократических партий и общественных организаций, на которой был создан Демократический национальный фронт Южной Кореи (ДНФ). В состав ДНФ вошли Коммунистическая партия Южной Кореи, Новая народная и Народная партии и другие прогрессивные организации. На конференции было принято решение, в котором говорилось, что ДНФ Южной Кореи примет участие в создании Временного корейского правительства согласно решению Московского совещания министров иностранных дел и будет активно участвовать в экономическом восстановлении страны.

Решения ДНФ, направленные на проведение в жизнь Московского соглашения, были поддержаны широкими массами трудящихся.

Огромное влияние на развитие освободительного движения в Южной Корее оказывало успешное демократическое строительство на севере страны. Деятельность Коммунистической партии Северной Кореи являлась примером и направляющей силой для южнокорейских коммунистов.

Политика Коммунистической партии Северной Кореи, направленная на создание независимого демократического корейского государства, встречала горячее одобрение широких масс населения Юга. Свидетельством этого явилась активная поддержка в феврале 1946 г. «20 принципов», разработанных Коммунистиче-

ской партией Северной Кореи, отражавших очередные задачи корейской революции.

В условиях жесточайшего оккупационного режима, установленного в Южной Корее, усиливалась борьба народных масс за демократизацию и создание единого корейского государства. В городах и деревнях вспыхивали забастовки и волнения. Однако американские власти не считались с волей корейского народа и сорвали работу совместной советско-американской комиссии, созданной решением совещания министров иностранных дел в Москве.

15 августа 1946 г., в день первой годовщины освобождения страны от японского господства, в Сеуле состоялась 300-тысячная демонстрация, организованная ДНФ. Она проходила под лозунгами: «Мы требуем передачи власти трудовому народу!», «Мы требуем проведения земельной реформы!», «Мы требуем немедленного создания корейского демократического правительства!», «Мы требуем претворения в жизнь решения Московского совещания министров иностранных дел о Корее!»

Протест против оккупации Южной Кореи американскими империалистами охватывал все более широкие круги населения, в частности патриотические слои национальной буржуазии и интеллигенции. Политика американских монополий, направленная на закабаление страны, объективно вынуждала эти слои присоединиться к антиимпериалистическим требованиям рабочего класса. Слишком свежи были в памяти мучительные годы японского колониального господства, когда национальная, особенно мелкая, буржуазия страдала от экономического гнета и политического бесправия. Угроза нового колониального господства сплачивала все более широкие ее слои на борьбу за независимую демократическую Корею, которую возглавлял рабочий класс. Основной формой борьбы южнокорейского пролетариата были забастовки, с самого начала имевшие не только экономический, но и политический характер.

В сентябре 1946 г. Союз железнодорожников потребовал повышения заработной платы и улучшения продовольственного снабжения железнодорожников. 23 сентября Союзом была объявлена забастовка в Сеуле и Пусане, поддержанная рабочими промышленных предприятий и судоверфей. Был создан забастовочный комитет, предъявивший оккупационным властям следующие требования: немедленно прекратить террор; изгнать из учреждений и полиции национальных предателей — бывших японских пособников; передать власть в руки народных комитетов; предоставить населению Юга политические свободы; возобновить работу совместной советско-американской комиссии и создать демократическое корейское правительство на основе Московского соглашения о Корее; принять немедленные меры к восстановлению и пуску бездействующих предприятий и укреплению экономики страны; осуществить земельную реформу и национа-

лизацию промышленности; немедленно ввести в жизнь демократический закон о труде; увеличить нормы снабжения населения продовольствием; разрешить свободную продажу риса.

Эти требования отражали насущные интересы широких трудящихся масс и свидетельствовали об огромном влиянии революционных преобразований, осуществляемых на Севере.

26 сентября Крестьянский союз Южной Кореи заявил о том, что крестьянство Юга вместе с рабочим классом будет бороться за осуществление требований забастовочного комитета. В начале октября 1946 г. забастовка железнодорожников переросла во всеобщее политическое выступление, поддержанное всеми демократическими силами страны. В некоторых местах происходили столкновения патриотов с полицией. В городе Тэгу восставшие разгромили полицейские участки, разоружили полицию и террористические банды. В течение нескольких дней власть в городе принадлежала народному комитету; лишь превосходящим силам американских войск и полиции ценой больших усилий и потерь удалось подавить это героическое выступление масс.

В октябре вооруженные столкновения между забастовщиками и полицией произошли также в Масане, Кванчжу, Сеуле и других городах Южной Кореи. За промышленными центрами поднимались окраины, за пролетариатом — крестьянство.

Борьба крестьянских масс с наибольшей силой развернулась в провинциях Кёнсан-намдо, Кёнсан-пукто, Чолла-намдо и Чолла-пукто. Крестьяне нападали на полицейские участки, захватывали помещичьи земли, освобождали политических заключенных.

В начале октября американская военная администрация объявила военное положение в ряде районов, в частности в провинции Кёнсан-пукто. Американские войска вместе с южнокорейской полицией подавляли вооруженную борьбу южнокорейских патриотов [7].

Движение народных масс все более отчетливо принимало характер вооруженного сопротивления. Весьма характерны события, происходившие в начале ноября в ряде городов Южной Кореи

5 ноября вспыхнули волнения в Посоне. Власть в городе фактически перешла в руки повстанцев, которые разоружили полицию и предали суду национальных предателей. В этих событиях приняло участие около 2 тыс. человек.

Длительное и упорное сопротивление полиции оказали восставшие шахтеры в районе Хвасуна. В восстании приняло участие около 10 тыс. человек.

Число участников борьбы в октябре — начале ноября 1946 г. превысило 2 млн. человек. Наряду с рабочим классом и крестьянством в выступлениях участвовала значительная часть мелкой городской буржуазии и интеллигенции.

---

[7] «Amerasia», 1946, vol. 10, № 5, p. 145.

Руководящая роль в октябрьской борьбе принадлежала рабочему классу, который, выдвинув требования, отвечавшие коренным интересам широких слоев населения, сумел повести их за собой.

Характерной особенностью этого движения явилось сочетание стачек, политических демонстраций и вооруженных выступлений. Октябрьская борьба нанесла ощутимый удар политике закабаления страны. Она свидетельствовала о неуклонной воле народных масс Южной Кореи создать независимое, единое, демократическое корейское государство.

Под давлением этого массового движения военные власти вынуждены были прибегать к политике лавирования. С этой целью в разгар октябрьской борьбы американская администрация объявила о проведении выборов в так называемую законодательную палату.

Каждое решение этой палаты должно было утверждаться военной администрацией, которая имела право налагать вето на все постановления этого органа, распустить его в любое время или вывести из его состава любого члена. Половина депутатов палаты избиралась путем четырехстепенных выборов, а другая назначалась администрацией.

Демократические организации сразу поняли смысл этой затеи и, разоблачая демагогический характер предпринятого американскими империалистами маневра, отказались от участия в выборах.

С целью раскола демократических сил американские военные власти в конце 1946 г. опубликовали декларацию о введении 8-часового рабочего дня, дополнительной оплаты за сверхурочную работу и т. д., однако эти благие обещания не были реализованы на практике. Деятельность реакции была по-прежнему направлена на то, чтобы вооруженным путем подавить демократические силы. После октябрьских событий преследования южнокорейских патриотов еще более усилились.

Одной из причин поражения октябрьской борьбы явилась деятельность фракционеров в Коммунистической партии Южной Кореи.

В этих условиях было необходимо сплотить раздробленные силы. Партийные массы стремились создать боевую организацию, способную руководить народной борьбой.

В конце 1946 г. произошло объединение Коммунистической, Новой народной и Народной партий в Трудовую партию Южной Кореи [8]. Это было чрезвычайно важное мероприятие, имевшее цель сохранить в условиях террористического южнокорейского режима партийные кадры, обеспечить их легальное существование, сплотить вокруг партии все патриотические силы Южной Кореи.

[8] Новая народная партия, как и Народная партия, была создана в ноябре 1945 г.

Однако объединение этих партий было в значительной мере формальным и потому задача создания революционного авангарда не была разрешена. И во вновь созданной партии не была преодолена групповщина и фракционная борьба, явившаяся серьезным препятствием на пути сплочения демократических сил. Тем не менее стойкие члены Трудовой партии возглавляли антиимпериалистические выступления народных масс, показывали образцы мужества и героизма. Под их руководством освободительное движение в Южной Корее продолжало развиваться.

1 марта 1947 г., в день 28-й годовщины народного восстания 1919 г., во многих городах и деревнях Южной Кореи произошли массовые демонстрации под лозунгом «Да здравствует независимость Кореи!».

Демонстранты подверглись нападению полиции, пустившей в ход оружие. Многие были убиты и ранены. В ответ на террор и репрессии 22 марта ДНФ Южной Кореи призвал к 24-часовой забастовке. В этот день в Сеуле, Пусане, Кванчжу, Инчхоне, Тэгу, Тэчжоне, Кунсане, Мокпхо, Самчхоне, Чхунчхоне, Андоне и других городах трудящиеся прекратили работу [9]. Остановился транспорт, бездействовали учреждения, студенты и учащиеся не явились на занятия.

Забастовка приняла всеобщий характер и проходила под лозунгами: «Пресечь полицейский террор!», «Изгнать прояпонские элементы и национальных предателей!», «Отобрать землю у помещиков и безвозмездно передать ее крестьянам, как в Северной Корее!», «Немедленно ввести демократический закон о труде!», «Возобновить работу совместной советско-американской комиссии!», «Рис — народу!» [10].

Во всеобщей забастовке приняло участие более 200 тыс. рабочих. Бастующих рабочих активно поддержали 157 тыс. крестьян, около 80 тыс. учащихся.

По сведениям американского профессора Маккюна, американские военные власти арестовали 2718 участников забастовки [11].

Мартовское выступление 1947 г. явилось новым предостережением американским империалистам, которые в условиях активной борьбы корейского народа и мировой демократической общественности против их агрессивной политики были вынуждены пойти на временные уступки. Это, в частности, выразилось в том, что США согласились на возобновление работы совместной советско-американской комиссии. Однако и на этот раз американская сторона не пожелала выполнять свои обязательства, принятые на Московском совещании.

[9] «Нодон синмун» (로동신주), 1956, 22 марта.
[10] «Минчжу чосон» (민문조선), 1956, 22 марта.
[11] G. M. MacCune, *Korea today*, Cambridge, 1950, p. 86.

Весной и летом 1947 г. американские империалисты усилили террор в Южной Корее, начались массовые аресты прогрессивных деятелей [12].

Только в течение августа 1947 г. было арестовано 12 тыс. патриотов. Жестокими репрессиями оккупанты стремились ослабить демократические силы, требовавшие реализации московских решений.

26 сентября 1947 г. Советский Союз внес в совместную советско-американскую комиссию предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и о предоставлении корейскому народу возможности самому решить вопрос о своем государственном устройстве. Это предложение было встречено народными массами Кореи горячим одобрением. Но правящие круги США отказались осуществить его.

Окончательно сорвав работу совместной советско-американской комиссии, осенью 1947 г. американские империалисты поставили вопрос о Корее на Генеральной Ассамблее ООН. 14 ноября 1947 г. на основе незаконно принятой резолюции была создана «временная комиссия ООН по Корее», которой поручалось контролировать проведение выборов, имевших целью создание реакционного корейского правительства.

Всенародное движение против сепаратных выборов

8 января 1948 г. первая группа «комиссии ООН» прибыла в Сеул. В ответ в стране вспыхнуло мощное движение протеста против антинародных выборов, против пребывания в Южной Корее «комиссии ООН». Оно свидетельствовало о желании корейского народа предотвратить раскол страны, о его стремлении к единству и независимости.

В день прибытия «комиссии ООН» в Йондынпхо и Кёнчхоне начались забастовки и митинги протеста.

5 февраля 1948 г. вспыхнули забастовки портовых рабочих в Пусане, Инчхоне и других городах. В Тэгу между забастовщиками и полицией произошли кровавые столкновения [13].

Руководимый Трудовой партией забастовочный комитет Южной Кореи 7 февраля 1948 г. обратился к корейскому народу с воззванием. Этот документ разоблачал хозяйничанье американских империалистов, действующих вкупе с внутренней реакцией, и отражал картину бедственного экономического положения Южной Кореи и политического бесправия масс.

[12] К середине мая 1947 г. число арестованных корейских патриотов достигло 120 тыс.

[13] Даже реакционный американский историк Р. Оливер пишет, что во время забастовки в Тэгу полицией было убито 48 человек. См.: R. T. Oliver, *Syngman Rhee, the man behind the myth*, New York, 1954, p. 257.

В воззвании были опубликованы важнейшие политические и экономические требования южнокорейских демократических сил.

«1. Долой комиссию ООН, цель которой — осуществить раздел и порабощение Кореи.

2. Не допустить создания сепаратного правительства в Южной Корее.

3. Не допустить проведения реакционных выборов в условиях насилия и террора.

4. Вывести одновременно иностранные войска из Кореи, предоставить корейцам право самим создать единое демократическое правительство.

5. Изгнать прояпонские элементы и реакционеров — агентов империализма.

6. Немедленно провести в жизнь законы о труде и социальном страховании.

7. В три раза увеличить заработную плату рабочим и служащим.

8. Обеспечить выдачу рабочим 750, а членам семей рабочих и остальным жителям городов — 450 граммов риса в день.

9. Конфисковать землю помещиков и безвозмездно раздать ее крестьянам.

10. Власть передать народным комитетам» [14].

В тот же день — 7 февраля 1948 г. — началась всеобщая забастовка протеста, поддержанная выступлениями солидарности и демонстрациями трудящихся. Первыми выступили служащие почтово-телеграфных учреждений. Отделения связи в Сеуле, Тэгу, Йондынпхо, Тэчжоне, Кунсане прекратили работу [15]. На различных предприятиях распространялись прокламации и листовки, призывавшие к борьбе. Повсеместно происходили демонстрации под лозунгами: «Долой комиссию ООН по Корее!», «За одновременный вывод войск США и СССР!», «Долой сепаратные выборы!», «За проведение демократических реформ!»

В ряде сельских местностей начались вооруженные столкновения между крестьянами и полицией. В ночь на 8 февраля в уездах Сувон провинции Кёнгидо и Ванчжу провинции Чолланамдо крестьяне напали на полицейские участки [16]. Волнения вспыхнули и в других уездах. В период между 7 февраля и 15 марта, согласно информации американских властей, было отмечено 139 налетов на полицейские участки, 28 полицейских было убито и 53 ранено.

Во всеобщей забастовке в феврале — марте 1948 г. участвовало свыше 1 млн. человек. Как и октябрьская забастовка 1946 г., она еще раз показала, что застрельщиком и руководителем антиимпериалистической освободительной борьбы является рабочий класс Южной Кореи.

[14] «Чосон чунъан синмун» (朝鮮中央新聞), 1948, 8 февраля.

[15] «Минчжу чосон», 1948, 8 февраля.

[16] «Нодон синмун», 1956, 6 февраля.

Мощное движение протеста корейских трудящихся вызвало замешательство американских властей и южнокорейской реакции.

8 февраля 1948 г. американская военная администрация объявила о введении военного положения. 10 февраля генерал Ходж обрушился на коммунистов, обвиняя их в том, что они пытаются сбить с толку «добрый корейский народ» [17].

Американская военная полиция, действуя совместно с террористами, приложила все усилия, чтобы подавить всеобщую забастовку, которая охватила шесть южнокорейских провинций из девяти.

26 февраля начальник южнокорейской полиции заявил, что число арестованных в связи со всеобщей забастовкой уже достигло 8479 человек [18].

Но преследования и многочисленные аресты не сломили воли корейских патриотов, боровшихся против раскола страны. Более 2 млн. человек приняло участие в движении протеста против сепаратных выборов и деятельности «комиссии ООН» [19].

Однако, вопреки твердо выраженной воле народа, 1 марта 1948 г. генерал Ходж заявил, что выборы в Южной Корее будут проведены 9 мая 1948 г. под наблюдением «временной комиссии ООН» [20].

12 марта «временная комиссия ООН» приняла резолюцию, в которой лицемерно говорилось, что она будет наблюдать за выборами при условии, что они будут проводиться «в свободной атмосфере, где признают и уважают такие демократические права, как свобода слова, печати и собраний» [21].

Эту «свободную атмосферу» можно легко представить, ознакомившись с многочисленными фактами террора, шантажа и фальсификации в период выборов.

Американские военные власти объявили проведение выборов в Южной Корее «национальной политикой». Содержание этой туманной формулы «разъяснил» 2 марта 1948 г. начальник департамента полиции Чо Бён Ок, сказав, что «любая деятельность, направленная против выборов, будет считаться незаконной и караться независимо от партийной принадлежности ее участников» [22].

13 марта на совещании начальников полицейских частей он заявил, что полиция окажет полную поддержку общественным организациям, поощряющим участие в выборах, и будет строго

[17] «Тэдон синмун» (大東新聞), 1948, 12 февраля.

[18] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 3-я сессия, дополнение № 9 (A/575), Нью-Йорк, 1948, стр. 23.

[19] «Минчжу чосон», 1956, 7 февраля.

[20] «U. S. Department of State, Korea 1945—1948», Washington, 1948, p. 14.

[21] Ibid.

[22] «Seoul times», 1948, 4 March.

преследовать деятельность организаций, призывающих протестовать против выборов или бойкотировать их. Полиция также будет стремиться предотвратить «злонамеренные преступления», которые могут помешать проведению выборов [23].

30 апреля за подписью Чо Бён Ока был опубликован приказ, объявлявший, что полиция будет стрелять в каждого, кто окажет противодействие проведению выборов. Полицейским предоставлялось право расстреливать демонстрантов, лиц, распространяющих соответствующие листовки, участников митингов протеста и т. д.

В период подготовки к выборам реакционная печать, радио обрушили потоки злобной клеветы на демократическое строительство в Северной Корее.

Американская военная администрация строжайшим образом запретила проведение митингов и демонстраций 9 и 10 мая. Населению внушалось, что патриотическим долгом каждого является участие в выборах. Всех, кто отказывался, объявляли «предателями» и «агентами коммунистов».

Однако эти репрессии не запугали корейских патриотов. Решение американских империалистов провести сепаратные выборы в Южной Корее и закрепить раскол страны способствовало еще большему подъему движения за национальное единство, независимость и демократию. Даже большинство членов центристских и правых партий Южной Кореи высказались против проведения сепаратных выборов. Лишь демократическая партия и руководимая в то время Ли Сын Маном Национальная ассоциация по достижению независимости Кореи выступали за безоговорочную поддержку антинародных выборов, чем еще раз продемонстрировали свою реакционную сущность.

Народные массы требовали удаления «комиссии ООН» из Кореи, вывода оккупационных войск, предоставления корейскому народу права самому решать свою судьбу.

Движение протеста против проведения сепаратных выборов стало в ряде мест перерастать в вооруженные выступления. 3 апреля 1948 г. вспыхнуло восстание на острове Чечжудо.

Захватив арсенал, где хранилось оружие, оставленное японцами, повстанцы вступили в борьбу с полицией и членами террористических организаций, которые вызвали к себе всеобщую ненависть насилиями над патриотами. С быстротою степного пожара восстание охватило весь остров, в нем участвовало около 10 тыс. человек. В ходе восстания вновь были созданы народные комитеты.

Самоотверженное выступление патриотов острова Чечжудо вызвало огромный политический резонанс в стране, явилось вдохновляющим примером для всех борцов за независимость своей родины. Во многих городах и селах Южной Кореи произошли

[23] Ibid., 23 March.

массовые митинги, на которых принимались решения о поддержке повстанцев.

События на острове Чечжудо вызвали серьезную тревогу американских властей, предпринявших энергичные меры для подавления восстания. 13 апреля на остров был выслан полк солдат [24].

Однако американским властям в течение года не удавалось установить полного контроля над островом, где развернулась длительная и упорная партизанская борьба. За это время оккупанты сожгли десятки деревень, убили 2 тыс. повстанцев, 6 тыс. патриотов были брошены в тюрьмы.

Вся страна находилась во власти террора и насилия.

В результате политики империалистических кругов США над Кореей нависла угроза расчленения. Потребовались активные действия национальных демократических сил. Как уже отмечалось выше, по инициативе Трудовой партии Северной Кореи в апреле 1948 г. в Пхеньяне состоялось Первое Объединенное совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Созыв подобного совещания, в котором участвовали представители различных политических партий, свидетельствовал о росте сплоченности национальных сил, требующих единства и независимости своей родины.

Объединенное совещание осудило политику американских империалистов, приведшую к расколу страны, выразило гневное возмущение народа этой политикой и приняло единодушное решение бойкотировать сепаратные выборы. Для осуществления этого решения был создан Комитет борьбы против сепаратных выборов, в состав которого вошли представители всех партий и организаций, выступающих против проведения выборов в Южной Корее.

Совещание обратилось к правительствам США и СССР с просьбой об одновременном выводе своих войск из Кореи.

Корейский народ горячо одобрил решения Первого Объединенного совещания.

Подчеркивая историческое значение апрельского совещания, Ким Ир Сен говорил: «Оно показало, что для достижения объединения и независимости родины различные патриотические партии могут объединиться, невзирая на их политические взгляды, и что они должны вести для этой цели совместную борьбу» [25].

Созданный совещанием Комитет борьбы против сепаратных выборов развернул в Южной Корее подготовку к проведению бойкота выборов.

По призыву Комитета 8 мая 1948 г. железнодорожники и рабочие промышленных предприятий Сеула организовали забастовку протеста, ее поддержали крестьяне, служащие, учащиеся и другие слои населения. Забастовка стала всеобщей.

[24] «Синмин ильбо» (新民日報), 1948, 23 апреля.

[25] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 16.

Члены Трудовой партии использовали избирательные собрания для разоблачения выборного фарса. Они разъясняли массам, что участие в выборах не только ничего не принесет им, но, наоборот, дезорганизует демократические силы, усилит конституционные иллюзии в буржуазных слоях и отвлечет внимание от освободительной борьбы.

Однако вопреки протесту корейского народа 10 мая 1948 г. в Южной Корее были проведены выборы в «национальное собрание», а в августе создано реакционное марионеточное правительство Ли Сын Мана.

Участие народных масс Южной Кореи в создании КНДР и выборах в Верховное Народное Собрание

Корейский народ был поставлен перед свершившимся фактом раскола страны. В таких условиях с особой остротой возникла необходимость принять решительные меры для консолидации всех демократических национальных сил на борьбу за единство и независимость родины.

По инициативе Трудовой партии Северной Кореи в июне — июле 1948 г. было созвано Второе Объединенное совещание лидеров политических партий и организаций Северной и Южной Кореи, которое явилось ярким выражением сплоченности национальных сил в борьбе за создание независимой народно-демократической республики. На совещании присутствовали 16 лидеров политических партий и общественных организаций Северной Кореи и 17 — от Южной Кореи, в том числе от левых партий и организаций Южной Кореи — 9, от центристских — 5 и от правых — 3 человека.

Второе Объединенное совещание обсудило вопрос о положении в стране в связи с проведением сепаратных выборов и наметило основные мероприятия по борьбе за единство родины.

«Политическое положение, создавшееся в южной части страны, серьезное, — говорил Ким Ир Сен в своем докладе на этом совещании. — Оно создает угрозу разделения нашей родины и лишения ее национальной независимости... необходимо принять решительные меры, направленные на спасение родины, на создание национальной независимости и свободы для народа» [26].

Участники совещания предложили создать всекорейский верховный орган власти и ввести в действие временную конститу-

[26] «Стенографический отчет Второго Объединенного совещания лидеров политических и общественных организаций Северной и Южной Кореи, выступающих за единство Кореи» (июнь — июль 1948 г.) (далее — «Стенографический отчет Второго Объединенного совещания»), стр. 26.

цию Кореи, принятую Народным собранием Северной Кореи еще в 1947 г. и одобренную широкими слоями населения как Севера, так и Юга. Принятие таких мер диктовалось политическим положением, сложившимся в стране, и было настоятельным требованием подавляющего большинства корейского народа, которое поддержали не только все представители левых организаций Севера и Юга, но и многие лидеры правых партий и организаций. Хон Мён Хи [27], выступивший от имени южнокорейских партий, представленных на совещании, говорил: «...нам нужно создать центральное правительство, состоящее из представителей народа и выступающее за интересы народа... Создание нашего единого законодательного органа будет направлено не на расчленение нашей родины, а на ее объединение» [28].

Об этом же говорили и представители центристской южнокорейской партии — «партии трудового народа» и представитель «партии трудящихся масс» (правая партия Южной Кореи) и др.

Участники совещания осудили действия США в Корее и приветствовали политику СССР, направленную на быстрейшее восстановление корейской государственности на демократических началах.

«С целью разделения Кореи на две части и превращения Южной Кореи в военный плацдарм, — заявил лидер корейской демократической независимой партии Ким Иль Чен, — США отказались от справедливого предложения Советского Союза об одновременном выводе из Кореи иностранных войск и предоставления корейскому народу права самому решать свою судьбу» [29].

Особо важное значение придавалось тому факту, что Северная Корея, в которой были осуществлены коренные революционные преобразования, стала опорной базой для создания корейской демократической республики. Даже представитель одной из правых организаций профессор Ли Ти Но заявил, что в Северной Корее уже создана база для строительства государства, а Южная находится в состоянии неразберихи и разрушения [30].

Совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что решения Первого Объединенного совещания представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, призвавшие народ к бойкоту антинародных сепаратных выборов, полностью себя оправдали, что выборы в Южной Корее имели фальсифицированный характер и были проведены вопреки воле народа. Было отмечено также, что созданное в результате выборов «национальное собрание», как и принятая им конституция, являются антинародными, реакционными.

[27] Хон Мён Хи — ныне видный государственный и общественный деятель КНДР, заместитель председателя Кабинета министров КНДР.

[28] «Стенографический отчет Второго Объединенного совещания», стр. 39—40.

[29] «Стенографический отчет Второго Объединенного совещания», стр. 51.

[30] Там же, стр. 58.

«Мы, представители политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, вновь подтверждаем, — говорилось в решении совещания, — что мы не признаем созданное насильственным путем так называемое национальное собрание, ибо этот незаконно созванный орган не может выражать интересов нашей нации и нашего государства. Мы вновь со всей силой подчеркиваем, что главной задачей в деятельности партий и организаций, представляемых нами на данном совещании, является, как и прежде, борьба за объединение Северной и Южной Кореи в единое демократическое государство» [31].

Было решено, что Верховное Народное Собрание и центральное правительство Кореи будут добиваться немедленного и одновременного вывода из Кореи иностранных войск [32]. Участники совещания договорились о порядке выборов в Верховное Народное Собрание и создали руководящий Комитет по проведению выборов на юге страны.

Значение Второго Объединенного совещания, созванного в критический для страны момент, огромно. Оно подтвердило нежелание широких народных масс Кореи признать незаконное марионеточное правительство Южной Кореи и продемонстрировало стремление национальных демократических сил к борьбе за единство и независимость.

Совещание ярко свидетельствовало о росте влияния рабочего класса на другие слои населения, которые активно поддерживали его курс на создание народно-демократической республики. Решения совещания наглядно подтвердили правильность политики Трудовой партии Северной Кореи, своевременно выдвинувшей в качестве главнейшей задачи создание в Северной Корее прочной революционно-демократической базы.

Решения Второго Объединенного совещания были горячо одобрены народными массами Северной и Южной Кореи. Вопреки террористическим действиям реакции в Южной Корее развернулась широкая предвыборная кампания.

Созданный на совещании организационный комитет, в который вошли представители различных политических партий и организаций, обратился к южнокорейскому населению с призывом принять участие в выборах.

На территории Южной Кореи были созданы избирательные комиссии из представителей различных политических партий и беспартийных. Агитаторы и уполномоченные по сбору подписей [33] избирателей в условиях жесточайшего террора, рискуя жизнью, разъясняли населению цели и задачи выборов.

Огромное мужество и организованность проявили в дни выборов в августе 1948 г. южнокорейские рабочие. В докладе ман-

[31] Там же, стр. 105.

[32] Там же, стр. 107.

[33] Было выдвинуто около 90 тыс. уполномоченных по сбору подписей.

датной комиссии первой сессии Верховного Народного Собрания КНДР, состоявшейся 2—10 сентября 1948 г., приводятся многочисленные факты их героической деятельности. 1300 подписей собрала работница текстильной фабрики Пусана, около 900 подписей — рабочий из города Йондынпхо. Рабочие вели большую разъяснительную работу в деревнях. Многие из них поплатились жизнью. Даже по официальным южнокорейским данным, сотни агитаторов были арестованы.

В промышленных районах Южной Кореи в голосовании участвовало 88—90% избирателей, в среднем же голосовало более 77%. На съезд народных представителей Южной Кореи было избрано 1080 человек, из них более 55% рабочих и крестьян, около 29% служащих, остальные — представители ремесленников, торговцев и т. д. Свыше 400 делегатов съезда были активными борцами за независимость и в период японского колониального режима.

Съезд народных представителей Южной Кореи, происходивший в Хэчжу, на севере Кореи, единодушно высказался за создание народно-демократической республики и тайным голосованием избрал 360 депутатов в Верховное Народное Собрание Кореи. Таким образом, создание Корейской Народно-Демократической Республики происходило при самом непосредственном и активном участии народных масс Южной Кореи. Весь корейский народ, в том числе и население Юга, за исключением феодально-компрадорских слоев, выступил против южнокорейских сепаратных выборов, против террористического режима, за единую независимую Корею.

Это было крупнейшей победой национальных демократических сил Кореи, победой политической линии Трудовой партии, свидетельством ее огромного авторитета и влияния.

Освободительное демократическое движение в Южной Корее после образования КНДР

Образование КНДР, явившееся крупнейшим событием в истории Кореи, открыло новый этап освободительного демократического движения южнокорейских патриотов. Принятие конституции, основным принципом которой является народовластие, признание КНДР Советским Союзом и другими социалистическими странами и выход КНДР на международную арену в качестве суверенного государства, большие успехи демократического строительства в северной части страны — все это предопределило дальнейшую активизацию борьбы народных масс Южной Кореи. Основным лозунгом движения демократических сил Юга становится объединение родины под знаменем Корейской Народно-Демократической Республики.

На всей территории Южной Кореи усилилось партизанское движение. Если ранее основным очагом движения был остров

Чечжудо, то с осени 1948 г. отряды народных мстителей стали возникать в различных районах Юга.

Партизанские отряды в основном состояли из рабочих и крестьян. Руководителями были, как правило, члены Трудовой партии. В этот период увеличивается не только численность партизанских отрядов, но и усиливается наступательный характер борьбы. В ряде мест, опираясь на активную поддержку населения, партизаны изгоняли лисынмановских чиновников, создавали народные комитеты и проводили демократические преобразования.

Партизанское движение, как и вся освободительная демократическая борьба в Южной Корее, происходило в крайне сложных и трудных условиях. Репрессии лисынмановского правительства, а также деятельность империалистических агентов, пробравшихся в Трудовую партию Южной Кореи, ослабили силы партизанского движения. Не было четкого руководства боевыми операциями. Провокаторы, проникшие в партизанские отряды, раскрывали планы намечаемых действий, выдавали активных участников и руководителей движения. Однако все эти факторы, хотя существенно мешали народной борьбе, не могли приостановить ее развития, изменить ее наступательный характер.

Более того, партизанская борьба, недовольство широких народных масс американским оккупационным режимом оказывали влияние на солдат лисынмановской армии.

В ночь с 19 на 20 октября 1948 г. вспыхнуло восстание 14-го полка, дислоцированного в порту Йосу (провинция Чолла-намдо). Одно из подразделений этого полка отказалось участвовать в карательной экспедиции против патриотов острова Чечжудо [34], где уже полгода бушевало пламя партизанской борьбы. Восставшие захватили склады с оружием, разгромили полицейское управление и административные учреждения. К солдатам присоединились рабочие, ремесленники и крестьяне из окрестных сел. В ожесточенных стычках было убито 800 полицейских [35]. Власть в городе перешла в руки повстанцев.

На городском митинге было решено вести неутомимую борьбу за свержение марионеточного южнокорейского правительства, за осуществление демократических реформ в Южной Корее и активно защищать КНДР [36].

Созданный повстанцами народный комитет предал суду наиболее отъявленных реакционеров, отменил налоги, обеспечил снабжение населения продовольствием. Повстанческие отряды заняли город Сунчхон [37] к северу от Йосу и установили там власть

[34] «Current notes on international affairs», Canberra, 1949, vol. 20, № 2, February, p. 67—102.
[35] «Information et documentation», Paris, 1948, 30 Octobre, p. 19.
[36] «Минчжу чхоннён» ( ), 1956, 19 октября.
[37] G. M. MacCune, *Korea today*, p. 241.

народных комитетов. Восстание ширилось с каждым днем и охватило уезды Курё, Посон, Кванъян, Хадон, Коксон.

Все попытки властей подавить повстанцев оказались безуспешными. На сторону народа переходили воинские подразделения, посланные на подавление восстания.

Правящие круги Южной Кореи были охвачены тревогой. Наиболее надежные части под руководством американских офицеров были брошены для расправы с повстанцами. Восставшие предпринимали героические попытки отбить яростный натиск атакующего врага, но силы были неравны.

23 октября лисынмановские войска захватили город Сунчхон, 27 октября — Йосу. Большие группы повстанцев ушли в горы Чирисан и на прибрежные острова, где создали свои опорные базы и продолжали оказывать вооруженное сопротивление карательным отрядам американских и лисынмановских войск.

Очевидец восстания американский корреспондент Аллен Реймонд сообщил, что около 9 тыс. повстанцев было убито и ранено, а 23 тыс. человек арестовано по подозрению в соучастии [38].

Восстание в Йосу потерпело поражение прежде всего потому, что оказалось изолированным и не было поддержано выступлениями народных масс в других районах.

Но оно явилось одним из проявлений глубокого политического кризиса всей лисынмановской системы. Вместе с тем восстание показало, что недовольство этой системой охватило и армию — оплот южнокорейской реакции, что протест широких слоев южнокорейских масс против колониального режима достиг огромной силы и в ряде случаев принимал форму вооруженной борьбы.

В ответ на мужественную борьбу трудящихся против лисынмановского режима правящие круги еще более усилили террор. В декабре 1948 г. «национальное собрание» Южной Кореи утвердило закон об охране безопасности государства, санкционирующий самую жестокую расправу с патриотами.

В армейских частях, проявивших колебания в период подавления восстания в Йосу, была проведена чистка. Солдаты, сочувствовавшие повстанцам, были преданы военно-полевому суду и приговорены к смертной казни.

Новым репрессиям подверглась демократическая пресса. С октября 1948 по май 1949 г. правительство закрыло семь крупных газет за критику политики лисынмановцев.

Готовясь к агрессии против КНДР и пытаясь укрепить тыл, американская и южнокорейская реакция принимала лихорадочные меры к тому, чтобы разгромить партизанское движение. С этой целью весной 1949 г. были проведены две крупные карательные кампании, в которых участвовали оснащенные американским оружием воинские части под руководством офицеров США. Однако, по их же признанию, карательные кампании провалились. Отряды народных мстителей продолжали действовать во всех провинциях Южной Кореи.

[38] «New York herald tribune», 1950, 28 June.

Этот период (осень 1948 — весна 1949 г.) характеризуется также и ростом крестьянского движения. В марте 1949 г. в провинции Чолла-намдо вспыхнуло крестьянское восстание, проходившее под лозунгом немедленного проведения демократической земельной реформы и передачи власти народным комитетам. Во многих деревнях крестьяне нападали на помещичьи усадьбы и полицейские посты. При поддержке партизан они вступали в упорные, хотя подчас и неравные схватки с полицией и солдатами.

В условиях активизации освободительного движения и усиления репрессий со стороны властей росло стремление к единству действий в борьбе за объединение и независимость страны. Политика единого фронта и консолидации всех демократических сил, в проведении которой решающая роль принадлежала Трудовой партии Северной Кореи, встречала поддержку и одобрение широких народных масс.

В мае 1949 г. восемь прогрессивных политических партий и общественных организаций Южной Кореи (трудовая партия, демократическая независимая партия, народно-республиканская партия, партия трудового народа, «Чхонундан», социал-демократическая партия, демократический женский союз и конфедерация труда) обратились к партиям и организациям Северной и Южной Кореи с предложением создать всекорейский Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ). «Не настало ли время, — говорилось в обращении, — когда все политические партии и общественные организации, борющиеся за объединение родины, за вывод иностранных войск, должны сплотить все свои силы и создать более широкий общекорейский национальный фронт... Мы думаем, что это время действительно настало...» [39].

Эта инициатива была горячо поддержана всей корейской общественностью. ЦК ЕДНФ Северной Кореи полностью одобрил предложение о создании Единого демократического отечественного фронта и рекомендовал образовать подготовительный комитет из представителей политических партий и общественных организаций [40]. В стране началось движение за создание общекорейского фронта независимости, демократии и мира. В этом движении приняли активное участие все прогрессивные силы страны, к ним примкнули центристские и некоторые правые партии и организации. С заявлениями о поддержке идеи создания единого фронта в Южной Корее выступили столь различные по своим

[39] «Минчжу чосон», 1949, 15 мая.
[40] Там же.

политическим взглядам организации, как партия трудящихся масс, всекорейская конфуцианская лига, лига работников культуры, лига буддистов, демократический христианский союз, партия буддистской молодежи, новая прогрессивная партия, независимый союз женщин, «корейское общество всеобщего объединения нации» и др.

Предложение о создании ЕДОФ «выражает чаяния корейского народа, который требует немедленного объединения родины, вывода американских войск и стремится к созданию независимого государства» [41],—говорилось в письме ЦК Корейской массовой партии.

«Предложение о создании ЕДОФ является своевременным, и члены нашей партии полностью его поддерживают» [42], — писал в своем заявлении ЦК партии трудящихся масс.

С подобными заявлениями выступили и другие партии и организации различных политических направлений.

25 июня 1949 г. в Пхеньяне открылся учредительный съезд ЕДОФ, на котором присутствовали представители от 71 партии и общественной организации Северной и Южной Кореи. Южнокорейским делегатам нелегко было прибыть на этот съезд из-за преследований лисынмановской полиции. 28 посланцев были арестованы и не смогли участвовать в работе съезда.

Съезд наметил программу действий и опубликовал декларацию ЕДОФ о мирном объединении страны. За распространение среди южнокорейского населения программы и декларации ЕДОФ лисынмановские власти наказывали, как за тягчайшее государственное преступление. Однако реакция была бессильна воспрепятствовать распространению в Южной Корее этих патриотических документов.

Огромное значение для сплочения и организации революционных сил страны имело происшедшее в июне 1949 г. объединение трудовых партий Северной и Южной Кореи в Трудовую партию Кореи. Это было особенно важно потому, что в Южной Корее преступная деятельность империалистических агентов и всякого рода фракционеров дезорганизовала руководство партии, ослабила ее ряды и тем самым подрывала авторитет в массах.

Объединение Трудовой партии Южной Кореи с Трудовой партией Северной Кореи, накопившей большой опыт руководства массами, монолитной и сплоченной, строящей свою деятельность на принципах марксизма-ленинизма, способствовало активизации освободительного движения в Южной Корее, росту руководящей и организующей роли рабочего класса.

Вопреки террору лисынмановских властей летом и осенью 1949 г. в Южной Корее нарастало движение в поддержку программы и декларации ЕДОФ. Это движение возглавил рабочий класс. 20 июля 1949 г. в Сеуле, Инчхоне, Тэгу и Пусане рабочие промышленных предприятий объявили забастовку, выдвинув требование мирного объединения страны. Вспыхнула забастовка на транспорте. Связь между столицей и периферией была прервана. Прекратили работу шахты, рудники и электростанции. Бастующие шахтеры вольфрамовых рудников уезда Дарсен провинции Кёнсан-пукто вышли на демонстрацию [43]. Бастовали не только рабочие, но и служащие различных учреждений страны.

Выступления рабочих были активно поддержаны крестьянством Южной Кореи. В провинции Кёнсан-намдо и Кёнсан-пукто, Чолла-намдо и Чолла-пукто, Кёнгидо происходили демонстрации крестьян, требовавших немедленного претворения в жизнь решений ЕДОФ.

Ширилось и партизанское движение. Только в июне 1949 г. было зафиксировано 594 столкновения партизан с лисынмановскими войсками и полицией, в них участвовало около 23 тыс. человек. В июле произошло 657 столкновений с 30 тыс. участников, в августе — 750 с участием более 44 тыс. человек. В сентябре количество столкновений превысило тысячу; в них участвовало 77 тыс. человек [44].

Активно поддержали программу ЕДОФ и декларацию о мирном объединении страны патриотические слои национальной буржуазии. Следует, конечно, учитывать, что если широкие трудящиеся массы, возглавляемые рабочим классом, видели в создании Единого демократического отечественного фронта одно из мощных средств для достижения единства, независимости и народно-демократического развития страны, то представители национальной буржуазии, поддерживая идею единого фронта, ставили перед собой ограниченные, узко националистические задачи. Однако в создавшихся условиях осуществление этих задач было возможно лишь в ходе народно-демократического развития страны, поэтому патриотические слои южнокорейской национальной буржуазии (как и в период создания КНДР) поддержали программу революционных сил, программу Единого демократического отечественного фронта, в которой задача мирного объединения страны ставилась одновременно с задачами коренных революционных преобразований.

Возглавляя борьбу корейского народа за национальное единство, независимость и демократию, Трудовая партия Кореи вела неутомимую работу в массах и сплотила вокруг пролетарского авангарда широкие слои населения.

Это было очередной победой Трудовой партии Кореи, новым подтверждением правильности ее стратегии и тактики.

---

[41] Там же, 1949, 22 мая.
[42] Там же.

[43] «Нодон синмун», 1949, 16 июля.
[44] «Минчжу чосон», 1949, 1 декабря.

После создания ЕДОФ руководимые Трудовой партией Кореи массовые организации северной части страны обратились с призывом включиться в борьбу за мирное объединение к тем группам южнокорейского населения, которые не вошли в ЕДОФ. Работники культуры Северной Кореи, собравшиеся летом 1949 г. на учительский съезд, а также предприниматели и торговцы обратились с аналогичным воззванием к своим соотечественникам в Южной Корее.

Протестанты, буддисты и другие верующие направили открытое письмо верующим Южной Кореи. В нем подчеркивалось: «С древнейших времен наша родина и наш народ были едины. В настоящее время все поднимаются на борьбу за реализацию обращения ЕДОФ» [45].

Эти призывы оказали влияние на колеблющиеся слои южнокорейского населения.

Политика империалистической и южнокорейской реакции, направленная на развязывание войны, террор в отношении сторонников мира и национального единства, массовые аресты патриотов, «чистка» учреждений, предприятий, учебных заведений, армии [46] — все это порождало протест даже у равнодушных и колеблющихся, содействовало приобщению их к национальному демократическому фронту.

Нарастало брожение и в правом лагере. Около 10% депутатов «национального собрания» было арестовано за то, что они выразили несогласие с политикой правительства.

В июне 1949 г. реакционерами был убит один из видных политических деятелей правого лагеря Ким Гу, участвовавший в работе Первого Объединенного совещания и поддерживавший идею мирного объединения страны.

Попытки лисынмановцев сплотить правые силы путем создания единого фронта реакции, так называемого национального лагеря, с целью противопоставить его ЕДОФ были обречены на провал [47]. По признанию самих организаторов «национального лагеря» среди части членов правых организаций широкое распространение получили идеи мирного объединения страны.

Мощным стимулом для усиления освободительной борьбы народных масс явилась историческая победа китайского народа осенью 1949 г.

В октябре 1949 г. вновь поднялась волна партизанского движения в Южной Корее. В горных районах Одсана, Чирисана,

[45] Там же, 27 июля.

[46] В связи с чисткой из армии было уволено более 15 тыс. солдат.

[47] Попытка создания «национального лагеря» была предпринята лисынмановцами летом 1949 г. в обстановке подъема народного движения за образование ЕДОФ. Программные положения «национального лагеря» провозглашали непримиримую борьбу с демократическими партиями и недопустимость сотрудничества с организациями, поддерживающими идею мирного объединения страны.

Чирисана и других местах возникли крупные партизанские центры. Значительно расширились масштабы боевых операций партизанских отрядов. Они смело вступали в бой с воинскими частями, занимали населенные пункты.

27 октября около 3 тыс. партизан совершили налет на военную базу Чинчжу, подожгли казармы, полицейский участок, а также здание муниципалитета. Город некоторое время находился в руках партизан.

Только в октябре 1949 г. партизаны произвели нападение на 45 волостных управлений. В этом же месяце ими было организовано более 600 массовых собраний и митингов, на которых населению разъяснялись решения ЕДОФ.

Как и в предшествующий период, партизанское движение было неразрывно связано с выступлениями крестьян, требовавших проведения земельной реформы и других демократических преобразований. В октябре 1949 г. в уезде Канчжин провинции Чолла-намдо в восстаниях участвовало около 4500 крестьян, в уезде Нонгван той же провинции — 3 тыс. Восставшие изгнали лисынмановские власти, установили власть народных комитетов и осуществили земельную реформу.

В октябре 1949 г. около 1500 крестьян волости Субук уезда Ламян и 3 тыс. крестьян волости Енгван того же уезда выступили против помещиков с требованием передать земли крестьянам. При содействии партизан они арестовали около 200 помещиков и устроили над ними народный суд.

22 ноября тысяча крестьян в провинции Чолла-намдо подняли восстание против помещиков и присоединились к партизанам [48]. В уезде Ысен провинции Кёнсан-пукто крестьяне организовали многолюдную демонстрацию под лозунгом «Долой комиссию ООН!» Такие же демонстрации и митинги состоялись в других районах Юга.

Только в ноябре 1949 г. в крестьянских восстаниях участвовало около 43 тыс. человек.

Наиболее крупные крестьянские выступления произошли в конце 1949 г. в волости Камун уезда Корё. Крестьяне, собравшись на митинг, постановили осуществить земельную реформу и судили помещиков. Упорная, длительная борьба происходила в волости Чансумён, уезда Енчжу провинции Кёнсан-пукто [49], в уезде Чендю провинции Чхунчхон-пукто и в ряде других районов Южной Кореи.

Осенью 1949 г. усилилось движение протеста против реакционного режима и в городах Южной Кореи. Дело доходило до восстаний, в ходе которых повстанцы пытались создать органы народной власти и осуществить революционные преобразования.

[48] «Минчжу чосон», 1949, 8 декабря.

[49] «Минчжу чосон», 1949, 6 декабря.

14 октября 1949 г. население города Мокпхо освободило 1300 заключенных, захватило оружейный склад. Восставшие упорно отражали ожесточенные атаки войск и полицейских отрядов.

Жители города Чхончжу провинции Чхунчхон-пукто 16 ноября в ответ на вынесение смертного приговора группе патриотов разгромили государственные учреждения, арестовали, а затем судили чиновников [50].

Ссылаясь на данные южнокорейского правительства, «комиссия ООН по Корее» сообщала, что в течение 1949 г. партизанами было убито 1637 полицейских и 436 правительственных служащих [51].

К освободительному антиимпериалистическому движению примкнули мелкие служащие правительственных учреждений и даже отдельные группы полицейских. В ноябре 1949 г. полицейские, охранявшие тюрьму в Кванчжу, освободили большую группу заключенных и, захватив оружие, скрылись [52].

Единство действий различных социальных групп в антиимпериалистическом движении таило огромную опасность для американской и южнокорейской реакции. Правительство предпринимало различные меры, направленные на подавление деятельности прогрессивных патриотических сил. Однако важнейшим средством оставался полицейский террор. Зимой 1949 г. лисынмановцы предприняли крупную карательную экспедицию против партизан. Южная Корея была разбита на пять районов, в каждый из них были направлены войска, а также отряды полиции и террористов. В операции участвовали артиллерия и авиация. Каратели с исключительной жестокостью расправлялись не только с партизанами, но и с населением, проживающим в районах их деятельности. Многие населенные пункты были сметены с лица земли. Тысячи патриотов-партизан, участников восстаний, забастовок, крестьянских выступлений были убиты, ранены или брошены в тюремные застенки.

На борьбу против небольших партизанских отрядов американская и южнокорейская военщина бросала крупные силы.

В этом отношении чрезвычайно показательно одно из сообщений «комиссии ООН по Корее». В нем говорится, что в начале февраля 1950 г. комиссия посетила участок в районе горы Унмун на юго-восток от Тэгу, где велись операции против партизан; воинские части, насчитывающие около 2 тыс. человек, пытались окружить и уничтожить 60 партизан. Комиссия отметила, что «это было хорошим примером той нагрузки, которая выпала на долю регулярных войск республики в борьбе с партизанами» [53].

[50] «Нодон синмун», 1949, 18 ноября.

[51] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 5-я сессия, дополнение № 16 (А/1350), Нью-Йорк, 1950, стр. 29.

[52] «Минчжу чосон», 1949, 3 декабря.

[53] «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», 5-я сессия, дополнение № 16 (А/1350), Нью-Йорк, 1950, стр. 29.

Наряду с террором зимой и весной 1950 г. правящие круги предприняли новые демагогические меры, чтобы «успокоить» и разобщить массы, дезорганизовать их борьбу. С этой целью крестьянам Южной Кореи обещали землю, был разработан закон о земельной реформе. Вокруг готовящейся реформы развернулась шумная пропагандистская кампания. Лисынмановцы использовали все средства своего пропагандистского арсенала, чтобы представить эту куцую реформу «демократической» и тем самым отвлечь крестьянство от борьбы за подлинно демократические преобразования.

Жестокий террор и демагогические маневры властей, обещавшие провести земельную и другие реформы и мероприятия, направленные на дезорганизацию и раскол патриотических сил, подрывная деятельность вражеских агентов, пробравшихся к руководству партизанским движением, — все это привело к его временному спаду.

Проведение незаконных выборов в «национальное собрание» в мае 1950 г. преследовало цель отвлечь внимание народа от готовящейся агрессии против КНДР и укрепить террористический режим в Южной Корее. Демократические организации во главе с Трудовой партией Кореи призывали бойкотировать незаконные выборы и усилить борьбу за мирное объединение страны.

Политика Трудовой партии Кореи и правительства КНДР, деятельность ЕДОФ, направленные на предотвращение войны и мирное объединение страны, отвечали сокровенным чаяниям всего корейского народа, жаждавшего мира. Но иного хотели агрессивные круги США, руками лисынмановской военщины развязавшие войну в Корее.

Освободительная борьба южнокорейских патриотов в годы Отечественной войны (1950—1953)

По призыву Трудовой партии корейский народ поднялся на борьбу против интервентов, за честь и свободу своей родины. Следуя этому призыву, южнокорейские патриоты во главе с членами Трудовой партии активно действовали в тылу врага.

С благодарностью и любовью встречало население Юга воинов героической Народной армии, успешно освобождавших территорию родины. В освобожденных районах восстанавливалась власть народных комитетов. В выборах народных комитетов участвовало 90—100% избирателей.

«Наши рабочие горячо приветствуют указ Президиума Верховного Народного Собрания о проведении выборов в народные комитеты, — говорилось в заявлении Конфедерации труда. — Выражая волю народа, рабочий класс изберет лучших представителей в народные комитеты» [54].

[54] «Нодон синмун», 1950, 20 июля.

«Проведение выборов в народные комитеты на основе демократических принципов выражает чаяния и волю народа освобожденных районов Южной Кореи» — указывалось в заявлении Южнокорейского союза крестьян [55].

В народные органы власти были избраны лучшие представители народа — борцы за независимость и демократию. Подавляющее большинство их составляли рабочие и крестьяне [56].

Там, где были восстановлены народные комитеты, в соответствии с Конституцией КНДР проводились демократические преобразования.

Особая активность широких народных масс проявилась при проведении земельной реформы, передавшей безвозмездно крестьянам все земли, принадлежавшие американским оккупантам, лисынмановскому правительству и помещикам. На собраниях безземельных и малоземельных крестьян избирались специальные комитеты, практически проводившие эту реформу в деревне.

По всей освобожденной территории Южной Кореи проходили многочисленные митинги. 9 июля 1950 г. массовый митинг состоялся в волости Тонмён уезда Кванчжу провинции Чхунчхон [57]. Принятое его участниками решение гласило: «Правительство республики проводит земельную реформу, которая даст нам землю... Марионеточное правительство не могло дать нам земли, так как оно защищает интересы помещиков... Для того чтобы полностью изгнать врагов — американских империалистов и клику Ли Сын Мана, мы всячески будем помогать Народной армии, которая героически борется против врагов» [58].

19 июля около 35 тыс. крестьян собрались на митинг в уезде Ёнбэк провинции Хванхэ-до. Собравшиеся горячо одобрили осуществление демократической земельной реформы.

Огромная политическая активность южнокорейских трудящихся, проявленная ими при проведении демократических реформ, явилась новым ярким свидетельством правильности политики Трудовой партии и правительства КНДР.

Большую помощь в проведении земельной реформы оказывали южнокорейским крестьянам находившиеся в рядах Народной армии члены Трудовой партии, имевшие опыт проведения этой реформы в Северной Корее, а также рабочие южнокорейских предприятий, энергично приступившие к восстановлению парализованной войной экономики. 30 июня более 500 сеульских электриков приняли решение в короткие сроки восстановить телеграфно-телефонную связь, трамвайное движение, а также всемерно содействовать пуску в действие жизненно важных объектов [59].

[55] Там же.
[56] Там же, 11 августа.
[57] Там же, 19 июля.
[58] «Минчжу чосон», 1950, 16 июля.
[59] «Нодон синмун», 1950, 1 июля.

3 июля 500 рабочих сеульского трамвайного парка № 7 создали ударные бригады по ремонту вагонов и линий [60]. В короткие сроки было восстановлено большинство разрушенных дорог и мостов. При широкой помощи народных масс вступили в действие радиостанции. Возобновили работу редакции газет, культурные учреждения, органы здравоохранения и т. д.

На фабриках и заводах создавались фабричные комитеты. 1 июля такой комитет был создан на табачной фабрике Сеула. В результате его деятельности 4 июля фабрика вступила в строй действующих предприятий.

Большую помощь Народной армии в освобождении территории Южной Кореи и восстановлении ее экономики оказывали партизаны. 4 июля 1950 г. в провинции Кёнгидо партизаны атаковали врага к югу от Сувона и в течение 6 часов вели тяжелые кровопролитные бои с американскими частями. В ночь на 15 июля выступили партизаны Чечжудо. 17 июля партизанские отряды провинции Чолла-намдо одновременно выступили в уездах Чанхын. Дамян, Кванчжу, Кванъян. Многие партизанские отряды влились в части Народной армии.

Самые широкие слои южнокорейского населения были преисполнены решимости оказывать всемерную помощь своей освободительнице — Народной армии, изгнать с корейской земли американских интервентов, закончить войну и мирным путем объединить родину. В течение первых трех недель после начала войны около 400 тыс. юношей и девушек Южной Кореи изъявили желание идти на фронт [61].

В начале июля рабочие 20 предприятий Сеула, 2 тыс. молодых рабочих Йондынпхо и многие тысячи других представителей трудящихся приняли решение отправиться на фронт добровольцами.

2 июля состоялся многолюдный митинг женщин Сеула, на котором они постановили единодушно бороться за объединение родины [62].

6 июля 1950 г. свыше 3 тысяч учащихся 20 средних школ и колледжей собрались на митинг в Народном доме Сеула. Большинство из них тут же на митинге подали заявление с просьбой зачислить их добровольцами в Народную армию. Такое же желание выразили на состоявшихся в начале июля митингах работники культуры и искусства, а также служащие финансовых учреждений Сеула и другие патриоты.

В патриотическое движение включались ремесленники, торговцы и предприниматели, служители культа, семьи военнослужащих.

[60] Там же, 19 июля.
[61] «Корейская молодежь в борьбе за свободу и независимость своей родины», Пхеньян, 1951, стр. 12.
[62] «Хэбан ильбо» (解放日報), 1950, 3 июля.

21 и 22 июля в Сеуле происходили собрания семей солдат лисынмановской армии. Было принято обращение к солдатам «армии национальной обороны», в котором говорилось: «Переходите на сторону народа, поверните оружие против американских империалистов и их агентов — лисынмановской клики...» [63].

В лагере южнокорейской реакции царила растерянность и паника. Многие депутаты «национального собрания» перешли на сторону народа. 25 июля 1950 г. 48 бывших депутатов «национального собрания» Южной Кореи обратились с призывом к остальным депутатам: «...Мы, бывшие депутаты так называемого национального собрания, находившегося под властью американских империалистов, должны исправить свои прошлые ошибки и искупить свои преступления, перейти на сторону родины и народа и принимать активное участие в борьбе за разгром американских захватчиков, за полное уничтожение предательской клики Ли Сын Мана... Вставайте под славное знамя КНДР — нашего национального государства» [64].

В эти дни славных побед Народной армии население южнокорейских освобожденных районов с новой силой продемонстрировало свою решимость создать народно-демократический строй и на деле доказало преданность политике Трудовой партии. Когда в результате высадки крупного американского десанта в Инчхоне 15 сентября 1950 г. начался период временного отступления Народной армии, южнокорейские патриоты, действуя вместе с армейскими частями, проявили подлинные чудеса героизма, отстаивая от врага родную землю. 120 тыс. жителей Сеула вступили в ряды народных ополченцев. Они соорудили около 700 баррикад и под руководством городского комитета Трудовой партии вместе с бойцами Народной армии в течение двух недель героически защищали город [65].

Патриоты продолжали самоотверженную борьбу и после того, как ценою огромных потерь интервентам удалось захватить большую часть территории Кореи.

В горных районах Чирисан и Пэкунсан активно продолжал действовать крупный партизанский отряд, созданный еще осенью 1948 г. на острове Чечжудо. В августе 1950 г. он героически сражался в районе Тэгу — важном опорном пункте противника [66].

Активно действовал отряд южнокорейских патриотов в районах Чхунчхона и Коксана. В основном он состоял из членов Трудовой партии и Союза демократической молодежи. В период с октября 1950 по январь 1951 г. отряд провел почти

[63] Там же, 23 июля.
[64] «Нодон синмун», 1950, 28 июля.
[65] «Корейская молодежь в борьбе за свободу и независимость своей родины», стр. 16.
[66] Там же, стр. 22.

200 боев, во время которых было убито, ранено и взято в плен более 6700 солдат противника [67].

Партизанский отряд, отважно сражавшийся в районе Сеула в октябре — декабре 1950 г., за 70 дней провел 39 боев.

Другой отряд восстановил свыше 50 народных комитетов.

Около 70% партизан составляла молодежь. Горячая любовь к родине, ненависть к врагу, вера в правоту и победу своего дела вдохновляли молодых патриотов на большие подвиги. «Наши сердца полны чувством любви к родине и ненависти к врагу» — поется в любимой песне молодежи [68].

В тяжелые для родины дни, наступившие осенью 1950 г., еще теснее сомкнули ряды южнокорейские рабочие. Борьба против интервентов принимала самые различные формы — забастовки, саботаж, порча оборудования и т. п.

В конце ноября 1951 г. рабочие города Пусана подожгли центральный порт, где находились военные грузы, а 30 декабря военный завод — один из крупнейших в Южной Корее. В апреле 1952 г. сгорел крупный военный завод в Тэгу.

3 марта 1952 г. 10 тыс. портовых рабочих Инчхона потребовали повысить заработную плату на 50% и обеспечить их продовольствием. Приостановилась разгрузка военных материалов. В начале марта того же года забастовало более 500 рабочих военно-морской базы Чинхэ, также требовавших повышения зарплаты. В марте 1952 г. прекратили работу 3 тыс. текстильщиков Пусана. В апреле того же года объявили забастовку рабочие соляных промыслов близ Инчхона и свыше тысячи шахтеров йонвольских копей.

Газета «Тона ильбо» от 12 мая 1952 г. сообщала, что отказ портовых грузчиков Инчхона разгружать военные материалы наносит серьезный ущерб американцам, обязавшим лисынмановское правительство применять в отношении рабочих самые строгие меры.

Отдельные забастовки даже в условиях жесточайшего оккупационного режима имели политический характер. 29 июля 1952 г. объявили забастовку 30 тыс. портовых рабочих Пусана. Они отказались разгружать американские суда, требуя немедленного заключения перемирия. Их поддержали рабочие других городов и крестьяне соседних провинций. Одновременно с забастовками рабочего класса в ряде провинций происходили выступления крестьян. В провинциях Кёнсан-намдо, Чолла-намдо и Чолла-пукто демонстрации крестьян перерастали в восстания. В числе крупных крестьянских выступлений этого периода следует назвать события, происходившие в волости Чочхивон провинции Чхунчхон. В апреле 1952 г. свыше 2 тыс. крестьян, вооруженных мотыгами, серпами и косами, захватили правительственные про-

[67] Там же, стр. 23.
[68] Там же, стр. 24.

довольственные склады и распределили продукты питания среди голодающего населения.

«Рисовые бунты» произошли в апреле того же года и в районе Хампхёна провинции Чолла-намдо, Хамяна, в провинции Кёнсан-намдо и других местах.

В июне — июле 1952 г. в Окчхоне провинции Чхунчхон-пукто, в районе Кванчжу и других местах крестьяне, не сумев захватить продовольственные склады, подожгли их.

Многие крестьянские выступления происходили в тесном взаимодействии с партизанскими отрядами.

Движение поддерживали и другие слои населения. В феврале 1952 г. в Мокпхо состоялась многолюдная демонстрация жен рабочих, ремесленников, крестьянок против войны и голода. Направившись к муниципалитету, они потребовали регулярной выдачи продовольственного пайка. К демонстрации присоединились даже правые женские организации, в частности Союз христианок.

К 1952 г. вновь усилилось брожение в центристских и правых организациях. Если в период временных успехов интервентов некоторые оппозиционные элементы вернулись в лоно лисынмановской реакции, то после изгнания войск агрессоров из Северной Кореи, в условиях их явного поражения, перед этими колеблющимися группами с новой силой встал вопрос об их отношении к войне, к будущему страны. Недовольство войной нарастало и среди большей части национальной буржуазии, которая присоединила свой голос к протесту широких масс против войны и колониализма.

Новым ярким проявлением народного недовольства явилось движение протеста против президентских выборов в августе 1952 г. Несмотря на то что выборы происходили в условиях разнузданного террора, большинство населения отказывалось в них участвовать. На островах Чечжудо и Кочжедо вспыхнули восстания. Патриоты, уничтожив избирательные списки, заявили: «Мы против Ли Сын Мана, за единую демократическую Корею, за нашего вождя Ким Ир Сена».

Крестьянство по-прежнему настойчиво требовало прекращения войны. В 1953 г. только в прилегающих к Сеулу деревнях было зарегистрировано 14 выступлений крестьян. Начальник полицейского управления провинции Чолла-намдо заявил в одном из своих выступлений, что 90% населения подведомственных ему районов, в подавляющем большинстве крестьяне, протестуют против продолжения войны. Уклонение сельской молодежи от воинской повинности приобрело, по заявлению полицейских властей, массовый характер. Так, лишь в провинции Чолла-пукто от службы в лисынмановской армии скрывалось около 140 тыс. человек [69].

[69] «Чаю синмун» (自由新聞), 1953. 6 ноября.

Героическая борьба Народной армии и китайских добровольцев на фронтах войны, подвиги тружеников тыла, мощное движение за мир в Корее, поддержанное во всех странах, последовательная, неутомимая борьба Советского Союза и стран социалистического лагеря за мирное, демократическое решение корейского вопроса — все это воодушевляло южнокорейских патриотов. Освободительный характер войны, которую вел корейский народ против интервентов, способствовал сплочению и консолидации всех национальных патриотических сил. Эта война была направлена на защиту передового народно-демократического строя, победившего в Северной Корее, к установлению которого стремились народные массы Юга.

В годы войны, как и в предшествующий период, большинство населения Южной Кореи горячо поддерживало политику Трудовой партии, возглавившей борьбу за независимость родины.

Хотя и в военные годы враждебные народу элементы, проникшие в патриотические организации Южной Кореи, продолжали свою подрывную деятельность, нанося несомненный вред антиимпериалистическому, освободительному движению, они были бессильны его остановить. Трудовая партия, очищая свои ряды от предателей и перерожденцев, укрепляя свое единство и сплоченность, нанесла этим врагам решительный удар. Тем самым ее влияние и авторитет в широких массах южнокорейского населения еще более усилились.

Возглавляемое Трудовой партией Кореи освободительное движение южнокорейских патриотов, развивавшееся в сложных условиях войны и террора, оказывало помощь Народной армии и китайским народным добровольцам и явилось немалым вкладом в великое дело победы корейского народа над интервентами.

Освободительное движение в Южной Корее после войны

В послевоенный период в расстановке политических сил в Южной Корее произошли изменения.

Агрессивные круги США и южнокорейские реакционеры, естественно, не могли не извлечь для себя уроков из войны, принесшей им позорное поражение. Корейская война явилась для них более чем тревожным симптомом. Она серьезно подорвала военный и политический престиж США и предвещала неминуемый крах дальнейших авантюр в Корее. Пытаясь укрепить свои позиции, лисынмановское правительство предприняло лихорадочные усилия к тому, чтобы полностью подавить и дезорганизовать освободительное демократическое движение, уничтожить его авангардные силы. Одновременно усилия реакции были направлены на расширение и упрочение своей социальной опоры.

Еще более разнузданным стал полицейский террор. Усилия

реакции были направлены на то, чтобы не допустить возможность существования революционного подполья. В этом отношении чрезвычайно показательны законы, принятые лисынмановским правительством после войны (закон о регистрации политических партий, положение о собраниях и демонстрациях и др.).

Стремясь ослабить революционные силы, реакция направила главный удар против единства рабочего класса.

В силу ряда причин южнокорейский пролетариат оказался после войны несколько ослабленным. Многие рабочие-революционеры и в первую очередь члены Трудовой партии погибли от рук лисынмановской и американской военщины, стали жертвой террора реакции и предательства со стороны вражеской агентуры, проникшей в южнокорейские демократические организации и партизанские отряды.

Пролетариат Южной Кореи не только лишился своих руководителей, но из его рядов выбыли также многие опытные кадровые рабочие, прошедшие длительную школу революционной борьбы против японских колонизаторов и американских оккупантов. Ряды рабочего класса после войны пополнялись за счет крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей, домохозяек[70]. Это тормозило рост классового самосознания пролетариата, ослабляло его руководящую роль в движении и в известной мере облегчало подрывную деятельность вражеской агентуры, пробравшейся в ряды рабочих организаций.

Орудием реакции стала Федерация профсоюзов, руководство которой предало интересы трудящихся и открыто сомкнулось с врагами корейского народа. Лисынмановцы создали также другие общественные организации, действовавшие под демократической вывеской, но на деле являвшиеся проводниками буржуазной идеологии и проамериканского влияния. Они насаждали среди рабочего класса идеи сотрудничества труда и капитала, призывали к отказу от революционной борьбы и т. п.

Лисынмановцы стремились ослабить борьбу и единство рабочего класса не только путем раскола профсоюзных организаций, но и различными демагогическими обещаниями.

Южнокорейское правительство приняло закон о 8-часовом рабочем дне и выплате компенсаций при несчастных случаях. Хотя авторы этого закона и не собирались практически проводить его в жизнь, тем не менее он широко использовался реакционной пропагандой для подрыва рабочего движения; этой же цели служил и закон об урегулировании рабочих конфликтов. Для определенных групп рабочих, в первую очередь для работающих в военной промышленности, были введены некоторые денежные надбавки.

Как известно, в период японского господства в промышленности Кореи на квалифицированных работах и в качестве мастеров, десятников и т. п. использовались преимущественно японцы. После 1945 г. их заменили корейцы. Эта в общем незначительная прослойка была поставлена в привилегированное положение, и ее-то в первую очередь попыталась использовать реакция, чтобы разобщить рабочий класс и отвлечь его от классовой и национально-освободительной борьбы.

Полицейский террор, идеологическая обработка населения, демагогия, подкуп и тому подобные приемы в условиях фактического обновления состава южнокорейского пролетариата и отсутствия революционных профсоюзов, длительная подрывная деятельность вражеской агентуры в южнокорейских организациях Трудовой партии — все это нанесло определенный урон единству рабочего класса Южной Кореи, ослабило его борьбу за свои права и свободу.

Однако спад рабочего движения, наметившийся в первые послевоенные годы, имел сугубо временный характер. Вслед за ним начался процесс постепенного накапливания сил для дальнейшей революционной борьбы. Пролетариат Южной Кореи в союзе с крестьянством был и остался одной из движущих сил корейской революции, которая в общенациональном масштабе все еще является антиимпериалистической, антифеодальной, общедемократической.

«Движущей силой нашей революции,— гласят решения III съезда Трудовой партии Кореи,— является народ Северной Кореи, сплоченный на базе союза рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса, рабочий класс Южной Кореи и его самый надежный союзник — крестьянство, а также широкие массы мелкой буржуазии, выступающие против американского империализма, против феодализма. Кроме того, вместе с нами может вести антиимпериалистическую, антифеодальную борьбу и национальная буржуазия, желающая объединения и независимости родины»[71].

Рабочий класс в своих выступлениях применяет испытанные боевые методы пролетарской борьбы — забастовки, демонстрации, бойкот. Несмотря на то что борьба ведется главным образом под экономическими лозунгами (так как политические выступления запрещены законом), в отдельных забастовках отчетливо звучат антиимпериалистические требования. Главной своей задачей, как и раньше, рабочий класс считает достижение национальной независимости, национального единства и демократического развития родины.

С июня по декабрь 1953 г. произошло 15 массовых выступлений рабочих. Бастовали шахтеры шести крупных угольных шахт Южной Кореи (в Самчхоке, Хвасуне, Мунгёне и Йонволе), докеры Пусана, строители уезда Хвансон и др.

[70] Следует учесть, что 96% рабочего класса Южной Кореи сосредоточено на мелких и средних предприятиях, где численность рабочих не превышает 100 человек («Нодон синмун», 1957, 29 декабря).

[71] «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 176.

В январе 1954 г. в знак протеста против произвола, чинимого начальником американской охраны армейского склада № 55 [72], забастовали 1500 портовых рабочих Пусана. Они потребовали привлечь его к ответственности, улучшить условия труда, изменить отношение администрации к рабочим. Забастовка по существу носила антиимпериалистический характер.

В июле 1954 г. забастовали портовые рабочие Сунчхона и Кунсана, требуя повышения зарплаты и прекращения произвола со стороны американской военщины. Более 12 тыс. человек участвовали в забастовке в пусанском порту в августе 1954 г.

Активная забастовочная борьба развернулась на шахтах и рудниках. В декабре 1954 г. началась забастовка на шахтах «Тэхан», в которой участвовало около 7 тыс. человек. Всего в 1954 г. отмечено 44 забастовки. Неоднократно бастовали железнодорожники. В апреле 1955 г. рабочие сеульского автотранспорта выступили с протестом против невыносимо тяжелых условий труда. Они потребовали установления 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты.

К наиболее крупным выступлениям рабочего класса в 1955 г. относится и забастовка рабочих американских складов на острове Йондо. Они вышли на демонстрацию, требуя улучшения условий труда и повышения заработной платы. Репрессии лисынмановцев, разогнавших демонстрацию, увольнение с работы большой группы ее участников вызвали глубокое негодование рабочих. Началась массовая забастовка, во время которой рабочие наряду с экономическими лозунгами требовали немедленно прекратить террор. В июне того же года объявили забастовку докеры Мокпхо. Всего в 1955 г. произошло 55 массовых выступлений рабочих. Постепенно в движение вовлекались новые отряды рабочего класса, в частности наиболее многочисленный из них — текстильщики. В 1956 г. дважды бастовали рабочие текстильных предприятий компании «Тэхан» в Тэгу. Забастовка носила боевой наступательный характер. Рабочие распространяли листовки и прокламации, призывавшие к борьбе за национальные и социальные права.

В мае 1956 г. началась забастовка на цементном заводе в Мунгёне. Протестуя против действий администрации, рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня, страхования от несчастных случаев, заключения коллективного договора. В это же время забастовали рабочие цементного завода в Самчхоке, потребовав выплаты задержанной заработной платы и смены управляющего. Делегация от бастующих направилась в Сеул и добилась удовлетворения этих требований.

Около 3500 рабочих участвовало в забастовке на текстильной фабрике компании «Чосон» в Пусане. Они требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда. Дважды бастовали в 1956 г. 2300 рабочих пошивочной фабрики в районе Пусана, требуя повышения зарплаты и заключения коллективного договора. Значительную часть бастующих текстильщиков и швейников составляли женщины.

В конце 1956 г. произошли крупные забастовки в портах Пусана и Инчхона, на шахтах компании «Тэхан», на железных дорогах в провинции Кёнсан-пукто.

В связи с ростом массовости и организованности забастовочного движения власти вынуждены были в ряде случаев удовлетворять требования рабочих. Так, победой рабочих закончилась стачка лесопильщиков в Ири (провинция Чолла-пукто) в сентябре 1956 г., требовавших повышения зарплаты, печатников Пусана в декабре того же года, добившихся повышения зарплаты и восстановления на работе уволенных товарищей. Полным или частичным удовлетворением требований рабочих закончились и другие стачки.

Всего в 1956 г. произошло 96 забастовок и демонстраций, в которых участвовало более 15 тыс. человек.

Требования экономического характера выдвигались во всех забастовках, что явилось следствием усиления наступления реакции на рабочий класс Южной Кореи. Вместе с тем в забастовочном движении нарастали и политические моменты.

Так, в 1956 г. зафиксировано 15 выступлений рабочих против предательских действий руководства реакционных профсоюзов, за создание подлинно рабочих массовых организаций; забастовки были направлены и против расовой дискриминации в отношении корейцев. Открыто антиимпериалистический характер имели забастовки докеров и рабочих на военных складах американской армии в Южной Корее. В 1956 г. отмечено 24 выступления рабочих военных объектов, в них были также требования политического характера.

Вопреки противодействию властей и их агентуры в рабочем движении в Южной Корее в последние годы вновь стали создаваться прогрессивные организации, общества борьбы за мирное объединение страны, распространяющие свою деятельность на различные слои населения. С 1957 г. борьба рабочего класса стала принимать все более организованный характер.

Весьма показательны в этом отношении следующие выступления. 4, 5 и 11 января 1957 г. в Сеуле состоялись многолюдные демонстрации трудящихся в знак протеста против увольнения группы рабочих Инчхона — членов Общества мирного объединения. Делегаты рабочих направились в Сеул для предъявления протеста властям. 7 января около 3 тыс. железнодорожников, собравшись на митинг в Сеуле, потребовали от властей снижения цен на рис [73].

[72] Этот начальник, умышленно обвинив рабочих в воровстве, приказал охране раздеть их и выгнать с работы.

[73] «Минчжу чосон», 1958, 9 апреля.

Упорная и длительная борьба развернулась в одном из крупных центров освободительного движения — Пусане. 12 января 1957 г. портовые рабочие Пусана выдвинули требование о повышении заработной платы. В конце января властям была направлена резолюция от имени 20 тыс. рабочих Пусана, в которой они требовали повышения зарплаты на 140%.

В феврале 1957 г. волнения в Пусане продолжались. 1 мая вопреки запретам властей рабочие Пусана отмечали свой революционный праздник. После того как полицейские арестовали организаторов празднования, свыше тысячи человек вышли на демонстрацию, требуя немедленного освобождения арестованных.

Борьба пусанских пролетариев не затихала в течение всего 1957 г. и вынудила лисынмановские власти пойти на некоторые уступки.

Забастовки, демонстрации протеста происходили в 1957 г. и в других городах, портах, на рудниках и шахтах Южной Кореи. 23 февраля 90 водителей автобусов Сеула в знак протеста против репрессий лисынмановской полиции провели 20-часовую забастовку. В начале марта забастовали 480 рабочих рудника Тальсон в провинции Кёнсан-пукто, протестуя против готовящихся увольнений. 2 мая в Сеуле состоялась демонстрация водителей автобусов. Они также требовали прекратить увольнения.

В июне 1957 г. состоялась массовая демонстрация рабочих Автотранспортной компании Инчхонского района, проходившая под лозунгом «Долой двойную эксплуатацию!» В это же время около 300 рабочих, насильственно мобилизованных на работы по строительству солеварен в Чхуннаме, организовали митинг протеста против действий предпринимателей. В октябре 1957 г. рабочие типографии газеты «Масан ильбо» потребовали увеличения заработной платы в 5 раз и установления пенсий для престарелых.

В ряде мест забастовки и демонстрации рабочих перерастали в столкновения с полицией (выступления рабочих строительного завода в Тэгу в январе 1957 г., рабочих общества водных перевозок в районе Масана и в других местах).

Многочисленные забастовки и демонстрации, организованные в знак протеста против незаконных увольнений, свидетельствовали о росте классовой солидарности южнокорейских пролетариев.

Наблюдались также совместно организованные выступления рабочих различных городов и районов. Так, 6 августа 1957 г. около 75 тыс. рабочих портов и пристаней Южной Кореи послали властям ультиматум, требуя немедленной выплаты задержанной заработной платы и увеличения ее на 20%.

В декабре того же года рабочие портов Пусан, Инчхон, Кунсан и Йосу коллективно потребовали увеличения заработной платы на 80% [74]. 30 декабря 1700 железнодорожников потребовали от правительства ежегодных ассигнований для оказания помощи безработным, престарелым, а также прекращения увольнений.

14 января 1958 г. 600 рабочих, занятых на американских торговых предприятиях Инчхона, выразили протест против действий американского предпринимателя, запретившего рабочим-корейцам разговаривать на родном языке и принимать участие в работе общественных организаций.

В 1957—1958 гг. продолжали борьбу и рабочие, занятые на американских военных объектах. Так, 19 января 1958 г. рабочие военного склада в Инчхоне потребовали повышения зарплаты, заключения коллективного договора, ассигнований на единовременные пособия. 7 февраля того же года более 600 грузчиков военных материалов порта Инчхон потребовали от командования 8-й американской армии повышения зарплаты и прекращения увольнений [75].

Приведенные факты заимствованы из южнокорейской прессы. Эти сообщения неполны и односторонни. В них отражена главным образом экономическая борьба, замалчиваются политические требования рабочего класса, нет сведений о результатах забастовок и других выступлений рабочих. Однако и эти весьма ограниченные данные позволяют судить о росте рабочего движения, усилении его организованности и массовости. Основным политическим лозунгом этого движения является борьба за мирное объединение страны на демократических началах. Южнокорейский пролетариат все более решительно и активно противостоит политике США и лисынмановцев, борется за улучшение жизненных условий народа, за мир и демократию.

Империалистической и южнокорейской реакции не удалось задушить авангардные силы освободительного движения, разложить ряды рабочего класса Южной Кореи. Верные славным традициям освободительной борьбы, преемники героических партизан, забастовщиков Вонсана, повстанцев Синхына и других борцов против японского гнета, за национальную независимость и социальные права, рабочие Южной Кореи не сложили оружия. Активно поддерживая политику Трудовой партии Кореи и правительства КНДР, вдохновляемые великими победами своих братьев в северной части страны, они мужественно идут во главе южнокорейских борцов за мирное объединение страны на демократических началах. Их борьба оказывает серьезное влияние на другие слои южнокорейского населения, в первую очередь на крестьянство.

В военные и послевоенные годы произошли некоторые изменения в положении и позициях различных слоев южнокорейского крестьянства. Правящие круги не могли не реа-

[74] Там же, 13 апреля.
[75] Там же, 14 апреля.

сировать на активное антиимпериалистическое, антифеодальное движение крестьян, составляющих большинство южнокорейского населения. Война показала, что маневры, ранее предпринимавшиеся властями для укрепления своей социальной базы в южнокорейской деревне, малоэффективны, что вместе с рабочим классом и под его руководством крестьянство активно борется за землю, за народную власть, за независимость. Весьма тревожным для реакции было влияние, которое оказали на южнокорейских крестьян земельная реформа и другие демократические преобразования, проведенные в соответствии с Конституцией КНДР в районах, освобожденных Народной армией.

Южнокорейские власти направляли свои усилия на то, чтобы расколоть крестьянское движение, вбить клин в союз рабочих и крестьян Южной Кореи, укрепить свою опору в деревне, ослабить то огромное революционное влияние, которое оказывали на южнокорейских крестьян успехи тружеников Северной Кореи.

Наиболее серьезной акцией в системе проведенных южнокорейскими властями мероприятий явилась, несомненно, земельная реформа 1951 г., которая внесла некоторые изменения в расстановку политических сил южнокорейской деревни. В результате реформы расширилась опора реакции в деревне за счет увеличения кулацкой прослойки. Если в других условиях кулаки могли бы примкнуть к антиимпериалистическому движению, то, приобретая земли при помощи лисынмановских властей, они становились опорой марионеточного режима.

Вместе с тем эта реформа не подорвала полностью экономических и политических позиций помещиков, которым была предоставлена возможность частично сохранить землю. Они остались верными защитниками южнокорейского режима. В то же время демагогический характер закона о земельной реформе, широкая пропагандистская кампания, развернутая вокруг него реакционерами, создали у части крестьянства иллюзии избавления от гнета помещиков, временно отвлекали его от активной антиимпериалистической освободительной борьбы.

Очень скоро обнаружилось, что реформа не принесла облегчения трудовому крестьянству. Более того, она лишь ускорила классовую дифференциацию в деревне и способствовала увеличению прослойки безземельных крестьян и батраков. Многие крестьяне оказались не в состоянии выплатить выкуп за землю и вынуждены были возвращать ее обратно бывшим помещикам или кулакам. По мере выявления реакционных сторон этой реформы, предпринятой в целях «успокоения деревни» и «укрепления крестьянского тыла», усиливался протест трудового крестьянства Юга против лисынмановского режима. Вызванный ею спад крестьянского движения во время войны и вскоре после ее окончания носил временный, преходящий характер. На опыте Северной Кореи крестьяне Юга убедились, что подлинно демократическая земельная реформа несет крестьянству огромные

блага и раскрывает большие возможности для развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Право южнокорейских крестьян на демократическую земельную реформу записано в Конституции КНДР, в создании которой они принимали самое непосредственное и активное участие. И, естественно, трудовое крестьянство Юга не может смириться с навязанной ему в демагогических целях реформой, хотя, как уже подчеркивалось, на первых порах она внесла известную дезорганизацию в борьбу крестьян. В последние годы (1957—1958) заметно усиление крестьянской борьбы, которая выражается главным образом в виде срыва зернопоставок, выплаты налогов и других мероприятий лисынмановских властей.

Но наряду с этим постепенно возрождаются и активные формы освободительного движения южнокорейского крестьянства. Так, в мае 1957 г. развернулась борьба крестьян за землю в волости Сосан (уезд Чханънён провинции Кёнсан-намдо) и в волости Юка (уезд Тальсон провинции Кёнсан-пукто) [76]. 10 августа 1957 г. крестьяне трех волостей уезда Начжу провинции Чолла-намдо вышли на демонстрацию с требованием о предоставлении земли без выкупа [77].

Огромные успехи социалистического преобразования сельского хозяйства в КНДР, свидетельствующие о решающих преимуществах народно-демократического строя, оказывают все более глубокое влияние на крестьянство Южной Кореи. Забота Трудовой партии и правительства КНДР о голодающем населении Юга, в частности решение Кабинета министров КНДР о предоставлении крестьянам Южной Кореи безвозмездно 100 тыс. сок риса, вызвала горячее одобрение южнокорейского трудового крестьянства [78].

В течение многих десятилетий вместе с рабочим классом и под его руководством боролось оно за свободу, за землю. И ни жестокими репрессиями, ни изощренными приемами обмана и демагогии не убить реакционерам заветного желания южнокорейского крестьянства объединиться со своими братьями в Северной Корее в едином независимом демократическом государстве.

В послевоенный период появились некоторые изменения в политических позициях различных групп южнокорейской буржуазии.

Стремясь расширить и укрепить свою социальную опору в Южной Корее, американский империализм возлагал немалые надежды на буржуазные слои. Американские и южнокорейские правящие круги не могли игнорировать того обстоятельства, что значительная часть национальной буржуазии в довоенные и во-

---

[76] Там же, 10 апреля.
[77] Там же.
[78] Сок равен 150 *кг* риса.

енные годы поддерживала антиимпериалистическое освободительное движение и борьбу за мирное объединение страны. Вместе с тем реакция учитывала колебания национальной буржуазии, ее неустойчивость, боязнь коренных революционных преобразований и тайные надежды на установление при благоприятных обстоятельствах своего господства. Вследствие этого деятельность реакционных правящих кругов была направлена на то, чтобы путем экономических подачек и идеологического воздействия приблизить национальную буржуазию, найти в ней опору, а те слои ее, которые не пойдут на такое сближение, — нейтрализовать.

Вместе с тем лисынмановцы приняли решительные меры к подавлению оппозиции в самóм правом лагере, которая отражала главным образом недовольство части буржуазии существующими порядками. Активные участники освободительного движения из среды буржуазии подвергались такому же жестокому полицейскому террору, как и все патриоты.

Несомненно, что в результате всех этих мероприятий укрепилась связь определеных слоев буржуазии с империалистическими кругами США. Расширилась компрадорская прослойка, для роста которой почва в Южной Корее весьма благоприятна. Вместе с тем временное ослабление демократического фронта Южной Кореи, некоторое усиление экономических позиций части буржуазии привели к росту националистической идеологии. Оживление идей буржуазного национализма выражает, с одной стороны, острое недовольство значительных слоев буржуазии экономическим и политическим диктатом США, с другой — ее претензии и надежды на установление своего господства.

Наиболее наглядно это проявилось в деятельности южнокорейских партий, выступающих в оппозиции лисынмановскому правительству.

Весьма показательна в этом отношении эволюция демократической партии. Она была создана в сентябре 1945 г. и объединяла самые реакционные силы Южной Кореи — буржуазно-помещичью верхушку. Именно эта партия стала оплотом американского господства.

В 1949 г. она слилась с корейской национальной партией и стала называться национально-демократической. Это объединение было проведено для сплочения сил реакции и усиления их влияния в первую очередь среди буржуазии. Партия выдвинула такие лозунги, как «развитие национальной экономики», «расширение деятельности национального капитала», «оказание помощи средним и мелким предпринимателям», что обеспечило ей поддержку этих слоев. Но в дальнейшем, пополнив свои ряды за счет представителей национальной буржуазии, партия все ощутимее начинала чувствовать их давление. В 1952 г. национально-демократическая партия возглавила оппозицию в «национальном собрании», а в июне 1953 г. выступила против насильственной

задержки лисынмановским правительством военнопленных корейско-китайской стороны.

После войны ряды партии пополнились за счет мелкобуржуазной интеллигенции, в частности студенческой молодежи, что способствовало росту оппозиционных настроений в партии. В 1955 г. она объединилась с другими оппозиционными партиями. и на этой основе была создана новая демократическая партия. Ее программа провозгласила борьбу за развитие национальной экономики, в защиту среднего и мелкого предпринимательства, что отражало требования национальной буржуазии. Выступая против некоторых мероприятий лисынмановских властей в области внутренней политики, добиваясь расширения сферы деятельности буржуазии, декларируя лозунги «демократии», новая демократическая партия в то же время едина с лисынмановцами в вопросах борьбы с революционным движением в стране.

Отражением роста буржуазно-националистических сил в Южной Корее явилось образование в ноябре 1956 г. прогрессивной партии («Чинбодан»), находящейся в оппозиции к лисынмановскому правительству. Эта партия, стремясь распространить свое влияние на широкие слои населения, включила в свою программу не только такие требования, как «развитие национального капитала», «ликвидация арендной системы в деревне», «полное обеспечение» прав «частного капитала», но и лозунги борьбы за «мир во всем мире», за «демократическую систему» и объединение родины. Однако демагогический характер этих лозунгов разоблачает пункт программы, призывающий к борьбе против «диктатуры коммунизма».

Программа прогрессивной партии, как и вся ее деятельность, правда весьма непродолжительная, отразила попытки буржуазных националистов взять в свои руки руководство освободительным движением. Об этом же свидетельствует деятельность других буржуазных партий, а в частности «рабоче-крестьянской партии» («Нодондан»), созданной в конце 1954 г. и фактически являющейся буржуазной агентурой в рабочем движении. Эта партия стремится подорвать единство рабочего класса, ослабить его ведущую роль в освободительном движении. Характерно, что она призывает сплотить все силы, включая правящую либеральную партию, чтобы создать мощный «антикоммунистический фронт». Реакционная сущность ее столь очевидна, что влияние этой партии в массах совершенно незначительно.

Имеются в Южной Корее и другие буржуазно-националистические партии и организации — Национальное общество («Тэхан кукминхве»), Федерация профсоюзов («Тэхан ночон»), Крестьянское общество («Тэхан нонминхве»), Ассоциация женщин («Тэхан пуинхве»). Деятельность этих организаций направлена на подрыв демократического движения, а их руководители, поставившие основной целью борьбы против коммунизма, про-

тив демократических революционных сил, в конце концов скатились в лагерь лисынмановской реакции.

Однако вопреки подрывной деятельности растет освободительное движение, преодолевая временные неудачи, охватывая не только широкие слои трудящихся, но и патриотическую часть национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции, в том числе и многих рядовых членов правых партий. Это подтверждают, в частности, события, связанные с выборами президента в мае 1956 г., а также выборы в органы местного самоуправления Южной Кореи в августе 1956 г. «Долой диктатуру лисынмановского правительства!», «Поднимайтесь в защиту национального суверенитета!» — под этими лозунгами в Южной Корее состоялись многотысячные демонстрации, в которых, помимо рабочих и крестьян, принимали участие патриотические слои буржуазии. Основным лозунгом демократического движения был и остается лозунг мирного объединения родины.

Не случайно лидеры оппозиционных партий были вынуждены в период выборной кампании выдвинуть именно этот лозунг.

Огромные успехи культурного строительства в КНДР вдохновляют южнокорейскую мелкобуржуазную интеллигенцию и в первую очередь учащуюся молодежь. Как и весь народ Кореи, она не хочет войны. Она поддерживает политику Трудовой партии Кореи и правительства КНДР, направленную против колониализма, террора лисынмановских властей, против попыток препятствовать развитию национальной культуры.

В 1957 г. после некоторого затишья активизировалось движение учащейся молодежи [79]. Основной формой борьбы стала забастовка. В ряде учебных заведений были созданы так называемые союзы бойкота занятий, возглавившие движение учащихся. 9 февраля 1957 г. студенты высшей школы в Санчжу, создавшие такой союз, потребовали увольнения реакционно настроенных преподавателей и прекратили занятия. 8 мая вновь была проведена забастовка.

9 апреля того же года около 500 студентов юридического колледжа в Сеуле организовали собрание протеста против незаконных действий администрации [80] и создали Союз бойкота занятий, куда вошло 1200 человек. 7 мая такой же союз создали 400 студентов Высшей промышленной школы, 10 мая — 1300 учащихся Масанской промышленной школы.

[79] Сравнительно крупным выступлением студентов вскоре после войны следует считать выступление 600 учащихся Сосунской школы в Сеуле, которые организовали демонстрацию протеста против действий проамериканской администрации. В конце того же года произошла забастовка учащихся сельской педагогической школы. В ней участвовало более 1500 человек. Учащиеся требовали прекращения террористических порядков и создания нормальных условий учебы.

[80] Студенты протестовали, в частности, против незаконного зачисления в колледж приемного сына Ли Сын Мана.

В июле студенты Хоникского института создали Союз бойкота занятий и потребовали от властей разрешения на издание студенческой газеты, а также улучшения обращения администрации с учащимися. 8 октября 400 учащихся Пусана, а 26 октября 1700 студентов юридического колледжа в Сеуле выступили против действий лисынмановских властей. Выступления студенческой молодежи поддерживали и другие слои интеллигенции. В марте 1957 г. бастовало 350 работников медицинских учреждений Пусана.

В декабре 1957 г. Общество журналистов Южной Кореи призвало работников печати активно выступить против ограничений свободы слова. В решениях южнокорейского газетного объединения, куда входят журналисты и издатели, говорилось о необходимости «до конца бороться за отмену закона о запрещении свободы слова». Такие же решения приняли конференция журналистов, масанская организация корреспондентов и другие организации работников печати.

В борьбу постепенно включаются различные слои населения. 30 марта 1957 г. свыше 70% населения Тэгу и многие жители городов Чхильсон, Кондан, Самчхок, Покхён направили южнокорейским властям требования об улучшении их материального положения.

22 января 1958 г. 420 мелких торговцев из района Йондынпхо направили правительству протест против незаконных действий полиции. В конце января состоялась массовая демонстрация жителей района Очандон в Сеуле, требовавших улучшения продовольственного снабжения [81].

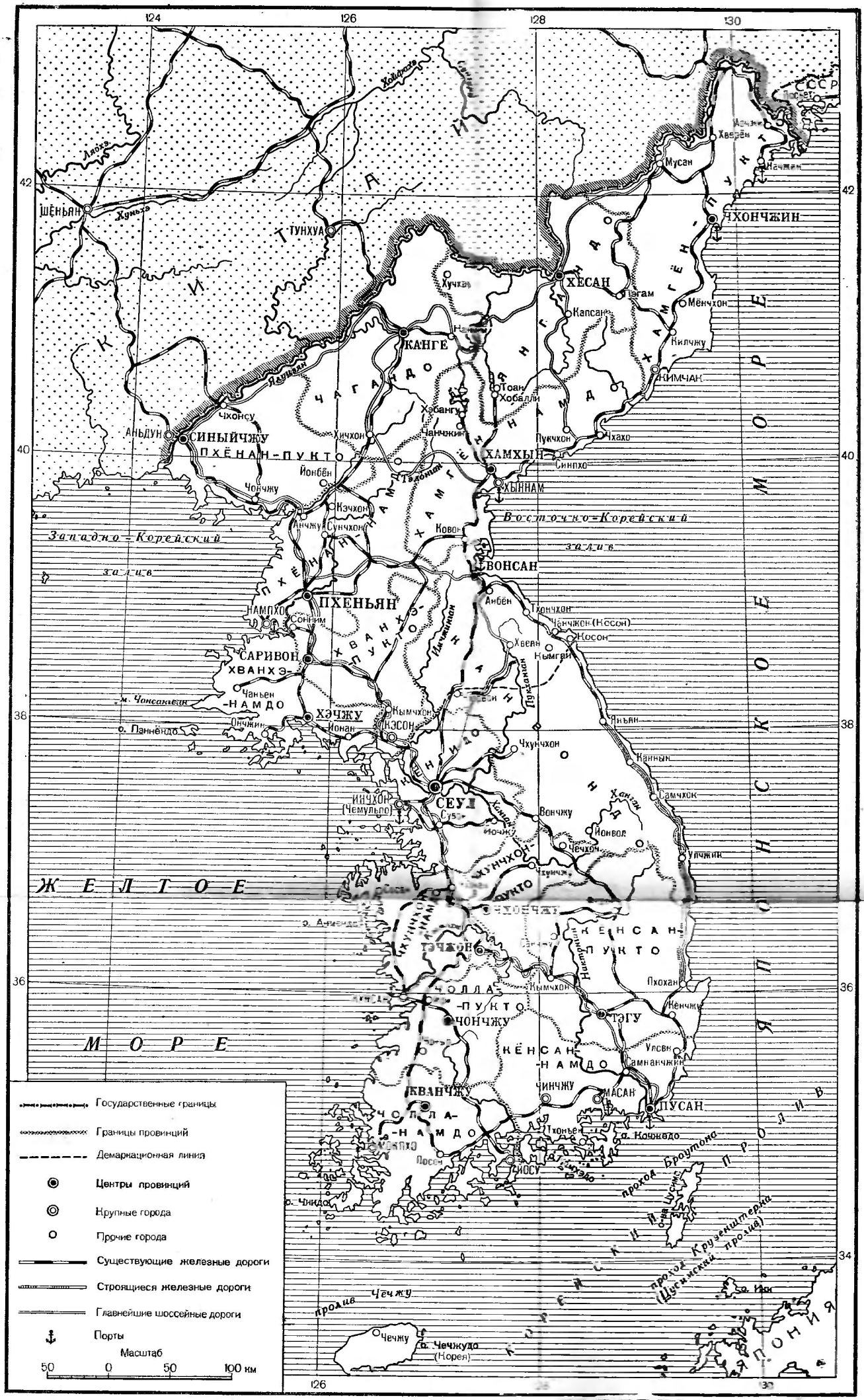
* * *

В Южной Корее, томящейся в тисках реакции, имеются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и Трудовой партии самых широких слоев населения в борьбе за независимость, за демократические свободы, за проведение революционных преобразований, за мирное воссоединение страны.

Новая волна освободительного движения с неудержимой силой поднимается в Южной Корее. Некоторый спад народной борьбы после войны 1950—1953 гг. имел временный, преходящий характер. Закономерностью этой борьбы является укрепление революционных авангардных сил, рост авторитета и влияния в массах революционного вождя народа — Трудовой партии. Сама жизнь стала пламенным пропагандистом идей и политики Трудовой партии. Сама жизнь с непреодолимой убедительностью показала, что только политика Трудовой партии Кореи — моно-

[81] «Минчжу чосон», 1958, 14 апреля.

литной и сплоченной марксистско-ленинской партии — открывает путь к демократии, независимости и национальному единству Кореи. Великие победы, достигнутые под руководством Трудовой партии в северной части страны, небывалый расцвет ее экономики и культуры, успехи индустриализации и социалистического преобразования деревни, радостный творческий труд ее народа являются наглядным тому подтверждением и служат могучим стимулом для южнокорейских патриотов в их справедливой освободительной борьбе.


Государственные границы
Границы провинций
Демаркационная линия
Центры провинций
Крупные города
Прочие города
Существующие железные дороги
Строящиеся железные дороги
Главнейшие шоссейные дороги
Порты
Масштаб
50 0 50 100 км
Западно-Корейский залив
Восточно-Корейский залив
Желтое море
Японское море
Корейский пролив
Чечжу
Чечжудо
Пусан
Сеул
Пхеньян
Инчхон
Тэгу
Кванчжу
Тэчжон
Чонджу
Мокпхо
Ульсан
Масан
Йосу
Чинхэ
Синыйчжу
Кэсон
Вонсан
Хамхын
Чхончжин
Кимчхак
Сокчхо
Пхохан
Кёнджу
Чхунму
Тунхуа
Ялуцзян
Тумыньцзян
Хуньчунь
Чанчунь
Шэньян
Чхонсу
Аньдун
Ичжу
Сончхон
Кунсан
Кванджу
Мокпхо
Сунчхон
Кэчхон
Йонбён
Чончжу
Анчжу
Сонним
Намхо
Саривон
Хванхэ
Чаньен
Хэчжу
Ончжин
Кымчхон
Ионан
Инчхон (Чемульпо)
Суван
Ионвол
Чечхон
Вончжу
Чхунчхон
Канын
Самчхок
Янъян
Косон
Кымган
Тхончхон
Анбён
Кэсон
Ковон
Синпхо
Хыннам
Хыннам
Пукчхон
Чхахо
Хэбангу
Тоан
Хобалли
Чанчжин
Хичхон
Капсан
Мёнчхон
Кильчжу
Хесан
Тэгам
Мусан
Хверён
Начжин
Чхончжин
Хуньхэ
Люйхэ
Хуньчунь
Тумыньцзян
Ялуцзян
Чхонсу
Аньдун
Синыйчжу
Пхёнан-пукто
Чагандо
Пхёнан-намдо
Хванхэ-пукто
Кёнги-до
Кангвондо
Хамгён-пукто
Хамгён-намдо
Чолла-пукто
Чолла-намдо
Кёнсан-пукто
Кёнсан-намдо
Чхунчхон-пукто
Чхунчхон-намдо
Кёнги-до
Хванхэ
Кымган
Нактонган
Сомджин
Нактонган
Кымган
Сомджин
Хантан
Кёнан
Ионсан
Нактонган
Сомджин
Кымган
Нактонган
Сомджин
Кёнан
Нактонган
Сомджин
Кёнан
Нактонган
Сомджин
Кёнан

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КОРЕЕ
в 1945—1958 гг.

1945 год

11 февраля — На Крымской конференции руководителей трех держав (СССР, США и Англии) заключено соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии через два месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

26 июля — Правительства США, Англии и Китая предъявили Японии требование о безоговорочной капитуляции.

8 августа — Правительство СССР объявило о состоянии войны между СССР и Японией с 9 августа 1945 г.

9 августа — Начало наступления Советских Вооруженных Сил в Северо-Восточном Китае, Корее и на Южном Сахалине.

14 августа — Заявление японского императора о безоговорочной капитуляции Японии. (Приказа вооруженным силам о прекращении военных действий отдано не было, и японские войска продолжали военные действия.)

15 августа — Национальный праздник корейского народа. День освобождения Кореи Советской Армией от колониального гнета японских империалистов. Опубликование обращения советского командования к корейскому народу о быстрейшем возрождении и развитии корейской национальной экономики и культуры, обеспечении независимости и демократического развития страны.

16 августа — Начало создания в Северной Корее под руководством коммунистов массовых организаций: профессиональных, крестьянских, молодежных и женских союзов, выступающих с программой установления народно-демократической республики, конфискации и передачи крестьянам всех помещичьих земель, национализации фабрик и заводов, принадлежавших японцам и корейским предателям.

Начало всенародного движения в Северной и Южной Корее за возрождение государственности на демократических началах под руководством рабочего класса и коммунистической партии Кореи.

500-тысячная демонстрация жителей Сеула с требованием создания суверенного демократического государства.

Создание первых народных органов власти (политических и народных комитетов, подготовительных комитетов по организации государственной власти и т. п.) по инициативе широких народных масс под руководством коммунистов путем выборов или на основе представительства и широкой помощи демократических сил в северной и южной частях страны.

17 августа Создание Женского демократического союза Южной Кореи.

27 августа Организация народных комитетов в провинции Пхёнан-намдо.

1 сентября Создание народного комитета провинции Хамгён-намдо.

2 сентября Подписание акта о капитуляции Японии.

Создание народного комитета провинции Хванхэ.

6 сентября Первый съезд народных представителей в Сеуле.

7 сентября Опубликование командующим американскими вооруженными силами на Тихом океане Макартуром приказов № 1 и № 2.

8 сентября Высадка американских войск в Инчхоне.

9 сентября Вступление американских войск в Сеул.

Создание так называемой демократической партии Южной Кореи («Хангук минчжудан»).

11 сентября Создание американской военной администрации в Южной Корее во главе с командующим 7-й американской оккупационной дивизией генерал-майором А. В. Арнольдом.
Заявление командующего войсками США в Южной Корее генерала Ходжа о непризнании оккупационными властями в Южной Корее народных комитетов органами народной власти.

19 сентября Приказ № 2 американской военной администрации (о «вражеском имуществе»).

25 сентября Создание Национальной партии («Кукминдан»).

27 сентября Создание народного комитета провинции Кёнсан-пукто.

8—10 октября Совещание представителей народных комитетов Северной Кореи в Пхеньяне.

13 октября Создание Коммунистической партии Северной Кореи.

Создание городского народного комитета Инчхона.

18 октября Приказ американской военной администрации о запрещении митингов и демонстраций.

Создание народного комитета провинции Канвондо.

20 октября Создание народного комитета провинции Чолла-намдо.

Октябрь — ноябрь Повсеместные выборы волостных народных комитетов и сельских старост в Северной Корее.

Ноябрь Образование в Южной Корее профессиональных союзов транспортников, металлистов, печатников, железнодорожников, служащих, строителей, работников связи, электриков, судостроителей, рабочих деревообрабатывающей и рыбной промышленности.

2 ноября Приказ американской военной администрации об оставлении в силе законов, действовавших в период японского колониального господства.

5 ноября Создание Конфедерации труда Южной Кореи.

11 ноября Создание Корейского общества культурной связи с Советским Союзом.

12 ноября Создание в Сеуле Народной партии Южной Кореи («Инмин-дан»).

Преобразование Восточного колонизационного общества (ВКО) в компанию «Новая Корея» во главе с полковником американской армии Штоссом.

18 ноября Организация Демократического союза женщин Северной Кореи.

3 декабря Совещание 17 крупных финансистов Кореи в Сеуле. Создание специальной комиссии для оказания материальной помощи прибывшим из Китая наиболее реакционным членам эмигрантского «правительства».

6 декабря Приказ № 33 американской военной администрации (о приобретении прав на бывшее «японское имущество»).

7 декабря Центральный комитет демократической партии («Хангук минчжудан») опубликовал в газете «Син Чосон бо» требование признать законным правительством Кореи эмигрантское «правительство» и обращение к американской военной администрации с предложением «немедленно издать приказ о роспуске народных комитетов».

8 декабря Создание Крестьянского союза Южной Кореи.

12 декабря Официальное заявление командования американской армии о роспуске народных комитетов в Южной Корее.

16 декабря Создание Союза корейских писателей.

17—18 декабря III пленум ЦК Коммунистической партии Северной Кореи.

16—26 декабря Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве, на котором были приняты решения по дальневосточным вопросам, в том числе о Корее.

Декабрь Образование Новой народной партии Северной Кореи и Новой народной партии Южной Кореи.

22 декабря Создание Союза женщин Южной Кореи

29 декабря Опубликование решения Московского совещания трех министров иностранных дел СССР, США и Великобритании по Корее.

1946 год

2 января Совместное заявление представителей Коммунистической, Народной, Новой народной, Демократической и Национальной партий Южной Кореи о поддержке решений Московского совещания трех министров иностранных дел по Корее.
Повсеместные митинги и демонстрации в Северной и Южной Корее в поддержку решений Московского совещания трех министров иностранных дел.

3 января 300-тысячная демонстрация в Сеуле в поддержку решений Московского совещания трех министров иностранных дел.

Приказ № 39 американской военной администрации в Южной Корее о строгом ограничении ввоза и вывоза товаров.

12 января — Погромные демонстрации южнокорейских реакционеров, направленные против решений Московского совещания трех министров иностранных дел.

16 января — 5 февраля — Совещание представителей советского и американского командований в Сеуле по вопросу об экономических отношениях между Южной и Северной Кореей.

17 января — Создание Союза демократической молодежи (СДМ) Северной Кореи.

20 января — Подготовительное совещание реакционных организаций по созыву так называемого учредительного собрания (Сеул).

28 января — 200-тысячная демонстрация в Сеуле в поддержку решений Московского совещания о Корее.

31 января — Создание Крестьянского союза Северной Кореи.

1 февраля — Созыв южнокорейскими реакционерами «учредительного собрания», создавшего так называемую демократическую палату народных представителей Великой Кореи («Тэхан кунмин тэхве минчжу вивон») в качестве совещательного органа при американском военном командовании.

7 февраля — Объединенное коммюнике советского и американского командования в Корее о создании Совместной советско-американской комиссии.

8 февраля — Созыв в Пхеньяне по инициативе Коммунистической партии Северной Кореи подготовительного совещания лидеров демократических партий и общественных организаций, председателей народных комитетов и начальников департаментов по созданию Временного народного комитета Северной Кореи.

9 февраля — Совещание представителей народных комитетов, политических партий, демократических организаций и представителей департаментов Северной Кореи. Образование Временного народного комитета Северной Кореи и избрание его председателем Ким Ир Сена.

Февраль — Повсеместные митинги и демонстрации в Северной и Южной Корее в поддержку решения расширенного совещания об образовании Временного народного комитета Северной Кореи.

15 февраля — Конференция демократических партий и образование Демократического национального фронта (ДНФ) Южной Кореи.

21 февраля — Приказ № 52 американской военной администрации в Южной Корее о создании акционерной компании «Новая Корея».

23 февраля — Приказ № 55 американской военной администрации в Южной Корее о военно-полицейском надзоре над политическими партиями.

24 февраля — Создание Ассоциации культурных организаций Южной Кореи.

27—28 февраля — Съезд Крестьянского союза Северной Кореи, принявший обращение к Временному народному комитету Северной Кореи о немедленном проведении земельной реформы.

5 марта — Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о земельной реформе.

Март — Повсеместные митинги и демонстрации крестьян и городского населения Северной Кореи, проходившие под лозунгом поддержки земельной реформы.

20 марта — 8 мая — Заседания Совместной советско-американской комиссии по Корее в Сеуле.

23 марта — Опубликование временным народным комитетом Северной Кореи «20 принципов», разработанных Коммунистической партией Северной Кореи в качестве политической платформы Временного корейского правительства.

25 марта — Постановление Временного народного комитета Северной Кореи об улучшении системы народного образования.

1 апреля — Учреждение Крестьянского банка Северной Кореи.

4 мая — Приказ № 72 американской военной администрации в Южной Корее о наказаниях за «недружелюбное отношение к оккупационным властям».

Май — Массовые демонстрации и митинги на севере и юге Кореи под лозунгом борьбы за возобновление работы совместной советско-американской комиссии по Корее.

23 мая — Приказ № 88 американской военной администрации в Южной Корее о запрещении свободы печати.

1 июня — Забастовка 4 тыс. рабочих Самчхокских рудников в провинции Канвондо.

24 июня — Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о труде рабочих и служащих Северной Кореи.

27 июня — Постановление Временного народного комитета Северной Кореи о натуральном сельскохозяйственном налоге.

8 июля — Постановление Временного народного комитета Северной Кореи о создании в Северной Корее Государственного университета.

15 июля — Забастовка 3 тыс. рабочих Хвасунских рудников в провинции Чолла-намдо.

22 июля — Объединенное совещание руководителей политических партий и общественных организаций в Пхеньяне по вопросу организационного оформления Единого демократического национального фронта Северной Кореи (ЕДНФ). Принята программа ЕДНФ, избран его Центральный Комитет.

23 июля — Обращение ЦК Новой народной партии Северной Кореи в ЦК Коммунистической партии Северной Кореи с предложением объединить обе партии.

30 июля — Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о равноправии женщин в Северной Корее.

10 августа — Принятие Временным народным комитетом Северной Кореи закона о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков.

15 августа — Забастовки, стачки и митинги протеста в Южной Корее с требованием претворения в жизнь решений Московского совещания трех министров иностранных дел по Корее. 300-тысячная демонстрация жителей Сеула.

28—30 августа — Объединенный съезд Коммунистической партии и Новой народной партии Северной Кореи, принявший решение о слиянии этих двух партий в Трудовую партию Северной Кореи.

9 сентября Постановление Временного народного комитета Северной Кореи о национализации оросительных систем.

24 сентября Забастовка железнодорожников Южной Кореи.

26 сентября Создание Южнокорейского забастовочного комитета. Заявление Крестьянского союза Южной Кореи о полной поддержке требований забастовочного комитета.

1 октября Открытие в Пхеньяне Государственного университета им. Ким Ир Сена.

12 октября Создание «законодательной палаты» Южной Кореи.

3 ноября Выборы в провинциальные, городские и уездные народные комитеты в Северной Корее.

Ноябрь Письмо командования советских войск в Северной Корее командованию американских войск в Южной Корее о возобновлении работы совместной советско-американской комиссии на основе точного выполнения московских решений.

23—24 ноября Создание Трудовой партии Южной Кореи на основе объединения Коммунистической партии с Народной и Новой народной партиями Южной Кореи.

18 декабря Временный народный комитет Северной Кореи принял положение о системе школьного образования в Северной Корее, предусматривающее организацию единой демократической системы школ.

19 декабря Временный народный комитет Северной Кореи опубликовал закон о социальном обеспечении.

1947 год

14 января Постановление Временного народного комитета Северной Кореи о выборах судей.

16 января Создание в Южной Корее реакционного «Комитета борьбы против опеки».

17—20 февраля Съезд народных комитетов Северной Кореи. Создание Народного собрания Северной Кореи в качестве высшего законодательного органа государственной власти Северной Кореи. Утверждение плана восстановления и развития народного хозяйства Северной Кореи на 1947 г.

20—22 февраля Первая сессия Народного собрания Северной Кореи. Создание Народного комитета Северной Кореи — высшего исполнительного органа народной власти впредь до образования в Корее Временного демократического правительства.

24 февраля Выборы в сельские (поселковые) народные комитеты Северной Кореи.

27 февраля Постановление Народного комитета Северной Кореи о реорганизации налоговой системы в Северной Корее.

5 марта Выборы в волостные народные комитеты Северной Кореи.

22 марта Демократический национальный фронт (ДНФ) Южной Кореи объявил 24-часовую забастовку рабочих, которая была активно поддержана крестьянами и другими слоями населения.

1 мая Торжественное открытие памятника Освобождения в Пхеньяне.

3 мая Роспуск американскими военными властями Союза демократической молодежи Южной Кореи.

7 мая Письмо правительства СССР правительству США об ускорении возобновления работы совместной советско-американской комиссии.

Американская военная администрация в Южной Корее объявила о переименовании «законодательной палаты», корейской гражданской администрации и корейских судов в «переходное правительство» Южной Кореи.

21 мая Возобновление работ совместной советско-американской комиссии в Сеуле.

30 июня Встреча представителей совместной советско-американской комиссии по Корее в Пхеньяне с представителями политических партий и общественных организаций Северной Кореи.

26 сентября Предложение представителя Советского Союза в совместной советско-американской комиссии по Корее об одновременном выводе советских и американских войск из Кореи в начале 1948 г. и предоставлении корейскому народу возможности самому решать свои государственные дела.

17 октября Прекращение работы совместной советско-американской комиссии по Корее по вине американской делегации. Незаконное внесение корейского вопроса в повестку дня II сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

18 октября Третья сессия Народного собрания Северной Кореи, создавшая комитет по составлению Временной конституции.

28 октября Начало обсуждения корейской проблемы в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН.

1948 год

8 января Прибытие в Южную Корею «временной комиссии ООН по Корее».

Январь Повсеместное движение протеста населения Северной и Южной Кореи против пребывания в Корее «временной комиссии ООН по Корее».

6 февраля Четвертая сессия Народного собрания Северной Кореи. Принятие плана развития народного хозяйства на 1948 г.

7 февраля Всеобщая забастовка южнокорейских рабочих в знак протеста против посылки в Корею комиссии ООН.

10 февраля Опубликование в Пхеньяне проекта Временной конституции Кореи и начало его всенародного обсуждения.

26 февраля Так называемый «межсессионный комитет» ООН дал указание «временной комиссии ООН по Корее» «наблюдать» за проведением сепаратных выборов и созданием правительства Южной Кореи.

5 марта Заявление командования американских войск о проведении сепаратных выборов в Южной Корее.

9 марта Начало всенародного движения в Северной и Южной Корее против проведения сепаратных выборов и создания сепаратного правительства Южной Кореи.

23 марта Приказ № 173 американской военной администрации в Южной Корее о роспуске акционерной компании «Новая Корея» и создании вместо нее Центрального земельного управления.

27—30 марта II съезд Трудовой партии Северной Кореи.

3 апреля Начало вооруженного восстания на острове Чечжудо.

14 апреля Обращение политических партий и общественных организаций Северной Кореи ко всем патриотическим партиям и организациям Южной Кореи с предложением о созыве объединенного совещания для выработки плана совместных действий, направленных к предотвращению раскола страны.

19 апреля Открытие Первого Объединенного совещания представителей 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

Создание Всекорейского комитета борьбы против сепаратных выборов в Южной Корее.

28—29 апреля Чрезвычайная сессия Народного собрания Северной Кореи. Принятие проекта Временной конституции Кореи.

Май Повсеместная массовая борьба населения Южной Кореи против сепаратных выборов.

8 мая В Сеуле по призыву Всекорейского комитета к бойкоту сепаратных выборов железнодорожники и рабочие промышленных предприятий начали забастовку протеста.

10 мая Выборы в «национальное собрание» Южной Кореи.

29 июня — 5 июля Второе Объединенное совещание руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

9 июля Решение Народного собрания Северной Кореи о введении в действие на территории Северной Кореи Временной конституции Кореи.

17 июля Принятие «национальным собранием» антинародной конституции Южной Кореи.

11 августа Подписание южнокорейско-американского военного соглашения.

15 августа Создание южнокорейского «правительства».

25 августа Всенародные выборы в Верховное Народное Собрание Кореи.

2—10 сентября Первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР, на которой присутствовали 360 делегатов от Южной Кореи и 212 делегатов от Северной Кореи. Провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики, принята Конституция КНДР. Избран Президиум Верховного Народного Собрания, образовано правительство КНДР.

10 сентября Обращение Верховного Народного Собрания КНДР к правительствам США и СССР с просьбой об одновременном выводе американских и советских войск из Северной и Южной Кореи.

11 сентября Заключение южнокорейско-американского «Предварительного финансового и имущественного соглашения».

18 сентября Заявление Советского правительства о выводе советских войск из Северной Кореи в течение 1948 г.

12 октября Установление дипломатических отношений между СССР и КНДР.

Постановление Кабинета министров КНДР о повышении жизненного уровня рабочих и служащих.

15 октября Установление дипломатических отношений между КНДР и МНР.

16 октября Установление дипломатических отношений между КНДР и Польской Народной Республикой.

20 октября Восстание 14-го полка южнокорейской армии «национальной обороны» в Йосу (провинция Чолла-намдо) против марионеточного правительства Южной Кореи.

21 октября Установление дипломатических отношений между КНДР и Чехословацкой Республикой.

24 октября Торжественные проводы советских войск в Пхеньяне.

3 ноября Установление дипломатических отношений между КНДР и Румынской Народной Республикой.

11 ноября Установление дипломатических отношений между КНДР и Венгерской Народной Республикой.

24 ноября Решение «национального собрания» Южной Кореи просить США о продлении оккупации Южной Кореи американскими войсками.

29 ноября Установление дипломатических отношений между КНДР и Народной Республикой Болгарией.

1 декабря Принятие правительством Южной Кореи террористического «закона об охране безопасности государства».

10 декабря Подписание южнокорейско-американского «соглашения об экономическом сотрудничестве».

25 декабря Завершение эвакуации советских войск с территории Северной Кореи.

1949 год

28 января — 1 февраля Вторая сессия Верховного Народного Собрания КНДР. Принятие Закона о двухлетнем народнохозяйственном плане на 1949—1950 гг.

17 марта Подписание соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР.

25 марта Создание Всекорейского национального комитета в защиту мира.

Март Крестьянское восстание в провинции Чолла-намдо под лозунгом немедленного проведения демократической земельной реформы и установления власти народных комитетов.

30 марта Выборы депутатов в провинциальные, городские, уездные народные комитеты Северной Кореи.

19—23 апреля Третья сессия Верховного Народного Собрания КНДР. Утвержден государственный бюджет на 1949 г.

28 апреля Установление дипломатических отношений между КНДР и Народной Республикой Албанией.

5 мая Переход на сторону КНДР двух батальонов южнокорейской армии «национальной обороны», дислоцировавшихся в районе города Чхунчхон.

14 мая Обращение восьми политических партий и общественных организаций Южной Кореи ко всем политическим партиям и общественным организациям Северной и Южной Кореи о создании Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ) Кореи.

11 июня Объединение Трудовой партии Северной Кореи и Трудовой партии Южной Кореи в Трудовую партию Кореи (ТПК).

Июнь — июль Формирование американскими оккупационными властями и лисынмановской кликой так называемого национального корпуса молодежи из лиц, прошедших идеологическую подготовку в молодежных фашистских организациях.

25—28 июня Учредительный съезд ЕДОФ Кореи, принявший программу ЕДОФ и Обращение к корейскому народу о мирном объединении родины.

15 июля Принятие «национальным собранием» Южной Кореи закона о всеобщей воинской повинности.

Июль Повсеместные митинги и демонстрации населения Северной Кореи в поддержку решений ЕДОФ Кореи.

20 июля Начало забастовок рабочих Южной Кореи в поддержку решений ЕДОФ о мирном объединении Кореи.

8—10 сентября Четвертая сессия Верховного Народного Собрания КНДР.

10 сентября Принятие Президиумом Верховного Народного Собрания КНДР закона о всеобщем обязательном начальном обучении.

1 октября Провозглашение Китайской Народной Республики.

5 октября Установление дипломатических отношений между КНДР и КНР.

Октябрь Восстания крестьян в провинции Чолла-намдо.

11 ноября Установление дипломатических отношений между КНДР и Германской Демократической Республикой.

3 декабря Выборы в волостные народные комитеты в северной части Кореи.

1950 год

26 января Подписание южнокорейско-американского пакта «О взаимной помощи и обороне».

31 января Установление дипломатических отношений между КНДР и Демократической Республикой Вьетнам.

8 февраля Постановление Кабинета министров КНДР о создании в важнейших сельскохозяйственных районах государственных машинопрокатных станций.

9 февраля IV пленум ЦК ЕДОФ Кореи, принявший обращение к населению Северной и Южной Кореи о необходимости усиления борьбы за мирное воссоединение страны на демократической основе.

25—27 февраля Пятая сессия Верховного Народного Собрания КНДР.

5 марта Вступление в силу закона о всеобщей воинской повинности в Южной Корее.

21 марта Постановление Кабинета министров КНДР об увеличении производства товаров первой необходимости.

Апрель Широкое движение населения Северной Кореи за сбор подписей под воззванием Всемирного Совета Мира. Собрано 5680 тыс. подписей.

Май Провокации лисынмановской армии и отрядов полиции Южной Кореи против КНДР в районе 38-й параллели.

12 мая Введение чрезвычайного положения на всей территории Южной Кореи в связи с подготовкой к выборам в «национальное собрание».

30 мая «Выборы» в «национальное собрание» Южной Кореи.

7 июня Расширенный пленум ЦК ЕДОФ. Предложение ЦК ЕДОФ о мирном объединении Кореи путем проведения всеобщих выборов и создания единого верховного законодательного органа власти. Обстрел делегации ЕДОФ, прибывшей в Южную Корею.

19 июня Предложение Президиума Верховного Народного Собрания КНДР и ЦК ЕДОФ «национальному собранию» Южной Кореи осуществить мирное объединение страны путем слияния Верховного Народного Собрания и «национального собрания» в единый всекорейский законодательный орган.

Сессия «национального собрания» Южной Кореи, на которой Ли Сын Ман выступил с призывом к войне против «Коммунистического Севера».

Заявление Даллеса в «национальном собрании» Южной Кореи о готовности США оказать всю необходимую и моральную и материальную поддержку Южной Корее в ее «борьбе против коммунизма».

25 июня Вероломное нападение армии «национальной обороны» Южной Кореи на КНДР.

Начало Отечественной освободительной войны корейского народа.

Правительство КНДР потребовало от южнокорейского правительства немедленного прекращения начатых последним военных действий.

26 июня Обращение Ким Ир Сена по радио к корейскому народу.

Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР об образовании Военного комитета — высшего органа государственного управления в период войны — во главе с Ким Ир Сеном.

Начало военных действий американской авиации против КНДР.

27 июня Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР о введении военного положения в северной части Республики.

Приказ президента США Трумэна авиационным и морским

силам США «обеспечить прикрытие и поддержку войскам южнокорейских властей». Начало открытой вооруженной интервенции американских империалистов в Корее.

Приказ президента США Трумэна об оккупации американскими вооруженными силами Тайваня.

Принятие Советом Безопасности ООН под давлением делегации США и в отсутствие делегатов СССР и КНР незаконного решения, оправдывающего вооруженную агрессию американских войск в Корее.

28 июня Освобождение Сеула Корейской Народной армией.

Протест министра иностранных дел КНР Чжоу Энь-лая против вооруженной агрессии американских войск в Корее.

Широкое повсеместное движение протеста миролюбивых народов против вооруженной агрессии американских империалистов в Корее.

30 июня Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР об объявлении мобилизации на всей территории Северной Кореи.

1 июля Освобождение Корейской Народной армией южной части провинции Канвондо.

4 июля Назначение Президиумом Верховного Народного Собрания КНДР Ким Ир Сена Верховным главнокомандующим.

Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР о проведении демократической земельной реформы в Южной Корее.

Заявление Советского правительства «Об американской вооруженной агрессии в Корее».

Заявление правительства США об установлении блокады всего морского побережья Кореи.

6 июля Принятие Советом Безопасности под давлением США незаконного решения о предоставлении вооруженных сил и другой помощи «в распоряжение объединенного командования под руководством Соединенных Штатов» для войны в Корее.

8 июля Обращение Ким Ир Сена по радио к корейскому народу с призывом бороться за полное изгнание американских агрессоров.

14 июля Создание комиссии ЦК ЕДОФ по расследованию преступлений лисынмановцев и американских интервентов и определению ущерба, нанесенного КНДР.

15 июля Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР о проведении выборов в уездные, волостные, сельские (поселковые) народные комитеты освобожденных районов южной части республики.

Ответ И. В. Сталина на обращение премьер-министра Индии Дж. Неру по вопросу о мирном урегулировании корейского конфликта.

20 июля Освобождение Корейской Народной армией города Тэчжон.

23 июля Освобождение Корейской Народной армией города Кваичжу.

25 июля Открытое письмо писателей, деятелей искусств и ученых КНДР генеральному секретарю ООН с решительным протестом против американской вооруженной интервенции в Корее.

29 июля Прибытие в Пхеньян делегации венгерских медицинских работников.

31 июля Освобождение Корейской Народной армией города Чинчжу.

1 августа Освобождение Корейской Народной армией города Йондон.

2 августа Освобождение Корейской Народной армией города Кымчхон (провинция Кёсан-пукто).

19 августа Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР о введении в действие в южной части республики закона о труде рабочих и служащих.

Корейская Народная армия освободила свыше 90% территории и 92% населения Южной Кореи.

27 августа Решительный протест правительства КНР правительству США против вторжения американских самолетов в китайское воздушное пространство.

7 сентября Освобождение Корейской Народной армией Йончхона (провинция Кёнсан-пукто).

15—16 сентября Высадка американских войск в районе Инчхона.

1 октября Заявление министра иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лая об агрессии американских империалистов в Корее.

2 октября Обращение Ким Ир Сена по радио ко всему корейскому народу с призывом о мобилизации всех сил на разгром врага.

Вторжение лисынмановских и американских войск на территорию севернее 38-й параллели.

7 октября Принятие 5-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, предоставляющей США и их союзникам «право» оккупировать всю Корею.

23 октября Вступление американских войск в Пхеньян.

25 октября Вступление частей китайских народных добровольцев в освободительную войну корейского народа против интервентов.

10 ноября Решение Кабинета министров КНДР об оказании помощи населению, пострадавшему от бомбардировок американской авиации.

6 декабря Освобождение Пхеньяна Корейской Народной армией и частями китайских народных добровольцев.

8 декабря Освобождение города Нампхо частями Корейской Народной армии.

12 декабря Постановление Кабинета министров КНДР о стабилизации жизненного уровня народных масс в освобожденных районах.

21—23 декабря Пленум ЦК Трудовой партии Кореи, рассмотревший вопрос об улучшении идейно-организационной работы, укреплении связей партии с массами, упрочении единого фронта.

1951 год

4 января — Вторичное освобождение Сеула частями Корейской Народной армии и китайских народных добровольцев.

13 января — Постановление Кабинета министров КНДР об учреждении школ-интернатов для детей погибших военнослужащих Корейской Народной армии, партизан и патриотов, павших в освободительной войне.

25 января — Постановление Кабинета министров КНДР о проведении мероприятий по стабилизации жизненного уровня народных масс.

1 февраля — Принятие Генеральной Ассамблеей ООН под давлением США резолюции, лживо обвинявшей Китайскую Народную Республику в «агрессии».

22 марта — Постановление Кабинета министров КНДР об увеличении товарооборота и увеличении выпуска продукции в целях стабилизации жизненного уровня народных масс.

30 марта — Постановление Кабинета министров КНДР о плане восстановления и развития народного хозяйства на 1951 г.

13 апреля — Постановление Кабинета министров КНДР об увеличении производства сельскохозяйственной продукции, развертывании движения за увеличение производства сельскохозяйственной продукции под лозунгом «Все для победы!»

16 мая — Прибытие в город Синыйчжу комиссии Международной демократической федерации женщин.

18 мая — Принятие Генеральной Ассамблеей ООН решения об эмбарго на торговлю с КНР и КНДР.

23 июня — Предложение советского представителя в ООН Я. А. Малика начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня в Корее.

10 июля — Начало переговоров в Кэсоне о временном прекращении огня в Корее.

Август — Так называемое летнее наступление американо-лисынмановских агрессоров.

Сентябрь — Так называемое большое осеннее наступление американо-лисынмановских войск.

1952 год

Январь — 6-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Срыв американской делегацией обсуждения вопроса о положении в Корее. Отклонение предложения Советского Союза о немедленном прекращении войны в Корее, заключении перемирия и выводе из Кореи всех иностранных войск.

Февраль — Массовые убийства военнопленных Корейской Народной армии и китайских народных добровольцев на острове Кочжедо.

3 марта — Стачка портовых рабочих города Инчхона.

Март — Забастовки рабочих текстильных предприятий Пусана, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями с полицией.

4 марта — Прибытие в Корею делегации Международного союза юристов.

Март — Забастовка рабочих военно-морской базы США в городе Чинхэ (провинция Кёнсан-намдо).

Апрель — Забастовки рабочих соляных промыслов в г. Чуане (провинция Кёнгидо) и шахтеров Йонвольских копей.

Повсеместные выступления южнокорейских крестьян против режима Ли Сын Мана в поддержку требования рабочих за прекращение войны под лозунгом «Мира, свободы и риса!»

Июль — Народные восстания на островах Чечжудо и Кочжедо, в провинции Кёнсан-намдо, Чолла-пукто и Чолла-намдо.

29 июля — 30-тысячная забастовка рабочих Пусана в знак протеста против «президентских выборов».

5 августа — «Президентские выборы» в Южной Корее.

30 августа — Постановления Кабинета министров КНДР об увеличении норм снабжения продовольственными товарами семей рабочих и служащих, об освобождении от государственных поставок зерновыми и о натуральном сельскохозяйственном налоге.

8 сентября — Второй Всекорейский съезд сторонников мира в Пхеньяне.

1 декабря — Основание Академии наук КНДР.

15—18 декабря — V пленум ЦК ТПК, обсудивший вопросы об организационном и идеологическом укреплении партии и разоблачении антипартийной группировки, возглавляемой Пак Хен Еном и Ли Сын Обом.

1953 год

27 июля — Подписание в Паньмыньчжоне соглашения о прекращении огня в Корее.

Приказ Верховного главнокомандующего Корейской Народной армии Ким Ир Сена о прекращении огня.

Обращение Ким Ир Сена по радио к корейскому народу в связи с подписанием соглашения о прекращении огня в Корее.

5—9 августа — Пленум ЦК ТПК, определивший основное направление в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР.

8 сентября — Постановление Кабинета министров КНДР о расширении органов народного образования и основании общественно-экономического института в Кэсоне.

2—18 сентября — Переговоры между Советским правительством и правительственной делегацией КНДР в Москве по вопросам дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между СССР и КНДР, мирного урегулирования корейского вопроса и экономической помощи КНДР со стороны СССР.

6 октября — Подписание соглашения между ГДР и КНДР о расширении товарооборота на 1954—1956 гг.

Договор о предоставлении Румынской Народной Республикой экономической и технической помощи в восстановлении народного хозяйства КНДР на 1953—1957 гг.

3 ноября Подписание соглашения о предоставлении Народной Республикой Болгарией экономической и технической помощи КНДР.

11 ноября Заключение экономического соглашения между Польской Народной Республикой и КНДР на 1954—1956 гг.

18—19 ноября Пленум ЦК Трудовой партии Кореи.

23 ноября Подписание соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между КНР и КНДР.

1954 год

10 января Заявления министра иностранных дел КНДР Нам Ира и премьера Государственного административного совета, министра иностранных дел КНР Чжоу Энь-лая относительно немедленного возобновления переговоров о созыве политической конференции по Корее.

2 мая Открытие Женевского совещания министров иностранных дел.

3 сентября Вывод из Кореи семи дивизий китайских народных добровольцев.

28 октября Обращение восьмой сессии Верховного Народного Собрания КНДР к населению, «национальному собранию», политическим партиям и общественным организациям Южной Кореи с предложением обсудить вопрос о мирном объединении Кореи.

30 октября Указ Президиума Верховного Народного Собрания КНДР о внесении поправок и дополнений в Конституцию КНДР (в главу «Местные органы власти»).

1—3 ноября Пленум ЦК ТПК, определивший основное направление политики ТПК в области массового кооперирования сельского хозяйства.

22 ноября Съезд Всекорейского национального комитета в защиту мира и образование Корейского подготовительного комитета Конференции стран Азии за смягчение международной напряженности.

8 декабря Постановление Кабинета министров КНДР о плане восстановления и развития народного хозяйства КНДР на 1955 г.

21 декабря Подписание соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве на 1954—1960 гг. между КНДР и Чехословацкой Республикой.

1955 год

27 января Подписание соглашения о научном и техническом сотрудничестве между КНДР и ГДР.

1 марта Обращение девятой сессии Верховного Народного Собрания КНДР к «национальному собранию» Южной Кореи с предложением обменяться парламентскими делегациями.

30 мая Совещание бывших офицеров и солдат южнокорейской армии, перешедших на сторону КНДР.

25 июня Соглашение о культурном сотрудничестве между КНДР и Народной Республикой Болгарией.

11—12 июля Всекорейское совещание по народному образованию, рассмотревшее вопросы о проведении всеобщего обязательного начального обучения и очередных задачах работников народного образования Республики.

1 августа Снижение цен на 335 видов товаров согласно постановлению Кабинета министров КНДР от 20 июля.

Октябрь Вывод из Кореи шести дивизий китайских народных добровольцев.

21 октября Японо-корейское коммюнике о переговорах между парламентской делегацией Японии и правительством КНДР.

31 октября Телеграмма Министерства иностранных дел КНДР председателю X сессии Генеральной Ассамблеи ООН и генеральному секретарю ООН с просьбой предоставить возможность представителям правительства КНДР принять участие в обсуждении корейского вопроса на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

8 ноября Заявление правительства КНДР о готовности предоставить часть избыточной электроэнергии населению Южной Кореи.

16 ноября Заявление Министерства иностранных дел КНДР в связи с обсуждением корейского вопроса в ООН.

1956 год

23—29 апреля III съезд ТПК, принявший устав партии и декларацию «За мирное объединение родины».

Май Массовые антилисынмановские, антиимпериалистические демонстрации в Сеуле и Пусане в связи с президентскими «выборами» в Южной Корее.

15 мая Президентские «выборы» в Южной Корее.

11 мая Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между КНДР и Польской Народной Республикой.

12 мая Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между КНДР и Румынской Народной Республикой.

14 мая Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между КНДР и МНР.

30 мая Подписание соглашения о культурном сотрудничестве на 1956 г. между КНДР и КНР.

31 мая Создание Корейского комитета солидарности стран Азии.

Заявление правительства КНДР о сокращении вооруженных сил КНДР до 30 августа на 80 тыс. человек и о соответствующем сокращении вооружения и боевой техники.

Заключение соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между КНДР и ГДР.

Заключение соглашения о предоставлении экономической помощи КНДР Народной Республикой Болгарией в 1956—1957 гг.

1 июля Заключение соглашения о культурном и научно-техническом сотрудничестве КНДР с Народной Республикой Албанией.

12 июля Телеграмма Общества Красного Креста КНДР на имя президента Общества Красного Креста Южной Кореи о готовности послать продукты питания, одежду, предметы домашнего обихода, медикаменты для населения Южной Кореи, пострадавшего от наводнения.

24 августа Предложение Министерства здравоохранения КНДР министерству социального обеспечения и здравоохранения южнокорейского правительства заключить соглашение об обмене

информацией по вопросам борьбы с эпидемическими заболеваниями.

5 сентября Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между Советским Союзом и КНДР.

Постановление Кабинета министров КНДР о снижении розничных цен на товары местной промышленности в среднем на 15—20%.

6 октября Создание комитета по изучению и реформе корейской письменности при Институте языка и литературы АН КНДР.

7 ноября Принятие Верховным Народным Собранием КНДР закона о снижении возрастного избирательного ценза до 18 лет.

20 ноября Выборы в сельские и поселковые народные собрания КНДР.

23 ноября Подписание соглашения о научно-техническом сотрудничестве между КНДР и Народной Республикой Болгарией.

27 ноября Выборы в провинциальные, городские и уездные народные собрания КНДР.

28 ноября Подписание договора «О дружбе, торговле и мореплавании» между США и Южной Кореей.

11—13 декабря Пленум ЦК ТПК, обсудивший народнохозяйственный план на 1957 г.

1957 год

24 января Подписание протокола об оказании Китайской Народной Республикой материальной помощи КНДР в 1957 г.

7 мая Постановление Кабинета министров КНДР о безвозмездном предоставлении 100 тыс. сок риса в фонд помощи голодающим крестьянам Южной Кореи.

15 мая Подписание торгового соглашения между КНДР и Индонезией.

26 июня Заявление правительства КНДР об ответственности правительства США за игнорирование Соглашения о перемирии и ввоз в Южную Корею новых видов оружия.

1 июля Телеграмма ЦК Объединенных профсоюзов Кореи генеральному секретарю ООН о немедленном всеобщем сокращении вооружений и прекращении производства термоядерного оружия и его испытаний.

22 июля Подписание в Пхеньяне торгового соглашения между Корейской импортной конторой пищевых продуктов и фирмой «Ламет» (Англия).

9 августа Телеграмма председателя Общества Красного Креста КНДР на имя президента Общества Красного Креста Южной Кореи о готовности послать пострадавшим от стихийных бедствий продовольствие и материалы на сумму 20 млн. вон в валюте КНДР.

27 августа Выборы в Верховное Народное Собрание КНДР.

7 сентября Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между КНДР и Японией.

24—29 сентября Подписание торгового соглашения о товарообмене и платежах на 1958—1960 гг. между КНДР и Народной Республикой Болгарией.

2 октября Подписание торгового соглашения между КНДР и Бирмой.

9 октября Заявление министра иностранных дел КНДР о выводе американских войск, созыве международного совещания с широким участием заинтересованных стран для ускорения мирного разрешения корейского вопроса.

5—7 декабря Расширенный пленум ЦК ТПК, принявший решение о полной поддержке «Декларации» и «Манифеста», принятых на совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий, происходивших в ноябре 1957 г. в Москве.

18—19 декабря II съезд ЕДОФ.

30 декабря Экстренное совещание Консультативного совета содействия мирному объединению Кореи, состоящего из бывших политических деятелей Южной Кореи.

31 декабря Постановление Кабинета министров КНДР «О повышении заработной платы рабочих, специалистов и служащих».

Подписание договора о научно-техническом сотрудничестве между КНДР и КНР.

1958 год

20 января Подписание соглашения о культурном сотрудничестве между КНДР и Сирийской Республикой.

5 февраля Заявление правительства КНДР о мирном объединении Кореи.

3—6 марта Первая конференция ТПК, обсудившая вопросы о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНДР (на 1957—1961 гг.).

2 мая Фальсифицированные выборы в «национальное собрание» Южной Кореи.

15 мая Подписание протокола о взаимных поставках на 1959—1965 гг. между КНДР и СССР.

5—7 июня Пленум ЦК ТПК, обсудивший вопросы об улучшении и развитии пищевой промышленности и производства товаров широкого потребления, об улучшении работы и укреплении внутренней и внешней торговли.

28 июля Подписание соглашения между торговыми организациями КНДР и ФРГ.

15 августа Завершение второго этапа вывода из Кореи частей китайских народных добровольцев. (Эвакуация шести дивизий и специализированных частей общей численностью 100 тыс. человек.)

21 августа Постановление Кабинета министров КНДР «Об оказании помощи безработным и беспризорным сиротам южной части Республики».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Краткий очерк истории Кореи после второй мировой войны	5
Глава II. Реакционный лисынмановский режим	37
Глава III. Милитаризация Южной Кореи	53
Глава IV. Установление контроля американского капитала над экономикой Южной Кореи	65
Глава V. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи	96
Глава VI. Аграрная политика южнокорейского правительства и состояние сельского хозяйства	141
Глава VII. Контроль США в области финансов и торговли Южной Кореи	172
Глава VIII. Идеологическая экспансия американского империализма и состояние культуры в Южной Корее	184
Глава IX. Освободительное демократическое движение в Южной Корее	206
Хроника важнейших событий в Корее в 1945—1958 гг.	253

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

(1945–1958 гг)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редакторы издательства *Т. М. Ангора* и *К. А. Гамазков*
Художник *Б. Л. Рытман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Г. А. Невелева* и *Е. Б. Полякова*

Сдано в набор 26/V 1959 г. Подписано к печати 8/XII 1959 г. Т-13517 Формат 60×92¹/₁₆
Печ. л. 17+1 вкл. 0,125 п. л. Усл. п. л. 17,125 Уч.-изд. л. 19,28 Тираж 1500 экз
Зак. 1370 Цена 13 руб

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2.
Типография Издательства восточной литературы. Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

	Строка	Напечатано	Следует читать
passim		Чхонундан	Чхонудан
85	2 сн.	survev	survey
195	13 сн.	«Кёуль киресо»	«Кёыль киресо»
209	16 св.	Чолланамдо	Чолла-намдо
230	9 сн.	Одсана	Одэсана

За к. 2561